

HEBA

9·2024

НЕВА

9
2024

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Дмитрий БИРМАН
Стихи • 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Кира ГРОЗНАЯ
Роудлента. Роман • 9

Емилиан ЛАШИН
Стихи • 128

Андрей МАКАРОВ
Намасте. Тише, тише... Рассказы из цикла
«Золотая чешуя» • 132

Максим ВАЛЮХ
Стихи • 139

ГОД СЕМЬИ

Вячеслав УСОВ
Семь путей по бездорожью. Семейная хроника • 143

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей МАШЕВСКИЙ
Так кончилась ли история? • 204

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Константин ФРУМКИН
Пространство — время — смерть:
Метафизика Иосифа Бродского • 211

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. К 50-летию Бориса Рыжего.
Дмитрий Колесников. Живые стихи Бориса Рыжего.

Книжный остров. Публикация *Е. Зиновьевой* • 228

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Харбин — «русский Китеж». Часть 16 • 239

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

ОБ АВТОРЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я родился в 1961 году.

Город Горький, а именно в нем мне посчастливилось появиться на свет, был «закрытым». Большое количество предприятий, работающих на оборону СССР, не давали возможность заграничным туристам посетить наш райский уголок на слиянии Волги и Оки.

Как следствие, полки в наших магазинах были пустыми, а мы росли патриотами.

Обуреваемый жаждой строительства светлого нового общества, я поступил в Горьковский инженерно-строительный институт, окончив который пошел уверенной походкой строителя коммунизма работать мастером в строительном-монтажном управлении № 7.

Тут-то я и споткнулся первый раз.

Именно там, в холодной прорабской, солнечным январским днем я начал писать стихи.

Да, было стыдно. Да, никому не показывал. Прятал измятые листочки в карманы одежды, а мама, перед тем как ее стирать, складывала их в папочку.

Из этой папочки и родилась в 2000 году первая книга стихов.

Кстати, мама долго не верила, что из меня получится литератор, а папа, отсидевший десять лет в ГУЛАГе, верил — он видел и не в такие чудеса.

Между тем надо было кормить семью (стихами, увы, сыт не будешь), и я снова пошел уверенной походкой, теперь уже по дороге строителей капитализма.

Этот извилистый, тернистый путь и завел меня на пятнадцать лет в депутаты Городской думы Нижнего Новгорода и довел до должности заместителя главы города.

Тут я споткнулся второй раз. Окружение давало такое количество литературного материала, что я не смог сдержаться и начал писать прозу.

Это занятие так увлекло меня, что увело из Городской думы в свободное плавание, в котором я и пребываю по сей день.

* * *

По майскому небу
летит гражданин
в сером пальто.
Казалось бы,
нет особых причин,
и не летает никто.

Казалось бы,
правильно — быть внизу,
где по свежей
майской траве
граждан в серых пальто везут
навстречу счастливой судьбе.

А он летит себе
в облаках,
шляпа еще набекрень!
То ли сам дурак,
то ли в дураках
останется этот день...

* * *

По божьей, похоже, милости,
а может, усмешке дьявола
ко мне ты спустилась, милая,
в момент совершенно адовый.

Пока в облаках сиреневых
закат, догорая, мучился,
я думал — пришло прозрение,
все точно теперь получится!

Сжимались сосуды в ниточку,
в виски било сердце молотом,
и я за твою улыбочку
отдал бы любое золото.

Мне пела песню охрипшую
судьба под шарманку нищего,
и карты сдавала, подпившая,
мне жизнь на бумагу писчую.

Я видел — карты крапленые,
но шел ва-банк опрометчиво,
а что нам, когда мы влюбленные,
терять-то особо нечего!

Терять-то лишь небо полынное,
да пух одуванчика белого,
да размышленья постылое:
было ли что-то,
не было...

* * *

Мимолетная встреча. Дрожание рук
и перекрестье взглядов.
Нам еще далеко до разлук,
до измен и разладов.

До холодной и тягостной мглы
равнодушия и безразличья,

далеко до сумы, и тюрьмы,
и до маски двуличья.

Мимолетная встреча, она
словно море,
и горячая страсти волна
нас накроет...

* * *

И снова танго, объятья
и поцелуи в ночи,
и снова снимаешь ты платье
под яркое пламя свечи.

Мы снова танцуем неспешно,
тебя я веду,
и ты отвечаешь, конечно...
Благодарю я судьбу!

За наше танго нежное,
за блеск твоих чудных глаз,
за время безмятежное,
что Бог нам надолго даст.

* * *

Я целую тебя спящую,
и далекую, и близкую,
недоступную, манящую,
а вокруг желания искорки.

Я целую тебя с нежностью,
ты тихонько отзываешься,
сонно-томно-неокрепшая,
улыбаясь, раскрываешься.

Всю целую тебя ласково,
проникая в потаенное,
и плывем как будто в сказке мы,
все от страсти раскаленные...

* * *

Любовная бессонница,
под утро зыбкий сон,
томление в груди
и шелк чуть влажной кожи,

пластинка все звучит,
и старый патефон
все крутит черный диск,
вдруг становясь моложе.

А были времена,
под томный саксофон
сплетались в темноте
тела самозабвенно,
и дым от сигарет,
и долгий сладкий стон,
и тихий шелест звезд
отзывчивой Вселенной.

Иные времена настали,
но вчера
достали патефон
и старые пластинки,
и музыка лилась до самого утра,
то звучный саксофон,
то плач волшебной скрипки.

И рядом снова стон,
и вновь сплелись тела,
и тени, как тогда,
на потолке сливались,
а за окном одна
забытая луна,
а в комнате любовь
на белом покрывале.

* * *

Танцуй со мной до конца любви,
на крыше и в море.
Ко мне по волнам не бойся, беги
и в счастье, и в горе.

По небу рассыпали жемчуг звезд,
и в раме оконной
Созвездие Девы
мне ангел принес,
увы, незаконно...

Неверьем в судьбу
судьбу не гневи
и Бога, конечно!
Танцуй со мной до конца любви,
Практически бесконечно!

* * *

Разница во времени
не фатальна,
разницы в возрасте
просто нет,
пока мы двигаемся
горизонтально,
вдали от проигрышей
и побед.
Пока разговариваем
тихо,
пока в ладонях
изгибы тела,
вся мировая
неразбериха
по фиг!
Нам до нее
нет дела!
Все морозы
и снегопады
не напугают
горячие души.
Часто вопрос
задавать не надо,
ответ уже
прошептали в уши.
Дни затянулись,
но ненадолго,
время тащится,
но так, налегке...
А впереди —
просто дорога,
и твоя рука
в моей руке.

* * *

Во всем, что казалось бессмысленным,
есть скрытый, загадочный смысл.
Шуршащими крыльями-листьями
по осени парусник плыл.

Над черно-зеркальными лужами,
под небом свинцовым,
и по
воздушному легкому кружеву,

и по
разноцветным пальто.

Раздув паруса свои белые
под взглядами странных людей,
летела вперед каравелла,
и
все птицы летели за ней.

И в осени этой таинственной,
с плывущим по ней кораблем,
для встречи с той самой, единственной,
наверно, на свете живем.

* * *

Как быстро закончилось лето,
как быстро проносится жизнь...
Жаль, нет проездного билета.
Не крикнет никто: «Пристегнись!»

В полночный гипноз полнолуныя
вползает гадюка-беда,
туда, где незлая колдунья
тебе ворожила всегда.

Теперь, как завязая лгунья,
прикрыв ядовитый укус,
в беспамятстве шепчет колдунья:
«Судьбу намотай ты на ус!»

Клубок неудачи намотан,
размотан удачи клубок.
Обычная, в общем,
забота —
когда ты хотел, но не смог.

И, дамой довольно капризной,
судьба в закоулки ведет.
Там правят налетчики тризну
и быстро возьмут в оборот,
хотя ты не верил в приметы
и долго мечтал пировать...

Так быстро закончилось лето,
что осень бы не прозевать.

РОУДЛЕНТА

Роман

1. АВАРИЯ

Loser

Ночью завывали автомобильные сигнализации. Взревели хором, пронзительно и жутко. Дом в одночасье проснулся. Щелкали замки, хлопали двери, гудели лифты, плавно подходившие к лестничным площадкам. Люди, встревоженно переговариваясь, втискивались в кабины; если те спускались сверху уже переполненными, жильцы не ждали, отправлялись пешком, грохотали вниз по лестницам до цокольного этажа, к лифтам гаражным, более вместительным, работавшим на подземный спуск.

Раскинувшись в мертвенном величии северной белой ночи, Полис безмолствовал. Его небоскребы выглядывали из густого тумана мачтами затопленных кораблей. Близился рассвет, утро спешило в город, изнуренный многодневными ливнями.

Все еще спали, и только дом номер сто сорок восемь, стоящий в ряду других высоток на Гаражнокомплексной улице мегарайона А, напоминал огромный зудящий, копошащийся муравейник, в который воткнули соломинку.

Инга Косоротова проснулась, села на диване, нащупывая очки. Олег натягивал джинсы. В соседней комнате кукулся разбуженный маленький сын, а умница дочка его увещевала: «Ну, что ты расхныкался? Все хорошо. Это просто машинки, их дождик разбудил...»

Как им повезло с дочуркой! Алиса — добрая и одаренная девочка. Она наверняка с легкостью сдаст экзамены в автошколе и поступит в Автоакадемию. Весной Олег сделает взнос за Алискины подготовительные курсы; к моменту поступления дочка будет уже первоклассным водителем.

— Дождались, — крикнул Олег уже из прихожей. — Все затопило!

— Думаешь, наши парковки затоплены? — переспросила Инга.

Кира Грозная — петербургский поэт и прозаик, журналист, редактор. Родилась в 1975 году в Майкопе. Окончила РГПУ им. А. И. Герцена, специальность — «практический психолог». Кандидат психологических наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор шести изданных книг. Стихи и проза публиковались в журналах «Юность», «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Зинзивер» и других, в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Шинель» (2018) и премии Правительства Санкт-Петербурга в области журналистики в номинации «Лучшие публикации в городских печатных СМИ» (2019). Финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» в номинации «Лучшая проза» (2020) и Всероссийской литературной премии им. А. И. Левитова в номинации «Проза. Мастера» (2022). Заняла первое место в номинации «Поэзия» на фестивале авторской песни «Покровский сбор» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

— Слышишь сирены? — судя по звуку (мягкий стук каучуковой подошвы о плитку пола), муж надевал кроссовки.

Она сидела в растерянности, покачиваясь, обхватив плечи руками: маленькая, взъерошенная, похожая на птичку.

— Наверное, страховая уже приехала...

— Наша страховая за копейку удавится! Я тебе говорил: не оформляй через «Автопомощь»? Говорил или нет?

— Если помнишь, — голос сорвался, и она откашлялась, — компании «Автонадежда» и «Автоспасение» нам отказали...

— Ладно, извини, — буркнул с порога. — Все, я побежал!

Хлопнула дверь.

От резкого звука Инга вздрогнула. Что же она сидит? Нужно тоже бежать к парковкам. Муж в одиночку не выведет две машины.

Она вскочила, сбросила ночнушку, быстро напялила футболку и лосины и прошла в детскую.

Дочка в розовой пижаме с аппликацией панды сидела на ковре у Ванюшиной кровати.

— Алиса, почитай Ванечке и дай ему теплого сока, — велела Инга.

Алиса взглянула вопросительно-растерянно. Поняла, кивнула и тут же раскрыла большую надувную книжку с пузатым автомобилем на обложке:

— А кто тут хороший мальчик? Кому почитать про похождения Автоежки и Колесунчика?

Ваня в ответ залепетал и радостно забулькал.

Набросив на плечи легкое пальто, Инга вышла на площадку.

Урчали лифты, перемещая жильцов к подземным парковкам. Лифт, в который села Инга, был загружен под завязку. Она была последней, восьмой пассажиркой. Знакомых не встретила; впрочем, соседей по подъезду столько, что и за целую жизнь не запомнишь.

Зеленая надпись: «*Все на выборы!*» то всплывала, то гасла на интерактивном информационном стенде лифта.

Прижатая со всех сторон к чужим людям, Инга слушала разговоры жильцов. Все взволнованно обсуждали случившееся.

— Я был соавтором петиции о строительстве выносной парковки-многоэтажки! Если бы все жильцы подписали, сейчас бы...

— Ну, подписали бы — что толку? Нашу придомовую территорию никто перепланировать не станет.

— Нет де-енег, нет де-енег... — передразнил кто-то, отлично сымитировав гнусавый тенор градоначальника.

Раздавшийся смех чуть снизил напряженность.

— Противовивневые системы никуда не годятся. Черт бы подрал этого Алтурмесова!

— Позвольте, он ведь первый трубит на каждом канале, что из бюджета выделяется недостаточно средств для переоборудования канализации и противовивневых систем! На него-то как раз вся надежда.

Дальнейшую дискуссию соседей Инга слушала вполуха. Когда приходит беда, уже не до политики.

Скоростной лифт быстро спускался вниз: переполненный на тридцать девятом, он больше не останавливался на других этажах. На цокольном этаже Инга пересела в просторный гаражный лифт; тот двигался куда медленнее, словно с неохотой уходил в промозглую сырость подземелья.

Запах сырости чувствовался уже в лифте. Люди переглядывались.

В подземном секторе все выходили один за другим. Парковочные секции Косоротовых находились на «минус четвертом». Не самое худшее (как и не самое дешевое) место — есть еще парковки на «минус пятом» и «минус шестом» этажах. Но и не люкс. Не с косороотовским счастьем — парковаться в верхних отсеках...

Тут выяснилось, что на «минус четвертый» этаж нет доступа: он затоплен. Лифт протяжно загудел и встал на «минус третьем». Красная кнопка «Опасность!» замигала на световом табло.

Инга и все, кто был в лифте, вышли. Жители, парковавшиеся на «минус третьем» этаже, поспешили осматривать свои машины. Она присоединилась к толпе на площадке. Там собрались владельцы парковок класса «Б» и «С»: «минус четвертый» и ниже. Там же торчал ее высокий, худой муж.

— ...Страховая компания рассмотрит ваши заявления в ближайшее время, — басовито гудел толстяк в желтой униформе сотрудника фирмы «Автопомощь». — Мы быстро примем необходимые меры...

— Черта с два вы их примете быстро! — рявкнула полная тетка лет пятидесяти. — В прошлый раз девять месяцев нас мурыжили, пока не выплатили — стыдно сказать сколько!

— Суммы страховых выплат рассчитываются по формуле, включающей в себя изношенность транспортного средства, доходы владельца, отсутствие у него действующих административных взысканий, — заученно забубнил толстяк, моргая глазками.

— Лучше рассчитай по формуле, во что тебе выйдет вставить новые зубы, — выступил вперед низкорослый субъект с лицом, обтянутым желтоватой кожей, по виду — работник сферы вредного производства.

Толпа зашумела, качнулась в направлении страхового комиссара. Тот попятился, достал из кармана экосалфетку и вытер мокрый лоб.

В этот момент подошел лифт, и из него вышли представители двух других страховых компаний (синий и лиловый жилеты). К прибывшим тут же потянулись их клиенты — обладатели парковок на «минус третьем» этаже. Они разом загалдели: машины многих на ходу, но чтобы эвакуировать их наверх, следует откачать воду — на выезде образовался целый водоем... У кого-то машины затоплены до порошков — пострадали подрамник и ходовая часть, зато не залило двигатель...

— Нам бы их проблемы, — шепнул жене Олег.

На площадке образовался затор.

Толстяк в желтом, воспользовавшись суматохой, вскочил в лифт и слинял.

— Везет же нам, — проговорил Олег, обернувшись к Инге. — Нижняя парковка, отстойная страховая фирма...

Им всегда так «везло». Они с мужем были, что называется, «люди маленькие». Олег работал рядовым клерком в сфере шпионажа. Он не имел даже нулевой формы допуска. Инга обучала коучей низшего звена находить первых заказчиков. Машины у обоих — малолитражки, парковка — «минусовая», квартира — окнами на Роудленту...

Станет ли серьезный страхователь возиться с такими клиентами? Конечно, нет. Только «Автопитер» соглашается оказывать услуги неудачникам, норовя при этом обчитать их и обидеть.

— Ладно, — Инга вздохнула, — не переживай. Выплатят, никуда не денутся. Понадобится, подадим на них в суд. Ну, а если ничего не получится, за свой счет купим новые машины.

— Конечно, купим. Только тогда на Алискины подготовительные курсы денег уже не останется.

— Что делать... Будет тянуть на бюджетные. Недотепы мы с тобой. Неудачники. Лузеры...

— Это ведь старик Кулагин... твой отец меня так обозвал, — вздохнув, отозвался Олег. — Помнишь? «Лузер ты, чучело»...

Олег помрачнел и сник. Он, казалось, сделался ниже ростом. Инга почувствовала себя виноватой: это ведь она расстроила мужа, напомнив ему и о статусе, и о «везении». Правда, тестя он упомянул сам.

Инга представила отца: красивого, вальяжного, уверенного в себе. Вспомнила, как он жирным голосом читал нотации дочери и недотепа зятю. Отец много лет проработал в Департаменте импортозамещения. Позднее, когда департамент ликвидировали в связи с многолетним отсутствием импорта и производственной «фишкой» стал международный промышленный шпионаж, отца перевели на Автозавод. Там он сделал карьеру: стал заместителем самого генерального директора, Федора Андреевича Кобринина.

Инга в детстве видела этого, страшно сказать, Кобринина в гостях у родителей, в их просторной квартире. «Легенда отечественного автопрома» уже тогда был мордаст и сед. Отец же, в противовес гендиру, выглядел моложавым и спортивным. На всех презентациях и банкетах его окружали красивые практикантки.

Инге исполнилось тринадцать, когда Кулагин ушел из семьи. Он развелся с Ингиной мамой и женился на двадцатилетней кукле, работавшей моделью в презентационном автосалоне. Новая папина жена демонстрировала автомобили класса «А». Каждому, кто видел рекламный ролик с нею, игриво распростертой на капоте спортивной красной «тринити», был понятен послыл: купи такую машину — получишь в придачу такую красотку.

Почти сразу «молодая семья» произвела на свет еще одну куклу — нахальную девчонку Аньку. Сначала — девочка-вундеркинд, круглая отличница, королева выпускного бала. Затем — талантливая изобретательница, виртуозная шпионка...

Отец самодовольно говорил про Аню: «Вся в меня!» — хотя сам не был ни шпионом, ни изобретателем. Из него получился хороший хозяйственник, финансист. Он нюхом чуял любую опасность для фирмы: угрозу банкротства, ненадежных партнеров, финансовый риск. За это Кобрин и ценил отца, и платил ему огромную зарплату.

Инга втайне думала, что Анька унаследовала гены «куклы»: увести из семьи добropорядочного мужа и отца способна далеко не каждая, пусть даже очень красивая девушка. Для этого нужно быть хваткой, смелой и беспринципной.

Инга тоже пошла в свою мать — простую и добрую женщину. Она видела с детства, как мама обихаживала отца, создавая ему уют и комфорт, забыв о собственной научной работе и потребностях молодой женщины. И что мама получила? Маленькую квартирку с парковкой на «минус третьем» этаже и скромное ежемесячное пособие «за любовь и верность» (отцу еще хватило наглости пошутить)!

Отец требовал, чтобы «сестрички» общались друг с другом. Мать не поощряла, но и не препятствовала. Как могла она противостоять «старика Кулагину»? Да и кто бы мог... Кроме всемогущего Кобринина, которому отец подчинялся.

Инга минимум раз в неделю гуляла с «сестрой», и та росла у нее на глазах, хорошея и наглея год от года, но не становясь ни роднее, ни ближе.

Инга еще не представляла, какой неприятный сюрприз ее ждет. Она выросла, вышла замуж, родила дочь Алису... И первой Алискиной подругой, хранительницей ее ранних тайн, дарительницей дорогих волшебных подарков стала — кто же? — «любимая тетя»!

По мере взросления Алиска все больше и больше привязывалась к Аньке, а та ответно тянулась к племяннице. Теперь «сестрица» являлась к Инге домой уже без приглашения и без повода. Приносила Алиске подарки, обсуждала с ней мальчиков из автошколы, учила женским хитростям и ухищрениям...

Инга понимала, что, запретив Алиске общение со сводной тетей, она добьется обратной реакции. Да и с чего бы запрещать? Анька добросовестно исполняла роли сестры и тети. Была весела и приветлива, поздравляла с праздниками. А когда Алиска заболела и всецело потребовала Ингиного внимания, Анька предложила забрать Ванечку к себе. Будучи востребованной карьеристкой, она без колебаний оформила отпуск по семейным обстоятельствам, потеряв в деньгах, и на месяц стала образцовой няней для малыша.

Инга была благодарна за помощь. Она понимала, что Анька все делает искренне. Но пересилить себя не могла.

Да, она не любила сводную сестру. Не просто недолго любила — терпела с трудом. Не могла простить Ане маму и свой подростковый комплекс «дочки, которую заменили». Может, именно комплекс — причина того, что она неудачница? И ее нынешние раздолбаи ученики, и муж, мелкий клерк без перспектив роста, и парковка на «минус четвертом» — все оттуда?

Конечно, Аня перед нею ни в чем не виновата. И никто ни в чем не виноват. Просто так вышло.

Но раз никто не виноват, значит, нужно всем жить в мире. И дружба тетки с племянницей становилась все крепче и нежнее. Инга не препятствовала, Олег даже поощрял, а отец был просто рад.

Впрочем, тесть и зять сходились только в этом. Жестокий, бестактный Кулагин при каждом удобном случае норовил ткнуть Ингиного мужа в «больное»: посмеяться над промахом зятя, очень похоже и обидно изобразить, как Олег, ссутулившись, бредет к своей машине, с напускным сожалением пожурить за недостаточное служебное рвение. Еще бы: его младшая (любимая!) дочка, сотрудница Автозавода, получает крупные заказы от Института шпионажа, а муж старшей дочери в этом институте с отчетами ковыряется.

Олегу бы вовсе прекратить общение с тестем или, еще лучше, хоть разок поставить его на место. Да не тот характер у Олега...

Инга вздохнула, обняла мужа:

— Ладно, справимся. И Алиска справится. Вспомни, как мы с тобой сдавали водительские экзамены: без всякого репетитора, без подготовительных курсов. И ведь не пропали.

— Ага. Вспомни еще дремучую древность, когда были автошколы с двухмесячным обучением.

— Но люди жили как-то.

— Да, но что это была за жизнь? Сплошные аварии. Горе-водителей обучали, как газовать и тормозить, и после этого выпускали на дороги.

Ингу передернуло.

— Хорошо, что сейчас все иначе. Алиска будет учиться, сколько положено. Она у нас талантливая. В автошколе отличница — и в Автоакадемии будет лучшей.

Лицо Олега посветлело:

— Действительно... Наша Алиска! Она уж точно не лузерша...

— И, слава богу, не потенциальный паникер! Помнишь сводку, сколько зарегистрированных паникеров в этом году? Уже двадцать пять процентов. Четверть всех водителей реестра!

Олег промолчал. У него самого в последнее время случались на Роудленте эпизоды паники... Разумеется, жене об этом лучше не знать.

— Этот желтопузый взял наши данные? — спросила Инга.

— Да, успел — до того, как его начали бить, — Олег усмехнулся, очевидно вспоминая, как толпа прижала толстяка к стене. — Я все заполнил в приложении, как он продиктовал. Пойдем домой.

Олег обнял жену за плечи, и они медленно двинулись к площадке.

Люди, стоявшие в очереди к лифтам, были хмуры. Теперь им оставалось ждать, когда откачают воду, продиагностируют затопленные машины и определяют степень ущерба. А пока — по домам, досыпать.

В восемь утра Олег свяжется с Институтом шпионажа и предупредит, что не выйдет на службу. Его шеф не будет огорчен известием. Без Олега Косоротова производство дронов-шпионов не остановится. Вряд ли кто-то вообще хватится его на работе.

Что касается Инги, то ее коучи-раздолбаи будут рады побездельничать недельку-другую. Все равно из них толку не выйдет. И они это понимают. Перспективных коучей обучает тренер рангом повыше...

Главное — зарплату не удержат. Ни ему, ни ей.

Поломка транспортного средства — не только страховой случай, но и уважительная причина для неявки на службу. Каждого пострадавшего от наводнения ждал незапланированный оплачиваемый отпуск.

Crash

Лина Бельчонок курила, стоя на лоджии. Из ее угловой квартиры открывался обзор на Гаражнокомплексную улицу: синие и оранжевые высотки (три дома, две наземных парковки), втиснутая между ними маленькая белая мечеть (наследие нулевых).

Далеко внизу двигался по тротуару поток самокатчиков. Преимущественно это был «офисный планктон», спешащий на службу, но и черные плащи сектантов, поклоняющихся Роудленте, мелькали то тут, то там: поклонение — дело раннее, безотлагательное... Лина завидовала им всем, хотя — если уже объективно — сама она была в гораздо лучшем положении. Ее время — полдень, когда река из машин и людей обмелеет. Это большое везение — разрешение на поздний выезд из дома. Но как давно хотелось выбраться куда-нибудь утром!.. Нельзя! До девяти утра — время технического персонала, а с девяти до одиннадцати — «офисного планктона». А она, Лина, «свободный художник».

Зато у нее есть право допоздна находиться в Центре, а у этих бедняг ровно в девять вечера — дистанционная блокировка скоростного режима. Не ключа — вдруг водителю придется перемещать свою машину на придомовой территории в неурочное время. Но скорость офисным работникам вечером блокируют. Конец рабочего дня — девятнадцать часов, два часа на дорогу домой, и все.

Лина потянулась и зевнула. Она не выспалась: ночью в соседнем доме истошно верещали автомобильные сирены. Лина вышла на лоджию, постояла, ничего не увидела и, замерзнув в легком халатике, отправилась досыпать. Но долго ворочалась без сна, а под утро, когда ее все же срубило, приснилось, что это ее машина посылает сигнал бедствия, а потом вовсе затянуло в кошмар.

Она стояла одна посреди дороги, ногами прямо в большой луже крови — и лужа все росла и росла, растекаясь в стороны...

Ли́на зажмурилась, как делают маленькие дети, пытаясь вынырнуть из тяжелого сна, — и тоже вынырнула. Было темно, еще спать и спать. Но сон ушел. А спешить некуда, делать нечего. Разве только пить кофе и размышлять.

Зеркало ванной комнаты отразило высокую молодую женщину с длинными каштановыми волосами. Глаза — большие, серо-зеленые. Сейчас они смотрели вымученно, а уголки губ, обычно вздернутые в ироничной полуулыбке, слегка опустились, что определенно старило Ли́ну.

«Какая я страшная, — подумала она. — Мне уже тридцать два...»

Не то плохо, что ей тридцать два, а то, что тридцать два — и она одна.

Как много на тротуаре людей! Просто муравьиная тропа. Самокатчики ползут к своим авто, ожидающим хозяев у въезда на всемогущую Роудленту. Там они садятся в машины и разделяются на потоки. Первый ярус, шумный и смрадный, забит лязгающими и грохочущими фурами, бензовозами, мусоровозами и бетономешалками. По второму выезжает на службу разномастный технический персонал: рабочие, мастера, ликвидаторы аварий, пожарные, полицейские и прочие силовики; этот ярус открыт круглосуточно, и все равно всегда переполнен. Третий ярус — для «офисного планктона». Ли́на пользуется четвертым: он условно предназначается для «элиты творческого планктона», тех, кого ее отец называл «трутнями». Популяция, к которой принадлежит Ли́на, не отнесена к какой-либо определенной нише.

Пятый ярус — бизнес, премиум-класс. Наиболее обеспеченные горожане, а также лица, «имеющие особые заслуги перед правительством» (строка из Закона), вправе пользоваться им. Шестой ярус — административно-правительственный, а кто пользуется седьмым, Ли́на представляла себе довольно смутно. Видимо, только Главы...

Ходят слухи о восьмом ярусе, якобы существующем. Очевидно, враки.

Она потушила окурок, сунув его в экопепельницу. Раздалось тихое урчание: окурок был измельчен. То, что от него осталось, теперь можно вытряхнуть в унитаз. Проблема с многими видами мусора решена. Пластик давно запрещен, а его заменители легко распадаются на составляющие элементы, превращаясь в безвредный порошок.

Родители Ли́ны и Леньки стояли у истоков современных экосистем. Даже к самому главному изобретению последних десятилетий — топливному очистителю — был причастен их папа! Он запатентовал очиститель и защитил новаторскую докторскую, в свое время наделавшую много шума.

В то время когда крупнейшие компании страны тратили огромные средства на построение электрокаров, развивающаяся фирма, в которой работала мать и которую курировал научно-исследовательский институт отца, боролась за внедрение топливных очистителей. Как только очистителям «дали зеленый свет», с электрокарами было покончено.

Исключение составили электробусы. Впрочем, их мало.

Ли́не и Леньке было шесть лет, когда по Мегатубу показали ролик, после которого в одночасье заглохло производство электрокаров. Как будто их вычеркнули, выкинули с рынка. То была настоящая промышленная революция. А ведь эти «совершенные автотранспортные средства» уже к середине тридцатых годов занимали большую часть льготных и VIP парковочных мест. Поскольку в первую очередь ими начали массово пользоваться правительственные чинов, на «электрификацию дорог» выделялись огромные государственные дотации.

Производители электрокаров покидали отечественный рынок с проклятиями, судебными исками и саботажем. Папин проект пытались застопорить во всех инстанциях. Впрочем, когда отец одержал победу, над проектом принялись работать сразу две лаборатории.

Энергичная бабуля Лора, папина мама, заправлявшая хозяйством и присматривавшая за детьми, говорила в сердцах:

— Тратились бюджетные деньги, как в двадцатые — на вакцины, так в тридцатые — на электрокары. Айрону Мунку не удалось — так мы сами с усами, устроим аккумуляторную революцию. Устроили! И получили! Рост налогов, подорожание электричества...

— Я не пойму, мама, — отец пожимал плечами, — ты рада или не рада, что с электрокарами покончено и не тратятся больше понапрасну огромные средства?

— Чему же тут радоваться? — бабуля с грохотом ставила на стол мультиварку.

Папа и мама переглядывались, пряча улыбки, а дети передразнивали бабулю. «Айрон Мунк! Где твой ак-ку-мулятор?» — кривляясь, выкрикивал маленький Леняка. Кроха Лина хохотала, падала на ковер и задирала ножки.

Бабуля сердилась. Она в доме была «командиршей». Очки на носу, складка между бровей, ежик пегих волос, худоба и строгий четкий голос. Она не только много читала, но и писала: блоги, заметки, комментарии. Все свободное время, когда не стояла у плиты и не муштровала внуков, гоняя их по развивающим программам, бабуля сидела в кресле за компьютерным столом и вела переписку или беседовала с друзьями. На экране ее монитора мелькали известные личности: видеоблогеры, писатели, артисты. В ее ленте возникали попеременно то поэт-лауреат главной международной литературной премии, то манерный модельер, то холерический писатель, то импозантный бородатый политолог в кипе и очках...

Когда антиблокировочные средства, позволявшие гражданам Полиса посещать «заполисные» ресурсы, были убиты взрывной волной мощных блокираторов и мелькнувший на экране последним зарубежный политик-блогер вдруг заткнулся на полуслове, задрожал, покрылся рябью и, словно сказочный джинн, навсегда исчез в «черной дыре», папа грохнул в настенный экран раритетной вазой. По счастью, экран был противоударным. Бабулина ваза разбилась, но бабуля не услышала грохота. Запершись в своем кабинете с бутылкой молодого вина, почти вцепившись в монитор, она навсегда просталась с иудеем-политологом.

Расставание с «забугорными» друзьями надолго выбило бабулю Лору из колеи. Ее супы и котлеты теперь подгорали и выкипали либо вовсе были безвкусными. Да, конечно, у нее оставались друзья внутри Полиса, но почти у каждого из них прервались столь же значимые связи. Видеочаты в бабулином кабинете теперь напоминали похоронные застолья.

Лина и Леня выросли, и каждый выбрал себе профессию. Папа надеялся, что его дети станут химиками, но его сын теперь носит черную форму, выписывает штрафы и оформляет эвакуацию автотранспорта.

Ну а Лина пошла в деда, папиного отца. Дедушка женился на бабушке в пожилом возрасте. Он считался в свое время известным писателем и, по семейной легенде, никогда в жизни не сидел за рулем.

Весь период, пока Лина осваивала матчасть в Автоакадемии, семья всерьез беспокоилась, что она ее так и не окончит. Вылетит, останется «бесправной». А это — катастрофа, социальная смерть.

Катастрофа — таково было ее прозвище.

Поначалу Лина ужасно злилась, когда ее так называли близкие. Какая еще «катастрофа», если она совсем не подвержена панике — «техногенной чуме» двадцать первого века? Позже, впрочем, она привыкла, однако с бойфрендом Денисом, запустившим прозвище в жизнь, рассталась именно по этой причине.

Они тогда отправились в лес на выходные. По заверениям туроператоров, это был райский уголок: окультуренный гектар зеленых посадок; две гостинично-парковочных высотки; озеро с невидимой оградой — можно сниматься в купальнике на его фоне, как в старину на природе; в общем, «пять звезд». Денис вдобавок жаждал посмотреть жуков, которые якобы жили в специальных коробах-вольерах в этой экзотической местности; птицы там и вовсе обитали на свободе.

Съездили, посмотрели. Для Лины отдых и так стал бы памятным уже потому, что на лоне природы в волосы ей нагадила самая настоящая птица. Никаких «жуков», разумеется, в помине не было. Зато шикарные фото в купальнике на фоне озера впоследствии украсили ее страницу в мегабуке, — и это, увы, было последнее, что осталось в ее жизни от Дениса.

В воскресенье вечером Денис должен был вернуться в город, а наутро выехать на службу в шесть. Он относился к «техническому персоналу». По отношению к Лине — «низший класс». Если бы ее спросили, она не смогла бы объяснить, почему встречается с ним. Собирается за него замуж? Конечно, нет! Тогда зачем он ей нужен?.. Лине трудно было признаться даже самой себе: Денис, невысокий и неприметный парень с «пороссячими глазками» (как он сам однажды шуточно назвал свои невыразительные глаза), — лучший любовник, с которым впервые за свои тридцать лет она сумела высвободить всю «ведьмаческую энергию». Это он так говорил.

Еще у них было общее хобби: просмотр фильмов-ужастиков Догуманистической эры. Классических, в которых, по сюжету, компания в пять-шесть студентов приезжает куда-то отдохнуть, и их там убивают. Обычно в живых остается либо нелепый парень (Шут), либо самая некрасивая девушка (Девственница), либо оба-два. Прочие — Красотка (она же Блудница), Супермен, Умник (или Алхимик) — умирают страшной смертью один за другим. «Тебя бы прикончили первым, — однажды заметила Лина, когда они валялись в постели после киносеанса. — Ты — Супермен!» — «Так ведь ты, ведьмачка, тоже умерла бы в самом начале», — расхохотался Денис.

«Ты — моя ведьмачка», — говорил он ей. И: «Ты женщина-катастрофа».

Непонятно почему, но Лину всегда заводила последняя фраза. На его глазах, за секунды, она менялась: становилась нежной и податливой, потом, без перехода, страстной и ненасытной, и просто бешеной... а затем — вновь ручной и послушной. И в такие моменты между ними исчезали все те границы — телесные, душевные, ментальные, — что отделяют цивилизованного человека от пещерного.

Ее Дэн был на высоте. Она же была — «катастрофой», стихией, которую только он и умел укрощать.

И вот они отправились в лес. Лина только что приобрела новое авто и предложила «обновить». Когда собрались в обратный путь, машина не завелась. Денис проверил все: электрику, аккумулятор, генератор... Что за чертовщина, где поломка? Перенервничав, они поссорились, и вот тогда Денис в запальчивости и ляпнул: «Ну ты, Линка, и женщина-катастрофа!»

Удивительно: то самое слово, которое в постели играло роль триггера, выпускавшего на волю ее внутреннюю «ведьмачку», на фоне бытовой поломки вызвало у Лины страшную ярость.

Лина была вспыльчива. Отходила она обычно быстро, но успевала наговорить того, чего мужчины обычно не прощают. Денису Лина напомнила, что это он, а не она «технический персонал».

Денис вызвал и оплатил эвакуатор. Машину вместе с ними транспортировали в город. В автосервисе Лина оплатила комплексную диагностику. Сумма получилась не то

чтобы разорительная, но весомая, учитывая стоимость дальнейшего ремонта: за копейку ей поставили на аккумулятор слетевшую клемму.

Так что вопрос, кто был большей «катастрофой» — она или Денис, не сумевший нормально продиагностировать мотор и установить причину поломки.

Больше они не встречались.

И угораздило же ее пожаловаться Леньке, как Денис ее обозвал в критической ситуации! Она ошиблась в Ленькиной реакции: брат долго смеялся, и симпатии к Денису у него только прибавилось. «Жаль, что вы расстались, — искренне сокрушался Ленька. — Отличный мужик, с юмором!»

Леньке так понравилось прозвище, что он с тех пор иначе и не называл сестру. Crash!¹ Катастрофа. И если бы только брат!..

Волнофон отозвался на ее воспоминания смешной песенкой из древнего фильма, скачанной Ленькой с музыкального ретросайта. Песенку пели полицейские прошлого века. Слова и мотивчик казались легковесными, однако сами исполнители были суровыми силовиками Догуманистической эры. Может быть, они ликвидировали горожан, нарушивших требования самоизоляции в эпоху пандемии, или разгоняли митинги и марши протеста.

«Марши протеста» — это толпы людей, идущие по городу пешком, без машин, без самокатов и даже без велосипедов. «Митинги» — это когда толпы уже не идут, а стоят перед трибунами, с которых горластые главы выкрикивают агрессивные лозунги. Понятно, почему этих людей разгоняли, — непонятно лишь, что им было нужно?..

Лина ответила на вызов.

— Привет сатрапам!

— Привет, Крашечка, — суровый бас майора Бельчонка плохо вязался с ласковой формой обращения. — Ты не забыла про Валькин юбилей? В пятницу вечером ждем. В семь.

— Конечно, помню.

Разумеется, она забыла. На брата была возложена обязанность напоминать сестре о праздниках других членов семьи.

— Отлично! Будем ждать. Как бабуля Лора?

— Жива, бодра...

— Ну, и славно. А как ты, Крашунчик? — в Ленькином рыке проступили почти нежные нотки. — Заказов много?

— Немного, но есть один неплохой, — Лина оживилась, как и всякий раз, когда разговор заходил о ее работе. — Поручили целую веранду. Генерал один, отставник.

— Ого! Надеюсь, заплатит по высшему разряду.

— Я тоже надеюсь.

— Еще надеюсь, что приставать к тебе не будет, — Ленька засмеялся. — А то генералу я давно не чистил вывеску...

И он расхохотался, как будто вправду сказал что-то смешное.

— Ленька, перестань, — урезонила она брата. — Расскажи лучше, что у тебя.

— Расскажу при встрече, — загадочно отозвался Ленька.

— О, есть новость? Валька опять беременна? Тебя повысили? Я же мучиться буду!

— Ну, ты уж сразу... Нет, ничего *такого* пока не произошло... Ладно, — брат сдался, — только без подробностей! Мы сейчас на Роудленте внедряем одну штучку. «Щипач» называется. В минувшем году одна проектировщица, девчонка-вундеркинд, выиграла тендер. Теперь и она, и ее изобретение просто нарасхват. «Щипач» — изобретение этой девочки.

¹ Авария, катастрофа, крушение, крах, обвал (англ.).

— И что это за «щипач» такой?

— Пока — военная тайна. Не по волнофону...

— Какой ты противный! Я до пятницы от нетерпения лопну!

— Ну, хорошо, — сжалился брат. — Знаю, какая ты любопытная... «Щипач» — это шпион.

— Шпион? — переспросила Лина.

— Ага. Нарушителей на дорогах будет ловить. Технологию я тебе потом разъясню.

— А у нас что, нарушители по дорогам ездят? — удивилась Лина. — Где ты их вообще находишь?

— Бывают, — проворчал брат.

И спохватившись, что заболтался с сестрой, да еще и разглашает по волнофону «военную тайну», брякнул:

— Ладно, Крашуня, мне пора. До пятницы.

— Ну, пока.

Близнецы — обычно это наследуется. У Леньки и его жены Вальки тоже двойняшки — правда, две девочки.

В их семье и раньше появлялись двойни. Например, у бабули тоже был брат-близнец, погибший подростком.

Как и Лина с Леней, бабуля с братом носили созвучные имена: Лора и Лоуренс. Бабулиного брата на улице задавила машина. Она рассказывала, что они с родителями жили в том же месте, где сейчас живет бабуля в мегарайоне А, только в «маленьком доме на две-три семьи». (Как выглядит такой маленький домик, в котором было всего две-три семьи, Лина попыталась представить, но ей не удалось.)

Лина сочувствовала бабуле: с детства она сама боялась потерять любимого брата. Однако ни Лина, ни Ленька не могли вообразить, как это человека может «задавить машина на улице». Для этого следовало бы лечь перед машиной, стоящей в дорожном потоке, у ее передних колес, — лежать и ждать, когда задавят. Причем парковщик должен либо быть пьян — а известно, что любая машина самоблокируется, если в нее садится водитель даже с одним промилле в крови, либо внезапно ослепнуть или сойти с ума. Но если бы такое и случилось — дурачащийся мальчик под колесами, пьяный или сбрендивший парковщик — как могли допустить подобное парковщики соседних машин?

Бабуля Лора до сих пор жива. Ей перевалило за девяносто. А папы нет.

Нелепая гибель отца из-за утечки газа в институте потрясла всех. Бабуля Лора мгновенно постарела, словно потухла. Ей уже не суждено было восстановиться: гибель сына переломила ее жизнь на «до» и «после». Лина и Ленька в растерянности наблюдали, как самая сильная в их роду догорает, будучи еще фактически живой.

Бабулин компьютер окаменел года на два. Позднее, правда, бабуля вернулась к компу, но не к прежней активности. Теперь она в основном раскладывала пасьянсы и просматривала давнишние ролики с зарубежными друзьями, большинство из которых к тому времени уже покинуло этот мир.

Мама, миниатюрная красивая женщина (Лина не в нее пошла — в бабулю Лору дылда), после папиной смерти повторно вышла замуж и переехала в дальний пригород, еще не ставший окраиной Полиса, — на машине добираться несколько дней. Она изредка приезжала и жила у Леньки. Тогда Лина и навещала маму. Поддержка и забота детей той пока что не требовались.

А бабуля Лора находилась теперь на попечении Лины. В последние годы она почти не покидала свою квартиру.

Навешая бабулю, брат и сестра часто слышали, как она разговаривала вслух со своим покойным сыном, их отцом. Лина и Ленька молча переглядывались. Им было не по себе. Впрочем, оба понимали, что все как раз нормально: чем ближе бабуля Лора подходила к финишу, тем живее для нее становился сын.

Ленька однажды проговорился: он подозревает, что отца убили. Как убили? — ужаснулась Лина. Ты что? Зачем? Ну, если быть точными, то не убили, а устранили. Кто? Производители электрокаров, конечно. Доказательств только нет, и вряд ли их теперь добудешь.

Брат был уверен в убийстве отца, как пожилой параноик начала века — в существовании мирового правительства.

Лина не понимала, зачем оппонентам понадобилось «устранять» отца именно тогда, когда все уже и так случилось. Топливный очиститель совершил переворот в автопромышленности. Теперь-то никому бы в голову не пришло расходовать дорожную электроэнергию в прежних объемах.

В наши дни, подумала Лина, уже не увидишь на дорогах машин «с выхлопом». Она хорошо помнила, как они с братом и папа застряли в той злополучной пробке. Им с Ленькой было по восемь лет. Перед ними стоял пассажирский автобус («братская могила», как называл папа общественный транспорт; сегодня автобусов уже нет, а электробусы выполняют в основном социальные заказы). Из выхлопной трубы автомонстра полз черный дым. Заволокло весь салон, хоть папа и включил усиленную внутреннюю вентиляцию. Лине и Леньке стало плохо. Отец бросил машину прямо посреди дороги, в средней полосе. Вынес из салона детей, оттащил на обочину, положил на травку, вызвал полицию и «скорую помощь».

Потом папа выступал свидетелем обвинения в суде, тряс медицинскими заключениями из стационара, где проходили реабилитацию дети, наглотавшиеся отравленного дыма. Водителя приговорили к крупному штрафу, выплате компенсации за моральный вред и оплате лечения Лины и Леньки. Но к сожалению, ответчика не дисквалифицировали.

Сегодня такому водителю заблокировали бы выезд из гаража. Ущербный транспорт сам себе вызвал бы эвакуатор для добровольной отправки в утилизацию. А водителя ожидало бы пожизненное лишение прав.

Взглянув на часы, Лина спохватилась, полезла в волнофон. Пора искать свободного парковщика. Полчаса — на поиск, потом примерно час до Роудленты. А пока можно сходить в Дворомаг.

Ей повезло: Дворомаг у них был отличный. Далеко не все дворوماги в городе тянут на пять звездочек. Многие пытаются открепиться от своего Дворомага и закрепить за соседским, но это обычно не встречает понимания у жильцов соседнего двора.

Дворомаг размещался во втором подъезде ее дома, занимая первый и цокольный этажи. Все его сотрудники жили в одном из зданий, образующих Линин просторный двор с собственным микроклиматом. Управлял Дворомагом Павел Николаевич Митин. Пятнадцать лет назад его лишили водительских прав. История Митина — драматичная и дикая (хоть роман пиши), никак не вязавшаяся в сознании с лысым весельчаком — была известна в деталях жителям обоих домов, объединенных придомовой территорией. Павел Николаевич охотно рассказывал о себе соседям-покупателям, справедливо полагая, что так будет меньше сплетен и выдуманных деталей.

Павел Николаевич тогда уже был зрелым, солидным. Жена донимала: покупай себе машину, не позорь семью! У нее автомобиль был. Но Митин брыкался. В тот период шла бурная волна протестов: бунтовали сторонники каршеринга. Их аккаунты горели

лозунгами: «Автовладельцы — рабы частной собственности!», «Пробки и автоочереди отдай боссу: у него есть личный шофер!»

Каршеринговые машины, новые, благоустроенные, тогда еще стоили недорого и были распространены на дорогах. Павла Николаевича вполне устраивала «грета» — скромный внедорожник класса «Б». Он пользовался машиной каждый день. Для удобства арендовал авто на неделю и менял, как меняют постельное белье или фильтры в водоочистителе. Ну, и чтобы не привыкать к одному и тому же авто.

Ранним субботним утром Митин забронировал машину и отправился в ближний пригород Полиса навестить мать. Теперь этот бывший пригород входит в структуру северных мегарайонов Полиса. Загородная трасса была свободна, так как выехал он практически на рассвете.

Митин мчался (тогда еще можно было мчаться) по средней полосе и слушал музыку. Попсовые песенки его не раздражали, хотя можно было и обойтись без них. На пятидесятом километре его тормознул полицейский. Митин остановился, открыл окно, приглушил музыку и показал свое водительское удостоверение, а также свидетельство о регистрации арендованной машины и страховку, скачанные с куар-кода на торпеде автомобиля. Полицейский проверил документы, козырнул и, прежде чем отойти от машины, бегло поинтересовался, с нажимом на первое слово:

— *Ваш* аккаунт открыт?

— Да, — так же механически ответил Митин.

И в ту же секунду спохватился: аккаунт был не его. Когда он заводил двигатель, аккаунт уже был активирован: предшественник-арендатор, раззява, оставил дверь в свой интимный мир настежь открытой. Разумеется, Митин знал, что ему следует сделать — все водители ежегодно сдают экзамен на знание новых автозаконов: немедленно заглушить мотор, выйти и завершить поездку, затем повторно арендовать машину и открыть собственный аккаунт. Однако он спешил к матери...

Теперь ему светил штраф — как минимум.

Тем не менее после встречи с полицейским он поехал дальше, слушая чужую музыку. Вдруг раздались звуки лирической ретропесни, которую приглашенные музыканты исполняли на его свадьбе. Митин и жена его Ольга — тогда еще податливо-нежная, застенчивая — танцевали под эту музыку отрепетированный танец... Он заслушался, поймал себя на том, что уже некоторое время стоит на обочине, под знаком «остановка запрещена». Нужно срочно сваливать отсюда: кто знает, нет ли поблизости камер (любые антирадары уже запретили на законодательном уровне: все проверки должны быть внезапны, а граждане — безупречны всегда, а не только по предупреждению).

И все-таки, прежде чем съехать с обочины, он, воровато оглядевшись по сторонам, открыл чужую страницу в соцсети и посмотрел личные данные и фото владельца.

Она — молодая, рыжая, худенькая — летела на доске с гребня волны. Мокрые волосы, сплошной спортивный купальник. И почти никакого фотошопа (он кое-что в этом понимал). Девушку звали Арина Елистратенко. Нескладное имя, подумал он. Зато фигурка...

Павел Николаевич так и не закрыл чужой аккаунт, хотя знал, к чему это может привести.

В тот же вечер, по возвращении от матери, уже после блокировки скоростного режима прокатной «греты», Митин долго сидел на платной парковке и читал *ее* переписку, смотрел *ее* фотографии, заочно знакомился с *ее* друзьями (сплошь милота, как и сама Арина, годившаяся ему в дочери).

Он начал следить за *ней*. Жадно отслеживал свежие сообщения, с волнением читал личную переписку (у *нее* был парень, настолько занятой, что их любовь, похоже, была

сугубо виртуальной). Слушал *ее* музыку и ловил тихое треньканье всякий раз, когда друзья лайкали *ее* фото...

Все закончилось быстро и ожидаемо: его арестовали. Вломились в дом. Статей навесили несколько, одна серьезнее другой: грубое нарушение правил эксплуатации транспортного средства, вторжение в частную жизнь, незаконное ознакомление с чужими персональными данными, введение в заблуждение правоохранителя...

На суде его спросили:

— Зачем вы это сделали?

— Не знаю, — честно отвечал Митин.

— Но вы хотя бы осознавали, что совершаете преступление?

— Да, конечно.

— Чертов ублюдок! — донесся выкрик из зала: это был *ее* отец.

Арина на заседании не присутствовала. Павел до последнего надеялся, что дверь зала суда откроется, и войдет *она*. Пусть бы подошла, плюнула в лицо — он был к этому готов...

Но *она* не пришла.

Адвокат постарался: Митин отделался условным сроком. Сразу после суда начал искать себе работу. Без руля и без колес: водительского удостоверения его лишили пожизненно.

Митин нашел хорошую должность: как раз освободилось место управляющего в его же Двороме. Он забрал к себе мать, чтобы не таскаться к ней на электричке. Развелся с Ольгой; естественно, та его бросила. Завел новую семью. Старшую дочку называл Ариной.

Вспоминая Митина, Лина всякий раз жалела, что она — *свободный художник*, а не *сочинитель*. Написать бы *стори* о его жизни — и миллион сетевых подписок обеспечен!

Лина уважала Митина за жизнелюбие, за то, что он не пропал, оказавшись бесправным. Кто-то на его месте — возможно, и она — выпилил свой куар, и за ним бы прислали робота для транспортировки в Специальный отдел с целью *трансмиссии*. Мало кто согласится жить неполноценным. Митин же неплохо приспособился к новой реальности. Нашел свою нишу, что называется. Даже если тоскует иногда по рулю и колесам, то никак этого не показывает. Всегда бодрый, улыбчивый, словоохотливый. Жена бросила — Митин женился вторично, на глуповато-болтливой, миловидной Татьяне. Нашел ее через каталог «отбракованных невест», куда включают девушек Полиса, не умеющих водить машину. Бывают и такие: ни одна, даже самая совершенная популяция не обходится без неполноценных особей. Вот и эта Танька: едва дотянула автошколу, в Автоакадемию даже не поступала, не говоря уже об Экзамене. Так бы и торчала дома, шпыняемая родителями, если б не несчастье, случившееся с Павлом Николаевичем и побудившее его искать «бракованную» жену.

Теперь Танька Митина сидела в Двороме на второй кассе. Будучи болтливой, как и ее супруг, только еще и бестактной, она всегда расспрашивала Лину про «детешек», постоянно забывая, что у Лины их нет. Сама Танька нарожала от Николаича аж четверых! То, что у современной женщины могут быть другие интересы, помимо раздвигания ног, ей даже в голову не приходило.

Сегодня Татьяна не работала. Лине, впрочем, не суждено было порадоваться отсутствию назойливой кассирши: у касс для депривантов торчали очереди, и все покупатели, словно сговорившись, увлеченно обсуждали затопление подземных парковок.

«Кассы для депривантов» — специальные, открытые по итогам соцпросов, которые Аналитическое управление регулярно проводит в целях благоустройства и без того

благоустроенной жизни горожан. Оказалось, что существуют люди, нуждающиеся в живых продавцах, кассирах, консультантах, менеджерах. Если депривантов обслуживают роботы и терминалы, они чувствуют себя угнетенными, жалуются на расстройство сна и аппетита, чаще страдают гипертониями и сердечно-сосудистыми заболеваниями. И разумеется, больше подвержены панике — «техногенной чуме двадцать первого века».

Лина была депривантом. Хорошо хоть, не паникером — хватит с нее и «катастрофы». Деприванты доставляют своим близким куда меньше неприятностей, нежели паникеры.

Кассиры кивали, поддерживали разговор, сочувствовали жалобщикам. Словно нарочно, все покупатели в этот утренний час оказались из соседнего дома — того самого, с затопленной парковкой. Ну конечно, кто еще может ошиваться в магазине утром? Только люди, оставшиеся без транспорта и не уехавшие на работу.

— Вас затопило? И вас тоже? У нас три машины на семью — все затоплены! — с удовлетворением в голосе переговаривались жильцы.

— Я направлял свои предложения по оптимизации жилых кварталов в администрацию города, — разорялся худой старикан («Ну тебе-то, дед, куда ехать?»). — Рисовал проекты спиралевидных парковок, занимающих мало места. Я — бывший архитектор, получал награду от губернатора. Не-ет, всем плевать!..

— Страхование издевается, ничего толком не сказали: ни по срокам выплат, ни по временным машинам. Когда мне пригонят автомобиль? Сколько нам тут торчать?

Лина нетерпеливо дождалась своей очереди. Расплатившись за покупки, она не вышла, а вылетела из Дворомага, перепрофилированного в клуб утопленников.

Посреди широкого двора в воздухе болтался интерактивный портрет губернатора Лозового. При малейшем дуновении ветра по невзрачному лицу политика пробегала рябь. Портрет-голограмма отличался такой особенностью, что глаза Лозового смотрели в глаза каждому жителю, проходившему двором. Лина отвела взгляд.

Остановившись на пару секунд, она прикурила электронную сигару.

Курение табачных изделий разрешается только в помещениях — специальных курилках и собственных квартирах — при условии, что они оборудованы лицензированными поглотителями дыма и экопепельницами. Каждому потребителю табака необходимо отправить заявку в противопожарный контроль. Инспектор проверит помещение, засвидетельствует наличие в нем средств безопасности и выдаст лицензию на приобретение и потребление табачной продукции. Затем табачный инспектор оформит заказ и доставку. Сигареты, сигары, прессованный табак в упаковке для эстетов и любителей архаики — товары на любой вкус, по баснословной цене, произведенные на табачном заводе специальными умельцами, передающими технологии от отца к сыну, изготавливаются по прихоти лицензионных курильщиков.

В основном это свободные художники...

Высоко-высоко над головой Лины раздался приглушенный хлопок. На одном из ярусов Роудленты что-то случилось. Запрокинув голову, Лина увидела небольшое черное облачко.

Неужели авария? Быть не может! Это какая-то техническая поломка...

Сквозь перекрещенные серые полосы Роудленты кое-где просвечивало небо. После недавнего ливня наступило прояснение. Солнечный луч, просочившийся через бетонные нагромождения, легонько пощекотал Лине нос.

Роудлента

Роудлента — кольцевая автодорога нового поколения, центр мироздания автомобильного Полиса.

Тяжелые бетонные восьмерки, нависающие одна над другой, косо, под наклоном заслоняют небо от горожан. Густой, плотный воздух пропитан запахами машинного масла, нагретой пыли и топлива с отдушкой.

И — вечное движение-копшение, не прекращающееся никогда, даже в позднее время суток.

Впрочем, ночью транспорта на ярусах Роудленты меньше — только редкие машины привилегированного офисного планктона, а также типовые автоперевозки технических и дежурных служб. И только в эти часы можно разглядеть красоту и величие Роудленты. А значит, большинство горожан ничего этого не видит. Время «большинства» — утро, задавленное многочасовыми пробками, и непоздний вечер.

Водители большегрузов, загромаждающих первый ярус, никогда не смотрят в небо. Представители офисного планктона иногда лишь могут ухватить самый его краешек — голубой треугольник, лукаво мелькающий и прячущийся вновь, как трусики кокетливой девчонки, носящей мини-юбку в ветреную погоду. Только бизнес-класс и администрация могут любоваться небом, проезжая по Роудленте.

Впрочем, водителям не до созерцания небес. Хотите увидеть небо — отправляйтесь в дальний пригород Полиса и любуйтесь себе на здоровье.

Пилоны и ванты удерживают семь восьмерок-ярусов. Если подняться в небо на вертолете и оттуда взглянуть на самое сложное творение человеческих рук, то покажется, что восьмерки держатся на одном честном слове. Однако Роудлента — сверхпрочная конструкция, она прошла сотню испытаний, прежде чем была допущена в эксплуатацию. Сама композиция красива. Она лаконична. Пожалуй, она совершенна. Современные художники пишут пейзажи с видом на Роудленту, используют ее образы в оформлении интерьеров жилых домов. Это очень современно и стильно: Роудлента на кухонной барной стойке, на лоджии и даже в спальне. Некоторые искушенные любовники, плетущие паутину соблазнения, обустраивают свои постели — ловушки для доверчивых барышень-мушек — в переплетении подвешенных на столбах ярусов миниатюрной Роудленты.

Каждый ярус имеет форму кольца Мёбиуса. Восьмерки соединены между собой, но дорожные полотна ярусов нигде не пересекаются. Пилоны и ванты не позволяют им сблизиться и упасть друг на друга. В то же время создается впечатление, что восьмерки висят в воздухе. Роудлента — величайшее изобретение архитекторов воздушного пространства Кауля и Бенедиктова. Оба изобретателя получили Государственную премию и были включены в Почетный реестр выдающихся ученых Полиса.

Как уже говорилось, восьмерок — семь. За ересь о якобы существующем восьмом ярусе полагается уголовная ответственность. Раньше это было тюремное заключение. В Гуманистическую эру закон смягчился: антигосударственных пропагандистов следует перевоспитывать, а не наказывать! Разъяснительные беседы, крупные денежные штрафы... и трансмиссия в исключительных случаях. Гуманизм гуманизмом, но даже самая лояльная власть иногда вынуждена идти на крайние меры.

Впрочем, борьба с фейками — святой долг не только властей, но и сознательных граждан.

И все-таки «восьмой ярус» до сих пор кулуарно обсуждают в компаниях. Хотя его никто никогда не видел. Если, опять-таки, смотреть на Роудленту с вертолета, отчетливо видно именно семь «восьмерок»!

Напиши о восьмом ярусе дерзкий блогер или сочинитель, изобрази его свободный художник — цензура изымет их творения из сети, авторы же заплатят крупные денежные штрафы, и ими займется Специальный отдел.

О восьмом ярусе даже думать нежелательно. Ходят слухи, что куар-коды последнего поколения шпионят за своими обладателями, время от времени отправляя телепатические отчеты в ВНКННПВ — «Ведомство, Название Которого Никто Не Произносит Вслух». Если в этих отчетах содержатся фейки, виновного не спасает даже то, что он не успел никому выболтать свои соображения либо художественно воплотить свой замысел.

Фейки, которые необходимо искоренять, и послужили причиной возникновения секты так называемых «Динамистов седьмого дня». Основной постулат духовных лидеров секты: как Господь Бог создал землю за семь дней, так и главное Божье творение — Роудлента — имеет семь ярусов! А посему кощунственно верить в восьмой ярус, помышлять о нем и распространять свою ересь. Если сектанты встретят в темном переулке адепта еретических измышлений, то ему даже Ведомство, Название Которого Никто Не Произносит Вслух, покажется чем-то вроде санатория.

Роудлента лязгает и грохочет, медленно ползет, словно бесконечная механическая гусеница, а сверху, с вертолета, напоминает гигантского шевелящегося осьминога. Это перпетуум-мобиле, вписанное в культурный код каждого горожанина, никого не раздражает и не угнетает. Это форма жизни, устоявшаяся десятилетиями.

Это и есть — жизнь.

В то же время со стороны может показаться, что Роудлента стоит на месте. Машины неподвижно застыли на ярусах; похоже, их водители никогда никуда не доедут... Но вот происходит оживление, и разноцветная железная лента перемещается на несколько метров... чтобы застыть вновь...

Если бы кому-то вздумалось пройтись по дорожному полотну вдоль рядов с замершими железными тушами, заглядывая в окна, то наблюдатель заметил бы нечто странное. Люди в кабинах, на водительских местах, периодически начинают дрожать, вначале — едва заметно, будто их познабливает, затем — все сильнее, по нарастающей амплитуде, и вот уже их тела сотрясаются в конвульсиях. Лица людей сереют и искажаются, покрываются каплями пота. В каждой четвертой машине можно увидеть водителя, дрожащего и плачущего, сморкающегося в многоразовый экоплаток, бормочущего что-то в динамик и жадно внимающего ответу. Это — *паникеры*, сидящие в дорожных «панических чатах». В этих чатах специальные модераторы-добровольцы и другие паникеры, только находящиеся в ремиссии, помогают водителям преодолевать приступы паники. Все паникеры зарегистрированы, им полагается квалифицированная помощь за счет государства.

Впрочем, встречаются также паникеры анонимные. Власти уже анонсировали меры дисциплинарного воздействия на подобных нарушителей: их ожидают крупные штрафы, эвакуация транспортных средств, лишение прав на год и больше. Не случайно над Роудлентой — чадающим, плавающим в облаках выхлопного газа монстром — Титаном! — урбанистики поднимаются огромные красные буквы, объединенные в гигантскую интерактивную надпись: «ПАНИКЕРЫ! В ЧАТ!»

И еще — исчезающие и вновь взмывающие зеленые буквы: «Все на выборы!»

...Но вот раздается визг тормозов, затем — громкий хлопок. Крики, шум, резкий запах: что-то горит...

Из машин высовываются водители. Они кашляют, жестикулируют, прижимают к лицам ватно-марлевые маски, затем вновь прячутся в салонах, быстро поднимают стекла вверх, блокируют щели и включают внутреннюю циркуляцию воздуха. Некоторые смельчаки, надев респираторы, покидают салоны и спешат к месту происшествия.

Неужели авария?

Над Роудлентой медленно развеивается черное облачко.

Victim

Слушая утренние новости, изредка поглядывая на экран, Сергей Рябинин — полноватый лысый мужчина — отправлял запрос в парковочную фирму. Наконец экран волнофона осветился: запрос подтвержден, парковщик назначен. Рябинин отложил волнофон и уставился на экран. Его красное лицо с пухлыми щеками и круглым выступающим подбородком, казалось должное выражать благодущие и сытость, было недоверчиво-скептическим. Это выражение давно стало его личиной. Сергей словно сигнализировал всем встреченным, что ничего хорошего он от них не ждет.

— Губернатор Игорь Лозовой, выставивший свою кандидатуру на очередные губернаторские выборы, обещает, что повышение автомобильного налога не превысит двух процентов...

— Хорошо поет, — промурлыкала дочь, выходя на кухню. — Привет, папа!

— Привет, совушка, — грубовато-ласково откликнулся Сергей.

И уже совсем другим тоном отреагировал на первую реплику дочери:

— Врет, как всегда.

Дочь обняла его сзади, прижалась щекой к щеке. Рябинин засмеялся, потерялся отрастающей щетиной. Настя ахнула, отстранилась:

— Колючка!.. Я сварю тебе кофе и еще посплю, ладно?

— Хорошо быть автостудентом, — вздохнул он.

— А ты не завидуй, — укоризненно отозвалась дочь. — Скоро лафа закончится.

— Знаю, детка, знаю...

Настя доучивалась в Автоакадемии, и вскоре ее ожидали экзамены и торжественный выпуск.

На экране мелькали то ведущий программы, то седоватый дородный мужчина с сонными, изредка помаргивающими глазками на невзрачном лице. Ведущий тараторил, задавая вопросы. Градоначальник отвечал вальяжным тенорком, будто мурлыкал. Хищный кот после трапезы.

— ...В то же время Игорь Лозовой, как и почти все его политические оппоненты, не видит возможности обойтись без роста автомобильного налога. Бюджету требуются дополнительные средства, которые будут перенаправлены на экологические проекты: постройку очистных сооружений близ дорог и магистралей, создание экологических систем последнего поколения...

— Ну конечно, — хмыкнул Сергей.

Карман у губера и так оттопыривается, а он еще и еще повышает автомобильный налог. В прошлый раз тоже обещали обновить очистные сооружения... И где они? Сейчас же в городском хозяйстве есть более серьезные проблемы.

— ...Кандидат в губернаторы Измаил Алтурмесов заявил, что при распределении дополнительных доходов бюджета за счет роста налогов необходимо сделать акцент на расширении строительства новых надземных парковочных зданий, а также переоборудовании систем городского водоканала и сливных сооружений...

Сергей жадно слушал.

— Обращаясь к своим избирателям, Алтурмесов обязуется бросить все силы на борьбу с затоплением подземного парковочного сектора во время ливней. Одно из таких затоплений, беспрецедентное по разрушительному масштабу, произошло не далее как минувшей ночью. Мы знаем, что подземные парковки превалируют в густозаселенных кварталах, поскольку в таких районах пятую часть всех наземных сооружений составляют дворомаги...

На экране появился невысокий шустрый мужичок. Выступая, он двигал бровями и носом и, видимо не отдавая себе в том отчета, то и дело потирал руки.

Рябинин слушал и думал, что район, в котором живут они с дочерью, находится в низине. Канализационные системы города не справляются с сильными ливнями. И полвека назад здесь тоже происходили серьезные потопа. Хорошо, что ливни не так часты, но даже пару раз в году выплачивать ущерб тысячам автовладельцев — слишком жирно для страховых компаний.

— Каким бы ты ни был жуликом, Алтурмесов, — тихо, почти неслышно проговорил Рябинин, — придется голосовать за тебя.

Красная строка ползла в нижней части экрана:

«Безаварийные водители, включенные в „Почетный реестр российских водителей категории А“, имеют право на налоговые вычеты...»

А следом бежала зеленая строка:

«Все на выборы!»

— Все-е на выборы, — машинально протянул Сергей. — Все-все-все...

В эту субботу в полдень начнется дистанционное голосование. Закончится оно в семнадцать ноль-ноль, а уже через час станет известно, кто стал губернатором. Подсчет голосов ведется быстро и без проволочек.

Настя включила кофеварку. Шум поглотил характерное треньканье, но Сергей увидел, что волнофон заерзал по клеенке, схватил его и открыл сообщение.

«Ваш автомобиль поставлен в пробку... Сроки ожидаемого выезда с прилегающей ко двору территории — десять минут... сроки выезда с аллеи Налоговиков в карман проспекта Отечественного Автопрома — двадцать две минуты... из кармана на проспект — пятнадцать минут...» — прочитал он.

— Да-а. Хорошо иметь договор с парковочной фирмой, — удовлетворенно буркнул Сергей.

Однако тут же пришло оповещение о списании денег с его счета, и он вздохнул:

— ...Но жирновато.

— Папа, зато ты можешь не дергаться каждое утро. А кто-то просыпается и ищет на сайте свободного парковщика.

Это верно. Он пьет кофе, смотрит свой утренний сериал и даже принимает ванну, пока кто-то, даваясь скорым завтраком, ищет парковщика.

Сергей кивнул, соглашаясь с дочерью, но все же счел необходимым заметить:

— Парковщики никогда не переведутся, Настюша. Молодым всегда требуется приработок.

Он поднялся с дивана и подошел к окну. Вдоль аллеи на проезжей части неподвижно стояли машины в два ряда. Но вот они вздрогнули и поползли. Потом опять встали. И тут же из впереди стоящих авто повыскакивали резвые парковщики в одинаковых зеленых жилетах со светоотражателями, пересели в машины, стоявшие позади, и передвинули их вперед. Потом вернулись к оставленным машинам. Один парнишка, бегая взад-вперед, обслуживал сразу пять автомобилей.

— Молодец. И я такой был, — тихо проговорил Сергей, скорее себе, чем Насте, занятой отправкой видеосообщения неизвестному ему абоненту.

Теперь Рябинину пятьдесят два года. Работа нелюбимая, но стабильная, хорошо оплачиваемая; суетиться не нужно — нагрузка пропорциональна возрасту и занимаемой должности; машина — «фаворит», верхняя планка категории «Б»; большой отпуск... Все неплохо, если оценивать в среднем.

На экране замельтешил политик и блогер, отличавшийся, помимо своей дикой общественной позиции, буйной кудрявой шевелюрой. Он убежденно говорил что-то, жестикулируя. Голос диктора, заглушая речь героя ролика, прокомментировал:

— Кандидат в губернаторы, ведущий программы «Город для людей» и бывший член партии «экологов-пессимистов» Назар Копыльцов выступил с очередным скандальным заявлением. По мнению Копыльцова, нарастание частоты и амплитуды панических атак у водителей вызвано не геомагнитными и космическими аномалиями, а ростом урбанизации и засильем автотранспорта на Роудленте и на дорогах Полиса.

Сергей аж затрясся. Он схватил со стола пульт и переключил канал.

— Папа, стой! — взвилась Настя.

Однако увидев его упрямое, насупленное лицо, вздохнула:

— Ладно, найду на Мегатубе. Я знаю, как ты к нему относишься.

— А как я должен относиться к этому клоуну? — Сергей пожал плечами. — А ты тоже... нашла кому внимать.

— Интересно ведь. Хотя что-то оригинальное в нашем прекрасном, справедливом, упорядоченном мире.

— Смотри не слишком увлекайся, — посоветовал Сергей. — А то станешь много думать о том, о чем не надо. Не дай бог, панические атаки начнутся.

— Не беспокойся, пап. Вот твой кофе.

Дочка поставила перед ним чашку и вышла. Отправилась в Мегатуб...

Сергей глотнул кофе и задумался. В Настином возрасте он был озабочен тем, как купить себе новую машину. Ему нравились прогрессивные политики и автомобильные магнаты. А его дочери, отличнице Автоакадемии, нравится слушать, как шут Копыльцов призывает горожан отказаться от автомобилей и вернуться в каменный век. Страшно представить, на что этот чудак может пустить средства, которые поступят в бюджет после роста налогов и утверждения новой сетки денежных штрафов... Если его изберут, разумеется.

И вообще, Мегатуб — рассадник вольнодумства. Зря, что ли, он приучал дочку к телевидению?

Да, когда он был молод, интерес к телевидению падал, все поголовно, кроме стариков, торчали в сети. Казалось, телевидение органично отомрет в ближайшие годы. Но этого не произошло. TV по сей день — полноправный вещатель, наряду с сетевыми каналами. Власти поощряют телезрителей бонусами и подарками. «Государственная линия», не хухры-мухры. Когда-нибудь Настя поймет, как важно держаться *линии*.

Сергей гордился тем, что они с Настей никогда не ссорились. Отец и дочь жили в полном ладу, в любви и дружбе с тех самых пор, как их бросила мамаша, покинувшая Полис в короткий период Временной Разблокировки. Бегство жены его скорее обрадовало, нежели расстроило: прекратились семейные скандалы и кухонные дразги, ребенку стало комфортнее и спокойнее. Да, конечно, Настя скучала по маме, плакала втихомолку, когда думала, что он не видит... Но Рябинин был сумасшедшим отцом, он окружил дочку такой заботой и нежностью, что, пожалуй, сумел компенсировать эту внутрисемейную однобокость... Или почти сумел. Подрастающая Настя вовсе не выглядела обездоленной девочкой — напротив, была веселой и здоровой, успешной во всем, за что ни бралась.

Что касается Сергея, то за свою жизнь он натерпелся от баб. Первая жена, потом вторая... Другие стервы, которые унижали, динамили и обирали Сергея, решали за его счет свои финансовые и жилищно-бытовые проблемы.

Его первая начальница (тоже баба!) вкрадливо говорила: «Сереженька, у вас такой высокий уровень виктимности!» Она потом пожертвовала им, когда пришел приказ о сокращении штатов.

Victim... Бабья жертва! Агнец на алтаре феминизма.

Он и в семье был принесен в жертву. Сергей чувствовал, что Настя — не его биологическая дочь. Нет, конечно, у него не было никаких подтверждений предательства. Тест ДНК делать не стал, отмел саму мысль об этом сразу, как увидел крошечное тельце в розовом конверте. Тельце, буквально в первые дни жизни подброшенное ему. Жена якобы занималась на каких-то курсах переквалификации, чтобы вернуться к работе без потери в деньгах, а на деле, конечно, таскалась к другому мужику, настоящему Настиному отцу, выясняла отношения с ним... Сергей уволился и сидел дома с ребенком. Купал, кормил, вывозил на прогулки. Жена не кормила дочку грудью — у нее и молока не было, у этой бестолочи. Так что правильно она сделала, что в итоге свалила от них с Настей. Какая теперь разница, кто потрудился осеменителем? Главное — что он не прогадал: подросшая дочка, единственная из всех женщин на свете, любила и уважала его.

Сергей бросил взгляд на экран, где в левом нижнем углу мигали цифры. Еще осталось сорок пять минут на просмотр серии детектива об интернет-угонщиках машин. А потом, когда тротуар наводнится самокатчиками, он тоже возьмет самокат и отправится догонять своего «фаворита». Плюс-минус десять минут до Роудленты. Лучше выходить заблаговременно: вдруг все-таки получится — минус.

Если на подъезде к Роудленте в авто не окажется владельца, парковщик имеет право оставить ее на близлежащей парковке. Это безопасно, но, во-первых, парковка платная, а во-вторых, оттуда в такой час не выедешь без приключений — опоздание на службу гарантировано.

Он взял со спинки стула желтый жилет представителя страховой фирмы. Поморщился, вспомнив прошедшую ночь. Был экстренный вызов: затопило подземную парковку. Пришлось выезжать на место, разбираться со взвинченными клиентами. Они его там чуть не отметелили. Как будто это он проектировал чертов квартал с подземными парковками!..

Тут поступил сигнал от Аллы Юрьевны.

Да-да! Главным бедствием его жизни была *очередная* начальница-баба.

— Сергей Саныч, — проговорила Алла Юрьевна, как всегда, вкрадчиво-воркующе, — меняй маршрут! У нас авария на Роудленте.

— Как авария... Какая авария? — опешил Рябинин.

— Да, представь себе! Только что получили сигнал. Так что ты давай — ноги в руки и...

Рябинин мгновенно вспотел:

— Так у меня же затопление... Неделю, не меньше, разгрести. Сегодня уже пойдут заявки на возмещение...

— Сама ими займись, — отрубил Алла Юрьевна. — На полдня тебя прикрою. Или до вечера... В общем, приедешь в офис, как освободишься, и все раскидаешь.

«До ночи сидеть с моим давлением, зараза! А блокировка!» — чуть было не вскричал он вслух.

— Ладно, понял, — проговорила благоразумная сущность Рябинина голосом Сергея.

Как бы он ни был подавлен, а почувствовал физически, что начальница потеплела. Наверняка ожидала, что будет брыкаться. И то — в отделе помоложе есть.

— Скинь координаты, Юрьевна, — добавил он.

— Геолокация ДТП уже у тебя в приложении. Действуй. Доложишь.

Хамоватая бабья начальственная манера прекращать разговор без «до свидания» (а начинать без «здравствуйте»). Сергей надел кроссовки, крикнул в закрытую дверь комнаты: «Настюша, я ушел!» — и покинул квартиру.

По счастью, в самокатной не оказалось столпотворения. Свою машину он догнал вовремя.

Авария случилась рано утром на одном из типовых участков третьего яруса Роудленты. Громоздкая робототехника не прибыла к месту ДТП: из-за фантастического сбоя в программе не запустился технический траволатор, занимавший правую полосу.

Траволатор, в ординарных условиях играющий роль свободной полосы для «скорой» и МЧС, в критических ситуациях запускается автоматически, превращаясь в скоростную подвижную ленту, с помощью которой аварийщики могут увезти и доставить к ремонтным ангарам неисправный автотранспорт.

Сегодня движущаяся лента не включалась, компьютер лагал. Бригаде аварийщиков пришлось отправляться на вызов в полном составе — хорошо, что дали «зеленый свет» на проезд по неподвижному траволатору, — и вручную, без роботов, растаскивать железо, освобождая дорожное полотно.

Сергей прибыл вместе с бригадой, подхватившей его по дороге на технической станции.

Техническая станция представляла собой изолированную площадку при Роудленте. В последнее время именно эту площадку облюбовали «Динамисты седьмого дня». Вот и сегодня вереница их пикапов и мини-грузовичков выстроилась вдоль заезда на площадку, загроздив ее чуть не наполовину. Другую половину почти целиком заняли тела молельщиков, распростертые на бетонке. Сектанты бились в конвульсиях, а их проповедник, толстяк с красивым высоким голосом, пел понедельничный псалом.

Водитель бригады Антоха долго сквернословил, объезжая сектантов и их массивный автотранспорт.

— Выйти бы, навешать пенделей этим юродивым, — наконец не выдержал он.

Никто не поддержал Антоху, а старшой велел ему «заглохнуть»: совсем недавно секту «Динамистов седьмого дня» признали социально значимой общественной организацией, и власть взяла их под защиту.

До места аварии ехали молча.

Обломки бампера, водительская дверь и передняя ось развалившейся на куски легковушки перекрыли движение на двух полосах, а сама железная туша повисла на ограждении. Вторая машина, расплюснутая, но оставшаяся нераздельной, валялась на боку, тоже перекрыв две полосы.

Команда труповозки успела до техпомощи, упаковала обоих несчастных водителей в черные мешки, но далеко не увезла и теперь стояла в глухом заторе, метрах в двадцати от места происшествия.

— Что творится! Вы видели? Труповозке не дают «зеленый свет»! — Антоха опять занервничал. — В общей толкучке стоят!

— А этим-то куда торопиться? — возразил бригадир Андрей Вожев. — Ты читал перечень служб экстренного реагирования? Ознакомься — полезно.

Антоха буркнул себе под нос что-то матерное и заглох.

Аварийщики погрузили на траволатор весь собранный на полосах металлолом. Когда траволатор оживет, он утащит с Роудленты разбитые автомобили.

Была и третья машина. Ее задело отлетевшей задней частью первой. Водитель не пострадал. Он топтался рядом со своим авто, ждал сотрудника страховой.

При виде Рябина водителя оживил. Сергей подошел сначала к нему (машины погибших водителей ему тоже предстояло диагностировать, чтобы принять решение о выплатах родственникам или о наложении на них административной ответствен-

ности за вину погибших членов семьи). Машина третьего была помята, но на ходу, ей не требовалась транспортировка, а водителю — медицинская помощь. Это уже хорошо.

Совместно с водителем, кудрявым молодым мужиком в больших темных очках, Сергей заполнил форму в своем мобильном устройстве. Этот пострадавший оказался Рябинину знакомым, но где он его видел раньше, в суете вспомнить не смог.

Приехавшая полиция удивила Сергея. Во-первых, наряд по численности существенно превосходил стандартную группу по разбору обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Их было человек двадцать. Во-вторых, прибывшие тут же принялись ползать по траволатору с какими-то странными приборами. Полицейские утюжили приборами и своими коленками обездвиженное полотно.

Что они делают? Хотят что-то примагнитить? Измеряют уровень радиации? Аварийщики переглядывались. Сергей обследовал разбитые машины. Он покрутился рядом с полицейскими, которые не обращали на него никакого внимания, но ничего особенного не увидел. В итоге Рябинин выполнил свою работу, а аварийщики — свою, и они все вместе сели в служебную машину и уехали.

Полицейские остались ползать на карачках.

Общий настрой в бригаде был неважный. Рябинин этих ребят знал давно, но такими их не помнил. Даже старик Петр Анисимов, незатякаемый болтун, и тот сник, не травил свои обычные байки. Обычно Анисимов рассказывал о диких и нелепых авариях, свидетелем или участником которых он становился в молодости, или о других автомобильных казусах. Сегодня он подавленно молчал. Рябинин ни за что не стал бы допытываться, почему все техники такие мрачные, однако бригадир Андрей Вожев, худощавый, крепкий парень с молодой физиономией и седыми висками, сам объяснил: накануне им объявили, что бригада сокращается. Их обязанности в полном объеме будет выполнять робототехника. Служба техников-ликвидаторов в «Автопитере» уже менее востребована, чем раньше: аварии стали редкостью, основные страховые риски теперь совсем иного рода.

Так сказал начальник техотдела, по словам Андрея — даже не сказал, а буркнул, тут же отвернувшись к окну. Видимо, с ним тоже распрощаются — в администрации не нашлось для него вакансии.

— Придется нам всем искать другую работу, — резюмировал Андрей.

— Парковщиками устроимся, — фыркнул молодой Саня.

— Не переживайте, ребята. На завод пойдете, — проговорил Рябинин и сразу почувствовал себя бестактным гадом.

Никто не прокомментировал его слова, только Анисимов тяжело вздохнул. А Андрей вдруг произнес:

— А вот я — не на завод. Я на Сафари уеду.

— Сафари? — машинально переспросил Сергей.

— Ага. То, что я люблю и хочу делать. Призвание мое это, — спокойно пояснил Андрей.

Техники уважительно промолчали.

— В Африке? — уточнил Сергей.

— А где же еще.

Африка расположена на периферии — за чертой Полиса, южнее самой южной его границы. После военных действий там почти не осталось жилых построек (сафаристы до сих пор живут в палатках и в полуразвалившихся ангарах). Что касается природы, то она сама залечила свои раны. Необходимым для этого условием оказалось двадцатилетнее отсутствие людей.

Сегодняшняя Африка — это место, где есть простор и воздух и куда хотя бы раз в году стремятся на отдых граждане, озверевшие за год от пробок, парковок и штрафов за все на свете. Там живут дикие животные: львы, тигры, гепарды, антилопы, лошади. Долгие годы эти виды восстанавливали, откармливали, лечили, прививали и выпускали в условия, близкие к прежней дикой природе. Чтобы, вложив огромные средства в возрождение, вслед за этим разрешить их убивать.

Африка была экзотикой, роскошью. Поездки туда стоили дорого. Сергей знал семьи, которые весь год зарабатывали себе «на Африку».

Андрей, словно прочитав его мысли, проговорил:

— Ну, я-то не отдыхать поеду. Африка станет моим бизнесом. В лицензию придется вложиться, но дело того стоит.

— Хорошо тебе, шеф. У тебя хоть призвание есть, — подал голос молодой Саня.

— А подготовку имеешь? — Рябинин ко всему подходил с практической стороны.

— А то. Знаешь, кто я по первой специальности? Зоотехник! Животных с детства люблю. Я, между прочим, в деревне у деда рос. Да, в самом натуральном заповеднике по типу деревни — их всего-то десяток наберется, на задворках Полиса. Сейчас уж там не живут. Помер мой дед, ушла вся его популяция — и все. Реквизировали наш деревянный дом под музей. А потом и вовсе разрушили. Ну, а тридцать лет назад там жили... Доживали, вернее. И охотиться власти разрешали, только не на всех, разумеется, животных. Жители заповедников никогда не нарушали указы: для них зверь — это святое. Раз в году волка завалить, чтобы *жизнь* почувствовать. Дрожь в коленках охотничью. Я, мелкий, с дедом на охоту ходил. Вот подстрелили мы однажды волка...

— А я никогда не убивал, — высунулся Саня.

— Получишь по башке, — сурово предупредил мальчика старик Анисимов, впервые за дежурство подавший голос.

— А через несколько лет, — продолжал Андрей, — за отстрел животных, рыбалку, вырубку лесов и разведение костров ввели уголовную ответственность. А потом умер дед. Не дожил до Сафари...

Сергей молча, уважительно слушал Вожева. Этого парня он знал уже лет пятнадцать, а вот сейчас не узнавал: рядом с ним сидел по-настоящему увлеченный человек.

А что он сам? Увлекало ли его что-то когда-либо настолько же сильно? Кроме дочки...

— Сафари — это те же бои без правил. Это драйв! И там нужны профессиональные аварийщики.

— Ага, главное — верить в свои силы, — поддакнул Антоха.

Помолчали с полминуты. Потом разговор почти без паузы потек в другое русло: Петр Анисимов отошел, ожил и принялся рассказывать свои истории.

— Пацаны! Я вам не рассказывал, как моя баба на права сдала?

— Рассказывал, — отозвался Андрей. — Как она полплощадки снесла — помним. Как такое забыть.

— А как я ей машину купил, слышали? Нет? В общем, купил... Тридцать лет назад. Да-а... Она сама за руль села — хочется же покрасоваться, права свежеполученные обновить — и поехали мы от места сделки к ее маме. С нами сын-подросток был. Едем, я ей и говорю: «Ты куда так гонишь? Видишь, машины вокруг будто на месте висят. Вот как ты летишь». Она: «Да посмотри, на дисплее — скорость девяносто километров в час!» Это при разрешенной в то время скорости — шестьдесят. Я ей: «Дурында! То девяносто миль, а не километров!» Вот как: машину-то мы забугорную взяли — там было в милях все...

Сергей слушал с нескрываемым интересом. Вожев, увлеченный размышлениями о будущем, и тот хмыкнул. Водитель Антоха расхохотался, а молодой Саня воскликнул:

— Вот так прямо забугорную?

— Ну да. Это, вишь ли, последний год шел, когда можно было еще покупать бэушные иномарки. Через четыре года мы ту машинку на утилизацию сдали.

— Нормально... И она, значит, на ста двадцати по городу летела?

— Таки да! В общем, она послушалась, — продолжал Петр Анисимов, — заземлилась чуток. На самом подъезде к кварталу, значит, тупик: проспект заканчивается, недостроен. Надо развернуться и проехать обратно по противоположной стороне. Там и дом тещин. А перед тупиком — канава в ширину проспекта да полметра вглубь, не меньше. И вот моя на полной скорости — влетела-вылетела! Развернулась и опять — влетела-вылетела! Бам-бам, бам-бам! Четыре удара было.

Сергей подумал: познакомиться бы с Петровой старухой, посмотреть на такое чудо.

— От удара, — продолжал тем временем Анисимов, — отлетела номерная табличка. Я говорю: «Что ж ты, гадина, машину новую убиваешь? Сама же не работаешь, один я добытчик». А она — глазами хлоп-хлоп и орет: «Почему нет знака, что ведутся дорожные работы?» — «Да потому, дура, что они не ведутся!»

Петру удалось невозможное: он всех развеселил.

— Ну а дальше-то что?

— Дальше сынок высунулся: «Я сбегая, подберу номер, принесу!» Убежал. Возвращается и рассказывает: «Там народ собрался, табличку рассматривали и маму обсуждали: „Вот так черти бешеные на иномарках летают! Эти все иномарки согнать бы на свалку за городом да взорвать“». Не любили уже иномарки-то. Нам, помню, на придомовой стоянке то зеркальце коцнут, то шину порежут...

— А тогда — восстановили машинку? — поинтересовался Антоха.

— Восстановили. Подрамник она пополам расколола. В ремонт влетели на треть от стоимости тачки, вот так.

— А на мой взгляд, баба не виновата, — вклинился молодой Саня. — Она — жертва системы. Виноват тот, кто издавал законы, допускающие водительский беспредел! Вот сами подумайте — что было и что есть...

— Это точно. Теперь подготовка в автошколах не такая, как прежде.

— Еще бы! Есть разница — обучаться два месяца или три года?

— Да-а. В дикое время мы с вами родились, — подытожил Антоха.

Бригадир Вожев выразительно покосился на него, и Антоха, не выдержав, засмеялся. А следом и вся бригада, и Рябинин.

После этого какое-то время вновь ехали молча, но чувствовалось: парней отпустило.

На технической станции Сергей попрощался с аварийщиками и пересел в свою машину. Проверил заполненные формы в приложении и отправил их на модерацию. Родные погибших получают страховые выплаты за порчу наследуемого ими автотранспорта. И пострадавший водитель номер три — как там его зовут (Сергей заглянул в приложение) — тоже получит... Что-что?

Перечитав фамилию и инициалы пострадавшего, Рябинин просто взмок.

Lucky

Валери (в концерне он числился как Валерий Олегович Рощин, для друзей — Lucky или ВОР, в соответствии с инициалами) был двадцатипятилетний, высокий, темно-волосый и накачанный. По натуре — делец: нахальный, нахрапистый. Благодаря самоуверенности и броской привлекательности у Валери никогда не возникало проблем с девушками.

Фортуна — избалованная красавица: любит, чтобы ее завоевывали. Валери был завоевателем. Все, за что он ни брался, у него получалось.

Lucky. Везунок.

Он был игроком: лотереи, рулетка, розыгрыши TV-шоу. Случалось, что проигрывал, но всегда умел вовремя остановиться. И однажды сыграл по-крупному, — и ему опять повезло: Lucky выиграл свою «тринити» — новейшую модель спортивной тачки, похожую на летящую пантеру, тревожного красного цвета. По условиям выигрыша к машине прилагались сниженная налоговая ставка и льготное место в парковочной вышке напротив дома!

Теперь, заезжая на Роудленту в новом красном автомобиле премиум-класса, он чувствовал завистливые взгляды водителей, ползущих в соседнем ряду в морально устаревших «грантах» или «гретах» и паркующих свои машины на минусовых этажах. И это было справедливо: он был лучшим — и ему завидовали.

Несмотря на свой солидный возраст — тридцатник, — Валери никогда не был женат. Разумеется, при случае он бы не упустил свою Самую Лучшую Девушку, не хуже машины способную стать предметом зависти окружающих. Не то чтобы он ее до сих пор не встретил — в автоказино и в элитном спортивном клубе, куда он имел абонемент, тусовались ослепительные красотки. Но даже такие яркие девушки доставались ему сравнительно легко, поэтому торопиться с женитьбой не имело смысла. Зачем жениться, когда и так дадут? «Всему свое время, — любил повторять Везунок, — вот сейчас, например, время для наслаждений».

Он повторял эту фразу приятелям последние десять лет.

Lucky обходился без парковщика: еще машину поцарапают! Как можно доверить такое сокровище какому-то пацану? Невзирая на откровенное непонимание окружающих — сотрудников охранной службы парковок, соседей, — он изо дня в день выводил машину сам.

В тот долгий промежуток времени — от парковки до Роудленты — он успевал в машине побриться, посетить несколько чатов, лайкнуть примерно двести фоток френдесс, пробежаться по рабочему плану и даже подремать. Валери, на службе производивший впечатление человека дельного и деятельного, по сути своей был лентяем, так что вынужденное сидение на месте его не тяготило.

Утром понедельника въезд на Роудленту был не особенно захлавлен, если не считать сектантов, расположившихся близ отбойника со своими молельными ковриками. В последние месяцы они отжали там целую площадку, шесть на шесть метров (в связи с чем одну из въездных полос городским властям пришлось ликвидировать), отгородили ее тросом и преспокойно молились, невзирая на копоть, смог и металлическое лязганье, доносившееся со всех сторон.

Валери с интересом наблюдал за сумасшедшими. Он был постоянным, хоть и не очень дисциплинированным прихожанином христианского храма по месту жительства и к сектантам относился без пиетета. Однако с тех пор, как сам губернатор вручил главе секты «Динамистов седьмого дня» орден «За заслуги перед городом» первой степени, Lucky перестал их задирать. Он относился к базовому слою горожан — законопослушному «офисному планктону», и все, что исходит от властей — даже рост налогов и вторжение в частную жизнь водителей, — уважал и принимал как данность.

Да, что касается контроля скорости — тут бы он поспорил... Впрочем, гонять-то все равно негде.

...Легкоходная маневренная «тринити» чуть дрогнула и почти бесшумно сорвалась с места, набирая скорость, — и вот он уже летит по трассе, легко обгоняя по левому ряду тихоходов на типовых седанах или массивных кроссоверах...

Но это — только грезы. Третий ярус в восьмом часу утра — там особенно не разго-нишься. Рожденная летать «тринити» не «летает». «Тринити» — ползет.

Как и все граждане Полиса, Валери изо дня в день торчал в многокилометровых пробках. Даром что Lucky. Однако в этот день именно его везение сыграло ключе-вую роль в последующих событиях, в немалой степени повлияв и на его собственную судьбу. После часа нудного прозябания на дороге он вдруг услышал резкий звук сире-ны, и характерная подцветка вспыхнула, замерцала в зеркале заднего вида.

Валери моментально подобрался, как гепард перед прыжком. По траволатору, приближаясь, мчалась машина «скорой помощи» с проблесковым маячком.

Современная дорожная Система Отслеживания Нарушителей — СОН — вполне функциональна и эффективна, однако имеет свои минусы и недоработки. Как и, впро-чем, любая компьютерная техника, разработанная людьми. Взять хотя бы роботов; изначально «железные дровосеки» замышлялись в качестве универсальных помощни-ков человека, — а что имеем на выходе? Нахальные андроиды теперь не только ман-кируют своими обязанностями, но даже сумели добиться того, что власти защищают их от людей, возмущенных некачественным сервисом, обвесом и обсчетом, а зачастую и откровенным хамством...

Так думал Валери, анализируя недостатки сложных механизмов, окружающих го-рожан в быту.

СОН распознает летящее по траволатору транспортное средство — если только в радиусе действия СОНа нет проблескового маячка, создающего ауру. Мигающая подсветка на несколько секунд вырубает чувствительные датчики, так что, пока специ-альный транспорт не проедет и аура не рассеется, показания фиксироваться не будут.

Валери знал этот фокус. Да кто из водителей о нем не знал? Просто не все позво-ляли себя то, что позволял Везунок.

А точнее — он был одним из граждан Полиса, кто на такое способен.

И всегда старался держаться в крайнем правом ряду — поближе к траволатору. На всякий случай.

И вот теперь он как бы невзначай потянулся, «случайно» отключил камеру сле-жения за водителем (через десять минут он ее включит, отправит в полицию от-чет о техническом сбое и «поползет» себе дальше) и, молниеносно перестроившись на траволатор, понесся следом за «скорой».

Кто-то возмущенно засигналил слева. Неужели наступит, с досадой подумал Вале-ри. Впрочем, оно ему надо?.. Словно извиняясь, он помигал соседу аварийкой.

Да! Все происходило так, как он и мечтал! «Тринити» летела на скорости и ревела от удовольствия. Зачем тебе гоночная машина, если она целыми днями простаивает в пробках? И почему ты должен ползать, если ты не червяк?

Валери так увлекся гонкой (та еще задачка — не отстать от «скорой»), что едва не пропустил свой съезд.

Чтобы покинуть траволатор, ему следовало перестроиться в соседний ряд, а за-тем уйти резко вниз, под траволатор, и, наконец, пройдя небольшой тоннель, выйти на спусковую дорогу, ведущую в офисный район Полиса.

Тот момент, когда перестраиваешься после гонки за «скорой», — самый опасный во всей авантюре. Необходимо замедлить движение, но тогда, отставший от проблес-кового маячка, выпавший из «ауры», ты становишься виден. Тебя засекают радары, машину фотографируют, отправляют фотоотчет и...

Тут уже одним штрафом не отделаешься.

Валери (Везунок, ВОР!) не мог допустить постыдного падения с заоблачных высей, в которых только что рассекал на гоночной машине. Тем более что, пока он размышлял, движение зашевелилось, и автомобили, до того стоявшие неподвижно, дернулись вперед, как кони, почуявшие возбуждение от предстоящей скачки. Поток пошел в те самые секунды, когда Валери лихо перескочил в соседнюю полосу.

Разумеется, он и поворотник включил, и даже посигналил, дабы предупредить замешкавшихся. Однако в тот момент, когда Валери резко вильнул влево, вклиниваясь в общий ряд перед носом у какой-то малолитражки, не все водители успели среагировать на опасность, как должны были реагировать, как их учили этому в Автоакадемии.

Испуганный рев, послышавшийся сзади, не обескуражил Lucky — он лишь мигнул аварийкой, извиняясь, и исчез в тоннеле, уходящем резко вниз, под траволатор.

Он, конечно, слышал лязгающий шум, но везункам свойственно отбрасывать тревожащее и мгновенно забывать о неприятном. Ничего не случилось — и баста!

...Уже через двадцать минут Валери въезжал в деловую часть города с небоскребами крупных корпораций и престижными офисными зданиями. Здесь машины перемещались свободнее, чем в перенаселенном районе, в котором он жил. Впрочем, неудивительно: Lucky работал в фешенебельном месте.

Мегарайон V (символ «V» ему нравился и приятно будоражил, символизируя в сознании как первую букву его имени, так и аббревиатуру VIP), где находился его офис, прежде был настолько перегружен припаркованными машинами, что, по рассказам старикана шефа, приезжающим на службу некуда было воткнуться ни ранним утром, ни в полуденные часы. Но власти уже лет двадцать как навели здесь порядок: снесли исторические постройки и расселили по окраинным мегарайонам весь жилой фонд. Теперь здесь только крупные предприятия и офисы. Департаменты, концерны, фонды. И высотки надземных парковок — ряды, ряды, ряды...

Валери был мальчиком, когда по всей длине огромного проспекта, тогда еще носившего какое-то древнее смешное название, а теперь — проспекта Делового, стояла длинная шеренга пикетчиков с плакатами. Жители старого города — предшественника современного Полиса — пытались предотвратить уничтожение старых зданий. Модерн, видите ли. Памятники...

Ему не было жаль старых домов — ни тогда, ни теперь.

Валери отчетливо помнил, как остро пахло кошками и мочой в просторном, вечно промозглом подъезде с кафельными плитами пола, как в открытом лестничном пролете гулко отзывалась каждая хлопнувшая дверь, как он играл на широченном подоконнике лестничной клетки второго этажа, сталкивая друг с другом самоуправляемые машинки, которые покупал ему отец. Помнил, как влетал в этот подъезд и несся вверх по лестнице, и жал на звонок, а потом отчаянно колотил в дверь и звал бабушку, потому что за ним гнались дворовые хулиганы. И как соседская девочка Света — красивая, тоненькая, с длинной косой — здесь же, на подоконнике, шепотом призналась ему, что на ее плоской, детской груди выросла шишечка, размером с вишенку, и даже разрешила ему потрогать... У него стучало в висках, когда он вспомнил и свой старый дом, и маленькую Свету, и себя — чувствительного, нервного, изнеженного мальчика, мечтавшего вырасти и стать самым сильным, и накомстылять всем обидчикам, и увезти девочку Свету с длинной косой на далекие острова из своей любимой, еще бумажной книжки с картинками...

С тех пор от старого дома, как и от прилегающих к нему соседских построек позапрошлого века, ничего не осталось, а девочку Свету увез «на острова», то есть на Сафари, старший брат Мишка, ставший инструктором по охоте. Теперешняя Света — или

Светлана Игоревна — врач-ветеринар, а также Мишкина жена и мама двух малолетних Валериных племянниц, а ее груди, до сих пор сохраняющие упругость, скорее напоминают кокосовые орехи, нежели вишенки...

Зато у Валери — высокий стабильный заработок, и просторная квартира класса В, и много красивых грудастых девчонок, а еще у него есть чудесная «тринити», на которую Мишке вовек не заработать на своем Сафари, куда бы он ни отправился инструктировать охотников — в Африку или на Луну...

Каждому — свое. У Мишки — семья и охота, а у него — «время для наслаждений». И сейчас, и последние десять лет, с той поры, как женился брат.

...Валери ехал по Деловому проспекту. Кажется, здесь — да, точно, здесь стоял тот дом, а в нем была высоченная арка, перекрытая для чужаков витыми чугунными воротами. Давно уже и ворота переплавлены, и нет двора, а ему до сих пор изредка снится небо над домами — синее-синее и маленькое, как будто он стоит на дне высокого стакана и смотрит вверх, туда, где заканчиваются стенки, где открывается простор... «Двор-стакан» — вроде так и назывался их двор! Кажется, так...

Призрак старого дома. Призрак папы... Прошлое, о котором он почти не вспоминал, сейчас вдруг зашевелилось, ожило, придвинулось к нему почти вплотную. Валери стало так жарко, что пришлось понизить температуру в салоне. Он мысленно обругал себя: он — уже не тот отчаянный и отчаявшийся мальчик, а состоявшийся творец собственной жизни, победитель, герой!

Все изменилось с того дня, когда маленький Валерка очнулся в больнице, и мама и женщина-врач сообщили ему, что он — герой: на него напал на темной улице «недобитый велосипедист», а он, совсем мальчик, сумел не только уцелеть, но, более того, победить врага!.. Он слушал молча, только сопел: сказать ему было нечего. И тогда заговорила мама. «Он у меня еще и скромный!» — сообщила она женщине-врачу, и та закивала, восторженно улыбаясь красивому мальчику с забинтованной головой и обескровленным лицом, но живыми и внимательными глазами, в которых уже совсем не оставалось ничего детского...

После выздоровления они переезжали в новый мегарайон А, и Валерка, естественно, радовался, а бабушка плакала. Она долго стояла, повернувшись лицом к железным воротам, рядом с контейнером, набитым последними вещами семьи, изгнанной из родного дома. Здесь бабушкина семья прожила более ста лет! Даже в страшную войну, когда на город падали бомбы, бабушкин папа и его родители не покинули дом. Сюда, именно сюда привозили крошечных, завернутых в конверты бабушкиных сына и внука.

Но все заканчивается — в том числе и жизнь; бабушка садилась в машину обмякшая, уже без слез.

Под высоким козырьком типового серого небоскреба болтался интерактивный мотивационный плакат: «Все на выборы!» У плаката выцвел нижний левый угол. Это было заметно как издали, так и вблизи. А на содержание надписи никто из работников дано не обращал внимания. Выборы и выборы. Валери, как и все успешные работники «офисного планктона», вновь проголосует за Лозового. Его все устраивало в нынешней власти. И в первую очередь устраивали перспективы собственного роста.

Валери вошел в офис, где он трудился пока что рядовым коучем. Ключевое слово — «пока». Профессия у него не новейшая — скорее, неизменно востребованная. Еще полвека назад считалось, что коуч — это «профессия будущего», «профессия-тренд». И вот будущее наступило, однако коучинг в тренде по сей день.

Концерн продвинутых коучей, или КПК, в котором работал Валери, занимался тем, что обучал развивающиеся коучинговые фирмы, специализирующиеся на продаже своего коучинга начинающим коучам в сфере страхования. В этом бизнесе Lucky был востребован: смазливый, напористый умеющий подстраиваться под клиента. Он убеждал клиентов попробовать те или иные методы, которые «неприменно выстрелят, вот увидите!» Методы краткосрочного безошибочного действия, дающие мгновенный (пусть крайне недолговечный) результат.

Ему верили — и росли продажи, и он вместе со своим «счастливым» креслом переезжал с этажа на этаж. Все выше и выше, все ближе к фартовому руководству и феноменальному успеху.

Правда, от этажа к этажу, как Валери давно уже подметил, ничего особенно не менялось. Проблемы оставались те же, как и установки, и задачи коучей. Пожалуй, побольше зарплата и пожирнее клиенты — вот и все.

Однако он верил, что именно на следующем этаже его будет ждать Успех. Именно так, с большой буквы. Возможно, на предпредпоследнем. Или на предпоследнем. А уж самый последний этаж... Впрочем, об этом лучше не думать, чтоб преждевременно не закружилась голова.

В этот день секретарь шефа Олечка — *зарегистрированный паникер* — прибыла на работу с большим опозданием, трясущаяся и заплаканная: она оказалась очевидцем аварии. Движение, и так еле живое, встало на целый час. Еще час был потрачен на то, чтобы выбраться из затора. Даже этого времени не хватило Олечке, чтобы отойти от пережитого. Захлебываясь, она повторяла: «Там были трупы...»

Блистательный Lucky, который по милости Олечки утром выполнял все обязанности секретаря, от заваривания кофе до технического руководства зум-конференцией Глав КПК, встретил Олечку неласково, а когда та принялась «ездить по ушам» по третьему кругу, он попросту заткнул ее, отправив мыть кофейные чашки шефа, заместителя шефа и свою собственную.

От Олечки в этот день на работе толку было мало. Руки ее тряслись, она разбила чашку и порезала пальчик. Олечка плакала навзрыд в санитарной комнате, словно в той аварии погибли близкие ей люди.

— Да что это такое! — заорал Lucky. — Принесло на мою голову эту идиотку! Займитесь ею кто-нибудь! У меня важный заказ! Не весь же день чужие обязанности выполнять!

Две коллеги женского пола, Неля и Валя, посмотрели на него с укором. Обе девушки занимали должности на порядок выше Валериной. Они были уже коучами-супервизорами в отделе преподавателей теории коучинга. Однако Lucky то и дело «забывал» об этом и вел себя так, будто старший в их маленькой группе — он. Девушки подыгрывали — не то по доброте душевной, не то из симпатии к такому красавцу. И сейчас они увели Олечку подальше от Валери.

Вот пожалуйста: стоит кому-то засветиться в качестве паникера — тут же найдутся доброхоты, берущие его под опеку. Хорошо быть паникером, подумал Lucky. И сам рассердился: что за мысли? Он рожден, чтобы стать гонщиком, лихачом, его стихия — бесконечная дорога... и высший ярус Роудленты, над которым восходит солнце и веет Борей...

Впрочем, если задуматься — а он все-таки коуч, и довольно толковый, — то выходит, что у него причин для паники больше, чем у кого-либо.

— Олечка, возьми влажную салфетку, — кудахтали девицы в комнате отдыха, — у тебя пластыря нет? Вот, нашла... сейчас заклеим тебе пальчик... вот новопассит, водичка...

Олечка постепенно успокаивалась.

Перестав плакать, она тут же защebetала. Даже не вслушиваясь, Валери поневоле обогатился совершенно ненужной ему информацией. Как оказалось, у Олечки с самого утра не задался день. Парковщика было с фонарем не найти, а потом, когда служба «Полиспаркинг», не справляясь с наплывом заявок, начала выбрасывать их в сеть, появились предложения от так называемых «партнеров», иначе говоря, фрилансеров. А эти нахалы и дерут за свои услуги больше, и ответственности не несут, и вообще они непонятно кто... Скорее бы вышел закон, запрещающий нелегализованным «парковщикам» предлагать свои услуги!

— Интересно, где бы ты взяла сегодня парковщика, если бы «партнеров» запретили? — задала Олечке резонный вопрос Неля.

— Ой, не знаю, девчонки. Но после того, как этот «партнер» мне нахамил — а служба «Полиспаркинг», представляете, не принимает жалобы на хамство своих партнеров, — у меня прямо все пошло наперекосяк! На Роудленте началась паника...

— Бедная Олька, — посочувствовала Олечке Валя. — Паника, да тут еще и авария...

— От этого ведь паника может заякориться, — воскликнула Неля.

— Да, я сама этого боюсь! Сейчас же отправлю заявку на снятие якоря в Государственную психологическую службу!

«К психологу она обратится, сволочь эдакая, — разъярился Валери. — А потом наберет себе выходных по количеству кейсов!»

Зарегистрированному паникеру полагается квалифицированная психологическая помощь за счет государства — в разумных пределах, конечно.

— Хотя, знаете, не все мрачно, — продолжала Олечка. — До аварии мне уже помогли. Модератор хороший попался... Нет, просто классный! Он сначала еще парню помог, а потом мне...

— Здорово... Как давно я не была в панических чатах, — вздохнула Неля.

— Ну, и радуйся, что тебе сейчас не надо! — воскликнула Валя.

Валери скрылся в кабинете для совещаний, повесив на дверную ручку красную табличку с надписью: «Коч занят».

Отголоски болтовни долетали и сюда.

— И главное, — Олечкин голос возбужденно вибрировал. — Вы не поверите! Я видела на Роудленте этого кудрявого, из передачи «Город для людей!» Ну, который сейчас баллотируется в губернаторы. Он был одним из участников аварии.

Lucky надел наушники, включил компьютер и начал диалог с перспективным клиентом, заявка от которого была первой в очереди.

Из-за двери доносилось:

— Да ладно!.. Ничего себе... А это точно был он?

— Он-он! С такой шевелюрой... Его ни с кем не спутаешь!

— Ты фото сделала? Покажи!

— Вот, смотрите!

— И вправду похож! Такой смешной... Клоун просто.

— Клоун он и есть.

— Злая ты, Валька! Он довольно милый. Симпатяга!..

Валери вежливо извинился перед клиентом. Отключил звук. Тихонько снял наушники и аккуратно положил на столешницу. Встал из-за стола. Бесшумно вышел из кабинета. Подкрался к комнате отдыха, приоткрыл дверь и грохнул:

— А ну заткнитесь! Шумно очень!

Девочки-трещотки вздрогнули от неожиданности. Осознав, что из-за них может сорваться важный заказ на проведение тренинга по обучению перепродавцов коучинга по пятиступенчатой программе, они принялись извиняться:

— Валерик, прости! Не каждый день встречаешь кучерявого чувака из «Города для людей»!

— Слышите, балаболки! Хоть кучерявого встречайте, хоть лысого, только молча! — гаркнул Lucky и от души хлопнул дверью.

Clown

Назар Копыльцов вышел из дома в восьмом часу. Он двигался пешком, без самоката. На нем были джинсы, клетчатая рубашка и клетчатая же кепка, кроссовки и рюкзак. Если бы отец увидел его сейчас, то обязательно обозвал бы «пугалом». Или клоуном...

При мысли об отце Назар вздохнул. Конечно, не стоило вчера вечером ссориться с ним, омрачать старику отход к блаженному сну. Все равно отец ничего не поймет.

До Роудленты путь неблизкий. Назар вышел за сорок минут, чтобы проветрить голову и размять ноги. Самокатчики старательно объезжали его, никто не сигналил неадекватному утреннему пешеходу.

Парковщик, белобрысый пацан, в ожидании курил электросигару рядом с плакатом «Все на выборы!». Когда оба подтвердили выполнение заказа в своих мобильных приложениях, пацан вытащил свой самокат из багажника Назара и укатил, пару раз оглянувшись.

Узнал или нет? Его часто узнавали на улице, даже темные очки не спасали. Хоть наголо брейся.

Он сел за руль, закрыл аккаунт парковщика и авторизовался.

«Последнее предупреждение, — пришел сигнал от робота. — После третьей блокировки скоростного режима Вы будете на два месяца отстранены от управления транспортным средством». Действительно, поздние возвращения, уже два подряд... Хмыкнул: напугали...

Ровно год назад его ролик впервые набрал миллион просмотров. Назар тогда сделал нарезку из двухминутных видео, записанных на улицах Полиса, третьем ярусе Роудленты и загородных трассах, чередуя их с ретрозаписями старого города: полупустые улицы, свободно несущиеся машины, тормозящие перед пешеходными переходами, наземный общественный транспорт — автобусы, троллейбусы, трамваи, чистое, ослепительное небо над головами людей. А заканчивался ролик видами велогородка: парковые зоны, частные дома, велосипедисты, пешеходы... и полное отсутствие машин.

В тот же день хейтеры снесли его аккаунт.

Что только не делали его враги! Однажды сектанты-«динамисты» закидали его автомобиль птичьим дерьмом. Вспомнив об этом, Назар расхохотался: жаль, не видел со стороны, какая была у него физиономия, когда он обнаружил свою испоганенную машину на стоянке телеканала! Однако бывают в жизни чудеса: камера слежения зафиксировала хулиганство, и назавтра с ним связался вежливый представитель районной администрации. Он извинился «за подведомственных граждан Полиса, Божьих братьев и сестер», и сообщил, что муниципалитет, в целях защиты Закона о частной собственности, подал в суд, и теперь сектанты заплатят крупный штраф и по решению судьи на средства паствы оформят Назару годичный абонемент в автомойку. Назар поблагодарил чиновника и вежливо, но твердо отказался от сектантского абонемента.

Через пару дней — вряд ли это было обычным совпадением — его пригласили для записи интервью на один из центральных каналов Полиса, а вскоре ему выделили собственные часы в эфире этого канала. Оказалось, что и в правительстве есть здорово-

мыслящие люди. Назар Копыльцов и его партнер Наум Лунц чувствовали поддержку, хоть и понятия не имели, кто же их покровитель. Очевидно, властям хотелось видеть оппозицию без мученического венка. Разумно, ничего не скажешь.

Интерактивные надписи «Все на выборы!», а также портреты всех пятерых кандидатов на пост губернатора (включая самого Назара) плавали над въездом на Роудленту.

Социальный электробус в соседнем ряду замигал, перестраиваясь в его ряд. Копыльцов включил диктофон и четко, раздельно проговорил:

— Необходимо улучшить условия транспортировки инвалидов и пенсионеров. Увеличить количество социальных электробусов и разрешить им проезд по траволатору.

Он щелкнул пальцами; запись была автоматически сохранена.

И тут же на приборной панели замигала сенсорная кнопка вызова.

Назар был волонтером-модератором в паническом чате. Так он вносил свой посильный вклад в борьбу с паникой.

В чате было многолюдно. Взвинченный мужской голос с истерическими интонациями запрашивал «дежурного модера».

— Здравствуйте. Я — дежурный модератор, — подключился к чату Назар. — Работаю под ником «Юнг». Как я могу обращаться к вам?

— Я — Алексей, — голос паникера звучал напряженно и сдавленно, как из подземелья. — У меня паника.

— Дышите глубже, Алексей. Все хорошо. Я с вами. Кто еще хочет поддержать Алексея?

— Я хочу поддержать, — откликнулся низкий грудной женский голос. — Привет, Алексей! Привет, Юнг. Меня зовут Любовь.

— Здравствуйте, Любовь...

— А я — Ольга, — влился в эфир молодой девичий голосок. — У меня тоже начинается паника. Но я чувствую, что Алексею помощь нужнее.

— Отлично. Втроем — нет, вчетвером, Алексей ведь тоже очень старается — мы справимся. Но если кто-то еще захочет стать активным участником, то я не стану возражать... Алексей, как вы там?

— Трясет, — судя по звукам, мужчина высморкался. — Дрожу весь. Мокрый. Как-как... Сказать по правде, когда впервые накрыла эта штука, я подумал: инфаркт!

— Вы извините, — вмешалась Любовь, — но панические атаки, как еще сто лет назад установлено медиками, практически безвредны для здоровья.

— Да знаю я! Думаете, я не читаю ничего, что ли?

— Ну, это самое главное — вы осознаете, что не умираете, и, по большому счету, вам ничего не угрожает.

— Понимаю, не понимаю... Я вообще сейчас не могу рассуждать! У меня руки вспотели, в глазах темно...

— Сколько вам лет, Алексей? — Назар опять выступил на первый план.

— Пятьдесят два. А паника прицепилась ко мне четыре года назад!

Это было большой удачей для модератора, что паникер сам назвал цифру: четыре года. Модератор не вправе спрашивать клиентов, как давно они страдают паническими атаками. А это очень важная информация. Паникер с застарелым неврозом капризнее, но устойчивее новичка. Он больше склонен упиваться вниманием окружающих: паника стала существенной частью его жизни, и он по-своему привязан к ней. Приступ несложно купировать, просто уделив подопечному время, поговорив с ним. Другое дело, что чем «старше» паника, тем труднее избавиться от нее.

— Ладно, — произнес Назар. — Любовь, Ольга — и все, кто с нами в чате. Давайте вместе поддержим Алексея. Справимся, как думаете?

Нестройная многоголосица подтвердила: да!

— Тогда повторяйте: «Алексей, мы с тобой! Дыши ровно и глубоко! Представь зеленую лужайку со свежей травой. Ты — на лужайке. Пройдись, поприседай, разомни затекшие в пробке ноги. Твои ноги — теплые и легкие. Твои руки — теплые и легкие... Ты абсолютно спокоен. Ты аб-со-лют-но спокоен!»

— Алексей, мы с тобой! Дыши... Представь... Ты абсолютно спокоен. Ты аб-со-лют-но спокоен!

— Ох... Спасибо, братья и сестры, — Алексей наконец-то подал свой *настоящий* голос — у него был грудной глубокий бас. — Спасибо, Юнг! Отпустило... Хорошо-то как!

— Я рад, — проговорил Назар. — Берегите себя, Алексей!.. А теперь мне хотелось бы услышать Ольгу... Ольга, вы еще здесь? Вы в чате?

— Да-а, — Ольга всхлипывала. — Я здесь...

Назар подумал: судя по геолокации, Ольга едет в том же потоке, что и он. Она находилась на расстоянии каких-то ста метров от него. Бывают же совпадения.

— Ольга, вам ведь тоже нужна помощь? Не молчите. Я с вами. И вы будьте со мной. И я, и другие пользователи чата встревожены вашим молчанием. Не бросайте нас.

— Я... Тут я, — голос Ольги был бестелесным и тихим. — Извините... У меня зубы стучат...

— Друзья, давайте поддержим Ольгу!

— Я готова поддержать, — вновь выплыл низкий хриловатый голос Любви (Назару она представлялась крупной, уверенной дамой лет пятидесяти). — Ольга, дорогая, дышите глубже.

— Спасибо, Любовь! Ну, кто еще с нами? Откликнитесь, друзья.

— Я тоже хочу помочь Ольге, — жизнерадостно загремел бодрый мужской голос. — Меня зовут Кирилл. Работаю менеджером по продаже прикладного автомобильного оборудования. Зарегистрированный паникер, холост, опыт трехступенчатой групповой терапии — и паническая ремиссия восемь месяцев и пять дней!

— Это замечательно, Кирилл, что вы с нами. Нам необходимы такие помощники. Если вы захотите зарегистрироваться в качестве волонтера, Антипаническая ассоциация, я уверен, единодушно проголосует за вас.

— Я и сам об этом думал, Юнг! Готов подать заявку!

— Спасибо, Кирилл. Считайте вопрос решенным. А сейчас поговорите, пожалуйста, с Ольгой.

— Ольга, здравствуйте еще раз. Я — Кирилл. Как вы себя чувствуете? Если сильно потеют руки, возьмитесь за ушки-сушилки на рулевом колесе и легонько сожмите их, как два эспандера!

«Молодец Кирилл! — с симпатией подумал Назар. — Грамотная работа».

— Да, конечно, я знаю об этой функции, — Ольга не говорила, а повизгивала, словно напуганная собачонка. — Я сразу так и сделала! Руки высохли, но теперь неприятно немеют пальцы...

— Если немеют пальцы, надо постучать по рулевому колесу — сначала пальцами правой руки, потом левой. Посжимать и поразжимать ладони. Начните делать эти упражнения прямо сейчас... Правильно я говорю, Юнг?

— Кирилл, вы все делаете правильно. Спасибо вам! Ольга, главное — не забывайте глубоко и ровно дышать. Так вы быстро нормализуете пульс. Друзья, давайте вместе поддержим Ольгу!

Подготовкой к онлайн-дискуссии, работа в паническом чате... Время в любых, самых беспросветных пробках пролетало для Назара незаметно.

У него никогда не было панических атак.

Ближе к съезду Назар вышел из чата. Его сменил другой модератор.

Неврозы — следствие стремительно ухудшающейся экологии, думал он. А плохая экология — прямое следствие перезагруженности дорог. Слишком много машин! В городе скоро дышать будет нечем. Люди, проводящие часы, дни, недели своей жизни в бетонных тисках Роудленты, в принципе не могут быть психически здоровыми.

В дискуссии, которую он проведет с подписчиками своего канала, Назар собирался поговорить о панических атаках. Наум поддержал выбор темы, хотя оба понимали: такое выступление не прибавит популярности кандидату на пост губернатора. Процент паникеров сознательно занижается, чтобы у населения не возникло еще большей паники.

Железная логика!

Назар давно хотел перебраться в Велогородок. Но потом он включился в предвыборную кампанию, стал кандидатом на пост губернатора. А градоначальник должен жить в административном здании...

Даже если понимаешь, что проиграешь выборы, — пока ты в игре, необходимо соблюдать ее правила. Назар ждал Дня Выборов. Уже год он снимал в Велогородке домик, который собирался впоследствии выкупить. Скоро ему не потребуется дорогущая аренда в офисной высотке в мегарайоне V...

Раздался режущий душу вой: по траволатору, мигая синим проблесковым маячком, промчалась машина «скорой помощи». Назар забыл бы о «скорой» через пару секунд, если бы не нахальная спортивная «тринити» красного цвета, пронесшаяся следом. Он даже присвистнул: что за обнаглевший *мажор*, как называли зарвавшихся богатеи во времена молодости его отца? Мелькнула также мысль: почему на такой машине он гоняет по третьему ярусу, а не по пятому? Что-то явно не то... Вернее, все не то.

Назар потянулся к тумблеру камеры-навигатора, чтобы отрегулировать четкость и приблизить картинку... Да так и застыл с протянутой рукой.

Красная машина, истошно взревев, метнулась влево, и это было последнее, что он увидел. Скрежет, хлопок, резкий запах гари — все, что успел услышать и ощутить Назар, прежде чем сознание обволокло ватой.

Последнее, о чем он успел подумать: с ним случилось самое невероятное, что только может произойти с современным человеком.

Авария.

Очнулся он довольно быстро. Средства защиты сработали, так что Назар отделался лишь парой синяков. Подумал: нужно выбираться... Машину снесло к разделительному барьеру, в который она и уткнулась передним бампером, развернувшись от удара на девяносто градусов. Какой-то человек снаружи, пытаясь ему помочь, раскачивал заклинившую водительскую дверь. Сквозь ту же вату, которой все еще была набита голова, до Назара приглушенно доносились повизгивание металла и бормотания: «Давай, давай, пошла...» Как только дверь подалась, человек протянул ему руку, помогая выбраться.

Роудлента стояла. Водители выходили из машин. Вокруг двух разбитых автомобилей сгрудилась приличная уже толпа. Назар находился в эпицентре аварии; он не только увидел бурую лужу рядом с водительской дверью перевернутой машины — его просто замутило от острого запаха крови.

Над замершим траволатором мигали красные буквы: «Тревога! Посторонний на траволаторе!» Однако никакого «постороннего» не наблюдалось.

К Копыльцову протиснулся полицейский:

— Вы в порядке? Видели, что произошло?

— Красная машина, — пробормотал Назар. — Какой-то сумасшедший летел следом за «скорой»...

— Марка автомобиля?

— «Тринити», машина класса «А».

— Госномер?

— Не разглядел... Извините...

Назара подташнивало. Больше всего на свете он нуждался сейчас в глотке воды; кажется, в бардачке есть бутылка минералки.

— Мне жаль. Он мчался, как сумасшедший...

— Камера слежения не зафиксировала на траволаторе постороннего транспорта, — кроме «скорой помощи», разумеется.

Последнюю фразу, как показалось Назару, служитель закона и порядка произнес ни к селу ни к городу. Все знают, как работают камеры слежения. «Скорая помощь» мчалась с проблесковым маячком...

Странно, что система безопасности траволатора вообще сработала. Датчики сообразили: что-то не так. Хотя камера показывала: все чисто.

Лучше бы показания приборов снимали люди, а не роботы. Эти роботы такие тупые и наглые. После того как один ученый додумался внедрить андроидам эмоциональную сферу, первое, чему они научились — манкировать своими обязанностями, «просыпать» сигналы тревоги и срочные вызовы, обманывать людей. Мало того, «железные дровосеки» высшей категории тусуются в клубах и в соцсетях, обсуждая там, какие люди кретины.

Разумеется, Назар никогда не говорил об этом вслух. За клевету на андроидов в наши дни одним штрафом не отделаешься.

— Предъявите документы.

Как в тумане, он подал полицейскому свои права.

— Господин Копыльцов, у вас два нарушения скоростного режима. Оба штрафа не оплачены.

Он еле заметно кивнул.

Полицейский то ли не узнал его, то ли ему было все до светодиода.

— Почему у вас отключен автоплатеж? Приказываю вам настроить его немедленно.

Второй кивок.

— Оплатить штрафы сегодня же!

Он кивнул в третий раз, как болванчик.

— Служба техподдержки осмотрела вашу машину. Она на ходу. Вам нужна медицинская помощь?

На этот раз Назар отрицательно качнул головой.

Ему выдали направление в страховую компанию и повестку в полицию. Повестка была с датой. Мельком взглянул: пятница. Удобные дата и время. Если только на пятницу не назначат День водителя. Когда это знаковое мероприятие проводилось в прошлом году? Примерно в тех же числах.

— Постарайтесь к пятнице вспомнить все, что сможете, о нарушителе. Марку и госномер машины. Вы же понимаете, как это важно?

— Понимаю. Постараюсь.

— А вот и страховой комиссар, — заметил полицейский, кивнув на аварийную машину, из которой вылезал толстяк в желтом форменном жилете. — Ваш?

Назар кивнул:

— Да. У меня «Автопомощь».

— Что ж, вам повезло — он быстро добрался. Видите — дорога встала. Боюсь, на полдня...

Полицейский взял под козырек, намереваясь отойти, но Назар остановил его.

— Офицер, а что если подать нарушителя во всеобщий розыск? Объявить вознаграждение в виде снижения налоговой ставки, скажем, на год. Тогда, возможно, найдутся свидетели — более внимательные, нежели я.

— Господин Копыльцов! Это же паника! Мы не вправе заставлять граждан паниковать.

Вот их официальная позиция. «Этожепаника» — значит, ничего предприниматься не будет.

Назар — «сеятель паники». Так его называли журналисты. Что ж, пусть лучше воспринимают как паникера, нежели как серьезную угрозу «официальной линии». Впрочем, предпочтительнее — чтобы власти считали его клоуном, шутком балаганным. Clown² — так и зовут его конкуренты. Безобидный Clown. Ха-ха!

Назар выступил в прямом эфире на авторском канале «Город для людей». Но перед этим он провел около часа в санитарном блоке. Там его хорошенько прополоскало. Все-таки похоже на сотрясение. Наум уговаривал его вызвать «скорую» и сделать диагностику, а запись отменить, вернее, перенести. «Друг мне дороже ста тысяч голосов избирателей» — так сказал Наум. Назар возразил: если и сотрясение, то легкое. Завтра он уже будет в норме, а ролики на канале должны выходить бесперебойно.

Что касается самой аварии, то Наум, узнав от Назара о чрезвычайном происшествии, отреагировал неожиданным образом. Не нужно раздрачивать власть и обнародовать происшествие в эфире, сказал он. Правоохранители хотят «замылить» происшествие, чтобы уберечь граждан от паники? Ради бога. Пусть «замыливают». Назару перед выборами следует быть покладистым, а не бодаться.

Назар возразил: на третьем ярусе Роудленты было полно свидетелей. На что Наум ответил, что слухи, кулуарные обсуждения — это одно, а публичные заявления — совсем другое.

«Скандалы нам не нужны, старик. Ты и сам по себе — скандальное явление».

После прямого эфира Назар принял душ. Выпил две таблетки шипучего обезболивающего. Отпустил пораньше двоих молодых помощников. Сообщил Науму, что он в полном порядке, и, когда тот отбыл домой, еще немного повалялся на диване в арендованном офисе. И даже вздремнул.

На потемневшие окна офисного здания автоматически опустились жалюзи с подсветкой. Пора было собираться с силами, вставать и ехать домой. Иначе — позднее возвращение, как следствие — третье нарушение скоростного режима.

Старик уборщик, плешивый и низкорослый, по-отечески относившийся к Назару, самолично заварил и принес кофе. Две чашки. Так повелось: уборщик, заступая на вечернее дежурство, всегда заходил, чтобы посидеть с ним полчаса и выпить кофе. Наум всегда рано уезжал домой: его ждали жена и маленькая дочка. Холостяк Назар, напротив, вечно задерживался в офисе сверх положенного. Ему нравилась тишина, которая наступала в огромном офисном здании после шести.

И всякий раз к нему заходил приятель — вечерний уборщик.

Головная боль почти прошла. Помешивая свой кофе, Назар все думал, думал... Наконец он обратился к уборщику:

— Анатолич, поехали со мной в Велогородок! Насовсем. Мне нужен будет помощник и там.

² Клоун, шут (англ.).

Старик хмыкнул.

— Я не шучу. Все эти молодые креаклы, коучи... Толку от них никакого. Мне нужен человек. Понимаешь?

Анатольич глянул внимательно, опустил глаза в свою чашку с кофе, куснул сухарь. Он был немногословен — настоящий подарок, а не работник.

— У тебя велосипед есть? — уточнил Назар.

Анатольич кивнул.

— Ну, так переселяйся! Сдашь свою тесную хату какому-нибудь студенту. Снимем тебе в Велогородке домик, а потом и выкупим. Автомобиль тебе ведь побоку...

— Да уж... Где мне, — отозвался Анатолич. — Я бесправный...

— Я помню, — мягко произнес Назар.

У Анатолича — пожизненное лишение прав, а в прошлом — тюремный срок. Он жил в двух шагах от офиса, где трудился вечерним уборщиком, и ходил на работу пешком, без самоката. Назар давно знал его историю.

В молодости Анатолич (тогда его звали Владом) круто водил машину. Личное авто Влада постоянно мелькало в блогах возмущенных граждан, а фото машины выставлялось на публичной сетевой странице с тегом *#вожу_как_олень*. Жена верещала всякий раз, когда оказывалась рядом с ним на переднем пассажирском сиденье.

«Что ты творишь! — пронзительно кричала она. — Тормози, тормози! Видишь, он едва увернулся из-под колес! Он же двигался на зеленый!»

Смуглый велосипедист с коробом за плечами — курьер, разносчик еды, действительно чудом увернувшийся от встречи с массивным кроссовером, поворачивавшим на зеленый свет, беззвучно ругался вслед.

«Он на велосипеде ехал по пешеходному переходу, — невозмутимо отзывался Влад. — Он обязан был спешиться. Таких уродов надо учить!»

«Да блин, Влад! Пусть даже ты прав, а он нет, — ты же его сбить мог! Зачем это тебе нужно — полиция с разбирательствами, кто был прав, а кто неправ... и смерть человека!»

«Завали жало, истеричка. Владислав Анатолич знает, что делает».

Он так лихо перелетал через «лежачих полицейских», что однажды от резкого толчка из бачка-омывателя вывалилась трубка, и вся жидкость вытекла. Вечером того же дня, увязнув в грязи за городом, он не смог омыть заляпанные стекла и ехал фактически вслепую, всю дорогу матерясь, но так и не признав, что накосячил.

После очередного дорожного скандала с участием других водителей жена подала на развод. Влад, напуганный ее решимостью, целых две недели ездил так осторожно, как только умел... Когда жена забрала заявление, все вернулось к прежнему.

Однажды утром он подвозил жену на работу. Всю дорогу супруги ругались и препирались. Влад подрезал, вклинивался, гнал по встречке; другие водители возмущенно гудели ему вслед. Жена стенала, он привычно огрызался.

Чтобы попасть на набережную, нужно было пересечь главную дорогу, выехав со второстепенной. Влад и здесь никого не пропускал, несся как угорелый; тормозить приходилось водителям, едущим по главной, хотя у них был приоритет.

Вот и середина дороги. Прямо на него, сигналил, мчался седан. Водитель седана, принципиальная сволочь, притормаживать не собирался. Влад выжал газ и еще ускорился. Впереди был нерегулируемый пешеходный переход...

В такие моменты, когда перелетаешь перекресток, как бешеный, вся надежда на то, что на переходе никого не окажется.

А по направлению к переходу шли, двигаясь навстречу друг другу, два обыкновенных, схожих чем-то паренька. Они даже не шли — скорее, брели, со скучным ви-

дом глядя себе под ноги: на работу не очень-то торопились. Одновременно вступили на переход.

Влад с каким-то отстраненным удивлением заметил, что паренки, почти не поднимая глаз и не сговариваясь, пожали друг другу руки. Так здороваются малознакомые воспитанные мужчины и молча расходятся, поскольку и говорить-то особо им не о чем — просто соблюдают ритуал. Эти двое были знакомы: жили поблизости, ходили в один универсам, возможно, выгуливали псов на общей собачьей площадке...

Они потом и лежали с теми же безучастными лицами, под прямым углом друг к другу (так упали), и один закинул ногу на второго, а рукопожатие бедняг оказалось настолько крепким, что работники труповозки с трудом разжали их окаменевшие пальцы.

Жену отвезли напрямик в клинику неврозов. Выписавшись, она подала на развод и уехала навсегда. Владислав Анатольич получил семь лет колонии — по максимуму. И водительское удостоверение отобрали. Как раз вступила в действие такая мера, как пожизненное лишение прав. Для особо рьяных и самоуверенных, постоянных героев сетевых групп *#вожу_как_олень*. Там ведь, в группах, такой кипеш поднялся — удивительно, что его не линчевали. Водитель иномарки постарался: и показания в суде давал, и специальный паблик завел, сам в итоге крутым блогером заделался.

...А Владислав Анатольич до сих пор видел во сне тех двоих. Они приходили к нему вместе с его армейскими товарищами. Эти два паренка во снах тоже были одеты в военную форму, и в горячечные ранние часы, когда кошмары наиболее тяжелы и беспросветны, их обмякшие тела сбрасывали в траншею вместе с останками товарищей Влада, а затем утюжили захоронение бронетранспортерами.

— Тебе человек нужен, Назар, — проговорил Анатольич, поставив свою чашку на стеклянный столик. — А какой я человек?..

Назар хотел было возразить, но Анатольич качнул головой и продолжил:

— Одно радует: сейчас не осталось больше таких уродов, каким был я.

— Боюсь, ты ошибаешься, — произнес Назар.

И он рассказал об аварии на Роудленте и о лихаче в красном авто.

Анатольич внимательно слушал, и все эмоции, от удивления до негодования, пробегали по его худому жесткому лицу.

Когда Назар, покинув офис, выезжал на Роудленту, ему показалось, что впереди маячит знакомое красное крыло. Тот или не тот?..

Как поступить? Вызвать полицию?.. Но на каком основании? Да, «тринити» — не самая распространенная машина в Полисе, но все же их выпускается два-три десятка в год. Начальник Автозавода, легендарный Кобрин, ездит на такой машине. Правда, по другому ярусу.

Назар вдохнул, выдохнул... И отправился в панический чат.

Красная машина смиренно ползла в общем потоке, ничем не выделяясь среди прочих транспортных средств.

2. ТРЕВОГА

Автозавод

На заводе жизнь начинается рано. В пять тридцать утра, по традиции, раздается протяжный заводской гудок. Он обязателен. Потом играет гимн, и на центральном дворе-плацу ползет по шесту, взвивается и реет государственный флаг. В этот момент на плацу должны выстроиться все, от уборщиц до генерального директора.

Генеральный директор, Федор Андреевич Кобрин, потомственный работник автопрома, радеет за соблюдение традиций.

Через полчаса в цехах и отделах проводятся скорые планерки, потом мастера и работники отправляются по своим местам, а в кабинете генерального собираются начальники отделов и лабораторий.

Совещание растягивается на час.

К семи утра на заводе вовсю кипит производственная деятельность. Короткие, строго регламентированные перерывы допустимы не раньше одиннадцати.

Гендир — седой мордастый мужик с архаичной курительной трубкой, со старомодными усами и большим мясистым носом в капиллярах, в кожаном пиджаке, который он надевает на свитер, кажется пришельцем из прошлого века. В то же время это крепкий современный производственник, «не голова, а дом советов», как отзываются о Кобрине заводские старики. Он — прирожденный шпион. При нем сфера промышленного шпионажа настолько выросла из рамок предприятия, что теперь в Полисе есть специализированная Академия внешнего шпионажа.

А начиналось все с молодого мастера Кобрина, запустившего свой первый микроскопический дрон, а потом с усмешкой и, кажется, в том самом кожаном пиджаке раздававшего интервью прессе.

С той поры прошло уже почти полвека. Технологии резко скакнули вперед. Теперь на разработку дрона не нужно тратить годы: микродрончики, подобные первому детищу Кобрина, уже изготавливают автошкольники на уроках труда.

Ну, а Кобрин — живая легенда.

Восседа в старом кресле, обтянутом натуральной кожей, с вытертыми подлокотниками, лоснящимися, как и рукава его пиджака, он жирным голосом раздает указания. Руководители служб сидят перед ним вживую и записывают ориентировки в бизнес-планшеты. Или делают вид, что записывают: у каждого есть наушник-диктофон. Потом расходятся руководить процессом. А гендир остается в своем кресле, в кабинете со старомодными панелями и мебелью из красного дерева, где на стене, среди дипломов и почетных грамот (еще одна традиция), висит на специально сконструированном кронштейне прозрачный куб из пуленепробиваемого стекла. А внутри куба — Тот Самый Дрон.

Так сентиментальные фабриканты в старину хранили свое первое изделие или символ бизнеса, переданный от деда: моток ниток, пуговицу, башмак, подстаканник, еще какую-нибудь ерунду.

На противоположной стене можно увидеть «схему эволюции»: как архаичные иномарки, каких теперь не встретишь на Роудленте, трансформировались в модели, ныне представленные на рынке Полиса: «гранты», «дельты», «греты», «фавориты» и — вершина эволюции отечественного автопрома — легкоходные скоростные «тринити».

«Мечта мажора» — так называет Кобрин свою красную любимицу «тринити». Он и сам разъезжает на такой.

В цехах бряцает, гроыхает, пахнет маслом и техническими жидкостями. Вторник — день открытых дверей, когда завод наводняют толпы: студенты-технари, ученики автоакадемий. Мастера проводят инструктажи, особ отличившиеся рабочие выполняют показательные монтажки. Все к этому привычны, никому не мешают скопища народа.

Разгоряченный мастер командует процессом разборки-сборки; здесь все так же, как было десятилетия назад.

Инновации сосредоточены в отделе внешнего шпионажа, при котором есть и лабораторный цех. В цехах происходят сборка и комплектация, основанные на «новой-

ших разработках» (иначе говоря — уворованных технологиях). Это самая важная и ответственная работа.

Две девушки в комбинезонах ведут беседу. У одной в руке — крошечная паяльная лампа, у другой — микроскоп.

— Ты слышала? Анька выиграла все-таки тендер.

— Кто бы сомневался. Опять эта выскочка!

— У меня был проект не хуже.

— У нее ведь папа — зам...

— И что, уже катается по пятому ярусу?

— Ну да.

В лабораторный цех входит плачущая девушка, тоже в комбинезоне. На рукаве у нее нашивка с буквой «П»: «практикантка».

— Ленка, что случилось?!

— Девчонки, — рыдает вошедшая, — мой дрон не выходит на связь уже около часа... Все кончено!

— Да ладно?.. Может, сбой... помехи...

— Их обычно устраняют за двадцать минут, — авторитетно говорит вторая работница.

— Сочувствую, Ленка... Ты сколько возилась с этим дроном?

— Это моя дипломная работа!

Ленка почти взывает, потом вытирает глаза и садится на стул. Сидит так некоторое время, уронив лицо в ладони.

— А где он выполнял задачи? В Западном секторе или в Восточном?

— В Восточном...

— У них хорошая разведывательная база. Ладно, не реви. У тебя ведь запасной остался? Только не говори, что не позаботилась о запасном.

— Да, есть резервный... Но его нужно обучить. Неделя уйдет...

— Тогда срочно берись за дело, а не ной!

Постепенно практикантка успокаивается.

— Да, конечно... Сейчас пойду... Ой, девочки, у кого есть зеркальце?

— Анька-то наша, — ты слышала, нет? Опять выскочила!

Разговор перемещается в здоровое русло девчоночьих сплетен.

Генеральный директор Кобрин восседает в своем старом кресле. Его преданный зам Виталий Игнатьевич Кулагин, красиво поседевший, пожилой, но все еще подтянутый бывший ловелас, с виду усталый, задавленный бытом и кукольной женой-стервой, стоя перед ним, выслушивает указания. Зам кивает, не меняясь в лице, потом задает уточняющие вопросы и, еще раз кивнув, направляется к выходу.

Кобрин задерживает его на пороге фразой: «Спасибо за дочь!» Заместитель расплывается в улыбке. Это их производственно-приятельская шутка — без доли шутки — и ритуал последних месяцев. «Напротив, это вам спасибо, дорогой Федор Андреич, что поверили в мою Аню и взяли ее на службу».

Лицо гендира непроницаемо, но хорошо знающий его зам что-то улавливает в кобринском взгляде. Кобрин, сдержанный и холодный с виду, очень ценит верных ему людей; с ними он порою ласков. Заместитель думает: «И я, и моя семья — мы многим обязаны этому человеку». Он растроган и счастлив.

Коротким кивком шеф отпускает заместителя, и тот покидает кабинет, опьяненный отцовской гордостью, споткнувшись о порожек при выходе.

Дочь Виталия Игнатьевича — теперь уже гордость всего Автозавода, а не только отца и проектной лаборатории, в которой она трудится с недавнего времени.

Оставшись один, гендир закуривает; у *главного шпиона Полиса* кабинет оборудован с соблюдением требований противопожарной безопасности. На лице его, как это ни странно, появляется подобие сентиментальной улыбки...

Почти четверть века назад Федор Андреевич впутался в неприятнейшую историю. Его очередная любовница — зарвавшаяся девчонка Оксана, от глупости и отсутствия жизненного опыта не боявшаяся ничего и никого, даже Кобрин, самого сурового промышленника развивающегося Полиса, — грозила разрушить его карьеру и семью. Не брала ни деньги, ни апартаменты в элитном районе С (новейшую модель «тринити», прямо с конвейера, он ей и так уже подарил). «Мой ребенок не должен расти без отца!» — заявила эта нахалка. И картинно приложила ладонь к животу, еще совершенно плоскому, даже втянутому.

Оксана таскалась за ним на все мероприятия. Они и познакомились, когда она пролезла на закрытую вечеринку «для своих» и, будучи соплей на тридцать лет моложе, начала с ним беседу в тональности капризной школьной красавицы, флиртующей с робким молокососом. Его это позабавило... На том и погорел!..

Пришлось аннулировать ее «зеленый пропуск» на презентации и банкеты.

Однажды, когда Оксана в очередной раз прорывалась на закрытие конференции по развитию технологий шпионажа, а ее не пускали, прелестную рыдающую девушку увидел на проходной его верный зам — и привел с собой, отбив у стражей. Кобрин по горячей просьбе Кулагина дал команду пропустить.

Уже в банкетном зале, когда Оксана оказалась за одним столиком с ним и его супругой, по правую руку от Виталия Игнатьевича, Кобрин по глазам заместителя понял: мужик попал.

«Бери Витальку в оборот, — спустя три дня говорил Кобрин Оксане, развалившись в кресле у своего собственного бассейна (они отправились на выходные в дальний пригород, чтобы «попрощаться по-людски»). — Сумеешь окрутить — будет тебе счастье». — «Но он ведь тоже семейный», — возражала Оксана, округляя глаза и ротик. «Посмотри ему в глаза. Он уже попался, главное — не упусти». — «Но... — Оксане все еще не хватало мозгов, чтобы оценить масштабы лотерейного выигрыша. — Ребенку ведь нужен отец...» — «Дура, чем тебе плох такой отец?» — рявкнул он, не удержавшись.

Но тут же потеплел, взглянув на нее — розовую, нежную, соблазнительно раскинувшуюся в шезлонге, едва прикрытую сбившимся полотенчиком.

«Я тебе все дам. И тебе, и ребенку... И Витальке, если он впряжется. Тебе ведь нужен статус? То-то. А меня — не зыщи — ты не получишь».

Оксана молчала, насупленная: перед ней забрезжили *перспективы*. Да, не совсем те, о которых она мечтала. Но Виталий Игнатьевич и выглядел моложе, и был привлекательнее и, что немаловажно, податливее Федора Андреича... Лицо ее посветлело.

Так родилась Аня. Что важно, в полной семье.

Кулагин — это, конечно, не Кобрин. Но и не абы кто.

Кобрин был доволен. Он искренне желал Аньке добра. Девчонка-шпионка — его кровинка! Все его дети стали шпионами. Все они талантливы, предприимчивы и честолюбивы. И — это уже неожиданный бонус, подумал он самодовольно, — все они красивы. Законные наследники внешне удались в жену. Анька — вылитая Оксанка. Правда, Оксанка в сравнении с гениальной дочерью — дура душой. Так ведь должны работать и отцовские гены...

Волнофон, крикнув, отогнал приятные размышления: пришел сигнал от осведомителя, работавшего в Администрации.

«Объявлена тревога! Оранжевый уровень!»

Главный промышленник Полиса, нахмурившись, смотрел на дисплей.

Пятая спецбригада

В восемь тридцать в Управление полиции нагрянула проверка.

Невзирая на то, что управление ко всему готово и сотрудники с восьми утра на рабочих местах и бодрь, на этот раз проверка оказалась чем-то вроде вчерашнего потопы. Неожиданно и некстати.

Люди из Администрации наводнили коридоры; чтобы рассадить и своих, и приехавших, потребовался большой конференц-зал.

«Свои» казались непривычно тихими. Пришлые, напротив, были шумны и валяжны. Переговаривались, потягивались, похохатывали — в общем, всем своим поведением демонстрировали, что они здесь хозяева.

На сцене за большим столом расположились Начальник управления, Заместитель начальника, Глава Особого отдела («полиция полиции», «змеи среди змей», как называли сотрудников этой конторы полицейские), с ними — руководитель комплексной проверки и три его помощника.

В зал, рассчитанный на двести кресел, набилось до полутысячи человек. Все явившиеся после двухсотого, согласно интерактивной таблице учета присутствующих, принесли с собой складные скамьи и стулья.

Наконец устроились. Повисла тишина, и только некоторые приезжие изредка пощелкивали костяшками пальцев, а один сидевший в первом ряду вытащил старинные четки и нервировал зал, звучно отсчитывая или подсчитывая что-то известное ему одному — возможно, безвозвратно ускользавшие секунды.

Слова взял Начальник управления. Перед тем как заговорить, он встал, затем просительно обернулся к персоне, возглавлявшей проверку. Выражение лица его в этот момент показалось подчиненным заискивающим, однако ни один из сидевших в зале сотрудников управления ничего не сказал своему соседу, даже не переглянулся с ним. Все сидели с каменными лицами. Проверку возглавляла рослая сорокалетняя привлекательная женщина с курчавыми, коротко остриженными волосами и большими темными глазами. Она еле заметно кивнула, и Начальник заговорил:

— Значит так. Как показала вчерашняя скрытая проверка, затопление парковок — это диверсия. Всем руководителям отделов и инспекторам полиции довести информацию: до окончания расследования мы работаем в усиленном режиме! Все всё поняли? Через три дня, до обеда, вы, Большенков, — костлявый человек в полковничьих погонах резво вскочил с места, — доложите непосредственно мне, кто диверсант. — Костлявый полковник сделал «кисть лодочкой» и по инерции приложил «к пустой башке», но тут же, спохватившись, напялил фуражку и повторно отдал честь. — Привлеченные силы и средства — на ваше усмотрение.

Начальник кивнул головой, утверждая сказанное, и сел было на место, а персона, возглавлявшая проверку, уже открыла рот, но тут Начальник спохватился и, встав, добавил:

— Спецбригада номер пять, расследующая аварию на Роудленте, освобождается от несения службы в усиленном режиме и от участия в расследовании обстоятельств дела о затоплении парковок.

И Начальник устало опустил в кресло.

Глава проверки, не вставая с места, заговорила сочным густым контральто:

— Уважаемые коллеги! В это трудно поверить, но в нашем Полисе произошла диверсия. Все указывает на это. Затопление парковок, огромный ущерб, нанесенный

имуществу граждан, автомобильным, строительным и страховым компаниям, городу в целом — беспрецедентен. Вопрос: мог ли такой ущерб быть причинен стихией? В наше время, когда безукоризненно работают очистные сооружения, а системы оттока сточных вод регулярно обновляются? Нет и еще раз нет! В преддверии губернаторских выборов такое происшествие тем паче попадает в поле зрения проверяющих и контролирующих служб!

Глава сделала паузу. По залу пробежал шум.

В седьмом ряду, ближе к середине, рослый полицейский наклонился к напарнику и проворчал — тихо-тихо, чтобы его услышал только сосед:

— Ясно. Наезд на Алтурмесова — это он ведь с затоплениями парковок борется. И сточными водами в Полисе он заправляет. И больше всех голосов набирает...

— Во дают... Лучше бы закопали шута-эколога, — прошептал в ответ сосед, офицер неопределенного возраста, с физиономией подростка, но уже обозначившимися залысынами надо лбом.

— Шут Лозе не угроза, — лаконично отозвался рослый.

Начальник управления постукал по столу скрюченным пальцем; усиленный динамиком звук гулко разнесся по залу. Шум затих. Напарники отодвинулись друг от друга и застыли в своих креслах. Рослый сделал суровое лицо, а моложавый соорудил скупающе-отрешенную мину.

— Отныне наша с вами общая задача...

Моложавому явно не сиделось на месте. Он поерзал. Напарник незаметно подтолкнул его локтем.

— ...С целью выявления подозрительных лиц... Опрос проживающих непосредственно в вышеуказанном жилом комплексе, а также прилегающих домах... Да, такая работа занимает недели. Но у нас с вами есть всего два дня...

— Не повезло ребятам, — не удержавшись, прошипел моложавый. — Наша бригада освобождена, а им теперь до ночи и без выходных пахать...

— У нас поинтереснее работа, — буркнул рослый и сам испугался, настолько отчетливо прозвучала его реплика.

Впереди сидящие офицеры начали оборачиваться. Один из них, полный одышливый подполковник, предостерегающе приложил палец к губам.

— ...Тщательнейший осмотр нижних ярусов... Проверка всех систем водоканала...

Рослый офицер из седьмого ряда, багровый оттого, что его, как школьника, засекли за болтовней, покосился на соседа и недовольно покачал головой. Тот бросил извиняющийся взгляд и попытался сделать «деревянную морду», как учил его сидевший рядом — старший по возрасту и опыту, но не смог: его душил смех.

— ...Прослушка волнофонных разговоров, просмотр видеочатов, беседы с лицами, близкими к кругу кандидатов на пост губернатора... Параллельно вести поиск как исполнителей-диверсантов, так и заинтересованных лиц первой степени...

Рослый и моложавый обменялись быстрыми внимательными взглядами. «Вот оно!» — просигнализировал глазами старший. «Как ты всегда проницателен», — беззвучно восхитился его товарищ.

— Есть вопросы? — спросил Начальник. — Можете их задать прямо на месте. А то опять начнется: руководители не довели вам то, это...

— Да, щас, — опять вырвалось у моложавого. — Тут вякнешь — от своего шефа потом выгребешь...

Сидевший впереди начальник бригады, в которой служили говорливые полицейские — а это именно он прикладывал палец к губам, — вновь полуобернулся, с деланной свирепостью покосился на моложавого, а затем поднял руку.

— Вы, — ткнул в его сторону Начальник управления, сложив пальцы правой руки в форме пистолета.

Бригадир поднялся с места:

— Генерал, вы, кажется, говорили, что пятая спецбригада — моя то есть, — к расследованию не привлекается? Так?

— Кажется, говорил. А у вас, Феденко, что — кондуктивная тугоухость?

Генеральская шутка разрядила обстановку: в зале послышался нарастающий гогот.

— Никак нет! — вытянулся в струнку бригадир.

— Тогда почему это вам что-то «кажется»? А-а, у вас есть и скрытые собеседники? Запутались, кто из нас чего говорил? Сегодня же обратитесь к штатному психуятру.

Полный восторг! Полицейские хохотали, как дети, пальцами вытирая выступившие слезы. Даже Глава проверки снисходительно улыбнулась.

— Слушаюсь, генерал! — бригадир, зардевшись, отщелкнул каблуками. — А сейчас разрешите мне и моей бригаде идти? Расследование аварии на Роудленте требует времени и человеко-ресурсов.

— Ступай с богом, клоун. Хохмить будешь тогда, когда придет твое представление на полковника. А сейчас иди работай. И мордovorотов своих забирай.

После этой фразы не менее двадцати сотрудников в черном организованно поднялись с мест и, топоча, покинули зал. Моложавого все так же душил смех.

В коридоре рослого и моложавого догнал бригадир Феденко.

— Потопите вы меня, ребята, — посетовал он. — Так подполковником и сдохну.

— Ладно, извини, — отозвался рослый.

— Вот то-то же...

Тут бригадир понизил голос:

— Ну, что думаете обо всем этом? А, Леонард, Василий?

Леонард и Василий переглянулись. Затем Леонард нарочито грубо проговорил:

— Не наше это дело — думать! Вот в Аналитическом управлении — там пусть думают.

— Правильный ответ, — одобрительно кивнул бригадир. — Другого и не ожидал. И все-таки хорошо, что мы с вами во всем этом не завязаны. Наше дело правое: мы нарушителя ловим!

Последнюю фразу Феденко выплюнул с каким-то ожесточением.

— Ну, так что... мы с Васей едем? — после паузы спросил рослый Леонард.

— Давайте, ребята. Сегодня прокатитесь в лабораторию. Отслеживайте расшифровку показаний этого жучка, — Феденко передернулся. — Надо же гадость такую изобрести...

— Обычная блоха, ничего особенного.

— Вот-вот. Это уже точно без меня... А завтра на техстанцию съездите. И дальше — по плану. Вопросы есть?

— Никак нет.

Феденко кивнул, поднялся и направился к выходу.

— Его в детстве клещ укусил, — проговорил Василий, провожая бригадира взгладом. — Я от отца слышал.

— Меня никто не кусал, однако я этих тварей тоже на дух не переносу, — буркнул Леонард. — А Измаила Алтурмесова жаль. Хоть и прощелыга, но деятельный мужик. Уж он бы водостоки отремонтировал...

— Нам все равно, сам знаешь, за кого голосовать придется, — пожал плечами Василий. — Так какая разница...

Социальный транспорт

Электробус второго поколения — устаревшая, но все еще ходовая модель, осуществляющая доставку инвалидов в центры социальной адаптации — застрял на третьем ярусе. На голубой, разрисованной облачками боковине электробуса пляшут веселые розовые, красные, лиловые буквы — надпись сообщает: «Всё для инвалидов!» В салоне — удобные откидные кресла; задняя часть свободна, там размещены качели, гамаки и батут — на случай, если инвалидам с ментальными отклонениями, заскучавшим в пробке, потребуется разрядка.

Водитель в униформе общественной организации «Милосердие», вышедший на работу после суток отдыха, накануне посмотрел неприятный видеоролик о затоплении подземных парковок. С самого утра он не может отделаться от тревожных мыслей. Ведущие передачи намекали на какую-то диверсию...

Какая такая «диверсия», водитель не понимает. А что если Гуманистическому миру грозят войной внешние враждебные силы? Что если за потопами последуют взрывы, как случилось в Догуманистическую эпоху? От этой мысли у тридцатилетнего мужчины начинает ныть в животе. Ему кажется, что грудная клетка расширяется изнутри — она наполнена воздухом, выдохнуть который он не может из-за спазма.

Водитель уже полчаса сидит в паническом чате. Его колотит. Лоб покрыт мелкими бисерными капельками пота. Он слушает разговор модератора с паникером, но не может присоединиться, попросить помощи. В салоне электробуса за его спиной сидят инвалиды с ментальными отклонениями, их хрупкие границы так легко нарушить, они больше здоровых подвержены заражению паникой. Уж водитель-то знает: у него есть специальный диплом-допуск к работе с инвалидами.

Руки намокли от пота и скользят по рулю, ноги стали ватными. Грудную клетку так расперло, что ему кажется: он сейчас задохнется. Сердце колотится так сильно, что он явственно слышит его стук...

Сидящая за спиной водителя соработница шестым чувством улавливает: что-то не так. Поднявшись с места, она подходит к водительской кабине, тихонько стучит.

Водитель не оборачивается: инвалиды не должны видеть его лицо. А от лица осталась лишь сырая серая маска, вылепленная из теста... Его голова опущена, плечи подрагивают.

— Алексей, — окликает его соработница. — Все в порядке?

— В порядке, Марина, — бормочет он.

— Чего? Леш... А, Леш!

Алексей успевает включить блокировку. Покачнувшись вбок, он не удерживает равновесия и падает на пол кабины. Видя, что Алексей корчится на полу, Марина тоненько вскрикивает. И тут же начинают повизгивать, похныкивать, а потом и плакать в голос юноши и девушки с ментальными отклонениями, сидящие в салоне. Они плачут, и подвывают, и ритмично раскачиваются взад-вперед. Марина выдавливает пластиковую дверь и пытается вытащить водителя в салон. Но в кабине слишком мало пространства — водителя зажало; он раскинул руки и елзлит ими по воздуху, словно пытается за что-то уцепиться.

Марина беспомощно оглядывается на своих подопечных, собравшись, окликает:

— Гарик, Володя! Подойдите-ка сюда.

Двое юношей лет восемнадцати, всхлипывая, встают и идут по салону. У крепыша Володи — болезнь Дауна. Он тихонько хнычет, но бодро топает к Марине.

— Бери его за руку, — командует Марина. — Тащи!

Володя берется помогать... Вдруг кудрявый Гарик падает на пол и, подвывая, начинает кататься по салону. Он стучит зубами и трясется, очень похоже изображая панический припадок.

— Мать твою, — бормочет Марина, вся красная, сама чуть не плачущая.

Вместе со скулящим Володей они вытаскивают из салона бесчувственного, обмякшего водителя. Он совершенно мокрый, как будто спасатели выловили его из водоема. По полу катаются уже трое; почти все «социальщики», как называют пассажиров автобуса горожане, мелко дрожат, скрючившись в своих креслах. Аутист Толик, завывая, раскачивается на качелях, пытаюсь успокоить себя однообразным движением.

«Панический электробус» к тому моменту оказывается помехой на Роудленте: ярус уже потихоньку зашевелился и пополз, но движение по полосе, на которой застряли «социальщики», перекрыто полностью. Со всех сторон гудят недоумевающие водители. Наконец кто-то догадывается подать тревожный сигнал. Люди выходят из машин, обступают электробус, кое-кто пытается проникнуть внутрь... Марина нажимает кнопку «Орел», двери открываются. Пожилая женщина, похожая на отставного соцработника, бодро ныряет в салон, прохаживается между рядами, умело утихомиривая инвалидов. Двое мужчин выносят на свет божий Алексея, третий выводит плачущую Марину.

На траволаторе мелькает, дрожит проблесковый маячок: к месту происшествия мчит «экстренная психологическая помощь».

Водитель «экстренной» — спокойный, уверенный в себе молодой азиат. Собственно, а почему ему не быть уверенным? С работой повезло: никаких пробок, впереди — всегда свободная полоса. *Настоящая жизнь*, с чувством собственной значимости. Не хуже, чем у водителя «скорой»...

Водитель «экстренной» слышит, как психологи вполголоса переговариваются в кабине:

- Вызовы участились...
- Непонятно, как справляться...
- Самоклонироваться, что ли...
- Будто муравейник разворошили...
- Вы же понимаете, коллеги, это из-за той байки про диверсию... кому-то выгодно, чтобы дождевой потоп считали диверсией... механизм паники запущен... непонятно, кто ответит...
- Как раз понятно: как всегда, не тот, кто виноват!
- Тихо, вы что? Где угодно, только не в машине! Давайте потом...
- Ой... Прости-прости...
- Да не волнуйся! Внешний динамик выключен. Мы же имеем право вести обсуждения без прослушки...

Лицо водителя невозмутимо, он все понимает, но услышанное никак его не касается. Его дело — отслеживать геолокацию, чтобы не проехать место происшествия — сектор, откуда поступила тревожная заявка.

Впрочем, электробус с разрисованной боковиной небесного цвета и жизнерадостной надписью «Всё для инвалидов!», перегородивший среднюю полосу, трудно не заметить издали.

3. КОЛЕСНЫЕ МЫТАРСТВА

Victim

Рябинин знал, что за потопом последует шквал заявлений. И не ошибся. Его буквально рвали на части. В основном заявителями выступали бабы — то была его карма. В понедельник после выезда к месту аварии он отправился в офис, откуда припелся

домой еле живой, к вечеру вторника почти оглох, а в среду утром проснулся от дергающей боли в левом виске. Фантастическим усилием заставил себя подняться, собраться и выехать в офис.

В офисе продолжилось ровно то же, что и во вторник. Кроме того, и во вторник, и в среду его отвлекала полиция. Правоохранители мешали работать, выходили на видеосвязь и даже приперлись в офис. Спрашивали, не было ли «подозрительных лиц» близ парковки или на нижних ее ярусах. Когда его спросили об этом в четвертый раз, Сергей чуть было не сорвался. Он, конечно, совладал с собой и вежливо ответил инспектору, что, вообще-то, прибыл к месту затопления, на подземную парковку, самым последним, — его опередили несколько сотен автовладельцев, проживавших в том же доме. Если и были какие-то «подозрительные следы», то их затоптали, а может, раньше смыло дождем. Что же касается нижних ярусов, то они были затоплены, и никто, даже спасатели, в первые часы не могли проникнуть туда. Насколько он знает, водолазов к месту аварии не вызывали, поскольку не поступало сведений о пострадавших людях...

Полицейские, пришедшие во вторник, вели себя корректно, все записали и ушли. Однако в среду явились они же, и повторилось в точности то же, что и накануне! Два часа драгоценного рабочего времени пришлось потратить на «сказку про белого бычка». Рябинин чувствовал себя обворованным.

Если кому-то кажется, что у страхового комиссара мало забот, пусть он устроится на работу в «Автопомощь». На его мониторе мигали красные огоньки — непрочитанные заявления. Сергей последовательно открывал и читал анкеты, ставил пометки, правил, регистрировал, пересылал одни — в бухгалтерию, другие — назад, пострадавшим, для устранения замечаний. А количество заявок все росло и росло. До конца недели рассмотреть столько анкет и отработать такое количество запросов не в силах человеческих. Однако терпила этого понимать не хотят: все как один требуют, чтобы временный транспорт им дали немедленно.

У Рябинина была своя собственная классификация «терпил».

Первые — «водители-аккуратисты». Эти знают толк в оформлении документов, а в критических ситуациях, влекущих за собой страховые случаи, они всегда выступают как жертвы, поскольку сами ошибок не совершают. Их гнусность в том, что в работе со страховым инспектором они сотню раз перепроверят каждую запятую, привлекут юристов, протянут время, обязательно к чему-нибудь прицепятся, будут препираться и вымогать, в худшем случае — затеют тяжбу.

Вторые — «водители-муравьи». Таких большинство. Они сидят в общем потоке, покорно ползут по Роуденте, тихие и неприметные, ни на что не влияющие. Но в чрезвычайной ситуации они моментально объединяются в толпы и организованно принимают качать свои права. У них всегда находится какая-нибудь муравьиная матка, которая вдруг обретает зычный голос; прочие прячутся за ее спиной и дружно поддакивают. Смысл требований прост: «Денег, дайте денег!» Могут манипулировать: мы — бедные, несчастные пострадавшие, как же вам не стыдно... Будучи по отдельности слабыми и ничтожными, сообща могут до смерти закусать представителя страховой.

Третьи, самые страшные, — «водители-паникеры». Мало того, что на дороге они создают потенциальную угрозу другим водителям (Сергей никогда не верил в безаварийное водительское сообщество и в минувший понедельник убедился, что был прав), — в моменты, когда действительно происходит ЧП, они способны многократно усилить его разрушительную мощь. Работать с ними — то еще удовольствие. Эти невротики по двадцать раз потревожат инспектора, чтобы напомнить о себе и о причитающихся им деньгах, и всю душу вытрясут, пока их не получат.

Есть еще «разгильдяи водители», «водители—темные лошадки», наконец, смешанные типы... Однако Рябинин до сих пор не вывел ни одного класса, работать с которым было бы легко и приятно.

— Сергей Саныч! Приехал клиент, займись им, — заглянув к нему в бокс, велела Алла Юрьевна.

Он устало кивнул, воспроизведя рукой жест готовности: конечно, безотлагательно. Алла поплыла дальше, кивнув клиенту, который уже торчал у него на пороге. Это был тот кудрявый парень, с виду нелепый, слегка не от мира сего, фамилия которого поразила Рябинина в прошлую встречу. По классификации Сергея — «водитель-аккуратист».

— Прошу вас, — буркнул он, сделав приглашающий жест.

Кудрявый приветливо поздоровался, прошел и сел, вытянув ноги. Свой затрепанный, но стильный кожаный рюкзак (видно: любимая вещь) он поставил не на пол, а на колени.

— Ваши документы на рассмотрении, — заученно заговорил Рябинин. — Все переслано в Департамент автотранспорта. Направление из полиции зарегистрировано...

Сергей кашлянул. Неловкость ситуации усиливалась. Посетитель сидел спокойно, поглядывая то на него, то на свой рюкзак.

— А вы, простите... э-э... не?... — наконец не выдержал Сергей. — Ну, в смысле, Копыльцов — тот самый?

Посетитель улыбнулся:

— Своей родовой фамилии не стыжусь.

— Понятное дело. Я хотел сказать... Такая... известная личность — и такая заваруха.

— Да, сегодня аварии — большая редкость, — согласился Копыльцов. — Но поверьте, я не ради пиара вляпался в эту историю. Просто так получилось.

— Охотно верю! — воскликнул Сергей. — Кто же будет вляпываться... ради пиара...

Кудрявый внимательно на него посмотрел. «Еще вопрос — кто из нас более нелепый», — подумал Сергей, чувствуя, что уши у него просто полыхают.

В нем боролись раздражение, которое вызывал человек, сидящий напротив, и огромное любопытство. Скорей даже — горячий интерес. Ко всему прочему добавлялось чувство неловкости, оттого что на стене за спиной Сергея висел большой цветной портрет губернатора Лозового.

Сергей запыхтел, поерзал, вздохнул. Так и не справившись с эмоциями, выпалил:

— Моя дочь — ваша поклонница. Она не говорит напрямую, конечно, но... Думаю, она отдаст вам свой голос.

Копыльцов нежно зарделся. Сейчас он ничуть не походил на клоуна. Перед Рябининим сидел... он сам, только двадцатью годами моложе. Ведь даже кудри у него были! Там, где сейчас лоснится розоватая лысина. «Что-то трогательное в тебе, Рябинин, есть...» — так говорила Сергею невеста, впоследствии обманувшая его с «безаварийным тренером».

Сергей почувствовал досаду на себя и добавил почти сердито:

— Ну, о себе я такого бы не сказал. Я, знаете ли, консерватор...

Человек, сидящий напротив, спокойно кивнул: понимаю.

— Так вот, по срокам... У нас форс-мажор: затопило парковки. Огромный дом, парковок — тысячи. Поступило очень много заявок... Я бы рад ускорить лично ваш вопрос. Вы — человек известный... М-да. Обещать не могу, но попробовать...

— Нет, не надо! — возразил Копыльцов. — Я все понимаю. Подожду. В порядке очереди. Машина на ходу, как-никак.

Сергей с интересом рассматривал гостя. Тот отличался от прочих медийных клиентов: не раздражался, не грубил, не наезжал. Готов был ждать, пока ему выплатят страховую сумму...

Нет, этот — точно не «водитель-аккуратист». Но кто же? «Водитель-разгильдяй»? Смешанный тип?

Сергей, неожиданно для себя, тепло улыбнулся Копыльцову:

— Что ж... Благодарю за понимание.

И спохватившись, произнес уже официальным тоном:

— Тогда ждите. Я сам вам позвоню. В течение трех дней.

— Спасибо.

Копыльцов поднялся и протянул руку. Сергей ее пожал.

— А-а... мне бы ваш автограф... для дочери, — неожиданно для себя выпалил он, чувствуя, что кровь приливает ко лбу и ушам.

Рябинин знал, что сейчас лицо его густо-красно, и ему было стыдно из-за этого.

Копыльцов, уже сделавший шаг к двери, остановился и вернулся к столу.

— Конечно, буду рад, — кивнув, отвечал он.

— В таком случае подождите... Поищу пластиковый стикер...

— Нет нужды.

Улыбнувшись, Копыльцов извлек из рюкзака брошюру. Подавая гостю ручку, Сергей выхватил взглядом название на обложке: «Счастливый город».

— Ого! Вы выпустили книгу? — удивился он.

— Да, и не только эту. У меня их целая полка. Тиражи маленькие, материал — эко-бумага. Не беспокойтесь: я противник вырубки лесов.

— Даже не сомневался, — заверил Сергей.

Копыльцов раскрыл брошюру на титульном листе. Спросил:

— Как зовут вашу дочь?

— Настя. Сейчас она как раз готовится к выпуску.

— «Дорогая Настя! Успехов на Экзамене! Н. К.», — размашисто черкнул Копыльцов.

И, протягивая брошюру вместе с ручкой, произнес:

— Пожалуйста. Будьте здоровы!

— Спасибо! И вы не хворайте, — тускло проговорил Сергей.

Когда за посетителем закрылась дверь, он почувствовал, что злится. Вероятно, на себя, поскольку больше было не на кого.

Впрочем, что он сделал не так? Самый одиозный из кандидатов в губернаторы произвел на него приятное впечатление: был корректен и приветлив, согласился подождать. А для политических споров существуют дискуссии в прямом эфире. Никто не мешает ему зарегистрироваться...

Только представив, как он, Рябинин, регистрируется для участия в дискуссии с политиком, Сергей фыркнул.

Заглянула Алла:

— Сергей Саныч! Свари-ка мне кофейку.

— Да, конечно... А где волшебное слово? — почти жалобно промычал он в уже закрывшуюся дверь.

Дверь снова приоткрылась. Однако вместо спасибо Алла деловито произнесла:

— И давай-ка скатайся на техстанцию, к нашей седьмой аварийной бригаде. Там торчат полицейские эксперты, а у нас новый приказ: никаких экспертиз без представителя страховой службы.

Дверь на этот раз сильно хлопнула — возможно, сквозняк.

«Хамло», — буркнул себе под нос Сергей и отправился варить кофе.

У аварийщиков на базе действительно сидели двое полицейских.

Вожев поздоровался с Рябининым за руку, пожаловался: день псу под хвост, в среду ему вообще полагался выходной, но полиция выдернула и его, и ребят в шесть утра.

Опрашивают по поводу позавчерашней аварии. Правоохранителей интересует, не было ли на проезжей части «посторонних фрагментов», то есть обломков, не относившихся к пострадавшему автотранспорту.

Андрей отвечал формально: ничего «такого» не видел. Парни — тоже. Впрочем, они и не напрягали память, силясь вспомнить. Сергей просто сидел без дела, тарабанил пальцами по крышке стола. Все понимали, что у полицейских ведется разработка, а их, сотрудников «Автопомощи», ни во что не посвящают. Ну и пожалуйста. Они тоже не будут расшибаться в лепешку ради следствия.

«Вы и так уже все, что искали, нашли», — чуть было не брякнул Рябинин рослому хмурому полицейскому, вспомнив стражей порядка, ползавших на карачках, но вовремя осекся.

Пока полицейские вносили в мобильные приложения показания аварийщиков, привезли новую уборочную технику. Уже освободившиеся от допроса Вожев и молодой Саня отправились смотреть. Сергей, заинтересовавшись, двинулся за ними в диагностический ангар.

Да, посмотреть было на что: двурукий манипулятор с кранами-«каруселями», раскититель, магнитный сборщик, тяжеловоз — все космическое, инопланетное, пахнущее маслом и нагретым на солнце железом. Все только что с Автозавода. Залюбуешься! Саня даже рот приоткрыл.

— Падлы, — зло выплюнул Андрей.

Рябинин его понимал. При таком великолепии бригаду можно запросто укомплектовать одним контролером-водителем вместо четверых технологов-аварийщиков.

Потом полицейские зачем-то вызвали Сергея и принялись расспрашивать, не заметил ли он чего-либо «подозрительного». Рябинин чуть не расхохотался, но вовремя сумел сделать «морду кирпичом».

— Подозрительно много полицейских находилось на Роудленте, — с неожиданной для себя дерзостью ответил он.

Рослый хмурый полицейский — судя по всему, главный в паре — посмотрел на него даже испуганно. Рябинин ответил наивным, почти дурковатым взглядом. Полицейский, вздохнув, отвел глаза и махнул рукой: можете идти.

— Леонард Денисович, — обратился к рослому второй полицейский, неприметный шатен, — я закончил опрашивать остальных. Протоколы загружены. Может, поедем?

Допрос закончился. Полицейские убыли.

Вожев предложил Рябинину пообедать вместе с бригадой, и все отправились в забегаловку автоматического обслуживания.

Старик Анисимов сегодня опять был на подъеме («Что он курит?» — задался вопросом Сергей) и травил байки, рассказывая о водительских подвигах своей «старухи». Вожев, обычно молчаливый, тут не выдержал, взвился:

— Ты, Петр, со своей женой достал уже!

Петр нисколько не обиделся:

— Да о моей бабе хоть роман пиши. Вот как-то, лет тридцать назад, звонит мне со двора, от парковок. С работы приехала, значит. Верещит: «Петечка, еле доехала! В бачок-омыватель жидкости налила, а стекло грязнится и грязнится!» Что такое? Выхожу. А моя слабоумная — как ее еще назвать? — залила, оказывается, в бачок — что бы вы думали? Масло!

Саня прыснул, обрызгав свою желтую робу бульоном.

— Во дает! — фыркнул Антоха.

Сергей, не удержавшись, улыбнулся во весь рот.

— Я ей, конечно, выдал, — продолжал Петр. — Идиотка, говорю, ты угробила машину! Моя — в крик, в слезы. Перепутала, орет, ошибиться любой человек может. Ладно, простил. Поехал с ней в мойку. Там нам бачок из шланга промыли, копейки лишней не взяли, помимо того, что я за мытье машины заплатил. Как-то, знаете, целиком машину вымыть захотелось. Отмыть от бабьей дурости!

Парни смеялись, на какое-то время забыв о своих неприятностях. У Сани даже слезы выступили на глазах.

— Жестокий ты человек, Петр, — заметил Андрей. — Надо поласковой с *меньшими*.

Так лет десять назад «сексисты» называли женщин. Сегодня, если кто-то позволит себе отпустить подобную шуточку, он заплатит крупный штраф. Однако в компаниях *своих* мужики «позволяли», и Сергей в том числе (не без удовольствия, заметим).

— Что дальше? — поторапливал рассказчика Саня.

— Проходит три дня. Я еще на работе. Моя звонит. «Петя, — орет, — я в машине ноги промочила! Чувствую — мокро. Посмотрела вниз, а коврика-то и нет!..» Забыли, значит, коврик вернуть в машину после мойки, — пояснил Петр.

— И твоя только через три дня заметила? — Саня загоготал.

— Удивительно, что вообще обратила на это внимание. Поехал я с ней в сервис...

— А ты туда зачем потащился? — спросил Андрей.

— Ну, она стеснялась. Упросила меня сходить, забрать злополучный коврик. Захожу. Говорю диспетчеру: «Мы тут три дня назад мылись и забыли водительский коврик». Диспетчер звонит в моечный цех. Через полторы минуты выбегают два парня и девушка, выносят коврик. «Ой, это вы! — говорят разочарованно. — А мы хотели посмотреть на женщину, которая залила масло в бачок-омыватель».

— Ну, вывел бы ее к зрителям — пусть бы раскланялась, — заметил Сергей.

Старик Анисимов был ему зверски симпатичен: так точно и метко обрисовать сущность бабью!

Отсмеявшись, техники, кроме Петра, как-то незаметно помрачнели вновь. Сергей понимал: радоваться-то нечему. Он доел свой ланч. Саня отошел в уборную почистить забрызганную робу. Петр с подносом стоял к автомату за кофе. Андрей ковырялся в волнофоне; сбоку Сергей видел, что у него открыта стартовая страница официального сайта Сафари с незаполненной тестовой формой.

— Третий день мурыжу, — пожаловался Андрей. — Пока дошел только до раздела диагностики пространственно-временной ориентации...

Тут долетел сигнал от начальника техотдела. Вожев закрыл форму, выматерился и ответил шефу.

— Да, Евгеньич! Технику приняли, все отлично. Мы на обеде... Что? Послезавтра дежурим? А что сразу я?.. У меня перенос выходного с сегодня на послезавтра...

Послезавтра — это пятница, подумал Рябинин. День водителя обычно проводится по пятницам. Значит, через два дня он состоится. Зачем еще вызывать на дежурство бригаду аварийщиков, отнимая у ребят выходные?

Настя... Сергей почувствовал легкое головокружение и шум в ушах; такое бывало с ним давно, в дополисной жизни, когда он мальчиком находил на морском берегу большую раковину, перламутровую изнутри и шероховатую снаружи, прикладывал к уху и жадно слушал голос океана. Теперь в ушах шумит, стоит ему понервничать. Пора заняться здоровьем, подумал Рябинин.

Но как тут не переживать, когда у Насти через два дня — Экзамен? Водительский день — это ее день...

— Да понял я, — обреченно отбрыкивался Андрей. — И про губернатора, и про постановление... Аварийщики на «Дне дурака» — куда без них! Понял, Евгеньич. Молчу, болван...

Сергей подумал: страховые случаи послезавтра будут рассматриваться без него. Родители выпускников освобождаются от работы в День водителя. Это — традиция, которая поддерживается законом. Так что пусть Алла удавится, потонет под грузом заявок...

В приступе торжествующего злорадства он пообещал себе, что завтра сделает по минимуму, основной вал работы оставит разгрести Алле Юрьевне.

Что касается Андриюхи, то никуда он не денется. Усиленный режим, ахтунг всем службам. На Экзамен вызывают только опытные орденосные бригады. Такие, как вожевская. И руководить аварийщиками должен надежный, проверенный старшой. Вроде Андрея.

— Ладно, Евгений, что с тобой делать... День дурака так день дурака...

Андриюха досадно быстро сдал свои позиции. Рябинину стало даже обидно за него... А может, за себя?

Андреем хотя бы не баба командует.

Сергею захотелось выпить. Скорей бы закончился рабочий день...

Вожев завершил разговор, сообщил и так уже известную Сергею новость: День водителя состоится через два дня. Ему, Вожеву, в пятницу придется пахать. Шеф пообещал два выходных вместо одного плюс премию.

— Премия вместо увольнения — это хорошо. Средний срок регистрации в службе Сафари — до полугода. За это время поднакоплю... Евгений сказал: «Обрадуй ребят». Да, ребята спляшут от радости! Саня вообще в пятницу пораньше свалить хотел...

На обратном пути, когда «фаворит» Рябинина полз по Роудленте, Сергею вдруг стало жарко. Он почти моментально взмок. Такое иногда случалось в последнее время в дороге. Он не придавал этому значения, только думал: придется отладить систему кондиционирования.

Но на этот раз все было иначе. У него заколотилось сердце, потемнело в глазах. Грудину сдавило так, что Сергей выдохнул и не сумел вдохнуть. Он почувствовал удивление — сильный страх пока не пришел, вдохнул воздух с усилием, с хрипом, сглотнул... И тут же мелкая дрожь, начинаясь от кончиков пальцев, захватила все его тело.

И накатила паника.

Посреди дороги, в пробке, далеко от дочери, для которой послезавтра наступит главный день в жизни, — неужели он умрет от инфаркта?

И тут же понял — словно кто-то шепнул ему в ухо: это не инфаркт.

Паника.

На дисплее висела иконка панического чата — ненужный, дурацкий значок; он пытался даже удалить его на последней автопрофилактике, но мастера отказались, сославшись на закон. Сергей машинально ткнул в иконку...

Паническая атака — у него? Он не только жертва, victim, но еще и *паникер*?

В чате кто-то судорожно плакал и невнятно бормотал, а кто-то другой бодрым фальшивым голосом убеждал плачущего, что тот «не одинок», называя всех присоединившихся «братьями и сестрами». Послушав какое-то время, стараясь дышать часто и мелко (он усвоил это на курсе по ОБЖ автомобилистов), Сергей отключился от чата.

Все прошло само по себе. Только лоб и ладони были мокры да тревожно, гулко билось сердце. Нет уж, он не паникер! Доберется до дома, выпьет, расслабится. И никому не расскажет о случившемся.

Дома ему больше всего на свете хотелось завернуться в теплое одеяло и уснуть до утра, но он решил дожидаться дочери. Сергей устроился в высоком кресле перед

стойкой домашнего бара, включил массажер-грелку для ног, налил себе порцию портвейна, и кресло принялось его укачивать, как заботливая няня — младенца.

Как странно находиться в большой квартире одному. Сергей долго привыкал к вечерним отсутствиям дочери. А ведь когда-нибудь придется привыкнуть и к тому, что она уйдет навсегда и он останется один...

Сергей смутно помнил, как выглядела жизнь до Гуманистической эпохи. Он начал водить автомобиль, когда вышел закон о надзоре за водителями. Там было все: отчеты о поездках, прослушка, чипирование, контроль скоростного режима с дистанционной блокировкой. Появились временные разграничения, предписания: кто, когда и куда может поехать. Только что построили Роудленту — в том виде, в котором она существует сегодня. Роудлента незатейливо напоминала людям о том, что в *их мире* неизбежно классовое неравенство.

Водителей, нарушивших новые правила дорожного движения, строго наказывали: штрафовали на суммы, вдвое превышающие месячный доход, лишали водительских прав на длительные сроки, а порой и пожизненно.

Отправляться в поездки без открытого на дисплее персонального аккаунта и без виртуальной идентификации личности отныне было запрещено, как и пользоваться чужой машиной; автотранспорт супруга или родителя тоже попадал в эту категорию. Исключения составляли каршеринговые авто, при аренде которых также требовалась авторизация.

Запретили поездки без навигатора, противопожарной сигнализации и камеры слежения за водителем. «Записи этих камер никогда и никем не просматриваются, — уверял с телеэкрана глава пресс-центра дорожной полиции. — Ни-ког-да! Это только на случай угонов и прочих ЧП».

Институты внешнего шпионажа за последующие двадцать лет подняли благосостояние Полиса на достаточно высокий уровень. У каждого, кто имел водительское удостоверение, была возможность купить отечественную машину новейшего образца; жилищных проблем как таковых в центре и на периферии Полиса практически не возникало.

И как неизбежно случается в утопическом мире, где никому не приходится бороться за выживание, да и сама борьба не имеет смысла, вспыхнули беспорядки и волнения. Позже их назовут «колесными бунтами».

Водители митинговали, требуя ослабить контроль, разрешить свободные перемещения и признать водительское право на приватность. Старики, заставшие идилические времена, когда можно было тискать в машине любовницу, а потом, отвезя ее домой и наскоро почистив салон, на крыльях любви мчаться к жене, кляли «антигуманный режим». Молодежь требовала, помимо возвращения прав личности, увеличить разрешенную скорость (тогда еще существовала скорость!) и допустить употребление водителями безалкогольных энергетиков и *веществ* «в разумных пределах». Были и те, кто заявлял о необходимости отказа от автотранспорта вообще и видел в Роудленте «воплощение зла», железобетонного монстра... Для этих, последних, за отсутствием смертной казни предусматривалась *трансмиссия* (иначе говоря — лоботомия).

Полиция разгоняла митинги, поливая толпу из брандспойтов. Бодрящая холодная вода содержала транквилизирующее вещество. Толпа становилась вялой, теряла мотивацию и задор — и люди расплзались по домам. Митингующих, не успевших за двадцать минут убраться восвояси, грузили в автозаки и развозили по участкам, чтобы выписать штрафы.

Потом «колесные бунты» прекратились. Новое поколение водителей не видело ничего плохого в контроле скорости (дороги и трассы встали, так что само понятие

«скорость» утратило смысл), и им было привычно постоянно находиться под прицелом глазков мини-камер. Зато разгорелась настоящая война между водителями и велосипедистами.

Сергей не был наивен. Он анализировал происходящее и видел: без чьей-то направляющей руки эта война бы не началась. Кому-то она была выгодна. А кто больше других заинтересован в том, чтобы конфликты из взрывоопасной плоскости «граждане — власть» перешли в хорошо управляемую плоскость «граждане — граждане»?

Разумеется, власть.

Да, внешне все выглядело как проявления естественного прогресса и воспринималось как некогда противоборство сторонников полной цифровизации и архаичных последователей бумажного книгопечатания. Как тупая вражда ваксеров и антипрививочников. Как виртуальные бои приверженцев всеобщей электронной кодировки и защитников пресловутых «приватности, частных прав и свобод граждан».

Водители возмущались, что велосипедисты с агрессивным упрямством цепляются за свои «примитивные железяки», и пытались изгнать «педальных лохов» с проезжей части улиц. Велосипедисты заявляли, что водители загрязняют окружающую среду и обрекают себя и своих детей на раннюю старость и болезни: остеохондроз из-за постоянного обездвижения, инсульт из-за недостаточного снабжения головного мозга кислородом.

Одна из отличительных черт прогресса заключается в том, что все играет ему «на руку». Все, даже кажущееся случайным. Примерно в одно и то же время в двух разных мегарайонах Полиса произошли две трагедии. Первая: в парке велосипедист сбил ребенка, гулявшего с бабушкой. И вторая: велосипедист, проезжавший через нерегулируемый пешеходный переход, был сбит легковым автомобилем.

В результате двух судов, проходивших одновременно и отслеживаемых сотнями тысяч граждан в онлайн-режиме, были наказаны: в первом случае — велосипедист, во втором — водитель.

И началось! «Велосипедисты представляют серьезную угрозу: они убивают наших детей на детских площадках! Мало того, из-за их разгильдяйства и неуважения к правилам дорожного движения страдают ни в чем не повинные водители!»

Водители стали нападать на велосипедистов в проходных дворах, на периферических вечерних трассах, на задворках жилых кварталов. Правоохранители делали вид, что ничего не происходит. Нападающих почти всегда было несколько, они были вооружены арматурой или предметами бытового инвентаря и никаких корыстных целей, вроде грабежа, не преследовали. Всякий раз — одно и то же: избивание человека и порча велосипеда. В правоохранительных органах повисли «глухари»; это было нетипично и вызывало панику среди граждан.

Тогда было решено прикрывать аккаунты «паникеров». Подобное наказание за «общественную неблагонадежность» для многих приравнялось к социальной смерти.

Тысячи автомобилистов высыпали на митинги. То были последние крупные массовые волнения. После этого власть категорически, под страхом трансмиссии, запретила любые митинги, пообещав, однако, разобраться в ситуации и решить проблему раз и навсегда.

И проблема с велосипедистами была решена — единым росчерком пера, на законодательном уровне. Наиболее осторожные и разумные говорили, правда, что торопиться не стоит: велосипедистов все равно постепенно вытесняют самокатчики. Их транспортные средства более компактны, легки, не так вызывающи, и вообще они необходимы. Ими, в отличие от велосипедов, как раз и пользуются сами водители:

самокаты нужны им, чтобы догонять свои машины, транспортируемые парковщиками к Роудленте. Не нужно драконовских мер, наказаний и запретов...

Как всегда, разумных не послушали.

Велосипедисты были изгнаны из городской части Полиса, закольцованной Роудлентой. На периферии, в сельской местности они основали велогородки. И обжились, и работают там. Мало ли предложений для фрилансеров? А сельское хозяйство? А творческая и научная сферы, все эти многопрофильные дизайнеры, креативщики, технические писатели, коучи, ученые-изобретатели, выигравшие тендеры на домашние лаборатории. И наконец, где должны обитать инвалиды и пенсионеры?

Но в самой сердцевине угнетенного велообщества тлеют угли негодования и злобы, копят силы для нового бунта. Все это понимают. Однако до поры до времени ничего с этим не сделать.

А вот дети велосипедистов — уже представители Гуманистической эпохи, люди новой формации. Они чаще всего покидают велогородки, как только получают водительские права. И это правильно, хоть и грустно. Ретроград родитель не должен ломать жизнь молодого перспективного человека...

Автомобильная пробка уходила в бесконечность. Над Роудлентой висел густой смог. Сергей сидел в своей машине, на одном и том же месте, уже два часа. И все это время ничего не происходило.

От нечего делать открыл паникерский чат, но в эфире шли помехи. Среди шума прорывались какая-то старая песенка и обрывки дискуссии. Сергей узнал голос Копыльцова и поморщился: и здесь этот клоун...

Ничего из того, о чем он думал в последнее время, чем была загружена его больная голова — бабы-вредительницы, Настин Экзамен, выплаты ущерба владельцам затопленных машин, — больше не существовало. Единственной реальностью была Пробка.

Ему казалось, что он целую вечность уже находится здесь...

И вдруг его выбросило напрямиком к офисному зданию, где размещалась страховая компания «Автопитера». На крыльце стояла улыбающаяся Алла с электронной сигаретой. Он подъехал, опустил стекло.

«Молодец, вовремя прибыл: успеешь отметить!»

Алла наклонилась к его водительскому окну и протянула планшет.

Он ткнул в графу: «Явка на службу».

«Мы с тобой сегодня единственные добрались, — сообщила Алла, забирая планшет. — Если через полчаса никто не появится, можно закрывать контору... Пообедать хочешь?»

Рябинин машинально кивнул. В руках Аллы появились сэндвич и экопластиковый стаканчик с кофе.

Сэндвич на вкус был как вата. Он глотнул кофе и даже не ощутил.

«Парковаться тебе смысла не имеет, — сказала Алла. — А ведь к нашему офисному зданию только-только пристроили новую высотку! Зачем, спрашивается? Лучше бы отдали деньги горожанам...»

С кривой улыбкой она махнула рукой в сторону высотной парковки, уходившей в небеса...

Сергей отъехал от здания. Алла, улыбаясь, стояла у входа и махала ему рукой. На выезде у шлагбаума он прицельно метнул в мусорный экобак стаканчик. Бак довольно заурчал...

И это было безнадежной явью, и он знал, что по всему городу стоят, замерев, печи, станки, станции техобслуживания, теплоэлектроцентрали, вокзалы, медицинские смо-

тровые кабинеты. Люди прибывали на службу, чтобы отметить, и следующие полдня возвращались домой...

Он въехал-вполз на Роудленту.

Роудлента по-прежнему стояла в оба конца. Люди в машинах терпеливо ждали. Каждый надеялся поспеть домой до блокировки скоростного режима.

Хлопнула дверь, и Сергей, подпрыгнув в самоукачивающем кресле, резко проснулся. В висках стучало, его знобило. И не верилось, что то тяжкое, гнетущее было всего лишь сном...

— Папа, у меня в пятницу Экзамен! — крикнула Настя из коридора.

Что-то грохнуло и, срикошетив о стену, приземлилось уже окончательно, судя по звону, на резном винтажном столике.

Сергей все хотел спросить у Насти: как ей удается так снимать ботинки, чтобы они летали по всей прихожей? И каждый раз забывал.

Дочь появилась в дверях без тапок (пол с подогревом), бесшумная, грациозная, будто резкость и угловатость сбросила с обувью. Сергей залюбовался дочерью.

— Папа, ты слышал? День водителя и Экзамен поставили на пятницу! Послезавтра! Ты обязательно должен приехать. Я хочу знать, что ты едешь за мной. В такой день, пап!

Он вновь почувствовал боль в виске, прижал его пальцем, будто приставил к голове ствол. Господи, пусть у Насти все будет хорошо.

— Лапуля, я уже знаю про Экзамен. Ребята на работе обсуждали. Конечно, я буду рядом с тобой.

Настя подошла, обняла его. Сергей похлопал дочь по спине и легонько отстранил.

— Да, кстати, — вспомнил он о брошюре, брошенной при входе на журнальный столик, на котором сейчас валялась Настина обувь. — У меня для тебя сюрприз!

— Вау! — завопила Настя, увидев автограф. — Пап, ну ты крутой!

Сергей устало улыбнулся. Пусть автограф этого чудака вдохновляет дочь. Лишь бы у нее все получилось!

Crash

Лина никогда не была метеозависимой, но прошедшим вечером она чувствовала себя совершенно разбитой. При этом спать не хотелось. Лина полежала без сна, потом открыла подборку старых фильмов (Денис накачал в ее гаджет больше сотни таких), выбрала молодежный ужастик и стала смотреть.

Компания друзей — Супермен, Красотка, Жертва, Недотепа-Девственница и Шут — отправилась на каникулы в уединенный домик в горах.

Плавно покачивая, Лину увлекли невидимые волны...

Лина и Ленька ехали в электробусе. Они были единственными его пассажирами. Черный силуэт водителя маячил впереди.

Лина смотрела в окно. На дороге то тут, то там попадались черепахи. Она сразу узнала этих неповоротливых существ, которых видела на картинках в книжках или школьных учебниках по «Основам знаний об окружающем мире» (и ни разу — вживую). Смешные, медлительные, неповоротливые, они медленно и, казалось, бесцельно ползали по бетонке, однако постепенно приближались к электробусу, хотя их траектории первоначально уводили в сторону от него. Вскоре Лина заметила, что у перемещения черепах есть четкий график. Они *знают*, куда движутся.

«Смотри, — Лина обратилась к Леньке, — черепахи приближаются к нам...»

«Ты не замечаешь за ними ничего странного?» — вдруг спросил ее брат.

Только сейчас Лина рассмотрела, что панцири и вправду необычной формы.

«Что это за... пирамида? Что за странная порода черепах? Черепахи-верблюды?»

Ей, как и наяву, казалось, что, если она еще способна шутить, ничего страшного не происходит.

«Это не порода, Крашуня, — отрывисто (испуганно?) отвечал Ленька. — Это не горбы, а вживленная взрывчатка».

«Нас хотя убить? Кто? Зачем?»

Теперь ее захлестнула волна липкого страха. Все было как наяву. Такой отчетливый, локализованный страх не может присниться: во сне ужас иррационален. В тот момент, когда Лина в деталях представила их с Ленькой смерть, ей стало ясно: это не может быть сном.

«Это убийцы нашего отца. Они нашли нас...»

Лина повернулась в сторону водительской кабины. Водитель, съезжившись, втянув голову в плечи, старательно объезжал черепах-камикадзе. Дорога сужалась и наконец закончилась: ее преградил блокпост с автоматчиками.

Водитель открыл переднюю дверь. Один из автоматчиков, с лицом, закрытым черной маской, вошел в салон.

«Что происходит? Я тоже полицейский...» — обратился к автоматчику Ленька.

Лина физически почувствовала, как внутри брата разрастается паника. Мелкая дрожь распространяется по его телу, начиная со ступней, лодыжек, голеней... поднимаясь к солнечному сплетению...

Автоматчик посмотрел на Леньку, потом медленно перевел светлые и выпуклые, как у рыбы, глаза на Лину.

«Саперы обезвреживают черепах», — объяснил автоматчик.

И добавил, сплюнув на пол из-под маски, неплотно охватывающей нижнюю часть лица:

«Нельзя туда...»

Издали донеслись звуки коротких взрывов. Автоматчик мгновенно выпрыгнул из электробуса и устремился в ту сторону, где повисло густое серое облако, откуда слышались крики. Как только он скрылся, водитель тут же попытался развернуть электробус, но тот застрял посреди дороги.

Лина и не заметила, как дорога успела так сузиться: прежде здесь была нормальная четырехполоска со встречкой, теперь же электробус преграждал одноколейку с односторонним движением. Непонятно, почему водителю вздумалось разворачиваться в таком узком месте — ведь можно было попросту сдать назад...

Водитель повернул к Лине белое искаженное лицо. Это был Денис.

Лина быстро отвела глаза. К электробусу со всех сторон устремились черепахи. Она снова посмотрела на водителя. «Что нам делать?» Водитель-Денис кивнул на пассажирскую дверь, которая так и оставалась открытой, и буркнул: «Валите же! Ну?»

Лина выскочила из автобуса, не взглянув больше в сторону Дениса. Она слышала, как за ее спиной тяжело, грузно спрыгнул с подножки брат. Они бежали в противоположную от блокпоста сторону. Бежали прочь от нависавшей над Полисом Роудленты. Мчались туда, где просматривалась лесополоса, где дороги как таковой не было — только поле, заросшее пожухлой травой...

Лина проснулась. Ужастик закончился, экран погас. В спальне было темно и тихо.

Она включила антикварный торшер, посмотрела на циферблат старинных бабушкиных часов. Пора было вставать, собираться к заказчику с авторскими эскизами по оформлению веранды.

Но почти на пороге ее тормознули полицейские, явившиеся без предупреждения. Оказалось, проводится расследование причин затопления подземных парковок.

Бред сивой кобылы! И так всем ясно, что никаких других причин, кроме двухдневного ливня, нет. Но стандартная процедура полицейских расследований, связанных с любыми повреждениями автомобилей (святая святых), побуждала стражей порядка землю рыть. Наверное, если кто-то раскроет заговор, ему дадут орден.

Всякий раз, когда Лина думала о подобных установках правоохранительной системы, она задавала себе вопрос: почему тогда вредители экологии до сих пор не изолированы от общества? Однажды она задала этот вопрос Леньке, и тот поразил ее ответом: для того, чтобы существовало и развивалось утопическое общество (а у них именно такое общество), должна существовать свободная симпатичная (а главное, неопасная) оппозиция. «Косматый шут из Мегатуба симпатичен молодежи, — объяснил Ленька. — А за молодежью, как ни крути, будущее. Ребятам хочется острых ощущений, сенсаций. Поэтому чем скандальнее политик, тем больше он получит поддержки автостудентов, молодых спортсменов, курьеров и парковщиков. Вот его и терпят. И даже, не секрет, поддерживают на государственном уровне. Правда, из партии выгнали, говорят».

Брат у нее умный, даром что мент. И увлеченный. Позавчера, например, он волнировал ей дважды за день, а такое происходит довольно редко. Ленька, всегда говорящий четко и раздельно, чуть не захлебывался, рассказывая новость:

— Крашуня, ты спрашивала про нарушителей. Так вот, выискался вчера один! Из-за него авария на Роудленте произошла.

— Авария? В понедельник? Леня, я видела над Роудлентой черный дым!

— Вот этот нарушитель и послужил причиной аварии. Мы уже всю работу со «щипачом». Я тебе в пятницу расскажу. Главное, наша штука, отечественная! В нашем Полисе задумана и собрана... Девочка-вундеркинд теперь приглашение в правительство получит! В Академию внешнего шпионажа при президенте, не меньше. Списать готов.

Лина слушала брата, переспрашивала, комментировала — и в очередной раз удивлялась, почему Ленька не стал изобретателем, как их родители-химики...

Помимо рассказа об аварии, Ленька опять заводил разговор о ее замужестве. Гипотетическом. У брата была навязчивая идея: выдать сестру замуж. Узнав о «перспективном клиенте» — том самом, с которым она торопилась на встречу, — брат сразу принялся стоить прогнозы и делать предположения. А что если?.. А вдруг заказчик к ней неравнодушен, а веранда — только повод?

Лина хохотала, когда слышала подобные разговоры. «Если бы ты его увидел, Ленька, вопросы бы отпали, — говорила она. — Твоя Крашуня достойна лучшей участи!» — «Ну, это надо обмозговать, — возражал брат, а ей было непонятно: что тут еще „обмозговывать“? — Денис для тебя был — лох. А этот чем плох?» — «Он толстый и старый, — отмахивалась Лина. — Я даже представлять не хочу, как этот центнер с одышкой на меня забирается!»

Теперь уже смеялся брат. «Ладно, — соглашался он. — Убедила. Встретимся на Валькином дне рождения и обсудим, что нам с тобой делать. У меня, кстати, напарник холостой. И не толстяк! Правда, лысеть уже начал. Но ты ведь — дизайнер, смастеришь ему парик из своих роскошных волос...»

После того как полицейские покинули квартиру, Лина пулей вылетела за дверь. Она выезжала со двора на самокате, мысленно прикидывая, где сейчас находится ее парковщик с машиной.

Мимо двигалась группа «Динамистов седьмого дня»: черные плащи с капюшонами, символы в виде кольца Мёбиуса на спинах. Лина чуть было не засмеялась им вслед, вспомнив недавний конфуз, о котором растрезвонили городские блогеры. «Динамисты» подкараулили клоуна-эколога перед правительственным зданием, где проходила в виде круглого стола встреча губернатора с оппозиционерами, и закидали его нечистотами.

Среди «динамистов», как это ни странно, превалируют пожилые консерваторы. А в старину, по словам того же брата Леньки, неформальные группировки в основном состояли из молодежи. Брат и в этом подкован: проштудировал целую энциклопедию, когда изучал криминалистику и криминологию. Молодые ребята носили тяжелые цепи, гребни из собственных волос и даже рога: ввинчивали инородные элементы в собственные черепа! Они наносили себе татуировки, шрамы и прочие увечья. Правда, против чего протестовали неформалы, чему или кому они поклонялись, даже брат понять не сумел. С «динамистами» хотя бы все ясно.

Лина добиралась до Центра, открытого только для самокатчиков и пешеходов, больше двух часов. Последние полчаса — на самокате. В здание она влетела, запыхавшись.

Заказчик ждал в зале для VIP-клиентов, сидя вполоборота ко входной двери и постукивая ногой в такт музыкальной заставке, предваряющей очередную онлайн-дискуссию, начинавшуюся по одному из центральных каналов телевидения. На интерактивной стене вращался символ Роудленты, бежали титры; как только вращение прекратилось, появилось изображение просторной студии, где за столом сидели ведущий и шут-эколог. Начинался прямой эфир.

Лина мысленно выругалась, но тут же состроила профессиональное приветливо-оживленное лицо.

Заказчик был полный, даже тучный, но когда он при ее появлении встал и поклонился, Лина отметила, что движения его вполне грациозны. Не выразив неудовольствия по поводу ее опоздания, заказчик галантно отодвинул для нее кресло и тут же вновь уселся и уставился в стену. Лина поблагодарила и плюхнулась напротив.

— Кофе? Чай? — не дожидаясь ответа и не отрывая взгляда от интерактивного экрана, заказчик шелкнул пальцами, подзывая официанта. — Кстати, вы обедали?

— Да, я пообедала, спасибо. Мне — ванильный капучино.

Между тем ведущий, лысый мужик в пестрой ретроблузе с распахнутым воротом, затараторил бодро, нагло и без запинки:

— Сегодня у нас в гостях кандидат в губернаторы Назар Тимофеевич Копыльцов — известный вам представитель партии так называемых «экологов-пессимистов»... Простите, бывший член партии. Вы ведь не состоите в ней больше, Назар?

— Я действительно вышел из партии экологов, что, впрочем, не говорит о каких-либо существенных разногласиях между мной и партийной верхушкой. И вам как профессиональному журналисту должно быть известно, что я теперь являюсь создателем и руководителем другой партии...

Гость программы выглядел слегка неопрятно: нечесаная кудрявая грива, мятая толстовка вместо приличного студийного костюма. Однако Лина подумала, что голос у него приятный, мягкий и бархатистый. И говорить он умеет — этого не отнять.

Шут-эколог напоминал ей... Дениса. Она никогда раньше не замечала, что между ними есть некоторое сходство.

Лина впервые подумала: внешне «клоун» довольно привлекателен. Денис был такой же: простоватый, но симпатичный и всегда взъерошенный, как будто расчесывался исключительно пятерней, а не электрощеткой.

Лине стало грустно. «Женщина-катастрофа»... Это точно про нее! Осталась одна, и пенять не на кого.

Она покосилась на мужчину, сидевшего напротив. Платежеспособный заинтересованный заказчик. Нельзя открытым текстом сказать ему, чтобы выключил программу.

Перед столиком выросла девица с зелеными волосами и в кедах, в форменном фартучке бара «Елкин-палкин».

— Два ванильных капучино, — велел заказчик. — Принесите сразу, до основного заказа. Затем — два стейка из лосося с вашим фирменным зеленым соусом...

— Я же сказала: я поела дома, — возразила Лина.

Однако, перехватив взгляд выпуклых глаз заказчика, она поняла, что лучше с ним не спорить.

— Тогда мне фруктовый салат, пожалуйста.

— Два супа-пюре — тыквенный и из шпината и брокколи, — не слушая ее, тем временем говорил заказчик. — Вы пробовали здешний тыквенный суп? — Лина помотала головой. — Я как-то больше сторонник шпината... Или вы предпочитаете грибной?

— У нас замечательный грибной крем-суп, — промурлыкала девица.

— Отлично! Один — грибной, один — из шпината и брокколи. Два стейка... Да! И фруктовый салат.

Официантка кивнула и бесшумно удалилась.

Тем временем двое на экране вели свой диалог.

В.: ...Можно я дословно вас процитирую? Вот, из заявления, сделанного для наших слушателей в прошлое воскресенье. «Нарастание частоты и амплитуды панических атак у водителей связано не с геомагнитными либо космическими аномалиями, а с засильем автотранспорта на Роудленте и на дорогах Полиса. Если общество насквозь поражено неврозом, то что можно сказать об отдельных его гражданах?» Это ваши слова, Назар?

К.: Да! И я готов отстаивать свою позицию. И меня поддерживают авторитетные российские психиатры. Зачитать вам список специалистов?

В.: Полагаю, в этом нет необходимости.

К.: Вы действительно считаете, что нет необходимости в привлечении экспертов для оценки степени серьезности сложившейся кризисной ситуации?

В.: Я считаю, что нет необходимости запугивать наших слушателей психиатрами. Да, многие водители сегодня испытывают чувство паники. Я сам, если хотите знать, зарегистрированный паникер. Ну и что? Те же психиатры считают панику неприятным, однако практически безвредным явлением. Водитель, сидящий в своей машине, помещенной в плотный поток других машин, не несет никакой угрозы окружающим и не подвергается опасности сам. Он получает квалифицированную помощь в чате...

К.: Простите, не знал, что вы — паникер. Я ни в коем случае не хотел вас обидеть. Я сам работаю анонимным модератором в паническом чате. Кстати, распространяемые по всем каналам слухи о том, что затопление придомовых парковок в районе Комендантского аэродрома, произошедшее, по мнению любого здравого человека, из-за ливня и устаревшей канализационной системы, вызвано диверсией — разве эти слухи не усиливают панику у горожан? В последние дни панические чаты перегружены. Такого я попросту не помню!

В.: Вот насчет «слухов» я бы с вами поспорил! Как нам сообщили, «слухи» о диверсии — никакие не слухи, а вполне официальная информация Аналитического управления Администрации Полиса...

К.: Но ведь эта «официальная информация» включила механизм заражения паникой! Получается, обнародование этой информации вредно для граждан? На мой взгляд, вы сами себе противоречите, уважаемый... Извините тысячу раз.

В. (со смешком): Ох и непрост этот орешек — господин Копыльцов, уважаемые слушатели и участники дискуссии! Мне-то он уже не по зубам. Теперь осталось выяснить, способны ли вы разгрызть этот... э-э... вывести на чистую воду этого кандидата в губернаторы. Продолжайте, уважаемый Назар, я вам не мешаю.

К.: Спасибо. Так вот, я считаю психологический комфорт и чувство безопасности неотъемлемыми правами граждан Полиса. И меня удивляет, почему сами граждане не стремятся к комфорту и безопасности. Ведь состояние, в котором сейчас находится Полис, безусловно, можно назвать критическим. Надо сказать, мы долго к этому шли. Еще лет тридцать назад можно было без труда остановить прогрессирование (*пауза, подыскивает слова*) автомании и автоистерии. Всего-то требовалось установить светофоры на каждом перекрестке: умелое разграничение периодов интенсивного движения помогло бы избежать пробок, скоплений машин в наиболее загруженных узлах и дорожных развязках... Я уже не говорю о том, что законопослушные пешеходы становились жертвами лихачей-водителей из-за отсутствия на перекрестках светофоров и «лежачих полицейских». И это еще в докризисную эпоху. Еще до наступления тотальной изоляции...

Заказчик поморщился, мотнул головой и что-то буркнул себе под нос. Воспользовавшись тем, что он отвел глаза от интерактивного экрана, Лина выложила на стол эскизы. Заказчик придвинул к себе пленки, взял первую и принялся рассматривать на просвет.

— Может, попросим официантку вывести изображение на большой экран? — предложила Лина. — Вам будет удобнее. И чтобы сложилось полное представление, лучше увидеть трехмерную движущуюся картинку.

Ее не особо волновали удобства заказчика, но атмосфера дискуссии раздражала все больше и больше.

Заказчик поднял глаза и медленно сфокусировался на Лилином лице. Затем кивнул: — Пожалуй, вы правы.

Он поднял руку, подзывая официантку.

Как только на номер Лины пришел пароль, она подключилась к сети и предоставила системе доступ к своему облачному хранилищу. Вместо дискуссии на экране появились эскизы.

Лина откинулась на спинку кресла и приготовилась к моральной атаке. Заказчик был явным *лоббером*, как называли таких субъектов в ее кругу. Он давил и продавливал. И всегда привык добиваться своего. Работать с подобным типом — сомнительное удовольствие.

Лина не ошиблась в оценке заказчика. Еще до того, как принесли кофе, он успел не только просмотреть все эскизы, но и забраковать их, и изложить ей краткий курс теории дизайна (Лина подумала, что в Художественной академии ее обучали иначе). Заказчик, по его словам, был «самородком», самостоятельно и на раз-два разобравшимся в «ряде сфер жизнедеятельности» (Лину перекосило от последнего слова, но она волевым усилием превратила гримасу в улыбку). Разумеется, разбирался он и в ее работе.

«Нет, ты не лоббер — ты лобстер!» — мысленно съязвила Лина.

И правда, многое в заказчике наводило на мысли о гаде морском: прозрачные, чуть навывкате глаза, жирное «плавающее» тельце, маленькие цепкие ручки, легкие движения, совершенно не коррелирующие с тучностью. Лина еле сдержала улыбку. Вот уж правда, женщина-катастрофа: если она сейчас с ним поругается, то лишится одного из лучших заказов в своей жизни.

— Я свою веранду видел во сне, — вкрадчиво говорил заказчик, — я представляю себе каждую деталь! Ну, как вы не можете понять, не хотите увидеть...

«...Мой сон», — чуть не лягнула Лина в тон заказчику, однако, кашлянув, сделала серьезное лицо.

— Может, нам стоит... э-э... еще раз снять замеры? — брякнула она, понимая, что тянет время.

Однако заказчик на это купился.

— Отлично! — произнес он, и лицо его залоснилось, почти зарделось. — Я готов оплатить дополнительный выезд. В эту пятницу, после обеда.

— В пятницу? — Лина вспомнила о звонке брата, о дне рождения невестки и напрыглась. — В котором часу?

— В четырнадцать тридцать вас устроит?

Лина прикинула расстояние. Юго-запад мегарайона D, кварталы частных особняков отставного генералитета. Много высотных парковок, вытесняющих трех- и четырехэтажные домики, нависающих над ними. Там довольно уродливо, зелени давно не осталось, все карьеры и пруды засыпаны и застроены. Однако жить в этих кварталах по-прежнему считается престижным, и есть где поставить машину.

Она успеет прошвырнуться (вхолостую, потому что смысла в повторных замерах в действительности нет) домой к токсичному заказчику, потом прокатиться по Роудленте и съехать на Автозаводское шоссе. А оттуда по Старогородскому каналу до брата — каких-нибудь полтора часа.

— Договорились, — Лина кивнула.

Она была бы рада распрощаться с заказчиком и отправиться домой, «обдумывать конструктивные замечания», но тут принесли крем-суп.

Суп действительно оказался вкусным.

Clown

Назар проснулся пораньше, чтобы успеть в страховую компанию. «Умная заколка», настроенная на шесть ноль-ноль, почти неуловимыми импульсами активировала его мозг, разбудила мягко и органично. Он полежал еще с полминуты, улыбаясь своим мыслям.

Всякий раз при пробуждении Назар вспоминал, как тридцать лет назад, когда не было «умных заколок», отец его будил: стаскивал с дивана, орал, подносил к уху сына устройство с играющей противной попсовой песенкой, поливал холодной водой...

Назар любил понежиться утром. Он был человеком незлобивым, отходчивым, инертным... В общем, увальнем. Так считали все в его кругу.

Умывшись и побрившись, причесав, не без помощи пенки, свою выдающуюся шевелюру и сварив себе кофе, Назар повесил на сайт «маячок». В ожидании свободного парковщика он хлопнул в ладоши, включил настенный экран, затем провел несколько раз по воздуху пальцами, перелистывая новостные страницы, отыскивая нужную.

Выборы... Назар влез в чат с предвыборными роликами и принялся читать комментарии избирателей.

«Лозовой — наш губернатор! Крепкий хозяйственник, настоящий градоначальник. И хватит нам тут воду мутить!»

«Мы, жители дома с затопленными парковками, требуем прекратить ангажированные нападки на кандидата Алтурмесова!»

«Я считаю здоровым то, что предлагает Назар. Если вы не видите в беспросветных пробках симптомов надвигающегося кризиса, значит, вы не житель матушки-Земли, а так, сторонний наблюдатель...»

«Кудрявого — на принудительные работы! Хватит вещать ахиною!»

«Мы за Лозового, потому что хотим стабильности».

«Лоза — наш человек! Если он не сможет, то никто не сможет...»

«Слушайте, если и есть в списке кандидатов, как вы говорите, крепкий хозяйственник, то это Измаил. Если мы не примем меры, о которых он говорит, не поставим преграду ливням и не модернизируем системы оттока, то вместе с Полисом через каких-нибудь полвека уплывем в мировой океан, к чертям собачьим».

«Интересно, сколько процентов голосов наберет Копыльцов? Мой прогноз: два процента!»

«А еще говорили — не будут регистрировать независимых кандидатов... Но как же клоун Назарка выполз? Кто-нибудь знает?»

«Кудрявый шут, ты читаешь прогнозы? Тебе еще непонятно, что таким, как ты, в Гуманистическом обществе делать нечего?»

Назар засмеялся и отключил экран.

Он участвовал в выборах вовсе не независимым кандидатом — за его спиной стояла новая партия. Тот, кто этого не знает, очевидно, вовсе не следит за ходом предвыборных кампаний.

Хотя, скорее всего, это боты.

Он встал, накинул на плечи плед и вышел на лоджию.

По улице медленно ползли две санитарные фуры: разбрызгивали антисептик и терли асфальтовое покрытие. Высотки напротив стояли почти сплошной стеной. В узких простенках между ними — ни деревца, ни кустика. Только панельные гиганты с сотами-кельями.

Кельи... Подумав так, Назар тотчас же улыбнулся несуразному сравнению: в этих высотках живет не христианская, а мусульманская община. Когда в районе выстроили мечеть, в дни мусульманских праздников сюда съезжались правоверные со всего центрального Полиса. Жителям мегарайона А пришлось столкнуться с жестким автомобильным коллапсом. Парковать машины исламистам, прибывающим на молебны, было негде: выстроенной наспех гостевой парковочной высотки, разумеется, не хватало. И тогда выстроили огромный жилой комплекс для мусульман. После сдачи объектов городская мусульманская диаспора в короткие сроки была перемещена на новое место жительства.

Поначалу кое-кто наотрез отказывался переезжать сюда с окраин и пригородов Полиса. Кто-то, напротив, был рад получить новое комфортное жилье. Многие правоверные решили наконец проблему размещения своих многочисленных членов семейств. Так или иначе, «великое переселение» состоялось. В последние десятилетия никто не выказывает недовольства. Жить рядом со своим храмом — особая привилегия.

Назар потянулся, зевнул, вернулся в комнату. Там уже подавал назойливые признаки жизни волнофон.

Наум Лунц.

Назар улыбнулся, нажимая: «Ответить».

— Привет!

— Привет!

Лунц был деловит:

— Амиго, мне твой старик написал. Поговорил бы ты с ним, а? Жалуется, что два дня не отвечаешь.

— Ладно, — вздохнул Назар.

Еще не хватало, чтобы отец донимал его друзей и подруг.

— Я поговорю. Как ты?
— Готовлюсь к видеоконференции. Когда освободишься?
— Еду в страховую подавать документы. Если там без проволочек подтвердят, что я — жертва, то быстро освобожусь и в офисе буду около двенадцати.
— Тогда свяжемся в полпервого, хорошо? Еще раз все отточкуем. У нас будет около двух часов до твоего выезда на студию.
— Отлично. Юристы готовы?
— Да, уже на связи. Обсудим вместе с ними все нюансы. Подумаем, как обойти «подводные камни» на дискуссии.
— Понял, — отозвался Назар. — Постараюсь не задерживаться.
— Молодец. Ну, пока.
— Подожди...
— Ну что еще? — голос Наума прозвучал мягко.
Назар мешкал. Ему не хотелось отпускать друга.
— Ты действительно веришь, что все не напрасно?
— Старик, — Назар представил, как округлая физиономия Наума расплывается в улыбке. — Разумеется, верю! А ты разве сомневаешься?
— Нет... Конечно, нет. Ладно, до связи.
У Наума наверняка все получилось бы лучше.
Назар всегда так считал. И ничего не мог с этим поделать.

«Старик! — мотивировал его Наум. — Дурковатый кудрявый чувак во главе неадекватной группы бунтарей будет смотреться куда более органично. Сначала, разумеется, ты вызовешь отторжение, но потом станешь символом нашего дела. У тебя идеальная внешность для оппозиционера».

Уговорил. Назар уловил и невысказанное, но витавшее в воздухе: у Наума — семья, а у Назара — никого, кроме старикана отца, живущего отдельно. Лунц опасался за жену и малютку дочь. И этот аргумент в глазах друга перевешивал все прочие.

Друзья совместно выработывали «образ увлеченного недотепы», и этот образ «выстрелил». За год с небольшим Назар стал медийной личностью. Теперь можно было и действовать.

Наум оставался в тени, но его это не очень-то беспокоило. Связь партнеров была надежной и прочной, почти симбиотической, и успехи одного были успехами другого. В «совместном предприятии» иначе и быть не может.

Сразу после разговора с Наумом пришло оповещение: «Ваш автомобиль выведен в карман. Время выезда на проспект — до пятнадцати минут».

Как он пропустил первое сообщение? Его машина уже в пути! Назар поставил чашку в посудомоечную машину, щелчком выключил экран.

Сначала — встреча со страховым комиссаром, нервным колобком с явно неустроенной личной жизнью. Типичный консерватор и антиэколог. Однако наперекор своим принципам (у таких всегда «принципы») комиссар попросил у него автограф для дочери, якобы большой поклонницы Копыльцова. Назар подарил и подписал свою книжку незнакомой ему Насте.

Потом было совещание.

Назар отметил, что новые соратники, ребята из группы поддержки (велосипедисты, загородные жители), выглядят лучше, чем он сам, Наум и коллеги, которых он встречает каждый день. Соратники все как один были спокойны, остроумны и румяны. Он вспомнил увиденного поутру в зеркале ванной бледного всклокоченного призрака с запавшими глазами, обведенными черным...

Назар даже не успел выпить чашку кофе — схватил самокат и понесся на дискуссию. По счастью, студия находилась неподалеку, в соседнем квартале офисного района V.

Вечером, выжатый вконец, но собою довольный, Назар вернулся домой. Едва раздевшись, разувшись и отдышавшись, он набрал номер отца.

- Ну, явился — не запылелся, — саркастически отозвался родной голос.
- Папа, привет. Наум мне передал, что ты беспокоишься. Я бы и сам проявился, но...
- Но, разумеется, был страшно занят.
- Ладно, папа. Что ты, в самом деле.
- Я соскучился, — без перехода объявил старик. — Может, заедешь в пятницу?
- Приеду. Какие разговоры.

Назар мысленно прикинул, в котором часу он окажется у съезда с Роудленты на Автотавоцкое шоссе, в самом лучшем случае. А с учетом объявленного в пятницу Дня дурака надо бы оказаться там пораньше. Потом он, конечно, застрянет... Что ж, заночует у старика, в своей бывшей детской комнате.

- Папа, в полвосьмого вечера тебе удобно?
- У нас на Диком Поле прием ведется круглосуточно, — съязвил старик.
- Не такое уж оно дикое, папа. Старогородской канал и его окрестности давно входят в число престижных районов города.
- Да. Но когда-то там здорово воняло.

Действительно — если верить истории (а у него, вопреки требованиям власти об утилизации бумажных изделий, сохранились старинные исторические книги), в древности Старогородской канал служил для оттока канализации.

Вспомнив о канализации, Назар с сожалением подумал об Алтурмесове. Понятно же, откуда ветер дует. Вернее, к чему клонят. Сожрут мужика.

- Ладно, отец, я только что с работы. Давай до послезавтра.
- Подожди-ка! Что там с твоими выборами?

Назар обреченно вздохнул.

- Ты же знаешь. Выборы состоятся в эту субботу.
- Я помню, когда выборы, — повысил голос отец. — Я хотел тебя спросить: как ты сумел зарегистрироваться кандидатом без партии?

Начинается, подумал Назар.

- Я подавался от партии, — спокойно ответил он.

И подумал: сейчас правильно было бы отложить волнофон и сварить себе кофе, принять душ... хотя бы полчаса не участвовать в диалоге.

- Я думал, что ты идиот, Назарушка, — почти ласково, но с такой знакомой издевкой проговорил отец. — А ты хочешь сделать идиота из меня, своего отца. Мы оба знаем, что ты не мог податься от партии. Тебя оттуда вышвырнули.

— Партию сегодня можно создать и зарегистрировать в короткие сроки, — возразил Назар. — Если тебе интересно, теперь система упрощена. Два месяца — и партия уже существует и может выдвигать кандидатов на текущие выборы...

- В партии должно быть не меньше тысячи членов! — рявкнул отец. — Ты хочешь сказать, что нашел тысячу сумасшедших, готовых пойти за тобой назад, в каменный век? Где ты их взял? Покажи мне их, приведи всех сюда — тогда я поверю, что партия охламонов действительно существует.

— Есть такая партия.

Назар сделал глубокий вдох, будто собирался с головой погрузиться в холодную воду. Отец выжидающе молчал.

- О желании войти в новую организацию и поддержать меня на выборах заявили — в первый же день — восемьдесят тысяч человек.

Волнофон закашлялся. Наступило молчание. Назар ничего не говорил, ждал.

Отец прочистил горло, наконец восстановив самообладание, еще с достоинством помолчал, а затем поинтересовался с ехидцей в голосе:

— И что же это за партия?

Назар внимательно осмотрел и потер тыльную сторону руки и внятно, отдельно произнес, гипнотизируя внезапно отяжелевший гаджет:

— Партия велосипедистов.

Loser

Стояло душное лето. Ветерок лениво перебирал китайские колокольчики, вывешенные на веранде. Где-то поблизости жужжала пчела. Или шмель.

Во дворе дачного домика девочка-подросток играла с младенцем, сидевшим в прогулочной коляске. Младенец, взвизгивая от восторга, протягивал ручки, стараясь схватить деревянную марионетку — Пиноккио, плясавшего перед ним. Девочка-подросток дергала за нити и дурашливо напевала, изображая тонкий голосок деревянного человечка. Младенец — тоже девочка, пухлая и ясноглазая, с виду годовалая — смеялась и тянулась к сестре.

Потом старшая взяла малютку на руки и, прижав к себе, бережно понесла на веранду. Вдруг откуда-то налетел огромный — даже не шмель, а целый шершень — и укусил малютку в щеку!

Старшая девочка пронзительно закричала: «Пошел! Пошел! Папа, папа!» Она дула на щечку сестренки, распухавшую на глазах, и снова и снова звала отца.

Маленькая Анечка на руках у старшей сестры заходила истерическим плачем...

Инга вскрикнула и села. Олег даже не проснулся. Пробормотав что-то, он перевернулся на другой бок.

Посидев немного, утихомилив пульс, Инга поднялась и побрела на кухню. Там она включила кофеварку и села на высокий табурет...

Вновь она чувствовала на своих руках тяжесть детского тельца и вдыхала его цветочно-молочный запах, слышала смех младшей сестрички. Перед глазами мелькала крошечная детская ручка с обслюнявленным печеньем. Инга отхлебнула свежесваренного кофе, и ее ожгло изнутри.

Она не всегда ненавидела сводную сестру...

Слезы капали в старинную фарфоровую чашку, а она и не замечала.

Днем, проводив инспектора полиции (стражи порядка второй день подряд обходили подъезд за подъездом, выясняя жителей, не видели ли они подозрительных лиц на территории двора, на парковках и у гаражных лифтов), Инга препиралась по волнофону со страховой компанией. После ее сдавленного взгласа: «Все, больше не могу!» — Ингу сменил Олег.

В семье Косоротовых никто не отличался пробивными качествами. Вот в семье Кулагиных (девичья фамилия Инги) таких двое: отец и Аня. А она, Инга, — рохля. Как непредсказуемо передаются гены! В маленькой дочери Инги, Алиске, уже отчетливо проступает что-то кулагинское...

Олег, как и его жена, не умел качать права, но сейчас он понял: если не сделает над собой усилие — семья надолго останется без машин.

Олег сделал над собой усилие и послал страховщика чуть дальше границы Полиса. Обиженный страховой комиссар отключился. А авторобот-контролер расценил это как грубое нарушение правил работы с клиентами.

Олег еще не знал, что робот на его стороне, но почувствовал: дело вот-вот сдвинется с мертвой точки. И, как мог, постарался передать свое состояние жене.

До чего непривычно сидеть дома днем!

Инга вспомнила рассказы бабушки, которая ребенком пережила *самоизоляцию*. Население планеты в те годы выкашивала пандемия. Люди сидели в карантине, им запрещено было покидать свои дома. По улицам ездили полицейские в черных мундирах и ликвидировали каждого, кто высовывался на улицу и вовремя не успевал скрыться от воющей сирены в ближайшем убежище. Черные мундиры распыляли смертоносный газ...

Вирус внезапно обрушился на планету. По одной из официальных версий, его запустили из космоса. Он отличался высокой вирулентностью и постоянно мутировал. Переболевшие тоже мутировали — поэтому и было принято беспощадное решение о ликвидации зараженных.

Инга, выросшая на бабушкиных страшилках, была рада, что она живет в Гуманистическую эпоху, когда человеческая жизнь считается самоценной.

— Чуть не забыл, — сказал Олег. — Твоя сестрица звонила. Хочет приехать, привезти Алиске подарок к окончанию автошколы.

Инга демонстративно промолчала.

— Да ладно тебе. Пусть у Алиски будет подруга постарше. Что ты имеешь против?

— Да я и не против. Пусть приходит... — сухо отозвалась Инга.

— Ох ты моя недотепа, — рассмеялся он. — Свари мне кофе, пожалуйста.

Затарахтела кофейная машина. Инга подставила под краники две кружки, и в них потек горячий кофе.

— Слушай, — вспомнил вдруг Олег. — Сейчас начнется предвыборный прямой эфир, я бы хотел посмотреть. Не возражаешь?

Инга пожала плечами:

— Давай, включи...

Трансляция шла из студии. За большим круглым столом сидели двое.

Инга передала Олегу чашку, а свою поставила на овальный стеклянный столик и прислушалась к диалогу лохматого кандидата и лысого ведущего.

К.: ...Ведь состояние, в котором сейчас находится Полис, безусловно, можно назвать критическим. Надо сказать, мы долго к этому шли. Еще лет тридцать назад можно было без труда остановить прогрессирующее (*пауза, подыскивает слова*) автомании и автоистерии. Всего-то требовалось установить светофоры на каждом перекрестке: умелое разграничение периодов интенсивного движения помогло бы избежать пробок, скоплений машин в наиболее загруженных узлах и дорожных развязках... Я уже не говорю о том, что законопослушные пешеходы становились жертвами лихачей-водителей из-за отсутствия на перекрестках светофоров и «лежачих полицейских». И это еще в докризисную эпоху. Еще до наступления тотальной изоляции... Мой дед писал об этом, говорил в эфире. Ничего предпринято не было. Более того, граждане сочли нарушением прав личности введение лимита — одной машины на семью из трех и менее членов, начали устраивать бунты, предвестники последующих «колесных бунтов». Отсутствие здоровой государственной позиции усугубило кризис. Сейчас уже нам не удастся выйти из этого тупика без радикальных мер. Ради спасения Полиса и всего социума люди должны полностью перестроить свою жизнь. Многим придется, пусть на время, отказаться от личного автотранспорта.

В.: Как, по-вашему, люди будут добираться до работы без личного транспорта? Что конкретно вы посоветуете администрации города?

К.: Активизировать работу метрополитена. У нас под землей — огромная сеть метро, которая загружена, дай бог, на десять процентов.

В.: Вы же знаете, Назар Тимофеевич, что противопандемийные требования, принятые сообществом вирусологов много лет назад, запрещают загружать метрополитен, этот рассадник заразы, как в допандемийные времена. Есть лица, которые вообще лишены права пользования метрополитеном, поскольку для них это — блажь и прихоть, а есть те, кому без метрополитена попросту никак не попасть на службу. Разрешить использовать метрополитен всем подряд означает подвергнуть человечество риску новой пандемии, и тогда уже — да, все ваши «разгрузочные» меры не потребуются, потому что значительная часть человечества вымрет!

К.: Вы меня извините, но это все чушь собачья. Метрополитен не опасен для людей. Вообще, в наши дни паника более актуальна, нежели вирусы. Но вы почему-то не говорите о том, что спуск под землю тоже может вызывать панические атаки. А ведь этот козырь вполне можно было бы использовать против меня (*смех*). В отличие от всей этой пандемийной чуши, которая, как вы знаете, совершенно на меня не действует. Чтобы не допустить распространения вируса, важно соблюдать меры индивидуальной гигиены и противоэпидемиологические предосторожности. И все.

В.: Хорошо, что еще вы предлагаете? Думаю, избирателям становится все интереснее.

К.: Я предлагаю вернуть наземный общественный транспорт. Вернуть в обиход электробусы, которых сейчас почти не осталось. А ведь они осуществляют важнейшую функцию — перевозку к Центрам социальной адаптации и лечебным учреждениям инвалидов и пенсионеров. Электробусы, кстати, самый экологически чистый транспорт. Лучше повысить расходы на электроэнергию — хотя бы в таком объеме, пусть не для частного автотранспорта, чем продолжать засорять небо над своей головой. Неба мы, правда, все равно не видим. Но очень скоро человечество ожидает удущье.

В.: Насчет «воскрешения» электробусов — занятная мысль, а главное, современная. Как мы знаем с вами, дорогие избиратели, антиквариат и раритет уже лет сто в моде... Думаю, на правительственном уровне стоило бы рассмотреть возможность возврата в обиход и троллейбусов... (*Громкий и дружный закадровый смех.*) Извините, само вырвалось. Продолжайте.

К.: Ничего. Спасибо, что разряжаете обстановку. При чем тут антиквариат, правда, я не очень-то понял — мы ведь с вами знаем, что электробусы сегодня успешно используются социальными службами. И вот тут наша дискуссия вырывается уже на другой ярус, простите за метафору. На днях я видел на Роудленте социальный электробус. Знаете ли, сердце разрывается, когда видишь, как люди с ограниченными возможностями сидят в многочасовой пробке на продыmlленном третьем ярусе. Социальные электробусы нужно допустить на траволаторы. Это не создаст на траволаторах никаких пробок, поверьте мне.

В.: Ну, допустим, вы убедите администрацию провести такие реформы, как убедили нас со слушателями... Дорогие друзья, прошу, будьте посерьезнее!.. Какие еще у вас предложения, уважаемый Назар?

К.: Разгрузить проезды, въезды и выезды из дворов, карманов и проулков. Для этого личный автотранспорт, которым перегружен город, придется частично изъять у граждан и утилизировать.

В.: А кто будет решать, у кого следует изъять транспортные средства?

К.: Конечно, сами граждане! Они добровольно откажутся от автотранспорта — по-вторяю, лишь на время. Но это может растянуться на годы. Важна сознательность...

В.: Как насчет вас?

К.: В каком смысле?

В.: Ну, вы готовы отказаться от личного автотранспорта?

К. (*твердо*): Да!

В.: Что ж, спасибо за интересный... Так, у нас вопрос от избирателя... Сектор 2Н. Подключаем вас. Добрый день. Представьтесь, пожалуйста.

Сектор 2Н: Столяренко Илья Юрьевич. Вы, уважаемый, простите — сумасшедший? Как я буду ездить на свой конвейер — это улица Турбинная, если проживаю я на Малолитражной? Какое, к дьяволу, метро? Ты зачем слез со своей инвеги, а? Ты, клоун, чего творишь?

В.: Я попрошу вас, граждане избиратели, не сквернословить в прямом эфире. Я вынужден отключить Столяренко Илью Юрьевича от дискуссии... Так, в эфире — сектор 5В! Здравствуйте. Ваше имя?..

Сектор 5В: Называйте меня — Брат Пахом, Динамист Седьмого Дня, посвященный и причащенный дня пятьсот восемьдесят третьего, пополудни. Обращаюсь к дерзновенному от имени Богава, а также от своего и благословенных имен пастыря и паствы нашего прихода — въезда двадцатого, технического, пролегающего близ дороги на Торфяные Острова. Да развернется пропасть адава для тебя, еретика заблудшего, богомерзкого, посягнувшего на совершенное творение Господа нашего — Роудленту! Да падут всегиблые хвори и немощи, хула и безденежье на твоих детей, сестер, братьев, отца, мать, дядьев и теток, на всех потомков твоих до седьмого — по числу дней творения Земли и ярусов Роудленты — колена, а жена твоя пусть захворает рожею, паршой и бесплодием! Трижды проклятый зловонный еретик, поправший основы основ и иссушивший притоки истоков, быть тебе битым плетью, замоченной в солярке и мазуте! Благоистребленная плесень на подошве Господней, выродок...

В.: Стоп-стоп-стоп! Святой Брат, простите, но вы вышли за рамки! В эфире запрещено сквернословить и оскорблять участников дискуссии. Мои наилучшие пожелания вашему приходу с его пастырем и паствой. Прошу модератора включить это в отчет для Управления по контролю за соблюдением прав и свобод религиозных меньшинств! Я ни словом, ни полусловом не задел чувства Брата Пахома! Уфф... Простите, господа, ведущему необходима техническая пауза на пару минут... (*Шепотом, в сторону: «Лен, подай мою пудреницу-дезодорант и во-он ту коробочку с пилюлями... И воды... И знаешь, попроси юристов подойти к окончанию эфира... Спасибо...»*)

— Собачья работа у ведущих программ, если задуматься, — заметил Олег. — Вот так нарвешься на неадекватного психа, сделаешь ему замечание — а он окажется верующий. Или «охраняемый». Или сумасшедший. Или — и то, и другое, и третье, как этот Брат Пахом... И что тогда будет? Страшно предположить.

— На одних юристов только придется работать, — сказала Инга.

Между тем технический перерыв на экране закончился, и ведущий опять бодро затарахтел.

В.: Спасибо, что разрешили мне сделать паузу, дорогие друзья! Между тем поступил вопрос из сектора 14F. Здравствуйте. Как мы можем к вам обращаться?

Сектор 14F: Асташевская Вера Геннадьевна, можно просто Вера. Назар, скажите, пожалуйста, как вы представляете себе утилизацию работоспособного, исправного автотранспорта? Каким вообще вам видится будущее современного автопрома? Всем известно, что наш автопром за последние тридцать лет фактически возродился. С тех

пор в это направление были вбуханы гигантские суммы. Из бюджета, понимаете? Но подобный прорыв стоил того. Не секрет, сегодня наши потребители отмечают, что отечественные автомобили не хуже, чем полвека назад были зарубежные модели. И вот с ними покончено — и мы обрели самостоятельность! Выросло производство, расширена сеть маркировки наших машин, а все иностранные бренды, названия которых были милы, так сказать, пользователям, давно были национализированы автопромом Полиса и полностью изменены в соответствии с отечественными передовыми разработками. И что теперь со всем этим прикажете делать?

В.: Э-э... Назар Тимофеевич?

К.: Да-да (*откашлялся*). Простите, Вера, но я услышал два вопроса, а не один. Первый вопрос — как мы собираемся утилизировать машины, как это вообще возможно. Ну, вы ведь сами дали ответ на собственный вопрос. Мы же утилизировали в свое время сотни тысяч зарубежных автомобилей. Потому что у нас — *свой путь*. Вам что, было жаль этот металлолом? И вот ради спасения человечества пришло время утилизировать теперь уже наши машины, которыми наводнен рынок. Только и всего.

Сектор 14F: Да я... Да мы с мужем двадцать лет отработали на Автозаводе, а сейчас наш сын продолжает семейную традицию... Теоретик ты безмозглый, как таких вообще регистрируют?

К.: Простите, Вера, но ваша манера вести дискуссию не дает мне возможности ответить на второй ваш вопрос — о будущем современного отечественного автопрома.

В. (*поспешно*): Да, я тоже вынужден вмешаться и защитить нашего кандидата. Извините, Вера! Я не знаю, какую епархию вы представляете, но законы едины для всех... (*Пауза.*) Но возникает вопрос: почему все избиратели начинают сквернословить, полемизируя с кандидатом Копыльцовым? Как вы сами думаете, Назар Тимофеевич?

К.: Мне интересно было бы это узнать (*смешок*).

— Ну все, с меня довольно, — проговорила Инга. — Извини, дорогой.

Она хлопнула в ладоши, и звук пропал.

— Да я и не возражаю, — отозвался Олег. — Сам устал.

— А у меня голова разболелась, — пожаловалась Инга. — И подумать только: он несет полный бред, а многие Алискины сверстники находят его теории оригинальными, революционными...

Олег пожал плечами:

— Разве в истории мало случаев, когда молодежь массово очаровывалась пустым балаболом?

— Не *пустым*, а вредным, — возразила Инга. — Ты заметил, с какими интонациями он произносит: «*свой путь*»? Самое страшное, что наши дети этого уже не замечают. Они не различают оттенков речи.

— А может, власть его и терпит, потому что молодежь не замечает сарказма? В гуманистическом обществе обязательно должна быть шутовская оппозиция. Наличие такой оппозиции лишь укрепляет основную линию.

— Думаю, ты прав, — согласилась с мужем Инга. — Будь иначе, Лозовой раздавил бы его, как клопа.

— Копыльцов занимает лишь третье место и выше вряд ли продвинется. Да у него еще и Ногин со Шмаруком отберут проценты. Вон как активны их избирательные команды! Не сомневаюсь, что их также финансирует Лозовой.

— На прошлых выборах Лозовой уверенно шел первым, — заметила Инга. — И в начале нынешней кампании он был под номером один...

— Ключевое слово — был. Неделю назад в сеть вбросили сведения, что лидирует Алтурмесов. И теперь я понимаю почему...

Инга поставила на стол две чашки кофе. Сунула в тостер хлеб, положила в розетки варенье из морошки.

— Чем больше думаю обо всем этом, — медленно проговорил Олег, — тем яснее становится, за кого нам надо голосовать...

Он переключил канал. Инга бросила взгляд на экран — и чуть не подпрыгнула:

— Смотри, тебя показывают!

Олег вытянул шею.

— А, да. Подловили в Дворомаге! Ну-ка, — он включил звук.

— ...Представьтесь, пожалуйста. Как я и наши онлайн-участники можем к вам обращаться? — молодой журналист со старомодным (или новомодным?) «ирокезом» на голове прикалывал булавку-микрофон к лацкану пальто высокого худого мужчины.

— Косоротов Олег Игнатьевич...

— Расскажите нам, как вы видите события прошедшей ночи.

— Завыли сирены... Мы с женой проснулись... Я сразу побежал... Жена... вскоре тоже спустилась вниз... нет, только до минус третьего этажа... обе наших машины...

— Ваш случай — стопроцентно страховой?

— Да... мы надеемся на скорейшее решение вопроса...

— Наши онлайн-участники с вами в этот тяжелый момент! Олег Игнатьевич, верите ли вы, что затопление — это случайность, следствие ливня? Или — что вероятнее — тщательно спланированная вредительская операция?

— Не знаю. — Олег выглядел удивленным и обескураженным.

— Я тоже, как и Олег Игнатьевич, не знаю, мог ли обыкновенный дождь нанести такой ущерб городу и гражданам! — с жаром заговорил журналист. — Ну что ж, последний вопрос: за кого вы собираетесь голосовать на предстоящих выборах?

— Знаете, мы как раз только что говорили с женой... Сейчас задумались... Мы всегда поддерживаем действующего губернатора, но... Хотелось бы, чтоб правительство наконец-то приняло меры по благоустройству парковок. А эти меры не принимаются! И у нас с женой очень большие сомнения...

— Спасибо, Олег Игнатьевич. Ну что, друзья, — нам понятно, откуда дует ветер?..

Олег погасил экран. Они немного посидели молча.

— Я так мямлил, — вздохнул он наконец. — Такая стыдоба...

— Да ладно... — Инга выглядела расстроенной. — В чем ты виноват?

— Ты это видела? Алтурмесова хотят сделать крайним!

— Ну а если и так — какое нам до него дело?

Он хотел сказать что-то, возразить, но тут ожил волнофон.

Олег ответил. Судя по его отрывистым репликам и быстро завершившемуся разговору, звонок был официальным. И важным: он даже вышел в прихожую. Инга слышала, как муж вышагивал по просторному холлу, переспрашивал абонента... Нервозность передалась и ей. Она допила уже холодный кофе.

— Нам повезло! — Олег вернулся и сел на свое место. — Страховой комиссар перезвонил с извинениями. Просил не писать на него жалобу. Нам дадут две временные машины — до момента, пока страховая не подтвердит ущерб и не оплатит нам покупку новых автомобилей. Мы должны съездить за машинами в пятницу. Адрес парка я записал.

— А почему страховая не хочет пригнать машины? — расстроилась Инга. — Вот еще новости...

— Они смогут их пригнать не раньше следующего вторника. Так говорят. Я даже знаю, в чем дело. Сейчас в компании «Автопомощь» большие сокращения. Модернизация... Мне сотрудница рассказала. У нее бывший муж там, в технической службе.

Внедряют роботов для разборок на местах ДТП. Сама знаешь, сколько сейчас происходит аварий. Их практически нет! Возможно, модернизация — это правильно, я лично в ней ничего плохого не вижу. Вот только роботам запрещено перегонять машины, а все сотрудники, уцелевшие после сокращений, заняты подготовкой к водительскому дню.

— Да, точно! — вспомнила Инга. — Экзамен как раз в эту пятницу! Видела бегущую строку: губернатор подписал указ.

— Так что за машинами придется ехать нам самим.

— А где этот парк?

Олег назвал адрес: Автозаводское шоссе.

Инга резко поставила, почти швырнула свою чашку на стол. От толчка коричневая клякса кофе выплеснулась на бежевую клеенку.

— Там же — Дикое Поле!

Когда-то, лет двадцать назад, это место пользовалось дурной славой. Там было «дикое движение»: превышалась скорость, сталкивались по нескольку автомобилей, гибли люди. Из-за сложной системы пересечения главных и второстепенных дорог многим водителям не удавалось быстро сориентироваться, что им следует сделать: уступить дорогу или прибавить ход. Автозаводское шоссе было самой широкой трассой, подходившей к перекрестку — собственно «Дикому Полю». Правда, тогда, двадцать лет назад, это шоссе называлось иначе: оно носило имя какого-то политического деятеля.

— Ну и что? Не накручивай. Можно подумать, ты в Автоакадемии не училась.

— Я окончила академию больше двадцати лет назад.

— Ну, ладно. Иди сюда, дорогая...

Олег увещевал ее, как обычно успокаивал расстроенную Алиску, но по его интонациям Инга почувствовала, что муж и сам встревожен.

— День водителя тоже отрабатывается на Диком Поле. Автозаводское шоссе — это учебная трасса! Выпускники выезжают на шоссе, а дальше едут по набережной Старгородского канала, — Инга вытерла клеенку и взяла с подоконника волнофон. — Ты понимаешь, что там будет не протолкнуться? Сейчас позвоню в страховую и устрою им...

Олег пожал плечами и забарабанил пальцами по клеенке. Пусть позвонит, наорет на сотрудника страховой. Пусть тот еще раз швырнет трубку и получит очередной выговор. Это, разумеется, ничего не даст, но жена хотя бы разрядится.

Он задумался. Перспектива тащиться вечером на другой конец города, в район Дикого Поля, Олега тоже не особо радовала. Но выбора нет: нужно как можно скорее получить машины. Это такое везение — недели не прошло, как они снова садятся за руль!

Ему уже не хватало этого всего: поиска парковщиков, выездов на Роудленту, бесконечных потоков машин, ползущих по ярусам. Не хватало настолько остро, что он нервно расчесывал себе руки и ноги, без цели ходил по холлу из угла в угол, в Дворомаге выбирал кассу для депривантов, хотя всегда ненавидел очереди. Олег знал, что и жена испытывает схожие чувства.

Они с женой отправятся за машинами на спецтранспорте страховой компании. Обрато поедут маленькой колонной: он будет двигаться следом за ней, на расстоянии бампера. Пусть Инга видит его в зеркальце и чувствует его присутствие.

Обыкновенная поездка. Можно подумать, что в той части Полиса, где они живут, прежде не случались убийства, грабежи, аварии со смертями. Полис эры Гуманизма построен на костях предшественников, с их дикостью, преступной халатностью, лихачеством и жестокостью. По такой логике весь Полис можно было бы назвать «Диким Полем»... Однако сегодня здесь живут люди, и живут вполне благополучно: отводят в школы детей, ходят в дворомаги, стоят в пробках. И все у всех хорошо.

Чего она накручивает, в самом-то деле!

Lucky

Для Валери среда оказалась исключительно спокойным и во всех смыслах удачным днем. Переговоры в понедельник дали желаемый результат, поэтому утром в среду было объявлено, что весь отдел получит бонус, а он, Валерий Олегович Рошин, — крупную премию.

Настроение у него было превосходное. После работы Валери отправился в спортивный клуб поиграть с пацанами в водное поло.

До клуба от дома было три минуты пешком. Он приложил к железной двери клубную карту, вошел в фойе, как обычно, не удостоив кивком вахтера, и поднялся на скоростном лифте на сорок пятый этаж.

Клуб находился на верхотуре: зал, где тягали железо — бывший чердак, крыша — бассейн. Он был покрыт сверхпрочным стеклом и напоминал оранжерею: утепленное помещение, снабженное системой кондиционирования. Но как приятно было видеть над головой не натяжной потолок, а настоящее небо, перекрытое скрещивающимися полосами Роудленты, с изредка пробивающимися солнечными лучами!

Поздний закат разбросал красноватые пятна по воде и лицам игроков.

Клубная карта, служившая пропуском в это заведение, стоила дороже, чем могли себе позволить представители его профессии. Lucky знал, что его начальник всего пару лет назад смог стать членом этой сети и что его близкие приятели посещают подвальные клубы.

У него, безусловно, есть причины гордиться собой.

И они были всегда.

Маленький Валерка бегал в школу через три квартала. Покидая «двор-стакан», не забывал взглянуть на небо — то ясное, то однородно-пасмурное, то в облачных перьях-штрихах... Отец его, простой автомеханик, высокий, крупный (широкие плечи, мощный торс, огромные ступни и ладони), провожал сына до перекрестка и, ласково потрепав по макушке, шел к своей машине. Валерка смотрел ему вслед. Отец шел быстро, с прямой спиной. Он не размахивал руками при ходьбе, как многие, — руки были по-военному прижаты к туловищу. Что-то очень основательное, надежное сквозило в его походке, в посадке головы на неподвижной шее (отец никогда не крутил головой — он поворачивался только всем телом), в том, как он переставляет плотные, похожие на деревья ноги. И это «что-то» Валерке нравилось.

Отец был постоянно занят на работе. Вечерами Валерка застенчиво ждал, когда наконец папа уделит ему внимание, проверит сделанные уроки, расскажет, как прошел день на Автозаводе... И если у отца находилось минут сорок на сына, какое это было счастье!

У отца имелась машина — старый, очень ухоженный пикап. В их замшелом районе города, когда только начинал развиваться Полис, не было ни подземных, ни надземных парковок. Отец держал машину на платной уличной стоянке; даже высокая стоимость парковочного места и усиленная охрана не уберегали транспорт от повреждений. Однажды сторонники каршеринга раскокали боковое левое зеркальце. В другой раз какой-то недобитый велосипедист начертил на боковине несмываемой красной краской: «УБИЙЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ!»

Отец вместе с отцами Валеркиных приятелей по вечерам ходил бить велосипедистов. Возвращался под утро, бросал окровавленную куртку в контейнер для санобработки, долго мылся под душем. Валеркина мать, вздыхая и всхлипывая, но без слов,

обрабатывала ему то рассеченную бровь, то вздувшуюся губу, то рану на щеке. Мать ничего не говорила, она вообще была немногословна, но детям передавался ее страх, и они жались по углам и тоже молчали.

Автомобилисты определенно уступали велосипедистам в жестокости, они били «двухколесных монстров» по необходимости, а уж те-то ничего не боялись: они уже проигрывали, их вытесняли, изгоняли из города. Терять им было нечего. Велосипедисты снимали велосипедные рули и молотили противников по головам и по лицу, били в живот и в грудину. Водители устраивали на них облавы по трое-четверо, к тому же их дело было правое: они очищали улицы города, искореняли членов опасной секты, и поэтому чаще всего их рейды проходили успешно.

Но однажды отец ушел и не вернулся. Вместо него явились двое полицейских...

В доме тоскливо пахло похоронными цветами, воском, настойкой пустырника и старрой, затхлой траурной одеждой, которую бабушка хранила зачем-то на антресолях (и вот — пригодилась). Мама рыдала; впервые с ее языка срывались *слова* — страшные, обвиняющие и обличающие. Старший брат Мишка ревел в голос. Осунувшаяся бабушка молчала, прижимая к себе маленького Валерку, тоже притихшего. Вдыхая родные запахи теста и стираного халата, всегда сопровождавшие бабушку, напуганный Валерка слушал, как мать проклинала велосипедистов, а также «бесхребетную» власть. «Вот он — ваш гуманизм! — кричала мать. — Да когда ж вы его построите-то? И почему вы гуманны не к нам, нормальным людям, а к двухколесным монстрам?!»

Сразу после похорон отца бабушка пошла на вечерние курсы автовождения. Их уже продлили до года, но Автоакадемии еще не существовало. А вот Валери уже учился в современной Автоакадемии...

Бабушка целый год старательно каталась под руководством инструктора по окраинным улицам и изучала совершенно ненужные ей механические премудрости. В семье должен быть водитель, иначе транспортная комиссия отберет машину. Валерка был благодарен бабушке: ясно было, что она сохраняет старенький пикап для внуков, — и одновременно стыдился мамы: выяснилось, что она не способна к вождению, а значит, неполноценна. В то время в обществе заговорили уже о неполноценности «неводителей». Его мама!.. Сам он испытывал азартную дрожь всякий раз, когда забирался в салон, трогал гладкий кожаный руль...

Валерка тосковал по отцу. Иногда залезал в шкаф, сидел там, уткнувшись в папину старую пахучую куртку. Он ждал, когда наконец вырастет, и ему позволят водить машину. Ждал и еще кое-чего. А именно — подходящего случая... отомстить.

И случай его нашел.

Валерке уже было четырнадцать, когда он возвращался от приятеля темным пустырем, образовавшимся на месте нескольких снесенных домов. Процесс реорганизации мегарайона был уже запущен; грузовые фуры ежедневно вывозили мебель и имущество жителей района, а частный транспорт — самих жителей, образуя гигантские пробки на тесных, нелепых несовременных улочках. Валерка шел быстро, периодически оглядываясь по сторонам. Бабушка вечно бубнила, чтобы не ходил так поздно или на худой конец выбирал освещенные и оживленные улицы. Но зачем делать крюк...

Под ногами валялись строительный мусор, кирпичи и железяки. Он даже споткнулся пару раз, но удержал равновесие, не упал. Пустырь заканчивался. Валерка уже почти выбежал на свет, как из черноты, мерно поскрипывая и покачиваясь, словно призрак, выдвинулся одинокий велосипедист.

При виде пешехода велосипедист инстинктивно остановился. Они смотрели друг на друга. Где-то далеко, в поднебесье, блуждал прожектор — на краю пустыря уже начали возводить высотное здание. Луч качнулся, скользнул по ним и ушел рассеивать

свет на другом конце пустыря, но даже за пару секунд Валерка сумел разглядеть велосипедиста. Это был худой пожилой человек в старом пиджаке и совсем фантастической, не по моде, шляпе, оборванный, жалкий и грязный; «типичный недобиток» — называл таких отец (на мгновение ему послышался голос отца). «Недобиток» часто моргал, и, когда по лицу его скользнул луч, инстинктивно зажмурился. Руки его — это Валерка сразу отметил — сжимали и поглаживали руль...

Медлить было нельзя. Валерка поднял с земли арматуру и бросился на врага.

Он успел ударить первым...

В следующую секунду перед глазами все померкло. Последнее, что ощутил (рука, будто не подчиняясь гаснущему сознанию, продолжала молотить, и плоть врага уже отвечала на удары чавкающими звуками, а вопли сменились хрипами), — что-то теплое, липкое, стекающее по лбу на нос и щеки. «Кровь», — подумал Валерка и отключился.

Вынырнул из черного мешка в светлую палату, под раздражающие, тягучие завывания («Мама плачет», — понял безучастно), поморщился от резких света и звуков. А энергичный женский голос совсем рядом произнес бодро, почти весело:

— Счастливчик он у вас! Везунок!..

В водное поло играли почти одни мужчины. Компанию развлекали две хорошенькие девчонки. Раньше водное поло считалось исключительно мужской игрой, однако теперь никого не удивляют смешанные команды. Как, впрочем, в любом виде спорта.

Одна светленькая определенно симпатизировала Валери: норовила перебросить мяч исключительно ему, улыбалась и тут же отводила глаза, отбрасывала мокрые волосы, выбившиеся из-под шапочки, а сама косилась в его сторону: чувствовала, что и он наблюдает за ней.

Позже, в сауне, где мужики обсуждали вполголоса какую-то аварию на Роудленте (ему, непонятно отчего, стало не по себе, и он поспешил отсечь от них подальше), Валери «случайно» оказался рядом с девушкой. Ее стройное тело, частично сокрытое под скромным, но дорогим черным купальником-трико, дышало ароматным паром. Девушка слегка подрагивала плечами (ее будоражит его присутствие? или по инерции ее мозг еще занят перехватом мяча? он не знал, но выглядело соблазнительно). Вот она откинулась на спинку скамьи с выражением неги и блаженства...

Валери не выдержал: рванул в бой.

Ее было несложно вовлечь в разговор. Конечно, *запала!* Луску всегда это чувствовал. Он вообще нравился блондинкам.

Девушку звали Аня. Она рассказала, что недавно въехала в дом, в котором находился клуб: решила пожить у родителей, пока ремонтируется ее большая квартира на Старогородском канале. Там, на Старогородском, она посещала самый древний филиал их сетевого клуба. Филиал располагался в архитектурном памятнике — здании древнего вокзала. Раньше с этого вокзала отправлялись поезда в дальние страны... Но сообщение в этом направлении уже давно было перекрыто.

— А вы когда-нибудь бывали на занятиях в нашем архитектурном памятнике? — спросила Аня.

— А зачем? — Валери пожал плечами. — Я не люблю старые здания.

...Старый дом, нутро которого съезжилось и облупилось после ухода отца; тусклые запахи ладана и лежалого черного траурного крепа; плачущая бабушка, стоящая спиной к нему, лицом к арке с витыми чугунными листьями на воротах...

Как можно любить прошлое? И зачем столько лет помнить об этом?

...Он опять увидел себя на темном пустыре, среди бетонных блоков и железак. Проектор скользнул по нему, заставив зажмуриться, и резкий луч тут же откатился назад... Валери тряхнул головой, отгоняя призрак.

— Ой, а я так люблю! — воскликнула Аня. — Я вообще обожаю ретро! А больше всего — старые спортивные машины. Вы бываете на выставках ретроавтомобилей?

Совсем недавно в парке Стопятидесятилетия отечественного автопрома проходила такая выставка. Валери целую неделю слушал трепотню девчонок из офиса, собиравшихся на выставку. А после, когда его сослуживицы Валя и Неля все-таки сходили, они два дня его зазывали на просмотр фотографий в конференц-зале, на большом экране. «Не мешайте работать, — отбрехался Lucky. — Посмотрю потом, в Мегатубе».

Он покачал головой:

— Нет. Я не люблю ретро.

— Какой вы неромантичный, — игриво укорила Аня.

Огорченной, впрочем, она не выглядела.

— У меня «тринити» — спортивная машина новейшей модели, — небрежно произнес Валери. — Зачем мне какое-то ретро?

Аня проявила интерес и даже захотела прокатиться.

Это он ей обещал устроить.

— Моя квартирка еще не готова, — с сожалением сказала Аня. — Зато у меня есть домашняя оранжерея. И гостиная уже почти отремонтирована. Так что приглашаю вас в гости.

— Когда? — ухватился Lucky за счастливый шанс.

— Например, в эту пятницу. Приедете после работы?

Это было просто попадание в десятку! Только идиот бы отказался.

Но он не идиот, он — Lucky.

— Спасибо за приглашение, — Валери постарался придать своему голосу максимальную теплоту. — Я действительно равнодушен к ретро. Это, знаете ли, такой же дефект, как у некоторых немзыкальных людей, которым медведь на ухо наступил. Но зато я люблю цветы. В частной оранжерее я не был уже очень давно.

Домашнее цветоводство в последние годы вошло в моду. Позволить себе такое развлечение могли только небедные люди. Во всяком случае, оранжереи, оборудованные по всем требованиям и стандартам, комиссия одобряла только в квартирах площадью от ста пятидесяти квадратных метров.

Аня — богатенькая девчонка, у нее домашняя оранжерея и большая квартира. И она на него серьезно запала!

— А на природе, за городом вы часто бываете, Валерий?

— Не бываю я за городом, — буркнул он с неожиданной для себя самой досадой.

— Но почему?

Валери дернул плечом.

— Не люблю велосипедистов, — произнес он почти беззвучно, одними губами.

Но Аня все-таки разобрала или услышала. Она посмотрела на него очень внимательно, потом улыбнулась.

— В моей квартире велосипедистов нет. Так я вас жду?

Валери счастливо выдохнул.

— Буду рад, — резюмировал он.

В фойе они обменялись контактами, а потом часок посидели в небольшой кофейне на цокольном этаже дома, где Аня жила у родителей.

С девушками нужно беседовать, поучал его старший брат Мишка. Нужно проявлять к ним интерес во всем, от главного до мелочей: расспросить и о профессии, и о до-

машинных любимцах. Иначе ничего от них не получишь, позер несчастный... У Мишки был в этом смысле положительный опыт: все-таки ему досталась самая красивая девочка во дворе.

Валери прислушивался к брату. И научился.

Он добросовестно расспрашивал Аню обо всем, важном и неважном. Всего за час узнал о ней массу как полезной, так и ненужной ему информации.

Аня — «свободный художник». Ее отец занимает высокую должность в автопроме. Мама не работает: давно уволилась из шоу-бизнеса, чтобы посвящать все свое время мужу и дочери. У Ани есть старшая сводная сестра с племянниками, которых Аня очень любит, и серый пушистый кот, живущий сейчас вместе с нею у родителей. Ее сводят с ума машины красного цвета. (Да!) Она хочет дружить с перспективным коучем (Валери чувствовал себя так, будто сорвал джек-пот). Любимые цветы — орхидея и декабрист...

На прощание Аня сказала:

— Конечно, время не совсем удобное. На пятницу ведь поставили День водителя. Но я очень надеюсь, что приедете.

Он заверил, что для него — теперь уже преданного Аниного друга — неудобств просту не существует. Главное — чтобы было удобно ей!

Все к лучшему, думал Валери, возвращаясь пешком домой. Блистательному Lucky День дурака даже на руку. Главное — затянуть просмотр и фотографирование идиотских цветочков до предела, засидеться в гостях до блокировки скоростного режима.

Ни одна современная девушка не выгонит парня из своей квартиры, зная, что домой до утра он не попадет. Не по воздуху же ему лететь. Валери останется у блондинки до субботы — и баста!

4. ЧП В ДЕНЬ ВОДИТЕЛЯ

Crash

...И пятница наступила. А вместе с ней — День водителя.

Лина двигалась в плотном потоке в крайнем левом ряду. Она чувствовала себя вымотанной. Настроение было хуже некуда.

Встреча с токсичным клиентом прошла совсем не так, как она ожидала. Как будто темные силы решили повлиять на сделку! Сначала *лобстеру* беспрестанно звонили, и он заметно нервничал, выходил из комнаты, разговаривал с кем-то на повышенных тонах. Лина хоть и с трудом, но улавливала обрывки разговора. До нее доносилось — последовательно: «брось, не нагнетай», «бред собачий», «параноя»... Больше негативных эмоций, нежели содержательных реплик. И все-таки, прислушавшись, она уловила, что речь шла о затоплении парковок в мегарайоне А.

Можно подумать, все сговорились. Лина знала, что клиент, отставной генерал, сотрудничает с Аналитическим управлением. Но почему вдруг само Аналитическое управление занялось ливневыми протечками?

Лину удивило, почти напугало отрывистое слово «диверсия» — *лобстер* почти выкрикнул его, но дальше, видимо спохватившись, забубнил совсем неразборчиво. Затем она услышала удаляющиеся шаги...

Проговорив почти полчаса, клиент вернулся к ней. Больше ему не звонили. Правда, за время разговора его словно подменили. Теперь *лобстер* отвечал односложно, отрывисто и резко. Он полностью забраковал ее напольную мозаику, — и тут уже она

занервничала, потому что под угрозой оказалась вся композиция. Было ясно, что без мозаики придется переиначивать все — либо попросту отказываться от заказа, поскольку халтурить Лина не могла органически.

Однако стоило ей лишь попытаться довести свою мысль до *лобстера*, тот неожиданно по-хамски ее оборвал.

Казалось, от подобного типа можно ожидать чего угодно, разумеется, кроме «преступления на сексуальной почве» (Лина слышала от бабушки, что когда-то таковые совершались, но подобные дикости остались в далеком прошлом — в нецивилизованном и неорганизованном обществе). Но откровенное хамство! В прошлые встречи клиент, хоть и был назойливо-придирчив, всегда держался корректно, угощал ее обедом и даже похвалил ее лучший проект — ограду парка Стопятидесятилетия отечественного автопрома, за который Лина получила премию из рук градоначальника. И вот теперь...

Само собой, он и не думал извиняться. Талдычил и талдычил одно и то же, упрямо отвергая уже то, что они согласовали, и нетерпеливо ждал, когда Лина наконец уберется.

Они расстались, так и не придя к согласию. Напоследок, уже на выходе из квартиры, Лина ляпнула (как будто ее тянули за язык), что его собственное видение своей веранды — с композицией из мраморного столика, статуи Бахуса на витой табуретке и утепленной скамеечки — идет вразрез с ее художественным вкусом. И вообще — это просто пошлость!

Клиент засопел, сухо попрощался и закрыл за нею дверь.

Что это значит? Заказ накрылся — так следует понимать? Ну, и пошел он подальше, этот лобстер!

Повсюду висели баннеры, рекламирующие День водителя. На тротуарах и перекрестках мелькали полицейские в парадной форме. Для Лины это был обыкновенный день — с той лишь разницей, что брату Лене пришлось перенести семейный праздник на более позднее время. Впрочем, это не доставило никому особых неудобств. Брат и его жена всегда приглашали ровно столько гостей, сколько могли разместить у себя с ночевкой. В их двухэтажной квартире хватало спальных мест, и с новым кварталом, в котором они жили, соседствовал прекрасный пустырь, где могли заночевать гостевые машины. Идеальное место для жизни! По крайней мере, до тех пор, пока все это пространство не застроят.

Она съехала с Роудленты на Автозаводское шоссе, и почти сразу впереди замелькали оранжевые проблесковые маячки. Навстречу Лине двигалась колонна автомобилей государственной Автоакадемии.

Неотъемлемая часть Экзамена — торжественный проезд студентов-выпускников по одной из главных промышленных автотрасс города и — впервые за их недолгую водительскую жизнь — по Роудленте. Туда и текла сейчас река из однотипных автомобилей, управляемых выпускниками года.

Да, это было зрелище! Как ни была она раздражена и расстроена, Лина не могла остаться равнодушной к величественной красоте шествия. Она даже на несколько секунд опустила стекло, чтобы послушать мерный гул: то работали лопасти вертолета, летевшего низко над трассой. Вертолет двигался навстречу колонне, а не по ходу ее движения.

Автостуденты ехали в три ряда, заняв все полосы. Уже скоро можно будет разглядеть сосредоточенные детские рожицы новоиспеченных водителей и непроницаемые лица инструкторов. В этот день, по традиции, выходили на службу все автоинструкторы, от стажеров до пенсионеров.

Лина вспомнила себя и брата, их выпуск и День водителя. В тот год все было почти так же, как сейчас, разве что вертолеты над городом не летали.

Колонна приблизилась. Учебные машины торжественно поползли мимо. Лина отвлеклась, засмотревшись на вихрастых и приглаженных, белобрысых и чернявых, пухлых и изможденных выпускников. Все были разными — и все-таки было в них что-то объединявшее, роднившее этих детей.

Сосредоточенность и важность. Неудивительно, ведь сегодня важнейший день для каждого из них.

Автомобили, идущие впереди, сигналив правыми фарами, стали уходить из левого ряда в соседний. Образовался затор. Перекрывают полосу, догадалась Лина: родительские авто начали пускать по встречке.

В подтверждение ее догадки далеко впереди пробился бегающий луч полицейской мигалки. Вот «повезло», подумала она. Зрелище, конечно, классное, но ведь застрянешь тут теперь. Прокрастинация в действии — весь день сплошные обломы!

Она включила поворотник, обозначив маневр.

Постепенно темнело. Проторчав следующие полчаса на том же самом месте, Лина с трудом перестроилась в соседний ряд. Едва она заняла центральную полосу, как увидела медленно ползущие навстречу машины с родителями автостудентов. Скоро они полностью заслонили от нее ученический автотранспорт, и это было совсем уж досадно. Рассматривать обывателей, лопающихся от родительской гордости, — то еще удовольствие.

Но поскольку дорога в ее направлении движения встала намертво, через некоторое время Лина от скуки принялась разглядывать родительские авто. На лобовом стекле каждой машины сияла серебристая бирка: антиблокиратор. Водители получили официальное разрешение на позднее возвращение домой, а для этого должна быть самая веская из всех возможных причин. Лица людей были торжественны и важны.

Она взглянула на часы. Скорей бы к Леньке, к Вальке, к племянникам, в уютное кресло... Выпить бокал вина, завернуться в плед... Забыть о заказе, который, скорее всего, потерян для нее, женщины-катастрофы с острым безжалостным языком; о тупом заказчике и о затоплении парковок, ставшем «событием недели». Как будто в их огромном городе вообще больше ничего не происходит!

Встречный поток обмелел; в нем образовалась брешь. Лина некстати вспомнила слова брата о том, что на этом участке дороги нет камер. Да и полицейские машины далековато...

И она решилась на маневр: резко вырулила на соседнюю полосу, отнятую для привилегированной встречи, надеясь обойти свой лениво ползущий ряд и вынырнуть поближе к перекрестку, как только появится возможность вклиниться обратно в середину потока.

Вдруг прямо перед ней возникла чужая машина: видимо, кто-то из родителей, пользуясь своей биркой, не ко времени вылез из соседнего ряда. Лина инстинктивно выкрутила колеса, подставляя под удар правое крыло и успев лишь удивиться, почему удар пришелся все-таки влево и почти в лоб.

Очнулась она через несколько секунд. Впрочем, Лине показалось, что она плавала в вязком забытии целую вечность. Плавала — подходящее слово: все вокруг качалось, и ее тоже качивало.

Лицо было мокрым. Что-то изменилось — она не могла понять, что именно, только ощущения от собственного лица, губ и подбородка были непривычными.

Подушки от удара не сработали. Лина подумала: придется подать в суд на дилерскую компанию. Протянула руку, открыла водительское зеркало, взглянула — и охнула. Ее челюсть была сломана, рот не закрывался, а вся нижняя часть лица и грудь оказались залиты кровью.

— А-ы-ы... — проныла Лина и тут же поняла, что закричать, позвать на помощь она не сможет.

Помощь, однако, уже спешила к ней в виде молодого лохматого парня в оранжевом водительском жилете. Судя по жилету, не спасатель и не автоинструктор — просто проезжий. Парень ломился в машину с ее стороны, пытаясь открыть водительскую дверь, которую деформировало и заклинило. Наконец догадавшись, он обошел машину с неповрежденного бока, открыл дверцу с правой стороны, сунулся внутрь и, обхватив Лину за подмышки, выволок наружу.

— Ы-хы, моя сумочка, — прохрипела Лина, жмурясь от нестерпимо яркого света.

Рядом пронзительно выла сирена.

— Сейчас, сейчас, — бормотал парень, оттаскивая ее на обочину и укладывая на спину, — я вернусь за вашей сумкой. Полежите пока здесь...

Она всхлипывала и захлебывалась, пуская кровавые пузыри. Лохматый парень вновь возник перед ней, уложил ее на бок и, разорвав индивидуальный пакет, сунул Лине под щеку одноразовую пеленку. Затем заставил открыть рот и приложил к дергающей челюсти тампон, пропитанный омерзительной на вкус жидкостью. Под локтем у Лины оказалась ее сумка — грязная, набитая окровавленной землей; лохматый просто сгреб высыпавшиеся документы, косметику, гаджеты и запихал все это в сумку, лопнувшую от удара.

Над Линой склонился полицейский. Будто во сне, она слышала, как полицейский хвалил парня за грамотное оказание первой помощи. Тот ответил: ничего особенного, в академии всех этому учат, к тому же я волонтер в «паническом чате», помогаю людям, у которых стресс, так что опыт есть. И добавил: я сам недавно попал в ДТП, представляете — снаряд угодил в одну и ту же воронку. Полицейский удивился: не может быть! Это на третьем ярусе, в минувший понедельник? Меня должны были направить туда, но я в тот день поменялся дежурством, однако все равно не упустил-таки свой шанс увидеть аварию вживую; один Бог располагает нами.

Лина некстати подумала, что она откуда-то знает своего спасителя. Не просто видела где-то — нет, она хорошо знает, как он говорит, щурится, смеется, двигает губами, обдумывая ответ на вопрос. Попыталась вспомнить, кто он и откуда, но не смогла. Она сумела лишь открыть свой куар для сканирования — парень попросил: «Я с вами свяжусь. Мало ли, сумею чем помочь...»

Разрывался волнофон, завывая старинную полицейскую песенку: к ней пытался пробиться брат. По многоканальной системе оповещения городской полиции уже прошла информация об аварии с указанием личных данных участников ДТП, и Ленька с ума сходил от страха за сестру. Лина это понимала, но из-за сильной пульсирующей боли не могла ответить. Наверняка уже сам к ней мчится. Какой теперь ему праздник...

В апатии, лежа на боку, Лина наблюдала, как четверо техников в шлемах и жилетах растаскивают с дороги обломки разбитых машин. У одного из техников, помимо форменной эмблемы «Автопитер», на груди фосфоресцировала большая броская нашивка: ощерившийся лев и буквы под эмблемой. «Сафари», — прочитала Лина; это было последнее, что воспринял ее мозг.

Лев широким прыжком преодолел две полосы, разинул страшную пасть и, подняв когтистую лапу, дыхнул на нее бензином. Лина тихонько вскрикнула и потеряла сознание.

Loser

...И пятница наступила. А вместе с ней — День водителя.

Инга вела машину, рассеянно слушала вечерние новости, то и дело посматривая на табло, где мигали цифры: восемнадцать сорок пять.

В автопарке их с мужем задержали. Висел Интернет, бледная девица за стойкой слишком долго оформляла документы на выдачу временных машин. И вот результат. Если заблокируют скоростной режим, ее машина останется стоять там, где застряла. А это — эвакуация казенной машины, штраф и первое предупреждение.

Олег ехал следом, но даже его присутствие рядом, буквально в десяти метрах, не успокаивало ее. Инга нервничала. Машины ползли еле-еле. Всюду пестрели транспаранты, извещавшие, что сегодня День водителя. Даже с древнего, двадцатого века постройки дома спускался плакат длиной и шириной в глухую безоконную стену этого самого дома.

Когда-нибудь и для Алиски наступит такой День...

Транспаранты попадались навстречу все чаще. Потом она увидела огни прожекторов, услышала характерный шум и запоздало догадалась: а ведь *это* уже происходит, и не где-нибудь, а прямо здесь и сейчас.

Инга огляделась.

С ней вечно приключалось что-то нелепое. Инга то уходила из раздевалки спортклуба в чужих сапогах, то забывала активировать свой QR-код, когда истекал его срок. А однажды, много лет назад, на загородной трассе она вклинилась в колонну. Ехала, солнцем полна голова, и удивлялась: что за прожекторы вокруг и почему спереди и сзади от нее мчатся сплошь большегрузы, а сбоку несется полицейская машина и истошно сигналист, требуя покинуть колонну и съехать к обочине для составления протокола и проведения профилактической беседы... Удивительно, что у нее до сих пор ни разу не было паники.

А теперь она затесалась в «родительский ряд». Штраф ей точно обеспечен. Олег там, наверное, переживает. Даже не звонит, видимо, чтобы она не нервничала еще больше. Да, мало смешного в том, что она — лузер. В жизни наступила полоса убытков. И когда она только кончится?..

Инга не успела ничего понять, увидев перед собою, очень близко, два вырвавшихся вперед нестерпимо ярких желтых огня. Фары машины, вынесшейся на встречную полосу, ударили ей в лицо. Она хотела крикнуть, но успела лишь зажмуриться.

Сразу вслед за ударом выскочили оранжевые подушки безопасности. Ее отбросило назад, придавило к спинке кресла, и она словно провалилась куда-то на несколько мгновений.

Голова болела, что-то теплое текло по ее лицу, капало с подбородка на грудь; посмотрев вниз, она увидела на светло-серой куртке быстро расплзающееся пятно.

Оказалось — ничего страшного: подушка безопасности отлично сработала. Если не считать пары синяков и распухшего носа, она была цела и невредима.

Надсадно выла сирена, горели прожекторы. Крышка капота встала домиком, машина была искорежена, салон изнутри превратился в параллелепипед.

Инга отстегнула ремень безопасности и застонала.

Только получить машину — и сразу ее разбить! Кому, кроме нее, могло так повезти?!

Олег подоспел к ее машине раньше других. Он и помог Инге выбраться. Вместе они наблюдали, как выносят из другой машины виновницу аварии — молодую женщину с залитым кровью лицом.

— Что произошло? — беспомощно спрашивала Инга.

— «Дельта» выехала на реверсивную полосу, — объяснил Олег. — Девушка за рулем увидела встречный автомобиль, резко свернула, и вы встретились.

— Ну почему мне так не везет? — заплакала Инга.

— Тебе повезло, — сказал Олег, целуя ее в висок. — Ты жива и, считай, не пострадала. Кроме того, ты — жертва. Да, вклинилась в «родительский поток». Заплатим штраф. Но не ты ведь создала аварийную ситуацию на дороге.

Он помолчал и закончил:

— Кому не повезло, так это той девушке, водителю «дельты». Ей уж точно не позавидуешь.

— А мне теперь на чем ездить?

Олег улыбнулся:

— Буду рад, если ты немного побудешь дома, с детьми. С Алиской сто лет никто не разговаривал ни о чем, кроме учебы. Мы вечно заняты. А ей скоро на подготовительный курс академии.

— Да, ты прав... Не знаю, смогу ли вообще теперь когда-нибудь сесть за руль.

— Не беспокойся. Все наладится.

Муж гладил ее по руке и успокаивал.

Инга вздохнула и огляделась. Неподалеку на высоком бордюре сидел третий участник аварии. Это был мужчина, толстяк средних лет. По его виску стекала струйка крови. Рядом суежилась плачущая девочка. Она обнимала толстяка, эконопаточком вытирала кровь. «Ну что ты, дочка, — бубнил толстяк, — дуй назад, к инструктору... Кто тебе разрешил выходить из машины?» К толстяку подошли двое мужчин в белых халатах. «Мне не нужна помощь», — буркнул тот. «Осмотр необходим», — возразили ему. Толстяк сдался, и медработник, разорвав индивидуальный пакет, принялся обрабатывать рану на голове пострадавшего.

Инга отвернулась. Толстяк напомнил ей нахального бюрократа — представителя страховой компании.

Рядом вырос полицейский и очень вежливо попросил ее скачать приложение и заполнить бланк. Инга с готовностью кивнула, вытерла слезы и полезла в свой волнофон.

Victim

...И пятница наступила, а вместе с ней, будь он не ладен, День водителя.

В те минуты, превратившиеся для него в вечность, когда он сидел рядом со своей пореженной машиной, Сергей думал о Насте. До момента, когда дочь подбежала к нему на дороге, рыдая и причитая, обняла и принялась целовать и вытирать кровь, струившуюся по его лицу, и после того, как инструктор отвел ее обратно в машину, он был совершенно одинок, словно вокруг и не происходило послеаварийной суеты, — и думал, думал. Об Экзамене, который он, возможно, ей сорвал. О том, что, при всей своей безграничной любви к дочери, он, наверное, так и не сумел дать ей то необходимое, что любая женщина легко и естественно дает своему ребенку...

В голове шумело. Как только Сергей закрывал глаза, перед ним видеорядом прокручивались эпизоды аварии, будто он вновь и вновь просматривал один и тот же фильм...

Сергей, сопровождавший экзаменационный выезд дочери, ехал в крайнем левом ряду родительского потока. Когда на дороге возник полицейский пикет, родительские автомобили начали перенаправлять на встречную очищенную полосу, и он оказал-

ся во втором ряду слева. И вот тут — он просто глазам не поверил — прямо перед ним на встречную полосу вынесло «дельту».

Сергей любил старое кино: фантастику, боевики, экшен, криминальные триллеры. Будучи «здоровым циником», как именовал сам себя, он всегда просматривал в ускоренном показовом режиме затянутые сцены: бесполезные диалоги, любовные сюси-масюси. То, что Сергей наблюдал в эти мгновения, напоминало показовую перемотку фильма.

«Дельта» влетела в малолитражную «гранту», прокатную, судя по модели и цвету, по вине водителя-лузера вклинившуюся в родительский поток. «Гранту» отбросило к нему. Удар пришелся в левый бок. Левая задняя дверь его «фаворита» (хорошо, что не водительская) была вмята. Автомобиль тряхнуло так, что Сергея чуть не размазало по салону. Он сильно ударился головой о стойку дверцы и охнул. Поднес руку к взорвавшейся болю голове, почувствовал мокрое и липкое: кровь.

«Хорошо, что жив... Дочка...»

Мысли сбивались в бесформенный ком.

Эпицентр аварии находился слева и сзади, но его «фаворита» развернуло боком — вероятно, чтобы он имел возможность понаблюдать за происходящим.

Сергей увидел, как столкнувшиеся автомобили разбросало в разные стороны, а потом вновь притянуло друг к другу, отчего последовал второй удар. Машины, двигавшиеся следом, экстренно тормозили. Визжали покрышки. Некоторые идиоты в панике сигналили. Истерическая какофония длилась недолго: поток замер, как река, наткнувшаяся на плотину. Сергей разглядел перекошенное лицо пожилой дамы за рулем ближайшей к нему машины. Увидел, как заискрились в серой грязи осколки фар и выбитых стекол.

Из покореженных авто у него на глазах вытащили незадачливых водителей. Невзирая на пульсировавшую в виске боль, Сергей разразился истерическим смехом: водителями оказались две бабы. В эти секунды, оставаясь «здоровым циником» даже в беде, Рябинин определил для себя еще один тип водителя: «водитель — стихийное бедствие».

«Это же — катастрофа! Пугало! Ведьма, только без метлы, — куда ей за руль!» — ярился он, рассматривая одну из виновниц аварии — наиболее жуткую: растрепанную девушку с лицом, залитым кровью, в мешковатой блузе-балахоне с ромбами, сползшей с левого плеча, и в серых джинсах, подчеркивающих изгибы.

А дальше — пустота, пауза, в безвременье которой ему оставалось лишь посылать сигналы бедствия: в страховую компанию («Черт возьми, Алла, пусть кто-нибудь придет побыстрее!»), в полицию, в многоканальную службу «Пробка.ру». И потом ничего не происходило очень долго.

Хоть он впервые за свои пятьдесят два года оказался участником ДТП, ничего примечательного, помимо баб-водителей, во всей этой катавасии для него не было. Пожалуй, кроме одного ярко отпечатавшегося кадра, который позже показался ему плодом собственного воображения.

В те доли секунды, после удара синей «гранты» о бок его «фаворита» и до повторного столкновения «гранты» с «дельтой» цвета металлик, произошло нечто поразительное. Между двумя разбросанными ударной силой железными тушами — «грантой» и «дельтой» — на высокой скорости проскочила красная спортивная машина и почти бесшумно скрылась в серых клубах дыма.

«Счастливчик, — с внезапной неприязнью подумал Сергей об ускользнувшем водителе. — Фартовый тип, чтоб его...»

Lucky

...И пятница наступила, а с ней — и День водителя.

Впрочем, Lucky этот день был до лампочки. Он отлично выспался и проснулся очень рано. Мысли о предстоящей встрече с Аней будоражили его. В какой-то момент он даже поймал себя на том, что не может думать ни о чем другом.

На работе Валери рассеян, но никто этого не заметил. Блистательный Lucky так давно занимался коучингом, что в редкие дни, когда он был не в форме, включался безошибочный, ни разу не подводивший его «автопилот», умевший не только отвечать на вопросы любой степени сложности, но даже шутить.

Девушка, с которой он познакомился в клубе, его зацепила. Было в ней что-то... какая-то интрига. Валери не сумел бы объяснить, чем она интересна, но когда он ловил себя на мысли о предстоящей встрече, блаженная улыбка расплывалась по его обычно самодовольной физиономии.

Офисный день проходил сумбурно и суетливо. Проводились конференции и видеокейсы. Отвлекали болтовней сотрудницы. Один коллега, у которого дочь участвовала в Дне водителя, отпросился заранее и повесил на него своих клиентов. Он был рад, когда рабочий день закончился.

Роудлента еле ползла. Однако и он не спешил. Чем позже Lucky приедет к Ане, тем дольше у нее засидится. Даже неудачный, при сложившихся обстоятельствах, День водителя тоже подыгрывал ему.

Lucky съехал с Роудленты именно там, где должен был проходить экзаменационный проезд сосунков. Впрочем, его это нисколько не напрягло. Он полз в общем потоке до того момента, пока не увидел свободную полосу перед собой. И тогда Lucky, повинувшись водительскому инстинкту и собственной дерзости, увеличил скорость...

Откуда на дороге появился автомобиль, врезавшийся в другой, шедший перед ним, Валери не понял. Однако авария произошла прямо у него на глазах. Lucky впервые довелось стать свидетелем ДТП. Две машины столкнулись, и их раскидало в разные стороны.

Что же сделал он? Проскочил между двумя аварийными машинами и преспокойно уехал! И лишь передернулся запоздало — от ощущения столь близкой, но уже миновавшей угрозы, с некоторым злорадством посмеявшись над неудачниками, довольный, что его не зацепило чужим бортом и что он не должен торчать тут с полицейскими, заполнять приложение, а после ждать до скончания века, когда же отремонтируют его красавицу «тринити». А вот Аня вряд ли стала бы столько ждать!

Странное дело, но он никогда больше не вспоминал о той аварии.

...И вновь, и еще долго перед ним маячила свободная полоса — символ водительского фарта. И «тринити» не ползла, как обычно, а почти летела.

Даже без навигатора Валери нашел бы нужное здание: символика «оранжерейного дома» на фасаде бросалась в глаза каждому, кто сворачивал с проспекта в переулок.

Оказавшись в переулке, Lucky позвонил Ане, и девушка сообщила ему код от гостевой парковки.

Парковочное здание в оранжевой высотке находилось напротив Аниного дома. Между зданиями пролегал небольшой пустырь. Скоро, конечно, он будет застроен. Валери ввел код на табло перед шлагбаумом. Из прорези выполз чек. Взглянул — пятый этаж, пять тысяч пятьсот пятьдесят пятое парковочное место.

Валери захохотал: кому, как не счастливым, избранныкам судьбы, выпадают красивые цифры?..

— Как ты быстро добрался. Словно вовсе и не вечер пятницы.

Аня улыбалась, стоя в дверях в просторном длинном сером платье из мятого шелка. Так одевались наши матери в молодости, подумал Валери. Мода всегда возвращается — например, мода на легкие инопланетные гоночные машины...

На Ане были кожаные кеды с округлыми носами. Волосы она распустила, и ей это очень шло. Во всем образе девушки было столько женственности и неги, что Валери остановился на площадке, как в ступоре: сердце зашло.

— Королева, — выдохнул он. — Венера...

— Ну вот... Говоришь — не любишь ретро, а изъясняешься, как поэт прошлого века, — Аня рассмеялась, пропуская его в квартиру.

Lucky шагнул — и сразу оказался в цветущей оранжерее.

Это была даже не квартирная оранжерея, нет. Настоящий ботанический сад, какой он видел только на картинках в школе! Или райский экзотический лес, населенный вечными папоротниками, кипарисами, финиковыми пальмами, банановыми и хлебными деревьями...

Не все эти виды, понятное дело, были ему доступны и знакомы: Валери, как и любой его сверстник, не специалист по природоведению, имел довольно скромные познания в области флоры и фауны.

Он обалдел.

Аня подтолкнула его вперед. Длинный коридор терялся в невысоких деревцах, ветви которых переплетались под самым потолком.

В нишах справа и слева, встречавшихся через каждые пять метров, были разбиты небольшие розарии. Причудливые розовые кусты различались сортами; даже он, не сведущий в растениеводстве, смог насчитать пять совершенно разных видов.

А лилии! Их было так много, что от душного аромата, казалось, уплотнился воздух...

Валери как вдохнул, войдя в оранжерею, так уже и не мог выдохнуть... У него закружилась голова.

— Подожди здесь, — Аня придвинула ему мягкий, закамуфлированный в тон растительности пуфик.

Он присел, как робкий школьник: ссутулившись, примостив руки на колени.

— Я принесу нам выпить. Ты какое вино любишь? Белое?

— У меня с собой красное сухое, — пробормотал он.

— Хорошо, — рассмеялась Аня. — С белого начнем, красным продолжим. Есть отличный рислинг...

Ее кеды прошелестели в глубь коридора. Валери беспомощно огляделся. Всюду — молодые и зрелые бутоны, зеленые заросли...

Ему стало не по себе. Lucky пытался и не мог вспомнить, когда он в последний раз был на природе. Друзья ежегодно звали его за город, однако неприязнь к велосипедистам, обитавшим в парковых зонах и лесополосах, всякий раз пересиливала желание потусить в компании и «подышать кислородом».

Аня вернулась и протянула ему бокал. На руке ее искрился браслет с логотипом некоей фирмы (опьяненный и ошалевший, он даже не сумел распознать логотип, хоть и видел его многократно, и понимал, что фирма эта крутейшая).

— За нашу встречу, — Аня с легким звоном коснулась своим бокалом его.

Он глотнул вина — и сразу поплыл в сонное царство...

— Пойдем со мной, — услышал Lucky тихий голос.

Анина рука коснулась его пальцев. Ее дыхание нежно пощекотало ему шею.

— Пойдем. Тебе надо прилечь...

Валери послушно побрел за ней, вяло держась за холодную тонкую руку девушки. Он был опьянен — но чем больше? ароматами? глотком Аниного вина? Валери уже не в состоянии был анализировать происходящее. Ему действительно требовалось полежать.

Аня привела его в небольшую комнату, где не было цветов и растений. Подтолкнула к диванчику. Он сел, вяло моргая глазами, которые закрывались сами собой. Голова потяжелела, и ее потянуло вниз. Валери прилег, коснувшись щекой подушки, которую Аня заботливо ему подсунула.

— Отдохни, поспи... К моему саду нужно привыкнуть, — голосок Ани лился трелью, звенел, как у сладкоголосой сирены. — Ты ведь так устал после рабочей недели...

— А ты... придешь ко мне?.. — пробормотал он.

— Конечно, — Аня коротко рассмеялась.

Затем, мгновенно сделавшись строгой и деловитой, девушка быстро склонилась над ним. Бесцеремонно оттянула пальцами его правое веко.

Lucky крепко спал.

Аня погасила свет и вышла.

Clown

...И пятница наступила, а вместе с ней — День водителя.

Назар медленно двигался в общем потоке, поглядывая на часы. Если он опоздает к отцу, старик всласть поиграет на его нервах, и плевать ему на какой-то особенный День, пусть даже объявленный самим губернатором.

«Дни дурака» уже существовали, когда Назар сдавал на права. Отец не явился к нему на Экзамен — забыл. Он никогда не был заботливым и внимательным отцом — так что за претензии к сыну у него теперь?

Назар с трудом выдерживал пару часов общения со стариком, но при этом знал: никогда он не бросит отца на произвол судьбы, не «сдаст государству». Хотя эта процедура — передача стариков «на попечение общества» — легко оформляется, а сам отказ от опеки престарелых родных не считается зазорным. Старики должны жить в специально отведенных для них местах — в Социальных домах, построенных в курортных зонах, на берегу моря или лесного озера, под присмотром квалифицированных социальных работников, выдержавших государственные испытания, подтвердивших человеколюбие и сострадательность экзаменатору-роботу...

Говорят, в таких заведениях неплохо. Но как это можно — отдать родного человека в социальное учреждение?

То, что произошло далее, показалось ему повторением дурного сна. На его глазах столкнулись две... нет, три машины! — а он стал единственным человеком на свете, увидевшим своими собственными глазами вторую аварию за неделю.

Минут за десять до столкновения он не только заметил, но и детально рассмотрел и «дельту», и девушку за рулем. Его машина оказалась вровень с ее автомобилем.

Манера глазеть по сторонам у человека, часами сидящего в своей машине, зажатого в «пробке», спасительна для нервной системы. Далеко не все безболезненно переживают вынужденный простой. Оказывается, приспособиться к многочасовым пробкам человеческий мозг не способен. Потребовалось двадцать, тридцать... пятьдесят лет с того момента, как автомобили обездвижили мир, и он почти замер, и динамичное движение выродилось в вялое шевеление, — чтобы прогрессивные ученые пришли к выводу: к пробкам привыкнуть нельзя!

Паника охватывает население; уже более четверти водителей подвержены ей. Не об этом ли Назар пытался и пытается докричаться, в первую очередь — до правительства? Правда, в правительстве кто-то уже и так помогает ему...

Размышляя так, он рассматривал девушку в «дельте». Что-то в ее лице было неправильно и необычно, что-то не дававшее возможности определить, красиво это лицо или нет. Оно жило и пульсировало. Девушка постоянно гримасничала, поправляла волосы, ерзала на сиденье, поворачивала голову то вправо, в его сторону, то влево, в сторону встречи. Трудно было представить ее статичной, застывшей. Назар подумал: наверное, если бы ему показали фотографию этой девушки, он бы не понял по снимку, какая она в жизни, не заинтересовался бы ею. Сейчас же ему хотелось смотреть и смотреть, как она двигается, щурит глаз, откидывает волосы со щеки, поворачивает голову... ловит его взгляд и с деланным равнодушием отворачивается... но через пять секунд, разумеется, опять невзначай посматривает на него...

А потом девушка вдруг совершила дикий неоправданный маневр, и ее вынесло на встречную полосу.

Был сокрушительный лязгающий удар, затем — еще один. И был самый сильный в жизни страх, когда он бежал к ее машине, надеясь, что она — пусть пострадала, пусть ранена и напугана, — но, главное, жива.

5. КРАХ

Loser

Утро субботы прошло в тумане.

Олег и Алиса заботливо поддерживали Ингу. Дочь приготовила омлет с томатами и тостами и сварила кофе. Олег принес завтрак в спальню. А когда Инга с трудом заставила себя встать и выползти из комнаты, испугавшись, что Ванюшка до сих пор не накормлен, выяснилось, что Алиса накормила малыша, собрала и отбыла с ним в гости к Аньке.

Значит, Аня приехала за племянницей и племянником, на рассвете проснулась в свой выходной — чтобы она, Инга, могла валяться до полудня, упиваясь жалостью к себе...

Олег, как мог, пытался расшевелить жену.

— До суда у нас много времени. Тебе ведь к пяти? Если хочешь, можем посмотреть ретрофильм. Мелодраму или комедию — выбери из своих любимых.

Говоря так, Олег массировал ей шею. Инга застонала: муж нащупал проблемный позвонок, из-за которого ее мучает мигрень. Неужели наконец-то появилось время, чтобы заняться собой?

И действительно, почему бы им вместе не посмотреть фильм? Поваляться в постели, как в юности, включить какую-нибудь слезовыжимательную чепуху. Разве не это лучшее времяпровождение супругов, пристроивших детей на выходные к родственникам?

Когда наступил полдень, Олег принес ей планшет.

— Я уже проголосовал, — сказал он. — Очередь за тобой.

— За кого голосовал? — уточнила Инга, хотя и так понимала; вопрос был лишним.

— Мы ведь все позавчера обговорили.

Инга кивнула, нашла нужную строку, выбрала: «Алтурмесов Исмаил Елдарович» — и нажала: «Проголосовать».

— Мы изменили своим консервативным привычкам, — заметила она.

— Уверен, что это правильный выбор, — отозвался Олег.

Вечером он отвез Ингу в суд, а сам отправился на общественную парковку, располагавшуюся за четыре квартала от казенного учреждения.

Инга вошла в здание правосудия и поднялась на восемнадцатый этаж.

В коридоре под дверью зала суда номер сто семнадцать сидела вчерашняя девушка, водитель «дельты». Рядом с ней сидел слонопотам в черной полицейской форме. По тому, как полицейский наклонился к девушке, по его приглушенному тону, по выражению лица Инга догадалась: это не сопровождающий надзиратель, а друг или родственник.

Девушка подняла голову и посмотрела на Ингу. Щека ее припухла, а на подбородке темнел хирургический шов с усиками. Небольшой, подумала Инга. Шрама не будет...

Неожиданно для себя она подбадривающе улыбнулась девушке. Та вздрогнула и быстро отвела глаза. Инга вспомнила, что у нее под глазами отеки. Вероятно, девушке из «дельты» стало не по себе, ведь она — виновная сторона.

Инга села поодаль. Свободных мест было много.

Наконец ее вызвали. Инга вошла в кабинет.

— Здравствуйте, ваша честь, — робко поздоровалась она.

Пожилая тетка-судья в черной мантии не удостоила ее даже кивком. Помощник судьи, хлыщеватый молодой человек, косясь в приложение, почти без запинки зачитал обстоятельства аварии. Тетка-судья хмуρο кивала. По ее лицу можно было подумать, что она впервые слышит эту историю. Хотя авария, безусловно, обсуждалась и перемалывалась многократно за последние сутки (кроме такой инстанции, как пресса, в которую власти традиционно старались не пропустить какие-либо новости, по тому что «этожепаника»).

Хлыщеватый помощник умолк.

— Подтверждаете? — спросила судья, подняв на нее рыбы глаза.

— Подтверждаю, — кивнула Инга.

— Тогда распишитесь — здесь и здесь.

Инга послушно ткнула пальцем в планшет — туда, куда ей указали.

— Суд удаляется для вынесения решения, — важно объявил помощник.

Судья поднялась и, покачивая пышным низом, как у барышни-самоварышни из маминой антикварной кухонной коллекции, выплыла в заднюю дверь. Хлыщеватый помощник последовал за ней.

Инга осталась одна всего на несколько минут, однако ей показалось, что время тянулось бесконечно долго.

— Встать! Суд идет! — под этот рык судья с помощником вернулись в зал.

Тетка в мантии расправила траурные одеяния, взгромождая на свое место

— Суд постановил... Считать Косоротову Ингу Витальевну пострадавшей стороной в дорожно-транспортном происшествии. Компенсировать моральный ущерб за счет страховой компании, с выплатой Косоротовой Инге Витальевне денежного довольствия в размере ее средней полугодовой заработной платы. Компенсировать материальный ущерб, связанный с порчей дорожно-транспортного средства, за счет страховой компании, с погашением ущерба фирме, предоставившей временное транспортное средство в пользование Косоротовой Инги Витальевны. Компенсировать самой Косоротовой И. В. материальный и физический ущерб, связанный с причинением легкого вреда здоровью. Оформить Косоротовой И. В. трехнедельное пребывание в реабилитационном центре санаторно-курортного типа либо, в случае ее отказа, оплатить стоимость реабилитационного лечения в денежном эквиваленте, позволяющем пройти данное лечение на дому. Полагать Косоротову И. В. пребывающей в лечеб-

но-восстановительном оплачиваемом отпуске сроком на три недели. По истечении трех недель, необходимых на прохождение полного курса водительской реабилитации, выделить Косоротовой И. В. новое страховое транспортное средство с доставкой автомобиля на дом...

Инга слушала и машинально кивала.

Все ведь хорошо? Все хорошо. Олег согласится с этим.

— Требуется ли вам разъяснения решений суда? — обратился к Инге хлыщеватый помощник.

Инга молчала.

Судья молчала. Помощник молчал. Все смотрели на нее.

— Сударыня? — переспросил помощник.

— Скажите, ваша честь, — вдруг заговорила Инга, неожиданно для себя, — что будет с той девушкой — водителем «дельты»? Дело в том, что я не видела обстоятельств ее выноса на встречу. Но даже если бы и видела... У меня лично нет к ней претензий. И если вдруг у третьего водителя тоже нет претензий... да, вдруг у него их нет...

Хлыщеватый помощник кашлянул. Судья нахмурилась.

— Я просто не хочу, чтобы ее наказывали за эту ошибку, — пролепетала Инга.

(Что я не су? Зачем это мне?)

— Суд требует ответить: требуются ли вам разъяснения решений суда? — прервал ее тираду хлыщеватый помощник.

Видимо, парень волновался, поскольку голос сорвался на последнем слове, и он «дал петуха».

— Да, мне все понятно. Я хотела только...

— В таком случае распишитесь — и вы свободны.

«Распишитесь»... Старомодное слово! Никто уже давно нигде не расписывается. В обиходной, да и в официальной, административной речи вообще много бессмысленных понятий. Например, самая неподвижная в мире вещь, обозначающая расположение машин на дорожной ленте, называется «дорожным движением» — а ведь оно *почти не движется*.

Инга приложила палец к графе: «Подпись пострадавшего».

— Вы свободны.

Помощник судьи уже не выглядел хлыщеватым. Инга представила, как он берет ее за шиворот, подводит к двери и выставляет за порог.

— До свидания, — выдохнула она.

На судью Инга больше взглянуть не осмелилась.

Оказавшись за дверью, на которую указал помощник судьи, она сообразила: это совершенно другой выход, ведущий в широкий холл, а не в коридор. Так специально задумано, чтобы она больше никогда не пересеклась с той девушкой, водителем «дельты».

— Ну зачем ты высунулась?

Олег покачал головой и перестроился в другой ряд. Они ползли за большегрузом с прицепом.

— Может, потому, что мне стало ее жалко, — ответила Инга. — А может, чего-то не хватило в этом спектакле под названием «суд». Какой-то объективности...

— Объективности ради выскажусь. Я ехал за тобой и видел вашу аварию. Своими собственными глазами. Она была виновата. С какого бока ни взгляни.

— Но ведь никто не спросил, почему ее вынесло на встречу, — возразила Инга. — Никто не попытался выяснить причины.

— Не попытался, потому что и так все понятно. Да забудь ты о ней. Радуйся, что все решено в твою пользу, — подвел черту Олег и, свернув на третий ярус, распрощался с многотонным чудовищем, ползущим на перегруженный нижний ярус. — Главное — что мы с тобой не понесли убытков. На этот раз...

— Как ты правильно заметил, «на этот раз», — вздохнула Инга. — Недотепы мы... лузеры...

— Зато сейчас нас встретит «дотепа», — Олег повернулся к Инге. — Готовься! Счастье, если старик Кулагин не припрется погордиться идеальной младшей дочерью в выходной день.

Квартирка у Ани была экзотическая. Не успев войти, Инга тут же зацепилась прической за длинную гибкую лиану и, охнув, принялась высвобождать мгновенно затянутую в зеленый плен, опечатанную клейким соком прядь волос.

Из гостиной вышли Аня с Ванюшкой на руках и Алиска в новом укороченном платье, видимо, только что подаренном тетушкой. (Ну что это за пошлость — розовое? неужели, в Анькином представлении, девочка-подросток должна ходить вот в таком?)

Аня шагнула навстречу лиане и, вытянув шею, зашипела на нее. Лиана мгновенно отпустила Ингины волосы.

Алиска подбежала к родителям:

— Мама, папа! Смотрите, какое у меня платье!

— Ах ты, моя красавица, — заулыбался Олег. — Привет, Ань. Спасибо за догляд, за гостеприимство.

Забирая Ванюшку из рук сестры жены, он мазнул Анину щеку поцелуем. Аня опустила глаза, грациозно обвила руками шею Олега и игриво коснулась его губами, почти клюнула (почти в губы! нахалка), затем неспешно подошла к Инге и, наклонившись, поцеловала ее в щеку.

— Как чувствуешь себя, сестричка? Я просто в шоке! С тех пор как Олег мне позвонил, в себя не могу прийти.

— Нормально. Жива, как видишь.

— Ой-й, а лицо!

Инга вздохнула и промолчала.

— Ничего страшного, — вмешался Олег. — Доктор сказал, что через три дня уже и следов не будет.

— Ма-ам! Как тебе мое платье? — Алиска состроила жалобную гримаску.

— Хорошее, доченька. Спасибо, Аня.

Инга с большим трудом выдавила слова благодарности. И заставила себя поцеловать сестру.

— Пойдемте кофе пить, — сказала Аня, увлекая их в кухню. — Вы ведь все равно у меня ночевать останетесь — времени вон уже сколько...

— Да, придется нам тебя потеснить, — вздохнула Инга.

— Переживу. У меня просторно, — улыбнулась Аня.

— Пап! Я с Ванюшкой доиграю, хорошо? У Ани есть седьмая версия «Круиза Автоежки и Автоежика».

Ванюшка, который только что куксился и тер глаза, засмеялся и потянулся с отцовских рук к сестре.

— Поиграй с ним, конечно. От заварного кофе я бы не отказался, — это Олег.

— А я бы — от коньяка, — услышала Инга собственный голос.

— У меня все есть! — Аня тепло улыбалась. — Располагайтесь.

Когда кофейная машина уже фыркала и коньяк для Инги был налит в коньячный бокал (сама Аня отказалась пить со стандартной формулировкой: «Мне еще работать»), прозвучала трель от входной двери.

Инга и Олег переглянулись: неужели отец?..

— Дорогие, это по работе. Вы отдохайте, я быстро.

Аня вышла из кухни. Олег с Ингой остались одни за большим круглым столом, покрытым экоклеенкой.

— Она милая, правда? — Олег понизил голос. — И к тебе относится искренне.

— Милая, — повторила Инга машинально.

— Значит, пора простить девчонке ее успех.

— Ты что, думаешь, я завистница? — Инга посмотрела в глаза мужу, из-под набрякших синюшных век блеснули слезы.

— А разве это ненормально — завидовать ближнему и желать для себя такого же успеха?

Инга почувствовала, что сейчас разрешится.

— Дорогой, обещай, что ты завтра же отправишь свое резюме на сайт «Высший резерв»!

— Ну, если для тебя это важно... Раньше ты меня не просила об этом.

— Да, для меня это важно.

— Хорошо. Я отправлю резюме.

— Спасибо тебе.

— За что, глупышка? Все ради тебя.

Они сидели за столом, улыбаясь друг другу, — высокий худой мужчина с усталыми глазами и женщина с распухшим, словно от побоев, лицом.

— Хочешь еще коньяку? Поскольку мне теперь только завтра за руль, я бы, пожалуй, присоединился.

Инга встала из-за стола, подошла сзади к мужу и обняла его.

— Уговорил. Наливай! Пойду посмотрю, что там делает Аня.

Она вышла из кухни.

В оранжерее к ней жадно потянулись лианы и ветви, обрадованные новому посетителю. Инга протискивалась вперед, бесцеремонно расталкивая их руками. У входной двери Аня негромко разговаривала о чем-то с огромным хмурым полицейским. Это был тот самый «слонопотам», которого Инга видела сегодня возле зала суда.

Они встретились взглядами. В глазах стража порядка последовательно отобразились удивление, неприязнь и тяжелая тоска. Будто это ее, Инги, вина, что девушка из «дельты», его сестра или жена, наказана за свою же собственную небрежность...

Инга застыла посреди оранжереи. Неопознанное дружелюбное растение потянулось к ней цветочным ротиком с шевелящимся пестиком-язычком. Растение пощекотало Ингино ухо и, удовлетворенно присвистнув, принялось его сладострастно обсаживать. Инга дернулась, щелкнула по цветку двумя пальцами, и тот быстро втянулся в заросли, а она принялась тереть зудящее розовеющее ухо.

Полицейский отвел тяжелый взгляд, отрывисто сказал что-то Ане и, попрощавшись, быстро вышел. На дверной панели появилась надпись: «Closed».

Аня обернулась и увидела сестру.

— Ну что, с работой покончено? — спросила Инга.

Полицейский покинул квартиру — и словно все ушло вместе с ним. Авария, суд, разборки со страховой компанией — ничего этого больше не было. Только две сестры, стоящие в коридоре друг напротив друга.

— Все! Я свободна!

— Мы с Олегом выпиваем, — Инга потянула Аню за руку. — Пошли, составишь компанию.

— Спойть меня хочешь? А если я нажалуюсь папе?

— Тогда я тебя побью, малявка.

Сестры расхохотались и обнялись.

Victim

Меньше всего на свете Сергей хотел встретиться в суде с участницами вчерашнего столкновения на дороге. Вдруг обе явятся в суд одновременно? Какая сцена разыграется на его глазах? Женщины не умеют себя вести. Еще, чего доброго, накинутся друг на друга с оскорблениями — и все это при нем, единственной их жертве!

Однако он их не встретил ни в коридоре, ни в зале.

На суде он подтвердил, что является пострадавшей стороной и не нуждается в разъяснении судебного решения, а вместо реабилитации запросил денежную выплату. Судьей была страшная пожилая бабища — доверяют ведь кому попало решать судьбы законопослушных граждан!

Накануне он отказался от медицинского освидетельствования, однако отчет бригады «Скорой помощи» о том, что участник ДТП Рябинин С. А. получил травму неустановленной степени тяжести и ему оказывалась первая медицинская помощь, уже лежал в папке судьи. Помощник судьи, худой заикающийся молодой человек, явно затюканный этой пучеглазой тумбой в мантии, страдающий выраженным нервно-психическим расстройством, трижды переспрашивал, требуется ли Рябину медицинское обследование и лечение. На третий раз Сергей раздраженно повторил уже сказанное: в санаторно-курортном лечении он не нуждается, вред его здоровью причинен не был, и он только ждет решения суда, чтобы подать заявление на страховое возмещение материального ущерба.

Голова болела сегодня уже по-новому, не так, как обычно. В черепной коробке словно медленно проворачивалось зазубренное колесо. Временами Сергей готов был взвыть: боль была приступообразной.

После того как суд удалился на совещание, а затем вернулся в зал, нервный помощник судьи огласил: Рябину доведут окончательное решение, которое пока не сформулировано, поскольку дела двух других фигурантов сегодня еще не рассматривались.

Вернувшись после судебного заседания, Сергей открыл в планшете приложение, вышел на сайт «Выборы онлайн» и отдал свой голос за Алтурмесова.

Остаток субботы он провел дома, валяясь на диване, приложив к голове пузырь со льдом. Сергей выпил снотворное, но препарат не подействовал. Насти не было дома — она отправилась на вручение водительского удостоверения и диплома об окончании Автоакадемии. С отличием. Сергей через силу улыбнулся, подумав о том, какая у него талантливая и волевая дочь.

А ведь вчера, когда случилась авария, Настя выбежала из машины и бросилась к Сергею. Она рыдала, обнимая его, пока не подошел инструктор, не отцепил ее от Рябина и не отбуксировал назад в машину. Инструктор был невозмутим, как придорожный столб. Он просто выполнил свой долг: экзаменуемый не должен покидать автомобиль, а его инструктор обязан за этим проследить. Разумеется, Настю простили: ни в одной инструкции не указано, что должен делать экзаменуемый, если на дороге в двух шагах от него истекает кровью его отец. Теперь Настя станет полноправным членом общества. А обеих этих баб следовало бы навеки лишить водительских прав!

Позвонил Андрюха Вожев, поделился новостями. Вторая авария за неделю — видимо, что-то неладное происходит в астрале...

Вожев поинтересовался:

— Почему тебя к нам не вызвали?

Рябинин усмехнулся: как товарищи-техники не заметили его на дороге, не обратили внимания на номерной знак его разбитой машины...

— Брал выходной. Дочка сдавала Экзамен, — ответил Сергей, решив не вдаваться в подробности.

— Тогда понятно. Благополучно сдала?

— Да.

— Молодец! Нас пока не уволили. Но я со следующего месяца увольняюсь сам.

— Пришел положительный ответ из Сафари?

— Точно! У меня высокий рейтинг. Подхожу по всем параметрам!

— Что ж, поздравляю. Будь здоров! Успехов тебе на Сафари!

Андрей поблагодарил, попрощался и пожелал Сергею «тоже не хворать».

Сергей вспомнил, как вожевская бригада быстро и бодро растаскала металлоконструкции. Работали рьяно, словно доказывали кому-то свою нужность, полезность. Хотя вокруг не было никого, кроме несчастных жертв аварии, равнодушных полицейских да испуганных выпускников и их родителей.

Прощание с Андреем принесло облегчение: из-за разрастающейся боли у Сергея попросту не было сил продолжать разговор.

Лампочка у настенного монитора замигала: пришел мейл. Сергей щелкнул пальцами, что означало: Сим-Сим, откройся! Экран осветился.

— Немо! Вслух, пожалуйста, — велел Рябинин.

Его персонального виртуального помощника звали Немо. Сергей давно не читал книг — после разбора сотен заявок в день глаза и мозг воспринимали только фильмы, — но любимые старые книжки, хранившиеся в доме до момента Обязательной Утилизации, случалось, листал уже и взрослым.

— Довожу до вашего сведения, — умиротворяющим негромким баритоном заурчал Немо (еще не хватало, чтобы его персональный помощник разговаривал визгливым женским голосом), — что вам будет начислена денежная компенсация санаторно-курортного лечения. Согласно заявлению номер триста сорок три тысячи пятьсот семьдесят три, вы больше не являетесь лицом, получившим телесные повреждения, как и вред здоровью любой степени тяжести, в результате дорожно-транспортного происшествия, имевшего место...

Он слушал с тоскливой гримасой, чувствуя, как прокручивается внутри головы зазубренное колесо.

— Отсутствие вреда, причиненного вашему здоровью, запротоколировано в судебном решении и послужит фактором, влияющим на вынесение судебного решения в отношении виновной стороны — Бельчонок Лилианы Денисовны. (Он хмыкнул: виновная в аварии, конечно, не могла называться никак попроще; именно от таких, с «поворотом мозгов», и происходят крупные неприятности.) Подпись: мировой судья Хмарчук Валентина Андреевна.

«Выходит, я частично помог виновной избежать правосудия, — подумал Сергей, морщась от боли, уже покинувшей свою геолокацию — черепную коробку — и сладострастно пульсировавшей в шее и левом плече. — Две бабы встретились на дороге. Не поделили дорожное полотно. А меня угораздило оказаться между ними. Будто я — начинка сладкого пирожка. Пострадал от женщин, в который раз... Хотя куда деваться от них, Господи...»

Интерактивный экран на стене слабо засветился.

— Экстренный выпуск новостей, — сообщил голос с металлическими нотками.

Сергей с трудом повернулся к экрану. Из престижного жилого небоскреба, карман перед которым был заставлен полицейскими машинами, выводили кандидата в губернаторы Измаила Алтурмесова. Тот крутил головой на тонкой шее и озирался по сторонам, видимо, не веря в происходящее. Тротуар был запружен людьми.

— Сегодня утром был взят под стражу кандидат в губернаторы Измаил Алтурмесов, — сообщил робот, как показалось Сергею, со злорадством в голосе. — Вскрылись факты, указывающие на его причастность к затоплению подземных парковок в доме номер сто сорок восемь по Гаражнокомплексной улице мегарайона А. Голоса, отданные гражданами Полиса за кандидата Алтурмесова, будут аннулированы. Эти граждане могут переголосовать в установленном порядке до семнадцати часов...

Сергей тихо, почти про себя выругался. Он был бы не просто поражен, разочарован. Скорее, раздавлен...

На запястьях Алтурмесова блестели полоски наручников. По его растерянному лицу нетрудно было догадаться, что уж он ошарашен куда больше других. Несостоявшегося губернатора и группу полицейских окружила толпа репортеров и просто прохожих, снимавших арест на волнофоны.

Робот-комментатор продолжал бодро трещать.

«Вот так... — подумал Сергей. — Никому нельзя верить. Ни бабам, ни властям. Как они мне все осточертели...»

Он застонал и перевернулся на правый бок, лицом к стене. Левый висок горел адским пламенем. В место удара, где пощипывало кожу, где еще кровоточила под пластырем свежая ссадина, словно ввинчивали раскаленный штырь.

Сергей прижал к голове пузырь со льдом, закрыл глаза, вздохнул...

И умер.

Crash

В современном мире не так много серьезных напастей. Основные несчастья — собственная смерть или уход из жизни кого-то из близких. От старения или болезни даже в идеальном обществе никуда не денешься.

Безусловно кризисный момент — отправка на «конечную станцию дожития». В Социальный дом. Около восьмидесяти процентов пожилых людей доживают свои дни в таких домах.

Поломка машины, затопление автомобиля на придомовой парковке — крупные неприятности, но это еще куда ни шло.

В ряду самых тяжелых злоключений, выпадающих на долю человека, стоят провал экзамена в День водителя и лишение водительских прав.

Лина полностью оправдала свое прозвище — «Катастрофа», когда ее лишили прав на десять лет. Не пожизненно — как она догадывалась, благодаря вмешательству старшего брата, задействовавшего все мыслимые и немыслимые рычаги. А может, благодаря Государственной премии, все-таки ставившей Лину рангом чуточку выше ее класса и среды.

Теперь ты можешь работать с заказчиками в дистанционном формате. Можешь ездить по улицам на самокате. Можешь литрами пить свой кофе, ходить в Дворомаг... Да, можешь пройти дистанционное обучение и получить дополнительные сертификаты, найти новых клиентов и даже повысить свой доход.

Одна проблема: куда и на что тратить деньги человеку, обреченному, по сути, на домашний арест?

Первые сутки после суда проходили как в мешке со звуконепроницаемыми стенами. Болела челюсть, но не сильно; она принимала обезболивающее. Скобу наложили просто отлично. Когда рот закрыт, почти ничего не видно. Вот только швы снаружи, под губой... Они заметны и противно стягивают кожу.

Лина так бы и провалялась в кровати все воскресенье, но это был «бабулин день». Пришлось собираться и идти.

Бабуля Лора жила поблизости — на самокате десять минут. Лина выбирала время, когда поток самокатчиков минимален. В последнее время на тротуарах тоже образовывались пробки.

Машины стояли плотными рядами — суббота! Кому в Социальный дом к родителям, кому в Мегамаг, а кто-то и работает в режиме выходного дня. Если бы не долг перед бабулей, Лина бы не вышла из дома в этот день. Ни за что и никогда. И вообще не появилась бы на улице до тех пор, пока не прошла курс психотерапии и не проработала потерю.

Интенсивный курс психотерапии по решению суда ей оплатит Полис. Нарушитель, виновный в аварии, тоже гражданин и тоже жертва. Еще не хватало, чтобы наказанный совершил суицид или начал выражать свой гнев какими-то другими способами.

Лина и не думала отлынивать от психотерапии. Первый сеанс состоится сегодня вечером, поэтому у бабули особенно не засидишься. Или, если она застрянет там, придется подключаться по ссылке, присланной ей в утренней почте, и тогда бабуля Лора, которая отлично соображает, несмотря на возраст, узнает все... Что она тогда скажет? Трудно даже спрогнозировать.

Маме они с Ленькой решили не сообщать.

— Бабуля, это я, — окликнула Лина, войдя в прихожую.

Она навещает бабулю Лору в одно и то же время, но та все равно, бывает, пугается, услышав стук из прихожей. Как-никак девяносто шесть лет.

Послышался скрип, и в прихожей показалась бабуля, опирающаяся на ходунки. Худющая (в действительности имевшая отменный аппетит), когда-то высокая, а теперь ниже внучки на полголовы (энергичные спортивные люди «утаптываются» за жизнь не меньше, чем обжоры и лежебоки), с ежиком седых, подкрашенных фиолетовой краской волос, бабуля Лора выглядела, как изможденная девчонка-подросток. Правда, вблизи и на дневном свете, а не в теплом слабом освещении прихожей, становилась заметна выдававшая возраст сетка морщин на лице и шее.

— Внучка, — низким грудным голосом откликнулась бабуля. — Линочка. Дай я тебя обниму.

Лина наклонилась к бабуле, прижалась к ней. Даже дышать перестала, чтобы невзначай не разреветься. Но глаза все равно пощипывало. Потерлась щекой вместо поцелуя. Бабуля плохо видит, она не заметила усики швов под губой.

— Мой руки, проходи на кухню, — бабуля махнула ей и бодро застучала ходунками по коридору.

Ее ноги в мягких войлочных тапках переступали беззвучно. Лина направилась в ванную комнату.

Бабуля Лора была не одна. На кухне сидела с чашечкой кофе женщина по имени Эльмира. Она была одета в униформу соработницы общественной организации «Милосердие»: неброский кремовый костюм — брюки, жакет без лацканов, на шее — сиреневый шарфик с двумя красными полосами. Лина знала ее совсем недавно и толком ни разу не успела с ней поговорить, но интеллигентная, корректная Эльмира ей заочно нравилась.

Эльмира приветливо кивнула Лине, но тут же заметила шов под губой, и на лице ее отразилась профессиональная готовность к сопереживанию. Лина чуть заметно предостерегающе качнула головой.

— Привет, Эльмира, — поздоровалась она.

— Здравствуйте, Лина, — произнесла Эльмира, не сводя с Лины сочувственного пронизательного взгляда.

Лина села на высокий табурет у барной стойки. Это было ее облюбованное место на бабулиной кухне.

— Свари себе кофе, — предложила бабуля. — А заодно и мне.

— Я сварю, — Эльмира привстала с места.

— Спасибо, я сама, — упредила Лина.

...Чашечка в виде чайной розы, знакомая ей с детства. Бабулина квартира — та самая, в которой росли они с Ленькой. В кухне чисто, сияют светлые настенные панели и сенсорная плита (соцработник знает свое дело).

Эльмира тихонько рокошет, рассказывая бабуле свежие новости: что в Дворомаге, что на предвыборных дискуссиях... Хит недели: горожане обсуждают аварию в День водителя. Властям не удалось «избежать паники»: слишком много было свидетелей. Не возьмешь же со всех подписку о неразглашении и за фейк никого не притянешь, потому что это чистая правда.

Бабуля ахает, качает головой; трудно поверить услышанному, пожилая дама уже и забыла о том, что такое «авария». Забыла, хотя много лет назад под колесами легкового автомобиля погиб ее брат-подросток. Лина вздрагивает, вспомнив бабулину историю: только теперь она начинает понимать, как такое могло случиться с братом Лоуренсом...

Лина выпивает горький кофе и выходит из-за стола, сказав бабуле, что хочет заглянуть в их с Ленькой детскую. Она уже несколько лет не открывала дверь в эту комнату. Если бабуля и удивлена, она не подает виду, а ласково кивает:

— Иди, дорогая. Я пока обсужу с Эльмирой дела на следующую неделю.

Эльмира недавно работает у бабули, но уже расположила ее к себе. До Эльмиры много лет приходила Ольга — крепкая, мужиковатая, спокойная. Но потом Ольга перенесла инсульт, и теперь она сама в Социальном доме. Бабуля взяла с Лины слово, что когда-нибудь, когда она «отдохнет и восстановится» (читай — помолодеет), Лина свозит ее навестить Ольгу.

Лина больше не может терпеть душевную боль. Она вваливается в свою бывшую детскую, падает прямо на кудрявый шерстяной коврик, вниз лицом, и плачет навзрыд, как девочка. И нет рядом мальчика-брата, чтобы ее утешить...

Наплакавшись, Лина ходит по комнате, трогает полки, снимает и листает книги. Они с Ленькой заплатили нереальную сумму и скопировали большую часть своих детских книг в тот год, когда всю бумагу приказано было сдать в переработку. Теперь в старом шкафу их бывшей детской хранится целая коллекция книг из экобумаги, почти неотличимых от настоящих — с чудесными цветными иллюстрациями, с загнутыми на самых интересных местах страницами и с продранными кое-где корешками... все точь-в-точь, как они оставили после детства. Лина дует на фигурки Ленькиных монстров, проверяя, нет ли на них пыли (разумеется, нет ни пылинки, иначе Эльмира не носила бы шарф с двумя красными полосками, означающими «высшую категорию»). Ложится поочередно на «водяной матрас» — Ленькин, потом на жесткий диванчик — свой (она с детства берегла осанку и спала на твердой поверхности). Она валяется на своей детской постели так долго, что почти получается задремать...

Навестив свою комнату, Лина бродит по большой квартире. Ей нравится бабулин кабинет с антикварной мебелью. Тяжелый стол, затянутый зеленым сукном, в тон ему — зеленая лампа, жесткие кресла с резными спинками и ручками, обтянутые кожей. Книжный шкаф с восстановленными экокнигами по искусству и литературоведению. («Они не пахнут!» — всхлипывая, говорила бабуля недоумевающим Лине и Леньке, восстановившим ее библиотеку после утилизации бумажных книг. Больше всего бабуля сокрушалась по тем книгам, которые так и не были восстановлены — по решению Ведомства, Название Которого Никто Не Произносит Вслух. Этот шкаф — не просто стандартный стеллаж с полками, а настоящий реликтовый шкаф с деревянными резными дверцами и витражными вставками в них («Модерн, модерн!»))

В эркере притулился типовой компьютерный стол. За тем, первым, старинным столом можно только читать книги, с ним совершенно не вяжутся огромный плоский сенсорный экран и подвесной мини-процессор. Для чатов и блогов, для просмотра новостей у бабули есть отдельный столик... Агрегат (так многие люди старшего поколения называют свою компьютерную технику) никогда не находится в состоянии покоя. Даже когда он не используется по назначению, он все равно продолжает работать: ионизирует воздух, измеряет и урегулирует температуру окружающей среды, расщепляет пылинки. Бабуля оформила кабинет таким образом, чтобы компьютер не бросался в глаза сразу на входе, не нарушал тяжелую пахучую атмосферу Догуманистической эпохи.

На полках выставлены фотографии. Не скриншоты — настоящие фотографии, которые печатали на толстой глянцевой бумаге в специальных фотомастерских. Их не потребовали утилизировать в отличие от журналов и книг. Бабуля сидит верхом на гнедой лошади. Бабуля, тонкая и гибкая, с развевающимися волосами летит на водном скутере, пригнувшись к рулю, чтобы удержать равновесие. Бабуля стоит рядом с дедушкой на берегу озера...

Наверное, это очень дорогой курорт: *защита* здорово замаскирована, такое впечатление, что босыми ногами дедушка с бабулей стоят по щиколотку в воде... Или — спецэффект? К самому озеру подступают сосны, некоторые из них нависли кривыми ветвями над самой водой...

Нет, это не спецэффект. Лина вдруг почувствовала свежий ветерок на своем лице, вдохнула аромат хвои. Снимок был непрофессиональным. Его сделал наспех какой-нибудь их приятель. Может, даже маленький будущий папа Лины и Леньки сфотографировал своих родителей. Никаких эффектов, никакого постановочного кадра. Это — кусочек жизни...

Озеро не защищено силовым полем.

Значит, такое *было* возможно...

А вот опять — дедушка и бабуля, в компании веселых, счастливых, лохматых и, похоже, подвыпивших людей. Это — писатели; большинство из них зрелы, немолоды, хотя есть и две-три совсем юных физиономии. Вся компания стоит на фоне какой-то хибарки; это настоящий деревянный дом, ветхая развалюха, как из старинных сказок про Бабу Ягу. Дедушка легонько придерживает бабулю за локоть, словно опасаясь, что она сорвется и умчится и он ее не догонит («моя кобылка» — со слов папы, так дедушка шуточно называл бабушку). По дедушке сразу видно: знаменитость. Он стоит в центре группы... Интересно, он был хорошим писателем? Лина когда-то пыталась читать дедушкины книги — у бабули их целых две полки, — но не смогла; ей и ее поколению уже непонятно, о чем они...

Фотографий отца в кабинете нет, но Лина знает: папа на заставке бабулиного монитора и на дисплее волнофона, и его лицо в виде голограммы появляется посреди бабулиной комнаты, стоит активировать систему...

Когда Лина вышла в коридор, Эльмира уже прощалась с бабулей Лорой.

— ...И обязательно навещу вас в понедельник и во вторник. Потом меня не будет несколько дней.

— Да-да, я помню.

— Вы справитесь без меня, Лора Даниловна? Буду очень переживать.

— Спасибо, дорогая. Разумеется, справлюсь!

— Я буду навещать ее, не беспокойтесь, — проговорила Лина. — Вы где стоите?

Эльмира взглянула удивленно.

— На каком ярусе припарковались? С гостевой парковкой проблемы не возникло?

Бабуля как-то странно хмыкнула. И только тогда Лина заметила в углу еще один самокат, не бабулин и не ее собственный, явно принадлежащий гостю.

Эльмира засмеялась, выкатывая свой транспорт на лестничную площадку:

— Спасибо за беспокойство, милая, да только я — не водитель.

— Но как же... Вы хотите сказать...

Лина уже поняла, она знала ответ — вернее, ответов могло быть два, — однако реакции ее все еще оставались прежними, *доаварийными*.

— Нет, не лишение прав, — откликнулась на ее незаданный вопрос Эльмира. — Я из так называемых «отбракованных невест».

И рассмеялась.

Бабуля вышла на лестничную площадку. Она тоже посмеивалась и переглядывалась с гостьей, и никакой неловкости не ощущалось.

— Мне пора, дорогая. При следующей встрече я вам все расскажу, — проговорила Эльмира и нажала на кнопку лифта. — Или пусть ваша бабушка вам расскажет. Хорошо, Лора Даниловна?

Бабуля кивнула:

— Расскажу, если ты не против.

— Конечно, нет.

Подошел лифт. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

— Как вы живете? — не удержавшись, задала Лина самый главный для нее вопрос.

— Лучше всех!

Эльмира улыбнулась, дверь закрылась, и лифт пополз вниз.

Лина неподвижно стояла на пороге, прильнув к дверному косяку...

— Пойдем, я тебя покормлю, — бабуля обняла внучку, — ты ведь голодная. Эльмира приготовила отличные творожники с кремом. Расскажу тебе о ней... А знаешь что? Накрой, пожалуйста, столик в моем кабинете. Мне бы хотелось посидеть с тобой, как с другом. Как сидели люди в старину. А то все — кухня, кухня...

Они пили кофе. Бабуля сидела в своем рабочем кресле, Лина — примостившись с ногами в дедушкином, в которое им с Ленкой запрещалось забираться в детстве. Самого дедушку Лина не помнила, но знала, что кресло он любил. Когда-то привез его с зарубежной книжной ярмарки. Дедушка приобрел там пару десятков книг и это кресло. Оно было жесткое, просторное, с высокой спинкой. Изредка, когда они с бабулей пили кофе в кабинете, Лина ставила свою чашечку кофе на широкую деревянную ручку.

— Эльмира — из «отбракованных невест», — рассказывала бабуля. — Так и не научилась водить машину. Даже в Автоакадемию не поступила. Скорее всего, патология развилась из-за сильного стресса. Дело в том, что когда Эльмира была школьницей, ее отца убили. Он сам не водил машину: был принципиальным велосипедистом. А времена настали варварские. На велосипедистов нападали на улицах, избивали, калечили, отнимали велосипеды... Я хорошо помню это время. По улицам страшно было пе-

ремещаться как пешком, так и на транспорте. У водителей в машинах всегда лежали под рукой бейсбольные биты. За холодное оружие полагался тюремный срок, но биты — это ведь не оружие вовсе! Не беда, что в Полисе нет и не было ни одного бейсбольного клуба... И вот — однажды напали на отца Эльмиры. Поздним вечером, когда он возвращался со смены домой. Он работал контролером троллейбуса — тогда еще ходили троллейбусы...

— Кто его убил?

— Какой-то подросток. Мальчишка! Ему даже обвинения не предъявили. Он, правда, в больницу попал: отец Эльмиры защищался...

— Ужасная история, — проговорила Лина и зябко повела плечами. — Ребенок?! Ну и ну.

Помолчали.

— Водить машину Эльмира так никогда и не смогла, — опять заговорила бабушка. — Вышла замуж за бесправного. Распространял фейки о Роудленте. Отсидел... У них сейчас двое сыновей, живут в Велогородке. И ты знаешь, старший мальчик заявил, что останется с родителями! Он последователь этого эколога, Копыльцова.

— Копыльцова? — переспросила Лина.

Перед глазами возник парень, вытащивший ее из разбитой машины. Так вот откуда она его знает!.. Шут-эколог, выдвигавший идеи «благоустройства общества», помог ей и даже понравился. Самое невероятное происходит всегда буднично, словно так и должно быть.

— Да, молодежь часто выбирает себе странных кумиров. Ну а младший сын Эльмиры, напротив, собирается стать образцовым водителем. Хочет быть, как все. И ради младшего сына Эльмира живет с ним половину недели в городской квартире, а другую половину — в Велогородке с мужем и старшим сыном. Весь рабочий график у нее выстраивается по дням, которые она проводит в городе. И знаешь, — бабушка отхлебнула кофе и прищурилась, глянула на внучку поверх очков, — меня это вполне устраивает. Мне не нужна ежедневная опека.

— Знаю, бабуля, — кивнула Лина. — Ты очень самостоятельна. Помню, ты не хотела, чтобы я приходила к тебе слишком часто.

— Не обижайся на замкнутую старуху, — бабуля улыбнулась. — Людям моего возраста редко бывает скучно. Мы нуждаемся в частых визитах, только когда у нас что-то болит. А когда здоровье не беспокоит, личные призраки не дают нам заскучать.

Бабушка и внучка одновременно одинаково вздохнули: обе вспомнили своих «призраков»...

— Как ты думаешь, Эльмира — счастливый человек? — спросила Лина после паузы.

Бабуля кивнула:

— Безусловно.

— Но ведь это *жалкая* жизнь! — воскликнула Лина.

Она чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Ах, Линочка, когда Эльмира рассказывала о том, как просыпается на рассвете в своем Велогородке, и выходит в сад, и слышит пение птиц... а на листьях лежит настоящая роса, солнце ласково щекочет кожу... Я тогда слушала и завидовала ей. Для меня, старухи, именно это сейчас и было бы счастьем: проснуться, выползти в сад... снять сандалии со своих раздолбанных ножищ — и босиком, босиком по росе!

Бабуля тихонько засмеялась.

«Расскажу ей все, — лихорадочно думала Лина. — Не сейчас, но расскажу. Или сейчас? Нет! В следующий раз. Но уже обязательно...»

Бабуля Лора еще не знала, что теперь у нее появился кто-то, кто может отправить с нею в Велогородок и остаться жить там, пусть не в собственном, но в арендованном доме. Кто-то, кто будет просыпаться на рассвете и выводить ее в сад, чтобы вместе пройтись по мокрой, колючей траве и послушать пение птиц. Бабулино счастье было совсем близко, но она пока не догадывалась об этом.

Clown

Назар с Наумом встретились в маленькой кофейне. Это было их постоянное место. Друзья обнялись, прошли в «свой» угол и заняли диванчик, после чего, кликнув в приложении «Вызов официанта», дождались появления неуклюжего робота и заказали два *стандартных обеда*: «щи с расстегаем, бефстроганов и морс». И две чашечки кофе, «можно сразу».

— Как они меня раздражают, ты даже представить себе не можешь, — тихо проговорил Назар, глядя в спину удаляющемуся роботу.

Наум, вздохнув, отозвался:

— Скоро во всех точках общепита останутся только эти чучела.

— Знаю. И со временем они отравят всех нас.

Друзья рассмеялись, но веселье тут же потухло.

— Итак, — медленно, раздельно проговорил Наум, — все закончилось.

— Да. Закончилось, — подтвердил Назар.

Наступила пауза. Они посмотрели друг другу в глаза, потом Наум опустил взгляд.

— Как тебе подстава Алтурмесова? Впечатлен? — тихо, одними губами спросил Назар.

— Нет слов. Я, честно говоря, удивляюсь, почему они не тронули тебя...

— Потому что у Алтурмесова рейтинг был выше. Я пока не опасен, — объяснил Назар. — А то бы вы с отцом услышали в сегодняшних новостях, что это я затопил парковки.

— Что тут скажешь... У тебя в Велогородке в сарае есть садовый шланг? Срочно избавляйся, а то пойдешь как соучастник.

Назар невесело улыбнулся:

— Как я все-таки рад тебя видеть вживую...

— Взаимно... Слушай, — оживился Наум, — ты точно решил переезжать в Велогородок?

— Точнее не бывает. Ждал, когда проиграю собственные выборы, чтобы сразу же и переехать.

— И ты бросишь меня одного в тисках железного осьминога?

— Наоборот — приезжай в любое время, дружище. Кстати, — Назар понизил голос до шепота, — насчет «осьминога»: такую метафору могут счесть фейком про восьмой ярус!

— Да... Оговорка по Фрейду... — Назар забарабанил пальцами по столешнице. — Ну, допустим, я буду приезжать в гости. Отца ты тоже будешь навещать, как сейчас — раз в неделю. Но с кем ты будешь торчать в этой глухомани все остальное время? С котом? С выжившим из ума раскаявшимся грешником Анатоличем?

Назар загадочно улыбнулся и не ответил.

Наум присвистнул:

— Неужели женишься?

— А что? Думаешь, рановато?

Наум пожал плечами:

— Ну, если у тебя есть на примете девушка, которая согласится уехать в Велогородок... Тогда, конечно, самое время сделать ей предложение.

Назар кивнул:

— Есть такая девушка.

— Чувствую, ситуация требует пояснений, — заметил Наум. — Мне, твоему лучшему другу, следует знать...

— Что?

— Тут ведь — одно из трех. Либо она — клоун вроде нас с тобой. Либо — бракованная невеста. И наконец, третий вариант...

— Третий, — кивнул Назар. — Не знаю, как ты, а я здорово проголодался. Прервемся на время обеда?

— Хорошо, как скажешь.

Подъехала самоходная тележка с двумя подносами. Кофе по дороге расплескался, но друзья не выказали неудовольствия. Приняв подносы, Наум расставил на столе тарелки и чашки.

На некоторое время наступила относительная тишина, нарушаемая лишь позвякиванием посуды...

Пообедав, они вышли на проспект и пешком двинулись в сторону Роудленты. Их с обеих сторон обтекали самокатчики. Некоторые оборачивались на странных пешеходов.

Машина Наума, припаркованная на технической парковке у самого въезда, была со всех сторон облеплена светящимися стикерами штрафов.

Назар ахнул:

— Сколько же она здесь простояла?

Наум прищурил глаз, припоминая:

— С позавчерашнего вечера. Подумал, что так удобнее и выгоднее: не загонять ее на парковку, не платить утреннему парковщику, не тратить время утром, пока ее выведут со двора... Вчера я дома работал, никуда не ездил. Сейчас посчитаю сумму штрафов и, если терпимо, буду пользоваться и впредь!

И, понизив голос, добавил:

— Жена, конечно, убьет.

— Не знаю, убил бы я тебя на ее месте или нет, но меня ты переплюнул, — Назар покачал головой. — У меня пока только третье предупреждение... — его тон изменился. — И две аварии за неделю.

— Да... Тебе вообще фартит.

Наум завел двигатель нажатием сенсорной кнопки, авторизовался, и друзья с суперсерьезными минами выслушали поток гневных оповещений от робота-полицейского.

— Жаль, что установили внутренние камеры, — тихонько пробубнил Назар, прикрыв рот, чтобы автонадсмотрщик не вздумал прочитать по губам.

Темно-синий «фаворит» медленно заползал на Роудленту, двигаясь к своему третьему ярусу. Роудлента была на редкость спокойной.

— Какая благодать, — констатировал Наум.

Назар потянулся и вздохнул.

— Чувствую, не договорили мы с тобой, — заметил он.

— Да, но не в машине же. Знаешь, что? Завтра воскресенье. Оставайся у меня на ночь. Раскатаем бутылочку...

— Хорошо, друг. Тогда — к тебе!

— О ней расскажешь?

Назар по голосу почувствовал, что друг улыбается, хотя и не смотрел в его сторону.

— Расскажу... как-нибудь потом. Пока рассказывать особенно нечего. Я ее всего один раз видел.

— Значит, вы встретились в одной из тех двух аварий, которые тебе «посчастливилось» наблюдать?

— Именно так.

Наум озадаченно помолчал, а потом решил и вовсе не высказываться. Назар был ему благодарен за это.

Мимо проскочила ярко-красная гоночная машина. Назару она показалась знакомой. Где он мог видеть ее?.. Неужели?..

Нет, вряд ли такое может быть. Да и подобных машин в центральном Полисе не меньше тысячи.

— Вот летит, свободолюбивая душа, — одобрительно проговорил Наум и сам немало увеличил скорость. — Везунок! Вот только... куда это он?

— В смысле — куда?

— Ну, сам посмотри. Там же *ничего нет!*

Назар проводил глазами красный автомобиль-призрак.

— А может, у него есть пропуск в лучшие миры? — предположил он.

— В автомобильный рай? На свалку-люкс?

Друзья расхохотались.

Lucky

Проснувшись, Валери не сразу понял, где он находится. Тело затекло, особенно левая рука, на которой он лежал всем своим весом. Lucky застонал и потряс кистью, поколотил омертвевшую плоть левой руки правой — сильной, энергичной. Ощутил покалывания — рука была жива...

Он тоже был жив, хоть его и мутило.

Валери потянулся и сел на диване.

Значит, он так и заснул у Ани вчера и провалялся... Который сейчас час?

— А... Кхе... Ань, — позвал он, откашлявшись.

Вроде и не напивался... Неужели оранжерея так одурманила его? Бред!

Первым чувством была досада на себя — за то, что бездарно провел вчерашний вечер. Однако что-то подсказывало: он не виноват.

Что-то во всем этом было не так.

С трудом поднявшись, продолжая разминать онемевшую руку, Валери вышел в коридор. С отвращением продравшись сквозь ряды растений, хищно оживившихся при виде гостя, отыскал ванную комнату. Сбросил одежду — с не меньшим отвращением (спать одетым — тьфу!), забрался в душевую кабину. Чередовал горячую воду, почти кипятком, с холодной, пока не прояснилось в голове. Со смешанными чувствами (злорадство, сожаление, стыд) воспользовался Аниным белоснежным полотенцем, после смяв его и бросив на пол возле кабины.

Надевать повторно снятое с себя, несвежее было противно. Ему захотелось домой...

Как только Валери оказался в оранжерее, Аня подошла к нему сзади, бесшумно, словно вынырнула из зарослей.

— Кофе будешь?

Lucky обернулся. Аня стояла так близко, что можно было дотронуться рукой. На девушке был легкий льняной ретрокомбинезон цвета хаки. Судя по фотографиям, та-

кой же носила в юности его бабушка. За Аниной спиной из арки, ведущей в анфиладу комнат, выглядывала милостивая девочка-подросток в розовом платье. Девочка держала на руках упитанного карапуза.

— Кофе? Почему бы и нет, — выдавил он.

И подумал: на его щеках сейчас наверняка проступают алые пятна. Валери всегда покрывался пятнами, когда испытывал злость, досаду или просто чувствовал себя не в своей тарелке.

— Алиса, побудь с Ванечкой в детской, пожалуйста, — велела девочке Аня. — У меня важный разговор.

Девочка кивнула и бесшумно скрылась, и лишь карапуз, только что удивленно взиравший на него, выдал на прощание булькающую трель: «А-ди-дя-дя!»

— Ты ему понравился! — порадовала Аня.

Она улыбалась чему-то своему.

— Я вообще нравлюсь детям и женщинам, — машинально произнес Валери.

Следом за Аней он прошел на кухню и сел на диван у стены, положив руки на стол со столешницей из экостекла. Кухня была типовая. Здесь все соответствовало стандартам и вкусам среднего класса Полиса. Одна стена еще не отремонтирована, а только выровнена и покрыта белой шпатлевкой. В остальном же — денег сюда вбухано изрядно.

Кофе, как и полагается в богатых домах, заваривался и разливался без участия хозяйки дома. Роботоподобная приставка, по счастью, не интересовалась мнением гостя о крепости и температуре напитка и не декламировала рекламные стишки. Хоть этого чудачества «сильных мира сего» в Анькином доме не наблюдалось. Валери поймал себя на недобром чувстве и к «цветочному дому», и к его обитателям, включая эту куклу (и впрямь в Ане есть что-то кукольное). Он-то горбатится в своем концерне уже десять лет, а просвет едва брезжит в бетонном потолке, как небо между полосами Роудленты в погожие дни.

Где эти баре берут свою роскошь — точнее, бабло на нее?

Выпитый кофе вернул ему волю и разум. Аня примостилась напротив. Она сейчас напоминала кошку, которая вот-вот соскочит с табуретки и вскарабкается по отвесной стене. Глаза ее поблескивали.

— Что произошло вчера? — спокойно, даже холодно спросил он.

Аня улыбнулась так же спокойно и холодно:

— Кислородное перенасыщение. Такое бывает, ничего особенного.

— Со мной это впервые.

— Редко бываешь на природе.

— Не помню, когда был последний раз. Мне это неинтересно. Ты же помнишь, я ведь говорил, — он положил локти на стол и опустил подбородок на костяшки переплетенных пальцев, — я не люблю велосипедистов. Потому что я — водитель. Вся моя жизнь — это моя «тринити». Все остальное — фон, интерьер или временные помехи.

— Да. Ты — водитель, — Аня чуть заметно кивнула. — Кстати, сейчас разрабатывается Правительственное Постановление, касающееся категорий водителей-нарушителей, которых бесполезно просто лишать прав. Они будут подвергаться *трансмиссии*. Знаешь, что это такое?

Валери похолодел. В данной ситуации его, Везунка, «везение» было анекдотическим: он думал, что познакомился в клубной сауне со смазливой девчонкой, а сам впустил в свою жизнь сотрудника Ведомства, Название Которого Никто Не Произносит Вслух. Друзья высмеют его, если узнают.

Никто не будет смеяться.

Эти слова произнес противный скрипучий голос в его голове.

Никому не будет смешно, когда за тобой, самонадеянным идиотом, закроется дверь Ведомства...

Но что он сделал? Что *им* от него нужно? Почему именно *он*?

— Почему? Не догадываешься? — Аня улынулась.

Она читала его мысли.

— Смотри сюда.

Аня щелкнула пальцами, и панель стенного шкафчика плавно скользнула вниз, показав откидной планшет.

Легкие пальчики девушки забежали по сенсорным клавишам. Она ввела пароль в загоревшуюся фосфорно-белым строку и, когда экран засветился, развернула планшет к нему.

Подавшись вперед, Луску замер. Ему показывали мультфильм.

Он увидел на экране свой автомобиль, летящий по траволатору за машиной «скорой помощи». Валери сглотнул. Тревога, копившаяся в последние дни, злость, излитая на секретаршу шефа, недотепу Олечку, беспокойство, испытанное им в сауне, когда мужики завели разговор об аварии, — все это интегрировалось вдруг, превратив красавца Везунка в комок страха.

Аня показывала ему реконструкцию аварии на Роудленте — настоящей, жуткой аварии, с разбитыми автомобилями и с погибшими людьми. И во всем этом кошмаре был виновен не кто-то, а он!

И пришло разоблачение...

— Клянусь, я... не знал об аварии, — прошептал он: голос пропал. — Не знал, что тогда, в понедельник... именно я послужил причиной...

— Конечно, не знал. Лихачи никогда не оглядываются назад.

Аня произнесла это беспощадно и резко, глаза ее сузились.

— И все-таки, — продолжала она, — в соответствии с законом, незнание о последствиях содеянного не освобождает преступника от ответственности.

— Но... проблесковый маячок... Мою «тринити» было не видно...

Вместо ответа Аня поставила на стол прозрачный куб.

В первый момент ему показалось что внутри куба копошатся...

Блохи?!

Существа были настолько мелкими, что он приблизил свое лицо к кубу вплотную, пытаясь разглядеть. Тогда Аня перевернула конструкцию. Другая стенка куба обладала увеличительным эффектом. Теперь *твари* были видны ему во всей красе.

— Это... насекомые? — жалобно спросил он, пытаясь побороть гадливое чувство.

Не отрыгнуть бы только что выпитый кофе на Анину светлую скатерть.

Аня молчала, посмеиваясь. И Валери вспомнил...

«Врожденный страх перед насекомыми, виденными только на картинках, является одной из самых сильных наших фобий, — говорил ему брат Мишка, уехавший на Сафари. — Этот ужас перед крошечными безобидными существами, будь то кровососущие насекомые или совсем безвредные, гораздо сильнее боязни хищных животных, несущих людям куда большую угрозу. И внятного объяснения этому нет».

— Не бойся. Они механические. Живых я и сама боюсь, — проговорила Аня, круговыми движениями поглаживая прозрачную стенку.

Валери понял, что она любит крошечными тварями.

— Зачем ты их принесла? Что это такое... Что вообще происходит? — пробормотал он, запинаясь.

— Это *щипачи*. Они помогли нам реконструировать твою машину, — Аня хихикнула.

Сейчас она была похожа не на обвинителя, а на девочку-школьницу, которая настойчиво и терпеливо объясняет урок отсталому тугодуму, позорищу Автошколы.

— Да как же они это сделали? — Валери почувствовал, что весь взмок.

— Как-как... Отщипнули... Не беспокойся, — перебила она сама себя, — совсем крошечный кусочек. Страховая тебе не понадобится.

Тебе вообще ничего больше не понадобится, — отчетливо и бесстрастно произнес в его голове тот же скрипучий голос.

— Но откуда они вообще взялись, эти твои щипачи? — жалобно спросил он. — С Луны прилетели, что ли?

— Мои! Это правда, — Аня просияла. — Это я их сделала!

— Но зачем? — взвыл он.

— Чтобы преодолеть свой страх перед насекомыми! Неужели непонятно? Чтобы заставить мой страх — всеобщий страх — служить людям. Наконец, затем, что тривиальный муравей, изобретенный Творцом, Всевышним, во сто крат совершенней самого крутого робота, придуманного человеком. Мои щипачи трудолюбивы, сильны, хватки... Они *безупречны*.

Валери почувствовал, как у него вспотели ладони, заколотилось сердце. В глазах потемнело... Вероятно, вот и они — предвестники *паники*, той самой беспощадной и неизлечимой паники, которая, по мнению ученых, страшней любого вируса...

Паническая атака, которой он никогда прежде не испытывал (как он этим гордился!), обрушивалась на него, подобно штормовой волне. Его мутило и подташнивало... Еще чуть-чуть, и разорвется сердце...

Преодолев себя, из последних сил он встал и попятился из кухни, налетев спиной на барную стойку.

— Пока сюда не прибыли *мои люди*, — услышал он спокойный, четкий голос, — ты успеешь осмотреть свою машину. Да, лучше удостоверься сам, что тебе не нужны услуги страховой. А впрочем, можешь не утруждать себя. В конце концов, если так встанет вопрос, получить выплату по страховке могут и твои наследники. Если сумеют доказать, что являются пострадавшей стороной.

При этих словах Валери подскочил, как будто на него плеснули кипятку, вылетел из кухни и понесся сквозь оранжерею, подгоняемый враждебными зелеными шупальцами-отростками. Он бежал, мыча и морщась от боли, даже не пытаясь уворачиваться от гибких побегов и ветвей, иссекавших его спину, руки, щеки. Анькин садик азартно изгонял беглеца и шумно радовался — или это ему казалось, что растения хохочут над ним?

В просторной прихожей, еле найдя нужную панель, за которой Анька прятала гостевую одежду, он схватил свою куртку и выбежал из квартиры.

Он бежал, как не бегал уже очень давно, задыхаясь и ритмично двигая руками. По пути споткнулся о прокатный самокат, но не догадался открыть приложение и арендовать его. Впрочем, это отняло бы у него драгоценное время.

Валери несся к парковке, и парковка, как наплывающий из полутьмы корабль, приближалась, росла на глазах.

Потом он ехал в лифте на пятый этаж. Задыхаясь, уже не бежал, а плелся к своей «тринити». Дохромал, опустился на четвереньки и принялся ощупывать внизу порожки, дверцы, бамперы...

Вот. Крошечная выбоина, немного корябает палец. Почти не видать...

«Дорожный щипач», почуяв в тот злополучный понедельник нарушителя на траволаторе, успел отщипнуть кое-что и прихватить с собой. Это был маленький — милли-

метра три в диаметре — фрагмент автомобильного порошка. Мини-осколок, которого полицейскому компьютеру вполне хватило, чтобы восстановить всю машину.

Остальное — уже детали. Сколько машин в промежутки с восьми до девяти утра проезжало по этому участку Роудленты? Десятки тысяч? Допустим. А сколько водителей оказалось на том же месте и в тот же час на огненно-красных автомобилях модели «тринити»?

Вероятнее всего, он один — Валерий Олегович Рошин. Lucky. BOP.

Что ж, он и был теперь — «вор»: разоблаченный преступник, которого ждало возмездие.

И Lucky ударился в бег. Он вскочил в машину, включил зажигание и, с ходу выжав самую высокую скорость, понесся прочь, не беспокоясь о том, что с одной из соседних парковочных площадок может выезжать какой-нибудь тормоз, в которого он врежется. Покидая парковку, Lucky едва не снес шлагбаум.

Миновав пустырь, Валери выехал на трассу и втопил в сторону Роудленты, молясь о том, чтобы въезд не был заблокирован для него. Впрочем, блокировка не осуществляется без особой санкции, а он еще официально не перешел из разряда подозреваемых в разряд виновных. Так что шанс у него есть — но скорее всего, он последний. Отныне терять ему нечего.

6. ВЕЛОГОРОДОК

Crash и Clown

Кудрявый парень, вытащивший Лину из покореженной машины, проявился через неделю после суда.

— Лилиана Денисовна? Здравствуйте. Это Назар Тимофеевич. Мы с вами случайно встретились на дороге неделю назад.

— Здравствуйте! Знаете, а я ведь вас вспомнила, — проговорила Лина. — Там, на месте, и не поняла, что вы — это вы. Потом-то все утряслось в голове. В жизни вы совсем не такой, как на экране.

— Я часто это слышу.

Помолчали.

— Даже не спрашиваю, как дела, — наконец произнес Назар.

— Спасибо. Плохо.

— Понятно. Сочувствую вам.

Опять пауза.

Лина хотела сказать, что благодарна ему за поддержку, но не находила слов.

— Буду рад вытащить вас куда-нибудь.

— И я буду рада. Мне как раз вчера сняли швы с подбородка, — усмехнулась она. — И шина во рту почти не мешает. Я даже привыкла к ней. Только учтите: я теперь безлошадная.

— Ну, я же за вами заеду.

— Договорились.

Назар приехал через полтора часа.

— Хочу предупредить, — сразу после приветствия сказала она, разместившись на переднем пассажирском сиденье, — что мое имя — Лилиана — мне не нравится. Родители постарались... Я — Лилиана, а мой брат — Леонард. Но нам всегда больше нравилось — Лина и Леня. Просто и по-свойски.

- Как скажете, Лина.
- Куда мы поедем? — поинтересовалась она.
- В местечко, где вы вряд ли когда-то бывали.
- Я уже заинтригована.

Она улыбнулась ему, но улыбка тут же погасла. Только что живая, заинтересованная, Лина вдруг почувствовала, что вновь куда-то проваливается...

Это нормально, подумала она. В такой серьезной беде еще долго будет «кидать». Не нужно быть психологом, чтобы самой понимать это.

Назар, казалось, тоже все понимал и потому не заговаривал с ней ни о суде, ни о последствиях аварии.

Машина еле ползла по третьему ярусу. Суббота — для кого-то рабочий, а для кого-то родительский день; в Социальных домах по субботам открыты двери.

- Вы очень жалеете, что проиграли выборы? — спросила Лина.

И поспешно добавила:

- Я не голосовала. Знаете, суд в тот же день... И чувствовала себя не очень...
- Все нормально. Собственно, я ведь вовсе и не рассчитывал на победу.
- Странная установка для того, кто баллотируется на пост губернатора, — изумилась она. — Тогда зачем это все?
- Как говорит мой друг Наум, раскачивание лодки — дело важное, самоценное. Она задумалась, стараясь вникнуть в сказанное. Потом заметила:
- Насколько я знаю, среди молодежи у вас много сторонников.
- На это мы и рассчитываем. Нужно быть в тренде именно у молодежи. Ведь за нею будущее.

— Но старшее поколение сделает все возможное, чтобы не уступить своих позиций, — произнесла Лина, разглядывая его профиль, упрямую нижнюю губу, кучерявую прядь волос надо лбом. — Вы рискуете потратить остаток своей молодости на борьбу неизвестно за что.

- Мне как раз понятно, за что мы боремся, — возразил Назар.

На дисплее замигал сигнал, и он поспешно произнес:

— Извините, Лина, должен отвлечься. Я вам не говорил, что я — волонтер в «пантическом чате»? Есть срочная работа.

Лина даже рот приоткрыла:

- Ох ты! Интересно как...
- Добрый день! Я — дежурный модератор, — в голосе Назара зазвучали новые для нее интонации. — Для вас — Юнг. Я с вами. Как я могу к вам обратиться?

Еле слышный, почти бесцветный голос девушки сообщил, что ее зовут Хадижат.

— Здравствуйте, Хадижат. Рад знакомству. Постарайтесь дышать глубже. Сегодня в паре со мной работает ассистент. Вы здесь, Кирилл?

— Я здесь! — пророкотал жизнерадостный мужской голос. — Я — новый лицензионный модератор в этом чате. Только я — не Кирилл. Мой ник — Адлер! Пока что работаю под прикрытием старины Юнга! Разрешите представиться: менеджер по продаже прикладного автооборудования, зарегистрированный паникер, паническая ремиссия — фанфары в студию! — восемь месяцев и тринадцать дней! Здравствуйте, Хадижат! Расскажите о себе. Судя по голосу, вы — молоденькая и хорошенькая.

— Я, — тихий нервный смешок, — мне двадцать три... Неделию назад на Дне водителя я сдала свой Экзамен... И... Ну, вы же знаете, там авария была... Я ее сама видела... У меня никогда раньше не было паники!

Вот тебе пожалуйста, с каким-то странным мрачным удовлетворением подумала Лина. Находи теперь повсюду свои разрушительные следы и мучайся. Терзайся чувством вины ровно столько, сколько проживешь!

— Спасибо за доверие, Хадижат, — заговорил Назар (подумал ли он о том же, о чем подумала Лина? Заметил ли ее редакцию? Вида не подал, во всяком случае). — У меня для вас хорошая новость: недавние панические атаки устраниются довольно легко. В скором времени вы можете вообще забыть о них. Как хорошо, что вы решились прийти в наш чат! Как вы себя чувствуете?

— Ладони потеют... Сердце колотится, — девушка всхлипнула. — Знаете, у меня дядя умер от сердечного приступа... Ему было всего тридцать семь...

— Мне очень жаль, Хадижат, что вам пришлось столкнуться с такой потерей. Но панический приступ безобиден для вас. Это подтверждается всевозможными медицинскими исследованиями...

— Мы все сочувствуем вашей утрате, — жизнерадостно и бодро зарокотал Кирилл. — Друзья, кто еще в нашем чате хочет поддержать нашу сестру Хадижат? Пожалуйста, не все сразу. Вот вы, молодая и красивая обладательница контрольта на линии ПЧ-293, представьтесь, пожалуйста...

Это же целая жизнь, поняла Лина. И, как выяснилось, не самая худшая. Паникеры, хоть и неудачники, все-таки объединены своим священным Правом — правом водить автомобиль. Эти люди полноценны. А она?..

Назар полуобернулся к Лине, легонько пожал ее руку, лежавшую на сиденье.

— Пожалуй, можно оставить Кирилла в свободном плавании. У него прекрасно получается, — тихо, в сторону от динамика, чтобы не услышали на линии, проговорил он. — Как ты думаешь?

Он так непосредственно и органично перешел на «ты».

— Я думаю, ты прав, — так же тихо отозвалась Лина. — Кирилл — парень способный, он справится.

Весь оставшийся путь они прекрасно обходились без паникерского чата.

— Это и есть — Велогородок? — Лина опустила стекло, прищурилась и выставила ладонь козырьком.

В городе с утра было довольно пасмурно. Здесь же, вопреки прогнозам синоптиков, сквозь густые ветви то тут, то там пробивалось солнце.

— Да. Один из Велогородков окраины нашего Полиса. Ты впервые в таком месте?

Машина двигалась по ровной асфальтированной дороге между коттеджей, украшенных разноцветными наличниками, веселых, как на картинках старых детских книжек. Они ехали медленно не из-за затора или пробки — машина Назара была на этой улице единственной, — а потому, что разрешенная скорость, судя по установленному на въезде знаку, не превышала двадцати километров в час.

— Конечно, впервые. Брат удивился бы, увидев меня здесь.

— Я думаю, теперь бы уже не удивился, — мягко сказал Назар.

Лина поняла, что он имел в виду, и кивнула:

— Да, наверно... Вообще он был бы рад, что я не плачу.

— Тебе идет улыбка.

Странно, но ей хотелось улыбаться! Лина даже не помнила, когда в последний раз ей было так легко. Может, когда они с братом детьми играли и дурачились?

Назар остановил машину у ворот, раскрашенных синими и белыми ромбиками.

— Какая интересная расцветка, — поразилась Лина. — Минимализм — и так круто смотрится! Кто твой дизайнер?

— Да какой там дизайнер, — засмеялся Назар. — Это все Анатолич, мой друг. Он живет пока у меня в гостевом домике, но собирается строить собственный дом. А сейчас у него просто есть время.

— А этот дом — твой?

— Со вчерашнего дня — да. Совершили сделку купли-продажи. Один из моих друзей, — Назар едва заметно запнулся, — *наших людей* давно выкупил здесь землю и построил несколько домов. Этот дом теперь — мой. Но я целый год его обживал, при- мерялся — смогу ли тут жить, потяну ли...

— А родители у тебя есть? — спросила Лина.

— Есть. Отец... К сожалению, он вряд ли когда-нибудь сюда приедет.

— Моя бабушка недавно призналась, что мечтает жить в Велогородке, — сказа- ла Лина.

— Так привози ее пока погостить, — просто предложил Назар.

И тут же рассмеялся:

— Только не говори ей, кто я. Не будем портить отдых пожилой леди.

Лина тоже рассмеялась, но тут же посерьезнела.

— Моя бабушка не такая, — она произнесла это с гордостью.

В доме не было роботизированной техники. Лина сама ее терпеть не могла; осматри- ваясь, она улыбалась и одобрительно кивала.

— Тебе нравится здесь? — спросил Назар.

— Очень! И... столько книг! Есть даже книги твоего авторства...

— Из экобумаги, — подхватил он. — Я тоже противник вырубки леса. Хочешь что- нибудь перекусить?

— Спасибо, я не голодна. А вот от кофе не откажусь.

В этот момент, не раньше и не позже, открылась дверь, и на пороге появился лысый старичок. Он катил тележку с подносом, на котором стояли три чашки кофе и кувшин- чик с безлактозным молоком.

— Познакомьтесь, — проговорил Назар. — Владислав Анатолевич, мой друг. А это Лина — теперь, надеюсь, тоже мой друг.

— Так это вы разрисовали ворота? — заулыбалась Лина, пожимая руку старичку. — Как профессиональный дизайнер выражаю вам одобрение.

— Ты слышал, Назар? Теперь у тебя есть свой личный дизайнер, — слегка картавя, проговорил Владислав Анатолевич. — Может, отпустишь уже старика на заслуженный отдых? Я бы садиком занялся.

— Как только построим тебе дом, разведешь себе в садике все, что душе угодно, — заверил Назар. — Я тоже с радостью поковыряюсь лопатой в самом натуральном чер- ноземе — а уж его мы закажем тебе целый вагон!

— И я присоединюсь, — подхватила Лина. — Главное — пригласите как-нибудь в свой сад мою бабушку. Она мечтает по росе походить...

— Бабушку мы привезем на следующие выходные, — пообещал Назар.

Лине казалось, что все происходящее — старый, давно забытый счастливый сон. Она смотрела по сторонам и не узнавала привычные предметы, которые встречаются в каждом жилом помещении...

— А вы, ребята, к озеру поедете? — спросил Владислав Анатолевич, убирая со сто- ла после кофепития и составляя чашки обратно на поднос.

Назар кивнул:

— Я как раз собирался предложить Лине небольшую прогулку.

У озера Лина не была с тех самых пор, как отдыхала в «райском уголке» с Денисом.

Во дворе она с удивлением наблюдала, как Назар вытаскивает из сарая два велосипеда.

— Пешком далековато, — пояснил он. — А на машинах у нас здесь не ездят — не принято. Приехал из города и загнал своего железного коня в стойло... в гараж.

— Понятно, — протянула Лина. — Вот только я не помню, когда каталась на велосипеде в последний раз. В детстве, кажется.

— Это поистине гениальное изобретение: едет само! — рассмеялся Назар. — Крути педали да удерживай равновесие. Через пять минут тебе покажется, что всю жизнь не расставалась с ним.

Так и вышло.

Они проезжали по улицам городка, по широким велосипедным дорожкам-многоколейкам. Периодически их обгоняли, кое-кто попадался навстречу. Это были и пешеходы, и люди на роликах и даже на каких-то досках с колесами. Им даже встретился человек, ловко кативший ногами одно большое колесо и удерживавший равновесие!

Лина только и успевала крутить головой. Казалось, ей никогда не надоест рассматривать и окружающих людей, и разноцветные коттеджи по сторонам дороги.

Потом была пологая, но извилистая длинная горка. Асфальт наконец закончился. Вниз, к озеру шла не столько дорога, сколько широкая земляная тропа с переплетениями корней, высовывающих из-под земли свои змеевидные отростки. Сосновый лес вокруг, упоительный аромат сырой земли и хвои, пьянящий чистый воздух...

Лина продержалась довольно долго: голова закружилась только на двадцатой минуте. Назар, который постоянно оглядывался, проверял, не отстала ли девушка, сразу это почувствовал и предложил пройти пешком. Дальше до самого озера они шли рядом, чуть касаясь друг друга локтями, а велосипеды, которые Назар поставил на автоматический режим, катились сами по себе.

Назар рассказывал Лине о Велогородке. Это было историческое курортное место. Когда-то здесь стояли с транспарантами старики, требующие остановить вырубку соснового леса. Они загоразивали путь строительной (правильнее сказать — разрушительной) технике и стояли сутками. Некоторые даже умирали на своем посту...

— Удивительная история, — заметила Лина. — И ведь об этом наверняка не знает почти никто из наших сверстников!

— Знают немногие, это верно. Кстати, раньше — когда-то очень давно — тут находился писательский поселок.

— Мой дедушка был писателем, — сказала Лина. — Домочадцы считают, что я вся в него: «личность творческая».

— А произведения дедушки у тебя сохранились? — заинтересовался Назар. — Не скажу, что я большой знаток литературы Догуманистической эпохи, но в последнее время стараюсь восполнять пробелы.

— Сохранились. У бабушки целая полка его восстановленных книг. Ты ведь, если я правильно поняла, предпочитаешь книги? Все, что он написал, существует в оцифрованном виде.

— Это правда: я люблю книги, — кивнул Назар. — А еще — живую природу и старые вещи.

— Вот в этом вы схожи с моей бабушкой, — заметила Лина. — Но мы, кажется, пришли... Ух ты!..

Возглас вырвался непроизвольно. Лина остановилась, пораженная открывшимся видом.

Они спустились к самому берегу озера. Начиная закат. Вода частично окрасилась алым, над ее поверхностью целым облачком висела мелкая мошка.

— Предупреждаю: в первый раз тебя могут немилосердно покусать, — проговорил Назар. — Надеюсь, ты не аллергик?

В его руке появился небольшой флакон.

— Это — спрей для отпугивания кровососущих, — пояснил он.

Лина пожала плечами:

— Аллергии пока не замечала. Впрочем, сейчас мы это выясним.

И Назар опрыскал ее, а также свои плечи, руки и ноги пахучей бесцветной жидкостью.

— Жаль, что сейчас уже не искупаться — не сезон. Но ты, надеюсь, не последний раз здесь, так что возможность еще будет.

Не в последний раз, подумала Лина, и даже зажмурилась.

Я обязательно искупаюсь в настоящем озере.

У нее опять закружилась голова. Старая кривая сосна, как с картинки из детской книжки со сказками, нависала над обрывом. Ее лапы распластались над самым озером, а корни, похожие на старческие ступни, омывались водой.

Лина узнала место.

— Здесь фотографировались мои дедушка и бабушка, — проговорила она, оглядываясь, все еще не веря; происходящее все больше напоминало уже когда-то виденный, но давно забытый сон. — Да-да, я узнаю эту сосну, этот спуск к воде... У моей бабушки есть старая фотография... Я ведь художник. Я умею *видеть* и запечатлевать. На свете нет, не может быть второй такой сосны!

Назар подошел и встал рядом, чтобы оценить ту же панораму, которая открылась перед девушкой, в том же ракурсе.

— Я думаю, ты не ошибаешься, — медленно произнес он. — Более того — уверен: это то самое место. Я полностью доверяю твоему художественному чутью. Твой дедушка мог арендовать здесь дачу. Они с твоей бабушкой приезжали к этому озеру. На велосипедах, как мы с тобой. Возможно, и вас с братом маленьких привозили.

— Нет, мы с братом не застали дедушку. Он был намного старше бабушки. Даже папа его плохо запомнил. С тех пор, как дедушка ушел, бабушка никогда не навещала места, где они были счастливы.

Они помолчали.

— В те времена поселок носил другое имя. Сейчас это просто — Велогородок...

— Комары пробуют меня на вкус, — заметила Лина. — Это довольно-таки противно и щекотно.

— Давай еще побрызгаю, — предложил Назар. — Сейчас уже не производят спреи от укусов насекомых. За десятилетия эта штука могла растерять свои целебные качества.

Они стояли у озера, наблюдая, как оранжевый закат разливается по воде.

— Твой дедушка — служитель бумажной книги, — произнес Назар, нарушив молчание. — Удивительно! Ты должна чувствовать свою избранность...

Лина только вздохнула. Ее глаза все еще были мокрыми. Потрясение оказалось слишком сильным.

— Кстати, ты знаешь, что когда происходило изъятие бумажных книг, кое-какие не были восстановлены в синтетическом виде? В первую очередь это касалось книг по истории. Если вопросы, ответы на которые ты никогда не получишь в вездесущем Меганете, не найдешь в Циклопедии.

— Интересно... Где черпаешь знания? Из каких источников?

— Некоторые старые книги, которые подлежали уничтожению, удалось спасти. Они есть, существуют даже потайные хранилища книг. Когда-нибудь я познакомлю тебя с ними.

— А кто спасал эти книги? Ведь это настоящие смельчаки...

— Это самые обычные люди. Просто они застали другой мир — не тот, который знаем мы, — и всеми силами пытались сохранить память о том мире для нас. Пока живы старые люди, Хранители Правды, жива и история. Кстати, восстановление утраченной информации — одно из поисковых направлений нашей партии велосипедистов.

Лина долго молчала.

— Наверное, мой брат тебя бы не понял, — наконец проговорила она.

— Поймет рано или поздно, — усмехнулся Назар. — Все-таки он — твой брат, и его дед был писателем. Он не самый обычный современный человек.

«Ох, не скоро это произойдет...» — подумала Лина.

Они сидели у самого озера, прямо на корнях большой раскидистой старой сосны. Лина наклонилась и, удивляясь необыкновенным ощущениям, полоскала кисти в воде. Пальцы уже озябли, но она этого не замечала.

— Удивительно, — проговорил Назар. — Еще неделю назад мы и не знали о существовании друг друга.

— Что? — Лина расхохоталась. — Ну, понятно, я не такая величина. Но ты — другое дело...

— Ты не знала *меня*, — возразил он серьезно. — Так, какой-то кудрявый клоун, шут...

Лина почувствовала, что краснеет.

Назар обнял ее за плечи.

— Не будем лукавить — таким меня воспринимает большинство уважаемых граждан Полиса, — по голосу Лина поняла, что он улыбается.

Она бы вечность сидела вот так рядом с ним.

— Между прочим, — призналась Лина, — у меня прозвище еще обиднее.

— Какое?

— Женщина-катастрофа. Crash...

Назар отстранился, взглянул на Лину — нарочито внимательно, с хитринкой во взгляде:

— И кто тебя так прозвал, если не секрет?

— Бывший... Еще ведьмачкой меня называл.

Они оба засмеялись и, не сговариваясь, потянулись друг к другу. Назар спрятал замерзшие Линыны руки под своей джинсовой курткой, у себя на груди.

— Дурак твой бывший, — подвел итог. — И «катастрофа» — тоже он.

И добавил:

— Хотя насчет «ведьмачки» спорить не стану...

Поцелуй был настолько естественным, как будто они вместе очень, очень давно.

— А ведь мы — почти идеальная пара для классического молодежного ужастика, — заметила Лина.

Его куртка уже перекечевала ей на плечи; было тепло и уютно — то ли от куртки, то ли от его руки, гладившей ее спину.

Она хотела пояснить, но Назар перебил:

— Нет, не идеальная! В финале классического ужастика остаются в живых Шут и Девственница. А мы с тобой — Clown и Crush. Прости, но тебя по сюжету убивают чуть ли не самой первой.

— Нет, вначале убивают Блудницу. Для меня в хорроре роли нет... Не знала, что ты смотришь ужастики, — поразила Лина.

— У меня их целая коллекция, — похвастался Назар. — Нам предстоят долгие счастливые вечера за просмотром... Когда поднадоедим друг другу.

Комары с наступлением вечера уже чувствовали себя полноправными хозяевами на берегу, и спрей на них совершенно не действовал.

— Может, вернемся в дом? — предложил Назар. — В качестве «гостеприимного хозяина» я, конечно, разгильдяй. Но надеюсь, Анатолич все понимает и ждет нас с ужином.

— Пойдем, — улыбнулась Лина.

Жизнь, как вторично подброшенная монетка, перевернулась в воздухе и упала на пол — наконец-то «счастливой» стороной.

ЭПИЛОГ

Восьмой ярус

...Миновав пустырь, Валери выехал на трассу и втопил в сторону Роудленты, молясь о том, чтобы въезд не был заблокирован для него. Впрочем, блокировка не осуществляется без особой санкции, а он еще официально не перешел из разряда подозреваемых в разряд виновных. Так что шанс у него есть — но, скорее всего, он последний. Отныне терять ему нечего...

Валери чуть было не въехал на третий ярус, когда вдруг пришла мысль: почему это он должен соблюдать закон о водительских разграничениях? Он-то теперь вне закона. Рассудив так, он двинул напрямик на седьмой...

...И не заметил, как свернул не туда.

Что это за развилка? Ее никогда здесь не было. Он бы мог поручиться... Машина неслась по несуществующему ярусу — тому самому, о котором нельзя говорить вслух. Если он завтра расскажет в клубе, что гонял по восьмому ярусу, и его услышит кто-то вроде Аньки (Валери передернуло), — он получит тюремный срок *за фейк*.

«Какой еще клуб?» — фыркнул у него в голове ехидный голос. Вероятно, «внутренний контролер», следивший, чтобы Lucku всегда был в «активном образе». Или, может, внедренный наблюдатель из ВНКННПВ?! «Какой еще клуб? Размечтался! Прежняя жизнь тебе больше не светит...»

От этой мысли стало тоскливо, заняло в животе.

Валери завертел головой, выискивая указатель: где бы съехать? Развернуться?.. Никакого указателя. И дорога совершенно свободна. Он никогда не видел пустого дорожного полотна. Никогда, разве что в ретрофильмах. Впрочем, старые фильмы Валери, ненавидевший ретро, давным-давно не смотрел.

Он беспрепятственно мчался по восьмому ярусу — и это был не сон!

Легкая маневренная «тринити», как спокойная до поры до времени лошадка, вырвавшаяся вперед в заезде и почуявшая простор, летела, словно неуправляемая, освободившаяся из-под контроля, впервые осознавшая, что у нее есть *скорость*.

Валери вдавило в спинку кресла. Голова кружилась, как в детстве, когда он катался на опасных горках, по которым вагонетки неслись частично вверх тормашками, переворачивая вниз головами вопящих и визжащих от восторга пассажиров... Дорога уходила вверх, круто заворачиваясь, приобретая форму быстро сужающейся спирали. А там — что там?

Недостижимая синева замаячила перед ним. Он видел открытое небо — маленькое окошечко в небо, там, где заканчивалась дорога... Где заканчивалось все.

Lucku почувствовал щекочущий страх, который, впрочем, быстро растворился в пьянящей радости свободы. Панические симптомы, пережитые в Аниной оранжерее, не успокоили его больше. Только по-прежнему кружилась голова от скорости и высоты.

«Самоубийство, — кто-то вновь заговорил у него в голове; на этот раз голос был тихим, безжизненно-серым. — Это конец».

— И плевать! — выкрикнул Валери, распаленный, перевозбужденный. — Пусть все катится к черту!

Он врубил громче музыку, заорал: «Йо-хо!» — и до предела увеличил скорость. Машина неслась, быстрая, легкая и никем не отслеживаемая, летела в иное измерение, доступное только ему, Lucky...

Сколько он мчался? Пять минут, полчаса или вечность? Валери и сам не знал. Чувство времени напрочь оставило его. Может быть, подумал он, я и впрямь угодил в Бесконечность, и начался мой собственный отсчет времени, — точнее, никакого времени больше нет? Так и буду теперь крутиться по радиусу закольцованной автодороги живым перпетуум-мобиле...

Если же это моя форма загробной жизни, то я, пожалуй, согласен целую Вечность мчаться на моей «тринити». Без всякой цели, без пункта назначения — полет ради полета. Вот моя универсальная форма бытия!

Он говорил так сам себе и хорохорился, мысленно попрощавшись уже с жизнью. Вот только... *дорога не закончилась*. Наоборот, она выровнялась и расширилась. Исчез высокий барьер, разделяющий встречные полосы, а над головой синело чистое ясное небо!

Lucky никогда прежде не видел такого неба — живую, а не на экране. Подчиняясь неожиданно возникшему импульсу, он открыл водительское окно, и опьяняющий свежий воздух хлынул в салон. Валери с опаской глубоко вдохнул, поперхнулся и закашлялся.

Справа то и дело мелькали технические островки, указывавшие на то, что дорога используется. На островках виднелись роботизированные заправки и станции техобслуживания; один раз он проехал мимо ангара с надписью «Быстро». А потом дорога пошла вниз, и головокружение исчезло. Голова была ясной, ощущения обострились, как никогда: на него цветистой какофонией обрушились запахи и краски. Сглажены были только звуки. Здесь изначально было очень тихо, и только его «тринити», ворвавшись в молочно-нежную тишину, своим ревом нарушила спокойствие открывшегося ему простора.

Слева пронеслась лесополоса, которая затем сменилась редколесьем, переходящим в луг. Валери поспешил закрыть окно и включить внутреннюю вентиляцию: вспомнилось удушье, пережитое в Аниной квартире. Дитя Полиса, обитатель бетонной коробки, он плохо переносил ароматы растений.

Вскоре по пути стала попадаться военная техника — бронетранспортеры и танки, близ которых слонялись молодые парни в военной форме. Они курили, играли в футбол, разбредались группками и что-то обсуждали; тут четверо валяются на траве, там разбились по двое, а тут собралась большая толпа, и кто-то в центре, кого не видно из-за спин, рассказывает, судя по реакции компании, что-то смешное. То там, то здесь торчали разобранные палатки, валялись рюкзаки, котелки, планшеты и другие предметы быта.

Валери ехал мимо лагеря не меньше двадцати минут. Он видел, что на него обратили внимания, но никто его не останавливал. Он беспрепятственно пронесся мимо. Мысли хаотично крутились в голове. Недавно прошел военный призыв — значит, эти ребята...

Значит, есть что и от кого охранять, подумал Валери. От этой мысли стал не по себе. Что находится там, куда он несется? Впрочем, успокоил себя Lucky, если бы существовала настоящая угроза, призывники не выглядели бы такими... расслабленными.

Все выглядело совершенно не так, как он предполагал... то есть мог бы предположить, если бы обладал развитым воображением. Но воображением Валери не отли-

чался. Он был *человеком действия*. Нормальным современным человеком, любившим свободу и скорость чуть больше других.

Он пришел в этот мир, чтобы стать отчаянным гонщиком. Но сейчас ему сделалось страшно. В голове хаотично закрутилось все, что он где-либо читал или слышал, в том числе и от фейкогонов...

Однако фейкогоны никогда здесь не были. А он — добрался.

Существовал единственный выход: доехать до конца маршрута. И Валери мчался все дальше и дальше.

...Небо потемнело и как будто съежилось, собралось над ним скомканным покрывалом. По лобовому стеклу застучали крупные капли. Дождь, поначалу слабый, постепенно усиливался; через десять минут уже вода сплошной стеной низвергалась с небес на одинокое красное авто, летящее по дороге. Он ничего не видел перед собой и ехал наугад, включив аварийные огни — на всякий случай, вдруг еще кто-то, еще один беглый гонщик каким-то чудом разделит с ним свободную полосу, материализовавшись ниоткуда... Он слышал шум ливня, видел прорывавшие бурые облака короткие молнии и молился, как умел (в действительности — не умел никак), чтобы *это* поскорее закончилось...

И вдруг — резко посветлело, дождь поуспокоился, и уже вновь одинокие капли барабанили по крыше и капоту. Небо расчистилось, порозовело — казалось, это произошло мгновенно, у него на глазах, — и нежная, нереальная, как с картинки, радуга триумфальной аркой засияла перед ним!

И Валери въехал под арку...

«Тринити» неслась, сама подобная молнии, рассекая сгустившийся после дождя влажный воздух. Валери, повинувшись все тому же порыву, что и час (месяц? год? вечность?) назад, открыл окно, и тяжелый, волнующий запах дождя ворвался в салон. Ему брызнуло в лицо, и он зажмурился... В голову пришла необычная, дикая мысль: остановиться, выйти из машины, постоять, ловя губами дождевые капли, наклонить голову, подставить дождю темя, чувствовать, как теплая, живая (нефильтрованная!) вода стекает за шиворот... Что за глупость, тут же осадил он себя, на ярусе нельзя останавливаться... если, конечно, не произошло ЧП...

И тут же осознал: нет больше никакого яруса. Он давно уже едет по обычной загородной дороге, и слева от него — отделенная прерывистой линией встречная полоса, справа — земляная обочина, а дальше — поле с симметричными бороздами, неглубокий овраг, покрытый разноцветьем, нежно-голубая лента настоящей реки, угрюмый лесной массив вдали...

Он куда-то пробился. *Это и есть другое измерение?*

Валери остановил машину. Вышел, постоял под слабеющим дождем. Застонал от неожиданного блаженства, когда на его горячий затылок пролилась тонкая прохладная струйка. «Мозг вскипел... Сейчас пар пойдет», — подумал он. И сам поразился: так давно не пытался он шутить, хохмить, поддевать кого-то или иронизировать над собой, таким напряженным и злым он был...

Он вернулся в машину и двинулся дальше.

Вдоль дороги уже попадались столбы электропередач — допотопные, он таких никогда и не видел. Вдалеке, в перспективе, между оврагом и лесом, обозначились маленькие смешные домишки. Целое поселение... Впрочем, с такого расстояния и не скажешь, жилые ли они.

Валери вдруг подумал о своей жизни. Сегодня суббота, День выборов, а он даже не проголосовал. Впервые за свою жизнь! И ему было все равно, кого в его мире изберут губернатором — даже если это окажется кудрявый клоун-эколог...

Все, чем он жил — спортивный клуб, девушки, похожие на Аню, Концерн продвинутых коучей, в котором он делал карьеру, — отодвинулось, как будто он уже давно был к этому не причастен. Валери продолжал свою поездку, решив даже не думать о том, чем она завершится.

Вдалеке у столба мелькнула темная фигура. Подъехав поближе, он увидел грузную старую женщину в допотопном, из прошлого века, не по сезону теплом пальто и в черном платке. Старая женщина стояла неподвижно. В руке она держала фанерную табличку с аккуратно выведенной надписью: «К храму Спасения Заблудших Душ». Валери, повинаясь очередному импульсу, остановился. Женщина неспешно подошла, открыла дверцу и забралась в машину.

— Спаси Господь, сынок, — кротко проговорила она.

— Далеко вам? — спросил он, отъезжая от обочины.

— Я скажу, где остановить, — она махнула рукой.

Помолчав, добавила:

— До храма я иду. Праздник ведь сегодня.

— Какой? — поинтересовался Валери.

— Петра и Павла! А какой же еще, — отозвалась она строго.

Валери почему-то стало стыдно, что он не знает.

То, что женщина никак не прокомментировала появление на проселочной дороге роскошной спортивной машины (какой она наверняка сроду не видала), его почти не удивило. В этом мире все было иначе, нежели в центральном Полисе.

— Скажите, бабушка, что это за место? — Валери решил, коли Бог послал ему попутчицу, попытаться хотя бы выяснить, где он находится. — Южный край?

На окраине Полиса он никогда еще не бывал — с тех самых пор, как существует Полис.

— Это Боровики, сынок, — спокойно отвечала женщина. — А вон там, впереди, где огонечки, — то Макаровка.

Валери ничего не понял, но глубокомысленно кивнул.

Дальше ехали молча. Примерно через десять минут попутчица произнесла:

— А мне вот тут...

Поблизости не было никакого жилья, не было ничего. Только высоченная трава у обочины с проглядывавшими среди зеленых стеблей яркими синими цветами.

Валери остановил машину.

— У меня вот, мелочью только, — женщина полезла в карман пальто, позвенела там чем-то, а затем протянула ему темную шершавую ладонь, на которой россыпью лежали монетки.

— Что вы, не надо! — испугался Валери.

Он во все глаза смотрел на горстку настоящих монет. В Полисе наличные деньги не были в ходу уже несколько десятилетий...

Попутчица чуть улыбнулась, спрятала монетки в тот же бездонный карман и открыла дверцу. Перед тем как выбраться наружу, посмотрела на него выцветшими глазами.

— Храни тебя Бог, сыночек, — спокойно проговорила. — Как твое имя? За кого молиться?

— Валерий, — ответил он.

Его вдруг пробила дрожь. Вдруг показалось, что она знает о нем все то, чего не знает ни одна живая душа...

Попутчица кивнула и молча вышла.

Вокруг не было ни жилья, ни даже столбов. Валери, как ни всматривался, не смог различить за редкими деревцами ничего похожего на церковь. Старая женщина перебралась через кювет и почти по пояс скрылась в густой траве. Потом вынырнула: живая изгородь из высоких трав закончилась. Женщина уходила полем, наискосок, туда, где виднелся хлипкий мостик через речку.

Валери проехал метров сто, прежде чем увидел вдаль, за рощицей белую церковь с золотыми куполами. «Ей же минут сорок до нее идти!» Он всмотрелся: женщина исчезла, как будто растворилась прямо посреди поля...

Ему вдруг захотелось заплакать. Почему-то стало жаль свою собственную мать, угрюмую молчаливую старуху. Мишка — на Сафари, он — неизвестно где, а мать там — одна...

В главную дорогу, по которой неслась его «тринити», вливались периферические дороги и тропы. Изредка перед ним пристраивались машины. Наконец справа выехал старый автобус, кривобокий и с выхлопом (Валери глазам своим не поверил), и теперь двигался впереди на невысокой скорости, заставив и его подстраиваться под свой черепаший темп. Это было досадно. Водитель к тому же, казалось, никуда не торопился: он останавливался почти у каждого столба — вдоль дороги начали появляться голосующие люди — и подсаживал попутчиков или просто перекидывался с ними репликами:

— Ленка, ты кого тут выжидаешь, а?

— Да жених мой должен подъехать, спирта и сала для мамы привезти (Ленка была немолодой неопрятной бабой, но она так лукаво поглядывала на толстяка водителя, так стреляла глазами, словно и впрямь считала себя молодой красавицей — и «жених» ведь имелся!).

— А я думал, ты меня ждешь!

— Опоздал, Славка. Ой, опоздал...

Водитель посмеивался, щипал Ленку за складчатый бок и ехал дальше, но тормозил в пятидесяти метрах от Ленки, у навеса, где его поджидал молодой парень с огромной корзиной грибов.

— Дядь Слав, передай в Нахаловку тетя Нине!

— Ладно, Колька, заноси. Да поставь лучше вперед, а то позади подбрасывает, там твоё добро опрокинется.

— Хорошо, дядь Слав. Я тебе доверяю.

— Чудной ты, ей-богу! Я их что, прямо сырыми съем? И без пива...

Валери поймал себя на том, что без раздражения, с интересом рассматривает этих людей, прислушивается к их незатейливым разговорам. Казалось, водитель автобуса знал каждого сельского жителя в этом районе, а все жители знали его. Ему постоянно что-то передавали: «Теплый свитер для Ани», «Сверла для Тимофея», — и что-то у него забирали, он кого-то подсаживал и высаживал, и просто останавливался потрепаться, и однажды даже перекурил, застряв на три минуты посреди дороги, пока какая-то Сима жаловалась ему на свою невестку...

После Дмитровки (Валери уже начал замечать и отслеживать дорожные указатели) автобус свернул, и можно было вновь прибавить скорость. «Где бы я ни находился, — думал Луску, — но здесь прикольно...»

У деревни Журавли он съехал с бетонки и, раздевшись до «боксеров», выкупался в маленьком илистом озерце. Неподалеку от него плескалась молодая баба с малым ребятенком (когда баба вышла из воды, то, к восторженному ужасу Валери, оказалась соблазнительно фигуристой и совершенно голой; ребяенок тоже был наг, но он был

мальчик, и Валери своим видом не смущал). Чуть поодаль отфыркивалась и отряхивалась в воде ошалевшая от жары беспородная собака.

После купания, когда прошли озноб и мурашки и почти высохли «боксеры» под брюками (он по-прежнему был в офисном костюме — так и не успел переодеться в пятницу, сразу после работы отправился к Ане), Валери повеселел и окончательно расслабился. За Журавлями он наведалься в поле и снял с соломенного пугала неплохие, хоть и сильно рваные голубые хлопчатобумажные джинсы и растянутую майку с выцветшей остроумной надписью: «My wife has a drinking problem: me!», а пугало нарядил в офисный костюм, сунув ему под мышку свой кожаный портфель с пластиковой раздаткой для тренинга продаж коучинга коучам. В понедельник он должен был проводить этот тренинг в одном из филиалов, однако чутье подсказывало Везунку, что мероприятие не состоится.

В последний момент, спохватившись, выдернул из портфеля бутылку красного сухого вина, которое вез Ане, и переложил в бардачок машины. Где бы ни застал его вечер — но все-таки вечер наступит, и будет ужин (где и с кем?), и будет вино на столе... Или на лужайке под открытым небом. Кто знает...

Дальше ехал с открытым окном, вдыхая цветочные ароматы и подставляя лицо ветерку. Голова больше не кружилась. От запаха растений он уже прочихался как следует. На душе было спокойно и легко. Куда он едет, как сложится его дальнейшая судьба, попытаются ли его догнать и вернуть и что с ним сделают в Полисе, если поймут? Валери не задавался больше этими вопросами. Да и другими — тоже...

Дорога сейчас была пустынна. Впереди маячил неописуемой красоты пейзаж: горы, озера, разбросанные на больших расстояниях друг от друга маленькие городки... Какой городок выбрать? Или, наоборот, населенный пункт выберет его?

И вдруг далеко впереди мелькнула крошечная фигурка велосипедиста — и почти сразу же скрылась за холмом.

Валери стало трудно дышать. Он открыл и правое окно, чтобы ветер насквозь продувал салон. Машина взлетела на холм, и Lucky понял, что велосипедиста он нагонит примерно через три минуты.

Мокрый от пота, с колотящимся сердцем, он, однако, и не думал снижать скорость и быстро поравнялся с велосипедистом. Теперь Валери в деталях мог рассмотреть человека, едущего по обочине. На нем были старая шляпа с обвисшими полями и пиджак, надетый на майку. Велосипедист повернул голову, и Валери увидел худое желтое лицо, впалые щеки, провал тонкогубого рта и маленькие слезящиеся глаза. Почти минуту они смотрели друг на друга. Затем человек в шляпе равнодушно отвел взгляд и с громоханием, которое издавала ржавая цепь старенького велосипеда, продолжил свой путь. Дорога опять пошла в гору, и велосипедисту пришлось пригнуться и сильнее давить на педали, чтобы одолеть крутой подъем.

Валери посмотрел ему вслед, а затем, не раздумывая, вдруг свернул с шоссе направо — туда, где в траве прорезались колеи тихой неасфальтированной дороги.

«Отрада» — прочитал он на деревянном указателе название населенного пункта.

Ему это подходило.

Емилиан ЛАШИН

* * *

Парят над яблоневым садом
в болоньевых нарядах небеса!
И — пенье херувимов где-то рядом —
их изумленные слышны мне голоса.

Сверкают крылья бледным изумрудом,
ребром серебряным — огранкою луны.
И веришь в чудо, мальчик мой, покуда
скользит сквозь сито звездное стены

открытый космос и косматый котик
прилежно моет мордочку свою...
О, как скудеет оболочка плоти,
когда стоишь у бездны на краю,

уже не помня, кто ты и откуда,
еще за трудным вдохом — непростой,
но все же — выдох! И звенит посуда,
тревожа нежный сумрак золотой

прилежной жизни. Может статься, к ночи
полегче станет? И седой сверчок,
у старой печки отогрев бочок,
тебя от горькой смерти отстрекочет.

* * *

Нам небеса так много нашептали друг о друге,
что мы увидели друг друга в небесах,
где пасха красная, налаживая струги,
неслась на белоснежных парусах

и восходила светом парусины —
обетованным, нежным, золотым —
мы ни о чем друг друга не просили,
пока смолой прозрачной не застыл

Емилиан Владимирович Лашин родился в 1961 году в Ленинграде. Учился на историческом факультете ЛГУ. Стихи писал с детства, был участником конференций молодых поэтов Северо-Запада. Лауреат премии «Поэт года-2015» (Москва). Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Постоянно публиковался в международном журнале «Крещатик». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

огонь горячий и незрячий ветер
не постучал в строптивное окно —
нам упрекнуть друг друга было нечем,
иначе упрекнули бы давно...

И новый день вставал такой наивный,
как не дарованное свыше нам дитя.
И новый век смотрел на нас призывно,
вздымая белый всепрощенья стяг...

* * *

Так жизнь стремительна живая,
что перед нею застываю
в янтарном изумленье я,
осмыслить еле успеваю
крутые повороты бытия.

Не сам хожу — ведут меня ведуньи,
а сбоку рожи корчат ведьмаки...
И не могу сказать, на что похожи
серебряные будней плавники.
Исчезло время, и как будто —
все только длинный странный день,
а может — вечности минута —
как будто прыгнул с парашютом,
утратив собственную тень.
И, став немного невесомым,
не помнишь, где ты был вчера
и кто (мучительно знакомый!)
беседу вел с тобою до утра,
пока ветра настырные трубили
в пустыне стылых улиц городских,
и жалобой утробной голос их
срывался с крыш и камнем вниз летел,
но мимо наших невесомых тел,
не обращаясь вовсе ни к кому —
в столь беззащитной беззаветной силе.
Он падал в мир, где мы когда-то были,
который с изумлением любили —
до слез, невидимых ему...

* * *

Звено, связующее звон
вязальных спиц, сакральное мерцанье
лица вполоборота, на амвон
ступившего нечаянно, как пристань —

последнего пристанища ища,
 купели зыбкой искупленья
 с улыбкой смутною оленьей
 в объятиях еловой лени —
 прости, прощая, и — прощай!
 Ищи-свищи ночные тени
 в смятенном трепете зари,
 где возводили в степени ступени
 степных кумиров, что не сотворил —
 не раз, не два, не три —
 замри фигурой исступленной,
 невыносимой зеленью морской
 перед небесной камерой обскура,
 перед сердечной смертною тоской
 неясностью, неясным очертаньем
 прозрачных рук, что упадают ниц
 в безмолвном приближеньи нарицанья
 вещей неназванных, как звенья,
 связующие тонкий звон
 вязальных спиц в сакральном их мерцанье,
 зеркальным светом падшим на амвон...

* * *

Вот писатель Жиль Делёз.
 Он довел меня до слёз
 книгой, где страницы выцветшие
 повествуют о несчастьях Ницше,
 тела скорбящего арестанта.
 Может, для успокоения вящего
 почитать мне на ночь Канта?
 Или по старой привычке
 раннею электричкою
 махнуть в Приозерск или Выборг?
 Слоняться, подобно бездомным собакам,
 смотреть на плывущие облака...
 какое счастье, однако,
 что есть еще выбор
 пока.

* * *

Бессмертника песчаного цветки,
 ладони колкие крапивы ли двудомной —
 весь этот мир, потешный и укромный,
 в лоскутном сновидении сотки

мне, ангел мой! И — пусть продлится
мой сон в безвременье времен,
и лица близких нежной вереницей
застынут вересковым янтарем

в прозрачной памяти. И боль мою латая
на хрупких пальцах солнечных лучей,
пусть ангел мой останется ничей,
капустницей простою пролетая...

* * *

Удилище уд
и судеб ледяная прохлада,
усадеб сады
и ранеток румяных отрада,
инаковость знаков
и крыльев крутой иероглиф,
и ветер сырой,
от которого руки продрогли,
бескровных небес
водяная, как зрак, синева
и росчерком горьким
скрипучих ветвей тетива,
речные пороги,
грунтовок неверная зыбь,
оскомины севера —
скромная серая выпь,
я выпью до дна
ваше варево,
кровью утрусь!
Чернушкой хромою подарена,
как Аввакуму от барина,
крещеного хана-татарина,
мне моя нищая Русь.

Андрей МАКАРОВ

РАССКАЗЫ

из цикла «Золотая чешуя»

НАМАСТЕ

рыбы в аквариуме
догадываются
что мир не кончается
стеклом
там, за стеклом —
небо рыб
они мечтают о нем
и верят
что попадут туда
после смерти

Илья Кормильцев

Тусклый промозглый туман висел над взлетным полем. Густая белесая пелена поглотила застывшие у телескопических трапов самолеты, превратив их в темные беспомощные силуэты. Где-то в глубине этой сырой мглы перемещались белые и оранжевые всполохи, выдавая движение по полю сервисных служб, и вставало солнце. Жидкий утренний свет с трудом пробивался сквозь туманную вату, проникал через широкие витражи аэропорта, падал вялыми бликами на серый гранит почти пустого зала ожидания. Словно на оттертом рукой участке запотевшего стекла, гранит обретал четкость на границе с черной и белой глянцевой плиткой, уложенной в шахматном порядке на полу открытого бара. Единственными невнятными пятнами среди его блестящего стекла, темного дерева и никелированной стали были два посетителя — молодой бармен во всем черном и плотный мужчина в мутно-зеленом камуфляжном костюме.

Камуфляж на мужчине, основательно оккупировавшем высокий стул у стойки бара, смотрелся уместно. Видно было, что эту форму посетитель надел не впервые и носит ее с толком. Правда, на прямоугольных нарукавных и нагрудных «липучках» отсутствовали шевроны, а на погончиках — знаки различия. Обрюзгшее лицо мужчины было гладко выбрито, от него терпко пахло лосьоном.

— Воевать летите? — вполголоса спросил бармен, ставя перед клиентом увесистый стакан с толстым дном и на четверть наполняя его ярко-медным напитком из углового сосуда.

Андрей Викторович Макаров родился в 1976 году, образование высшее финансово-экономическое, второе образование МВА ВШМБ АНХ при Правительстве РФ. Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2021). Живет в Москве.

— Да нет, слава богу! Еще не хватало, — ответ прозвучал брезгливо. — Что у вас — как увидите камуфляж, так сразу в полковники записываете. Далась вам эта война. На рыбалку я лечу. На север.

— А-а-а... — казалось, разочарованно протянул бармен. — А чего тогда в одиночку? На рыбалку обычно компанией...

— Ну вот опять... Вот всем вам компанию подавай, — крикнул посетитель. — Хотя я раньше тоже думал, что положено с друзьями ездить. Хошь не хошь, а вынь да положь друзей-товарищей.

— А чем плохо-то? — пожал плечами бармен.

— А чем хорошо?

— Сами ж говорите: друзья-товарищи. Рыбку половить, посидеть, поговорить по душам... Мужское братство.

— Эх, парень. Да какое там братство, если по-честному. Мне вот однажды это все-му цену определили.

— В смысле?

— В прямом. Собрались компанией, приехали, разложились. Удочки пока что в чехах, зорька ясная, а у нас поляна царская — хоть юбилей отмечай. Тут тебе и беленькая, и вискарь этот, и даже самогону кто-то притаранил для полной аутентичности. Ну и закусь соответствующая: сало непременно, колбаска, шпроты, селедка, рыбка красная. «Пять звезд» на болоте.

— Ну и?

— Ну вот. Только расплеснули первую дозу по стаканам, как из кустов местный дед вылез. Седой весь, борода в клочьях, фуфайка драная, в заплатках, сапоги кирзовые... Картина Репина — явление Христа народу. В одной руке удилище самопальное, в другой на кукане пара линей свисает. Золотистых таких, ядреных. Не рыбы, а само-родки! Мы на него вылупились: «Дед, где тут такие ловятся?» А дед хмыкнул, носом шмыгнул, оглядел наш бивак и говорит: «Не где, а у кого».

— То есть?

— Ага, мы тоже так спросили. А он: «Кому рыба в воде, а кому в банке. Вам, городским, и удочки разматывать не надо. Чего зря беспокоиться? Вы ж как судаки бестолковые: вместо рыбалки пьянку затеяли». Мы ему: «У вас тут в деревне одни трезвенники, что ли? Чего мораль-то читаешь?» Он покивал: «У нас, — говорит, — тоже уха-рей хватает. Кто помоложе, те в город рвутся. Чтоб потом с вами сюды наезжать, прости Господи...» Махнул на нас рукой и пошел восвояси. Мои-то приятели проводили его словом отборным, и «ну... за рыбалку!» А мне, веришь, ни рюмка, ни закусь в горло не полезли. «И правда, — думаю — хрена ль приперлись? Могли и дома в кабаке сходить». А главное, как ловить начали — ни у кого ни одной поклевки. То ли сглазил дедок, или сами себя сглазили. Наши опять философа деревенского материть, а я им: «Чего лаетесь? Прав дедок. Не положена нам в таких местах рыба. Оторвались от корней. Нам она теперь в магазине положена».

— И что приятели? Поняли?

— Не-а, — мужчина отхлебнул глоток виски. — Пальцами у висков на меня покрутили, а сказать-то нечего. Домой засобирались. А больше как-то и желания нет вместе куда-то отрываться.

— Теперь, значит, в одиночку ездите? И как? Начала рыбка ловиться?

— Да рыба тут вообще ни при чем! Она ж только повод: от людей отдохнуть, от суеты, — посетитель театрально вздохнул. — Наедине с собой побыть...

— Помогает?

— Да, не особо, — камуфляжник отмахнулся. — Отпускает ненадолго, а вернешься и снова в суету ныряешь... Каждому свой омут. От одного лишнего избавляешься, а другое налипает.

— Хорошо, когда знаешь, что лишнее, а что нет... — с какой-то неожиданной тоской произнес бармен и взглянул мимо рыбака на начавший желтеть туман, плотным занавесом висевший за стеклами аэропорта. — Я вот до этого бара на нефтяной вышке поработал, вахтой. Там по утрам тоже за полшага в тумане ни звука, ни пятна. Тоскливо было, скучно. Народ как на подбор сермяжный, приземленный — за деньгами приехали. Каждый о зарплате только и думает, и говорит о нем, права качает...

— Оп-па, — рыбак впервые взглянув на собеседника повнимательнее, словно наводя резкость. — А ты-то туда за каким лядом поперся? Без обид, но тебе скорей в ботаниках место, чем в буровиках.

— Ага. И про мужское начало расскажите. И про рабочую косточку. Это мне все батя в свое время после каждой пьянки подробно докладывал. До печенок достал. Я и решил, что найду себе дело мужское, чтоб по вкусу. Чтоб с романтикой. Чтоб с «запахом тайги», как говорится.

— И чего? Не в цвет попал?

— Не-а. Мутно там все. И люди мутные, — бармен растопырил пальцы на правой руке, потом повертел кистью в воздухе. — Сидельцев бывших много. В комнатах при буровой по шесть-восемь человек, как сельди в бочке. Хотя многим не привыкать... Мат-перемат, разговоры только про баб да про охоту с рыбалкой. От монотонности башня съезжает, всяк характер свой дурной показывать начинает. Разве что драк не было, так за тем старший смены следил — сам кому хошь навешать мог, если надо. Так что отвахтовал я свое, нахватался романтики и к цивилизации.

— Выходит, прав твой батя оказался, хоть и бухал... Тут, что ли, твоя цивилизация? — рыбак хохотнул. — В этом баре? Да это та же вышка нефтяная, только вместо скважины алкоголь из горлышка течет и сразу в деньги превращается. Без трубопровода. Пойми уже, романтик, никто никого от необходимости бабло рубить не освобождал. Любого поскреби — жлоба найдешь. И чем романтичней, тем больше ему халявы подавай за тонкость его натуры. А ведь все одинаковые — плотва на двух ногах. Ты правильно прочухал — за стойкой-то философствовать приятней, скажешь, нет?

— Про плотву — это вы убедительно говорите, — поморщился бармен. — Видать, по собственному опыту? Если все рыбы, то себя-то какой считаете? Или вы и тут рыбак? Так вроде один был уже — ловец душ человеческих. Да только распяли его, вот незадача.

— Ты, друг мой, молод еще о таком рассуждать, — зло прищурился посетитель. — Если о Боге говорить, то он-то и знал, чего сотворял. Одного рыбой, а другого человеком. Одному рыбачить, а второму добычей быть. А третьего не дано.

— Так-то оно так, только роли меняются, — улыбнулся бармен. — Вчера рыбак, а завтра уже рыбам на корм пошел. Кто тогда охотник, кто рыба, а кто наживка?

— Ну ты даешь, паря! Людей в червей записываешь?

— Никого я никуда не записываю! Каждый сам свою судьбу определяет — кто он, где он и куда идет. Только вот смотрю на тех, что каждый день мимо бара текут, и иногда кажется мне, что это не люди, а рыбы плывут мимо меня. Как в огромном аквариуме. Кто поодиночке, кто косяками. Без памяти и понимания.

— Почему ж без памяти?

— Да, говорят, у золотых рыбок памяти на несколько секунд всего. Не жизнь, а сплошное приключение. Каждый рассвет, как в первый раз. Вот и люди. Живут, суетятся, плещутся, а ведь и воде, и миру вокруг все равно. Они остаются прежними.

Солнце, луна, звезды, омуты, приливы-отливы... Мы без памяти живем и сами памяти не заслуживаем. Нас не будет, а мир останется...

— Потому и хочется порой всех убить! — с нажимом произнес рыбак, глядя, как за спиной работника прилавка в зеркале и гранях разнокалиберных бутылок плывут и дробятся отражения. — И что же делать?

— Выйти.

— Куда? В окно? Там вон ни зги не видно, сплошной туман.

— Выйти из цепочки.

— Разговоры все это одни, — насмешливо хмыкнул посетитель. — Все только болтать горазды. А поступка спросишь — и нет ничего!

— А я последний день тут работаю, — ответил бармен. — Добровольцем решил пойти. Война ж.

— Серьезно?! — мужик вскинул брови. — И это твой выбор?

— Да. И это точно не про деньги.

— А про что?

— Про смысл. Надо шелуху отколупать. Туман разогнать. Говорят, там, на фронте, все отчетливей, ясней становится — и жизнь, и смерть. Как эти клетки на полу.

— Думаешь, дадут тебе в руки оружие, и с ним обретешь ясность, спасение? Или проверить хочешь, тварь ты дрожащая или право имеешь? Глупость все это. От себя, мой друг, не убежишь. Да и убить сразу могут. Вернешься тогда к своему батю не с крестами и не на кресте, а запаянный в цинковой банке. И чем ты тогда не такая же рыба, без памяти и понимания?

— Ну а ваша рыбалка зачем? Все равно — что с компанией, что без — только зря время тратите. Еще и камуфляж военный нацепили. От кого прячетесь, кого изобразить хотите? Думаете, взяли в руки удочку, так стали рыбаком? От себя, сами же говорите, не убежишь.

Серые водянистые глаза посетителя округлились, гневно вспыхнули, но тут же погасли. Мужчина опрокинул в рот бокал, осушив его полностью, но не вернул его бармену, поставил перед собой, обхватил ладонями. В возникшей тишине стало слышно, как глухо и мерно зашумел компрессором холодильник под барной стойкой. Бармен взял в руки сухую красную тряпку и протер край столешницы между собой и клиентом.

Яркий блик солнечного света, пробившись сквозь зыбкое марево, упал парню на лицо, заиграл отсветами на неровном строю бутылок. Это встающее солнце начало разгонять белую муть за окном, разрывая ее на части. Туман редел и растворялся в обретающем прозрачность воздухе. Сквозь прорехи в тумане просвечивало пронзительно-голубое безоблачное небо.

— Скоро взлетку откроют, — показал бармен пальцем на окно и, обращаясь к рыбаку, добавил: — Недолго вам осталось.

Словно в подтверждение его слов, проснулось звуковое оповещение аэропорта, приглашая пассажиров одного за другим задержанных рейсов пройти на посадку. Мужчина взглянул на цифровые тактические часы на левой руке:

— Мой рейс объявили. Перекурить бы. Пепельницу дай.

— У нас в баре не курят. По закону все, — пояснил бармен. — Для этого в конце зала есть курительная комната. Двадцать метров прямо и налево.

— Все у них по закону, по правилам! Кто только придумал правила эти! Лишь бы свободы лишить! — нарочито громко возмутился мужчина. — Ладно, правилник. Бывай. Надеюсь, поймаешь удачу за хвост — станешь рыбаком, из червей выбьешься.

— Удачного полета всем нам, — усмехнулся бармен. — Да пребудет с вами сила.

Мужчина слез с барного стула, бросил взгляд на похожую на шахматную доску поверхность пола и, обернувшись, вдруг сказал бармену во всем черном: — Белые ходят и выигрывают, да?

— Нет, — ответил молодой бармен, забирая пустой бокал рыбака со стойки. — После игры все фигуры падают в одну коробку. Туда, откуда их достали.

— И что делать? Не играть?

— Каждый сам решает, — ответил бармен.

ТИШЕ, ТИШЕ...

Солнце высоко в голубом небе, его золотые лучи наполняют колодец, и я парю в них цветочной пылью — невидимый, клубящийся в теплом сиянии.

Рей Брэдбери. Тот, кто ждет

Живу я теперь здесь — в турецком хаммаме большого спа-центра. Я похож на влажный дымок, наполняющий сумрачное пространство парной белесой пеленой тумана. Или на мягкий пар, проникающий в помещение из отверстий в стенах, облицованных керамическим подобием малахита. Я не передвигаюсь. И ничего не совершаю. Я только слушаю и наблюдаю. На овальном куполе над широким мраморным лежаком в центре я вижу желтые огни. Люди говорят, они похожи на ночные звезды. Может быть — я не видел звезд. У людей есть имена — они то и дело окликают друг друга. У меня нет имени. Меня нельзя окликнуть. Но зато я слушаю и наблюдаю. Я — туман, я — пар, я — свидетель. Медленно и безмолвно струюсь я по мокрым плиткам, поднимаюсь вдоль стен, восхожу к сводам и снова спадаю с них каплями на пол. Я не знаю, сколько это будет длиться. Поэтому я никуда не спешу. Мне некуда спешить. И незачем...

Я помню, как я появился. В тесной пещерке, освещенной жалкой тусклой лампадкой, в небольшом глиняном котле бурлила, шипела вода. Пар от нее поднимался к каменным потолкам и обращался в капельки, которые набухали и вскоре срывались вниз. Одна из них скатилась по своду и упала на лицо только что рожденного младенца, покоившегося на груди матери. Обессиленная от родов, она, вся взмокшая от пота, лежала на охапках сена. Младенец пискнул от неожиданности и захныкал. Стоящие в противоположном углу овцы взволновались и заблеяли. «Тише, тише, мой сладкий», — нежно шепнула малышу мама. Капля скользнула по лицу новорожденного, проникла под хлопковую ткань пеленки, увлажнила тонкую бархатистую кожу, и родился я.

Сегодня много народу. Я не знаю никого из них. Они входят и выходят, ненадолго задерживаясь. В парной тепло, мокро и очень туманно. Парогенераторы пашут усердно. Не чета древним медным котлам. По кафелю растекаются шепотами приглушенные голоса, разрываемые изредка звонкими возгласами расшалившихся детей. Слова эхом отражаются от стен, смешиваются и теряются во влажной пелене. Я научился их понимать. Сперва это было интересно. Теперь скучно. Кап, кап, шлеп, шлеп, буль... В курне плещет вода — маленький мальчик открыл кран и задорно купает в ней розовые ручки. Ему весело, он счастлив, а мне скучно. «Тише, тише, мой сладкий»...

Теперь я все реже прислушиваюсь к разговорам. За многие века они слились в сплошное бульканье и журчание струй в тумане. Вот две молодые девицы живо обсуждают

достоинства и недостатки своих фигур. Старая седая женщина, прислушиваясь к ним, тяжело вздыхает и негромко жалуется вслух на больные колени, но ее не слышат — нет никому дела до нее. Два мускулистых парня спорят о справедливости судьи, назначившего штрафной. Бородатый мужик с лоснящимся брюхом, посмеиваясь, рассказывает двум друзьям о клиенте, который не умеет считать... Нет давно уже ни одного нового слова под моим куполом. Люди все те же, все так же любят себя, любят богатство, ради которого готовы многое простить, забыть, а также предать и даже убить. Чего я только не наслушался за эти века в мутном пару... Чего я только не видел. Слова и тела, красивые и ужасные, живые и мертвые.

Если в парной собирались мужчины, они много рассуждали: о политике, богатстве, победах и поражениях, редко о женщинах и совсем редко о звездах. Если заявлялись женщины, их речь была обо всем и ни о чем — подобна туману, укрывающему Землю. Вверх и вниз, вообще или конкретно, зло или с любовью — от видов на свадьбы и строительства жизни до интриг и скандалов.

Когда мой хаммам находился в городе двух частей света, один ученый часто приходил ко мне со своими друзьями. Я помню их долгие разговоры о Земле, на которой я пребываю, и о тысячах звезд, которые они наблюдали, глядя в ночное небо. Я слушал седого астронома, ловил каждое его слово и надеялся, что когда-нибудь раскроется купол и я увижу настоящие звезды. Я вглядывался в мутные стеклянные окошки на своде, но не мог разглядеть ничего, кроме пробивавшегося сквозь них днем размытого света. Ученый говорил, что это свет самой главной звезды, затмевающей все остальные. Он убедил султана построить здание, откуда можно было наблюдать за звездами, и оно было построено. Но явилась яркая комета. Она напугала султана и заставила солгать ученого. И его здание было тут же разрушено за эту ложь. Каждому свое. У каждого свой хаммам, у каждого свой харам.

Когда-то давно утешался я гармонично-прекрасными женскими формами, их текучими телами с блестящей гладкой кожей. Струились их речи, струились длинные волосы, ниспадавшие на струящиеся, мерцающие бледным светом плечи. Плывущий влажный дымок размывал женские лица, и я подумал, что в человеческой наготе скрыто больше истины, чем в речах и лицах. Недаром, выходя от меня, они одеваются и прячут правду о себе под нелепыми, лживыми одеждами.

Однажды сюда привели маленькую прелестную девочку с лучистыми голубыми глазами и бархатистой кожей. Она любила лежать на животике на широком лежаке и изображать плывущую рыбку. На ее левом бедре красовалось изящное созвездие из маленьких коричневых родинок. Вскоре она превратилась в роскошную женщину, для которой мое жилище не раз украшали лепестками цветов и окуривали благовониями. Минули многие годы, и однажды в мой хаммам вошла одинокая усохшая старуха со сморщенным крючковатым носом. Дряблая землистая кожа не смогла скрыть от меня в пелене пара знакомое созвездие на бедре. Старуха неприятно шамкала беззубым ртом и, шевеля тонкими, обескровленными губами, жаловалась вслух на боль в пояснице. Венозная синева ее ног отдавала мраморным холодом. Я воочию увидел, как призрачна и обманчива телесная красота. Ложь одежд и ложь тела дополняют друг друга, вселяют надежды, обманывают...

Веками я неспешно струюсь по разогретому мрамору, обвиваю изящные арки, своды, колонны, стелюсь по мозаичным полам, драпирую равнодушные барельефы лепнины... Со временем камень полов сменился шершавой плиткой, а плетеная обувь посетителей резиновыми шлепанцами. Белоснежные тоги съезжились до узких плавков и мохнатых полотенец. Мне кажется, я тоже переменялся — стал холоден и безразличен, как

и подобает настоящему водяному пару. Я перестал думать о людях, об их туманных горестях и радостях. Все течет, все испаряется. Все сущее становится ничем. Одна участь ждет всех.

Кончается очередной день. Последний посетитель задержался. Благообразный худой мужчина с длинными волосами, небольшой бородкой и печальными глазами. Он необычно долго сидит в туманном углу и грустно молчит, разглядывая моих уходящих гостей. Кажется мне, или я и в самом деле когда-то давно уже видел это лицо? Почему-то хочется вспомнить... Равнодушный смуглый уборщик открывает настежь стеклянную дверь, выпуская остатки пара, и вкатывает свою тележку с пластмассовым ведром, длинной шваброй и сосудами с бытовой химией. Мужчина слышит звяканье тележки, а из-за ворвавшегося в дверь прохладного воздуха осаживается и конденсируется на потолке роса. Вот одна из капель падает вниз, задевая его лицо. Мужчина вздрагивает, и глаза его наполняются слезами. Но он сдерживается. Встает и уходит, оставив меня одиноко блуждать в темных аллеях вековой памяти, в полумраке, в полусвете.

— Тише, тише, мой сладкий, — шепчу я ему вслед. И он, улыбнувшись, оборачивается.

На большом куполе горят желтые огни. Говорят, они похожи на ночные звезды, которых я никогда не видел. Скоро они погаснут — до утра. Как сказать вам, кто я, если я не знаю этого сам? Как сказать вам, кто я, если я не понимаю, кто я и зачем я на этой Земле? В чем цель моего существования? Я не знаю. Я просто слушаю и наблюдаю. Я — свидетель. Человек жалок, наг и убог. И у него тоже нет цели, только какой-то непостижимый Бог, которого он просит о спасении. Когда-то и это закончится. И это пройдет. Зачем я здесь?!

— Тише, тише...

ГОРОДОЧКИ-ПЛЕМЯННИКИ

Мне Москва стала матерью,
Санкт-Петербург отцом.
Кольцевые объятия,
Белый июньский сон.

Парапеты гранитные,
Уточки в полынье,
Рестораны элитные,
Дворики в воронье.

Здравствуй, лавра Посадская,
Серпухов-старичок.
Пушкин, Павловск, Сенатская,
Шпиль отразит зрачок.

Городочки-племянники...
В путь, за верстой верста,
Поезда, подстаканники,
Пулкова суета...

СТРОГИЙ АВГУСТ-ЛЕНИНГРАДЕЦ

Я на солнышке не лягу,
Как пришпиленный к бархотке.
Это солнышко миляга
В тучке-лодке

Повыдергивает шерстку,
Жилки гриль для мух готова.
Встречу осень-вертихвостку
Не в Ростове.

Максим Валюх родился в 1976 году во Владивостоке. Окончил Московский издательско-полиграфический колледж им. Ивана Федорова по специальности «Издательское дело». Работал редактором в московском издательстве «Прогресс-плеяда» (главный редактор — литературовед Станислав Стефанович Лесневский). Учился в Литературном институте им. Горького (2005—2007), семинар Галины Ивановны Седых. Публиковался в «Литературной газете», «Независимой газете» (приложение Ex-libris, 2010—2024), альманахе Пушкинского фестиваля «С веком наравне» — «Современники», альманахе «Серая лошадь» (2002—2015), журнале «Аврора» (2015), в других литературных альманахах и сетевых ресурсах. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Луж на улицах-старухах
Как озер на перешейке.
Собрались дожди в косухах
Чмокнуть в шейку.

«Что-то ты забылся, братец,
Оголился и разлегся...» —
Строгий август-ленинградец
Усмехнется.

КИТАЕЦ ЧАЕМ УГОЩАЛ

Китаец чаем угощал,
Поворожив над термोकружкой.
Состав колесами вращал.
Вдвоем с татарочкой-подружкой

Катились город посмотреть —
Вполне приятное соседство...
Я вкус почувствовать суметь
От всей души пытался, средство

От всех болезней отхлебнув.
Ну да, вполне аутентично.
Сказала девушка, зевнув,
Они — студенты, как обычно...

Так скоротали три часа,
Ничуть не жаль, хотя бы с толком.
Под кашель, храп и голоса
Расфасовав себя по полкам.

ИНОСКАЗАНИЯ

Кем же мне приходится
Твои иносказания...
Может, углеводицами,
Ягодок лизаниями?

Может быть, мороженками
В финских кафетериях,
Пьяными сапожниками,
Чудесами в перьях?..

Расскажи про жидкие
Волосы метелицы,
Танцы со снежинками
У ежиной мельницы.

Вспомню — будет здорово,
Сядем на завалинке.
Облачное олово
Спеть положим в валенки.

ЭВКАЛИПТ

Я эвкалипт,	Которые в жару
Я сбрасываю кожу	Достать сумел.
И становлюсь светлее	Засохну у разбитого перрона
И моложе...	Вдали от лап коалых и газона,
На мышце нацарапает пострел:	Лавровому кусту шепнув в снегу:
«Здесь Паха был!	«Не поминайте лихом,
Чита.	И — довольно.
Четыре цифры».	Я динозавр, белая ворона
И оборвет турист	На черноморском броском берегу...»
Все пряди хитро,	

СПУТНИК ЗОЛОТОЙ

Длинный день
Дарован широтой.
На фарфоре иссиня-молочном
Повисает спутник золотой,
Кратером подмигивая мощным.
Подплывает к дому-кораблю
Облако акульего окраса.
Это полугодие люблю...
Безлимит прогулок,
Снов каркасы.

МАЛЕНЬКОЕ РАДИО

Казалось,
В небе йодовая сеточка
Касалась
Монастырских куполов.
Шафранная
Метро кончалась веточка
У однотипных
Спальников-домов.
Закончилось
Туннеля шоколадие.
Попал опять
В московскую весну.

И мое сердце —
Маленькое радио —
Настроилось
На славную волну.

КАК КОСМЕИ

Как космеи,	Я космея,
До небес не смея,	И расту во сне я,
Прорастали, жили,	До тех пор,
Отцвели.	Пока не кончен свет.
Зеленели,	Кто из нас
Сами себя сея,	Полюбит жизнь сильнее,
И к зиме клонились	Заплетет в венки
До земли.	Хвосты комет...

НАШИХ ИГР ОСТРОВА

На Елагином белкам орешков задай
Да олешкам линияющим сняти.
У Невы острова — это маленький рай,
Полюбите его и поймите.

Посидите на Стрелке у гипсовых львов
И у россыпей пестрых тюльпашек
Попросите не вянуть от вспышек и слов
Перебравших хозяев тельняшек.

А на Каменном выход остался к воде,
Лижут волны песок, корневища.
Здесь для тех, кто в заботах весь день и труде,
Есть под вечер духовная пища.

Пусть тут нет кипарисов, агав и мимоз,
Но когда-то у пекарской дачи
Самый лучший на свете стоял Шерлок Холмс
Как венец режиссерской удачи.

Сын растет, повзрослеет, получит права,
Я скажу — по мосту без машины
Навещай иногда наших игр острова,
Если даже я Землю покину.

СЕМЬ ПУТЕЙ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ

Семейная хроника

Романы кончаются свадьбой. Хроники и родословцы свадьбами начинаются: кто какую девицу *попал, взял за себя*, каких детей родил и сам какого роду... Мы тоже начнем со свадьбы.

6 ноября 1894 года мичман Петр Александрович Зеленой вступил в брак с девицей Надеждой Николаевной Прохоровой.

На свадьбе были мать жениха Екатерина Акимовна и сестры: Мария, Екатерина, Наталья, Александра, Ирина и Евдокия. Еще гуляли сослуживцы и приятели, флотские офицеры Кронштадтского военного порта, и среди них — штабс-капитан Павел Алексеевич Усов. Невеста была его племянницей.

Екатерина Акимовна, в девичестве Войно-Куринская, нечуждая сословного тщеславия, ревниво относилась к бракам своих детей. Когда Катюша вышла за соседнего помещика Арбузова, а за Марией страстно ухаживал чиновник Вейль, хорошего рода и в больших чинах, вопроса не возникало. В конце концов, и Зеленые того же уровня, Шестая книга в Псковском дворянском родословце... А Войно-Куринские — род, восходящий не к таинственному Неупокою, служилому времен Ивана Грозного, а прямо к Софье Палеолог, второй жене Ивана Третьего. А кто такие Усовы?

Дедом невесты с материнской стороны был *личный дворянин (не столбовой)*, начинавший едва ли не простым матросом, может быть, старшиной, кондуктором, только к концу службы получивший офицерский чин. И с ним — дворянство. А его отец Яков Усов так и ушел в отставку матросом, но на сколоченные за двадцать лет службы деньги сумел пристроить сыновей в разные заведения, более по торговой части, и только Алексея — в техническое училище для рядового состава, откуда выходили специалисты, позарез нужные во флоте, переходившем на паровую тягу. Тут подвернулась, кстати, Крымская война, англо-французская эскадра рвалась к Кронштадту и к столице, но преуспела мало. Формально Балтийский флот в полном составе участвовал в войне, когда чины давались в ускоренном порядке, так что Алексей недолго проходил в механиках и мичманах. Выйдя в отставку в офицерском звании, получил уже потомственное дворянство, то есть распространявшееся на детей. Сын Павел учился в Техническом училище Морского ведомства, после которого сразу произведен в *кондукторы Корпуса флотских штурманов*, а через год — в прапорщики. Теперь — штабс-

Вячеслав Александрович Усов родился в 1936 году в г. Дзержинске Горьковской (ныне Нижегородской) области. Окончил геологический факультет МГУ, работал на Крайнем Севере. Кандидат геолого-минералогических наук, доцент. Рассказы и повести публиковались с 1970 года в журналах «Звезда» и «Нева». Автор исторических романов «Цари и скитальцы», «Причастный тайнам» и др. Член СП Санкт-Петербурга.

капитан... Ольга, его сестра, вышла за Николая Васильевича Прохорова. И вот их дочь Надежда готова породниться с единственным сыном Петрушей, наследником большого имения Иваново-Матенец в Псковской губернии. Не мезальянс, но... А Павел Усов что-то излишне много уделяет внимания Иринке... Ей, впрочем, уже двадцать пять — пора, пора!

Как бы ни поджимала губы Екатерина Акимовна, а выдай-ка шестерых дочерей с приданным в сотню десятин подзолистой земли каждой...

Отец Петра, Александр Сергеевич Зеленой, владел во Псковской губернии, в Холмском и Торопецком уездах, 77 наделами (крестьянскими) и в непосредственном распоряжении 1964 десятинами *удобной*, пригодной для обработки пашни. Умер он рано, и на Екатерину Акимовну свалилось множество хозяйственных, семейных и бумажных дел. Одно из них — восстановление псковской ветви Зеленых в дворянском звании: то ли грамота потерялась, то ли при разделах, разветвлениях рода не озаботились каким-то оформлением, но дело это затянулось лет на пятьдесят и завершилось только хлопотами сына, в начале нового века. Однако недооформленные, с бюрократическим косноязычием составленные документы позволили отправить Петра в Кронштадтское морское училище, откуда выходили гардемарины, а дочерей — в Санкт-Петербургский Николаевский сиротский институт, где тоже получали неплохое образование.

Видимо, перед свадьбой Екатерина Акимовна произвела раздел недвижимого имущества. Сын — по закону — получал главную долю, дочери, кажется, 1/7 часть, если не 1/14... Петр стал владельцем главного имения Иваново-Матенец (1015 десятин 2008 кв. саженей земли в Холмском и Торопецком уездах). Ирина в случае чего получает 150 десятин леса и пашни у озера Врево, без строений.

А дальше жизнь пошла спокойно, без особых потрясений. Екатерина Акимовна, хоть и с одной ногой (сломала в день помолвки, лошадь понесла, пришлось отнять, однако жених не отказался), разумно вела хозяйство. Даже землицы прикупила, чтобы приданным не обидеть дочерей. Петр жил в Кронштадте, много плавал. Внук его Кирилл Зеленой описывает пару эпизодов:

В 1893 году П. А. Зеленой участвовал в гидрологических работах у берегов Кореи и в один прекрасный день первым заметил не нанесенный на тогдашние карты остров: 390 53* С. Ш., 1270 50* В. Д. Остров был назван в честь того, кто его открыл. Правда, позже местные власти переименовали его в Тэдо. На корвете «Витязь» Зеленой совершал длительные, едва ли не кругосветные плавания. Сейчас я пишу за столиком-шкафчиком из дедовой каюты... он вместе с дедом четырежды пересекал экватор.

Одно время П. А. Зеленой плавал на крейсере «Азов». Тут он и стал соучастником случая... С крейсера, шедшего предписанным курсом, заметили: терпит бедствие небольшое судно. Поспешили на помощь и приняли на борт всех, кто там был. Терпел же бедствие императорская яхта «Штандарт», так что неожиданными гостями «Азова» оказались Николай Второй и все, кто его сопровождал. Понятно, гостям оказали самый душевный прием. Капитан уступил свою каюту государю, его помощник — мой дед — императрице. Тут же передали на землю о случившемся, так что утром на палубе «Азова», как вспоминал дедушка, выстроилось все руководство российским флотом. Едва государь поднялся на палубу, как министр подлетел к нему и отрапортовал, что на вверенном ему флоте все благополучно. Николай возмутился, затопал ногами: «Как благополучно, если я вчера чуть не утонул?!» Но отошел быстро. Разговаривал больше с матросами.

Знал бы его величество, какую заваруху устроят братки-матросики на этом корабле через несколько лет...

Не думаю, что Усовы и Зеленые испытывали недовольство властью в *года глухие*, когда *Победоносцев над Россией простер совиные крыла*. Скорее, наоборот: конец старого и начало нового века были для них временем успешной службы и устоявшейся семейной жизни. В послужном списке Петра Зеленого к 1905 году набралось около пятидесяти записей о «прохождении службы», несколько раз был командиром судна, но в капитаны был произведен *в связи с особым поручением* в 1906 году... Пока же он — лейтенант, плавает по морям, радуется наследнику — сын Александр родился 12 сентября 1895 года... На фотографии мы видим очень спокойного, довольного жизнью офицера с четырехлетним сыном на руках, рядом — такая же уверенная в себе и в будущем жена, одетая неброско, но по моде — верная подруга моряка. Если всмотреться в лицо Петра Александровича, на ум приходит слово, мало подходящее флотскому офицеру, — *добродушие*. Это у него — от отца... Только он вряд ли разделял отцовские воззрения (статьи в «Современнике», дружба с Некрасовым, на острове в Матенце прятал Чернышевского)... Он очень дружен с сестрами, раздел имения Матенец не разлучил их, они всегда тянулись к этому главному дому. Когда у Александры, вышедшей за агронома Миленко, умер от чахотки муж, Петр приютил ее с дочерью Катей в своем имении. Надеялись, что свежий воздух уберезет ее от наследственной заразы (11 из 12 родственников Миленко умерли от нее). Когда Екатерине Акимовне жизнь в деревне стала тяжеловата, сын, сам живя в Кронштадте, снял ей квартиру в Петербурге у Сенной площади.

Выбор странный: Сенная — не только рынок, но тяготеющие к нему не лучшего разбора заведения, вплоть до притонов и грязных кабаков, многоквартирных домов, нередко населенных обнищавшим людом, а то и превратившихся в малины. Вечная суета под окнами, даже и ночью скрипят крестьянские возы, лаются возчики и грузчики, и круглосуточно *пьяницы с глазами кроликов «In vino veritas!» кричат...* (На старой гравюре еще и три заводских трубы торчат на заднем плане.) Конечно, дальше по Садовой, к Гороховой и Вознесенскому проспекту, кварталы чистые, квартиры многокомнатные, с парадными и черными лестницами, но от Сенной отходит несколько глуховатых, темных переулков (тот же Апраксин, примыкающий к торговым рядам, вторым после Гостиного), а по Московской дороге (ныне Московскому проспекту) тащилось множество гужевого транспорта и шли, и шли ищущие работу мужики. Катя Миленко (Е. М. Алексина) вспоминала: «...бабушка смотрит в окно и все улыбается (а окно выходило на Сенную площадь). Надежда Николаевна (невестка) спрашивает: „Мама, что вас так радует?“ — „Да вот, смотрю, идут, идут мужики, и все не ко мне“». Ностальгия по деревне, по Матенцу времен крепостного права?

Снимать квартиру в Петербурге (служба в Кронштадте) недешево, одни дрова в начале века обходились в 800 рублей за год. Еще прислуга, продукты тоже не свои, как прежде, хотя, по словам современника, «*Сенная площадь — это кухонная кладовая и частью харчевня для всего города. Экономные хозяйки, трактиристки, кухмистеры, кухарки, содержатели рабочих артелей... стекаются сюда со всех, даже самых отдаленных концов города за покупкой провизии. Нигде, как на Сенной, нельзя ее найти в таком избытке и разнообразии, нигде ее нельзя купить по более сходной цене*».

Это, конечно, облегчало жизнь. В квартире на Сенной, кроме Екатерины Акимовны, в разное время проживали дочери Наталья, Александра и Евдокия. Ирина, выйдя замуж, жила в Кронштадте. Ее младшая дочь Ольга (О. П. Орлова) вспоминает:

Старшая тетя Маша (впоследствии Вейль), не хотевшая удалиться далеко от Матенца, получила (при разделе) примыкавший участок, где был построен дом. Хозяйство велось управляющим так же, как и в самом Матенце (дядя Петя служил

во флоте, в Кронштадте), но, в отличие от своей матери, сама тетя Маша не вникала в хозяйские дела, жила в Петербурге и Верхний Матенец любила как летнюю дачу. Детей она не имела и была старше мужа на десять лет.

Вейль — петербургский чиновник, музыкант-любитель и заядлый театрал — познакомился с тетей Машей в театре, когда ему было 20 лет, а тете Маше 30, и страстно полюбил ее, очень неординарную, считавшую себя эмансипированной. Тетя Маша зарабатывала себе на жизнь на какой-то службе, увлекалась музыкой, оперой... интересовалась также политикой, была активисткой Общества трезвости. В ответ на предложение Николая Просперовича ответила: «Может быть, лет через десять, когда будет 40 лет — бабий век». Через 10 лет их брак состоялся. Оба они казались немного не от мира сего...

Особенно маме, Екатерине Акимовне. Расцвет Серебряного века, ломка привычных норм и представлений, прежде всего в художественной, театральной, эмансипированной среде. Александр Усов, второй сын Павла Алексеевича, вспоминал:

Все сестры моей матери (Ирины Зеленой) отличались повышенной нервностью, доходящей иногда до полного нервного расстройства. Исключение составляла тетя Наташа, в замужестве Проферанская. Семья Проферанских жила на западе, и с ними мы почти не встречались...

Видимо, обстановка в квартире на Сенной не всегда была ровной. Эмансипированная молодежь предпочитала ночь раннему утру, когда Екатерина Акимовна привыкла вставать по-деревенски. О жизни и конкретных увлечениях Марии Зеленой мы знаем — или догадываемся — гораздо меньше, чем ее мама, то есть — ничего. Пожалуй, она легко вписалась бы в иные эпизоды романа «Сестры» Алексея Толстого, что-то в ней чудится и от старшей, и от младшей сестер...

Красавица Мария Александровна, раскованная, образованная, увлекающаяся даже совершенно посторонними делами (что ей Общество трезвости?), с многообразными связями в художественной, а через брата — в офицерской, флотской среде... поклонники... и влюбленный петербургский чиновник, готовый ждать... такой десятилетний надежный тыл. На неизбежные упреки матери — останешься старой девой — беззаботный смех. Такое сочетание — чиновник Вейль и Маша Зеленая — по законам любовной повести должно бы привести к трагедии. Но через 10 (!) лет странное положение вдруг разрешается женитьбой. Влюбленные мужчины не замечают возраста тех женщин, которые казались им единственно желанными и недоступными. Десять лет...

Жаль, Машу не тянуло к перу, как ее младшую сестренку Евдокию, *тетю Душу* (так ее звали младшие). Ей в той же мере была свойственна самостоятельность мышления и экзальтация, и тоже в духе начала века, но совершенно иного рода. Ее беспокойная душа тянулась и к единению с природой, и к детям (так и не вышла замуж), и к поэзии, и — к Богу. Жизнь в Петербурге скорее тяготила ее, и уж наверно она не разделяла увлечений старшей сестры. Благо у всех сестер была отдушина — наследственные доли от имения Матенец, по 150—200 десятин каждой, где можно было хоть обустроить хозяйство, хоть предаваться поэтическим переживаниям.

Екатерина Зеленая, в замужестве Арбузова, так и поступила: без затей вышла за соседа по имению. Ей выделили те же 200 десятин, и вместе получилось солидное имение Успенское. Хозяйство в нем было так налажено, вплоть до оранжерей с южными фруктами, что приносило достаточный доход. Вот только не дал Бог детей-наследников.

А Евдокия, тетя Душа... Вот стихотворение, написанное ею «на рубеже веков», как сказано в записке, сопровождающей эту случайно сохранившуюся рукопись.

Что наши песни перед свистом пташек,
 Что серебро пред яркостью реки,
 Что роскошь, блеск пустых нарядов наших
 Когда цвета в природе так ярки?
 Когда простор полей пленяет око,
 Когда лазурь небес над головой блестит,
 А облаков, что мчатся так далеко,
 И пышен так, и так наряден вид.
 В лесу ж, что ель, то новое убранство,
 Взгляни вокруг... о, верь, что красота
 Больших домов покажется лишь чванством.
 Пред леса пышностью и выставка пуста.
 В апрельский день на скакуне надежном
 Промчись туда, где тронулась вода,
 Пешком пройти мостками невозможно,
 И лошадь здесь идет не без труда.
 И со спины коня в уверенном покое
 Глядя на блеск ручьев, невольно вспомнишь тех,
 Кто на извозчике, трясяся мостовую,
 Ландо считает верхом всех утех.
 И вспомнятся театры и балеты,
 И электричество, и люстры бальных зал,
 И как убого то при ярком солнца свете,
 И шум оркестров тех так жалок и так вял.
 Когда ж луна блеснет на эти воды,
 Мороз их в лед прозрачный обратит.
 Что может быть прекраснее природы,
 И стих какой пред ней не замолчит!

Не станем придираяться к некоторым огрехам стиха. Он важен не только как свидетельство жизненного настроения Евдокии Зеленой, но отражает и образ жизни — верховые прогулки под луной, вполне японское любование *цветением сакуры* по-русски. Вспоминается и бунинское — *но хороша и мелкопоместная жизнь!* Настроение беднеющих дворян, заочная дискуссия с сестрой Марией, увлеченной светской жизнью, уход *во внутреннее свое*, частично объяснимый и характером, и внешностью... Трудно судить, почему Евдокия не вышла замуж, в отличие от всех своих сестер. При том, что, повторяю, к семейному теплу и детям ее тянуло.

По молодости она нашла отдушину, утоление этой естественной тяги: окончательно удалившись в деревню, воспользовавшись гостеприимностью сестры Екатерины, стала учить крестьянских детей. Ей тоже досталось по наследству 200 десятин пахотной земли и леса. Любовь ее к выпускникам начальной школы (другой в деревне не было) была так велика, что многих вместе с аттестатом наделяла одной-двумя десятинами... Надолго этого наследства не хватило, как, кажется, и педагогического рвения. Оно сменилось углубленной, истовой религиозностью, а большая часть любви досталась племяннице Катюше Миленко, потерявшей отца и привезенной матерью в Матенец. От этой девочки (Екатерины Михайловны Алексиной) мы только и узнаем подробности житья-бытья в центральной усадьбе — владении Петра Зеленого.

Мама (Александра Зеленая-Миленко) вернулась в Матенец — родовое поместье дедушки, из которого бабушкой выделено маме в приданое 200 десятин земли. Своего дома построить не успели, и мама поселилась в школе (построенной дедом), в полуверсте от усадьбы, унаследованной дядей, и стала учительствовать.

Бабушка Екатерина Акимовна уже давно жила в Петербурге у сына и дочерей...

Мама вечерами часто уезжала к соседям, томясь одиночеством. Зимой ездили в санках, летом в кабриолете, и мама сама правила лошадей. Я всегда и всюду ездила с ней. Как сладко спалось, возвращаясь вечером, на дне кабриолета, уткнувшись в мамины колени.

Другой отдушиной для мамы была музыка... я часто засыпала под Бетховена, просыпалась под Шопена.

К занятиям в школе мама относилась страстно, искренне любя ребят и отдавая им все силы. Некоторых, самых дальних, оставляла ночевать, сушила их одежду... Весенние выпускные экзамены превращались в праздник. Ребята шили новые рубашки. Приезжала целая комиссия от земства. Однажды среди членов комиссии оказался Алексей Николаевич Куропаткин, наш сосед (тот самый главнокомандующий во время японской войны: «Терпение, терпение...»). Один из школьников, декламируя стихотворение «Бородино», глядя прямо на Куропаткина, с выражением выпалил ему: «Да, были люди в наше время... богатыри, не вы!».

Вокруг жило много соседей-помещиков. Обеднев, они закладывали имения и продолжали вести прежний образ жизни. (Пили на последнее, по выражению Бунина.) Алексей Николаевич Куропаткин жил в девяти верстах от Матенца. По другую сторону, в семи верстах, жила его первая жена Клара Эрнестовна фон Прессинг, выпускница Петербургской консерватории. Недалеко от имения Куропаткина раскинулось поместье князя Шаховского, женатого на урожденной Лианозовой, богачке. Обедневшие помещицы-дворянки за глаза шипели о ней: «Купчиха». А она, умная, образованная женщина, держалась выше пересудов. Детей у Шаховских народилось много. Дочь Катя слыла красавицей, но была глупа...

Были еще соседи Чириковы, у которых дом походил на дворец и поставлен на заграничный манер. И дом, и сад, и манера приема гостей — особенные. Если гости хоть ненадолго опаздывали, то их держали впроголодь до ужина, не давали никакой еды...

Летом мама устраивала воскресные чтения для крестьян. Крестьяне приходили с удовольствием, но уходили рано, в деревне ложились спать «со светом». Съезжавшие же помещики оставались допоздна, пели, играли. У мамы в школе, как и у дяди в большом доме, был рояль. Я постоянно выступала. Репертуар мой контролировал не подлежал, и однажды, в шестилетнем возрасте, наслушавшись пластинок, я спела любовный цыганский романс. Все очень смеялись, аплодировали, а Куропаткин удивленно проговорил: «Подумайте, какая маленькая обезьянка, а точная копия Веры Паниной!»

Зимой почти каждую субботу и воскресенье мы проводили у Клары Эрнестовны в Рокачово. Там была школа, учительствовала в ней Евлампия Михайловна Максютенко. Летом она отправлялась путешествовать, даже побывала в Каире и привезла оттуда обезьянку-лемура Мурку. Летом Мурку выпускали в сад, мы с ней играли, а деревенские ребятки сказывали, что у нас завелся черт...

У Клары Эрнестовны все время жили бесконечные знакомые. По просьбе гостей она садилась за рояль. Играла превосходно и вдобавок хорошо пела. Днем же, надев мужской костюм, уезжала верхом в поле, в лес, занималась хозяйством. Впрочем, хозяйственными способностями она не обладала, и говорили, что она вся в долгах...

Запомним этот мужской костюм, он еще пригодится ей в 1917 году... Пока — жизнь совершенно идиллическая, хотя и скромная. Вспоминается буниноское: «Я на даче один, мне темно за мольбертом, и дует в окно». Дачи строили какие-то облегченные, не по деньгам, в них было холоднее, чем в деревенских избах. Таким, по отзывам детей

Павла Усова — Ольги и Александра, был и дом во Вреве... И Петр, и Павел летом приезжали к семьям, но ненадолго: до Петербурга из Кронштадта добирались морем, а уж до псковской глубинки... да и служба не пускала.

Петр Александрович что-то надолго, на десять лет, застрял в чине лейтенанта, хотя до 1906 года в послужном списке его значилось два десятка *особых поручений и назначений* на разные суда. Несколько раз был командиром корабля. Позже служил при штабе Кронштадтского порта. В Японской войне участия не принимал, Бог от Цусимы уберег... В начале века Кронштадт был тихим, благополучным городом, пронизанным военной дисциплиной, усилившейся с назначением адмирала Вирена, чье появление на улице внушало страх не только матросам, но и офицерам. Исследователь-современник отмечает отсутствие преступности и европейскую ухоженность...

Во многом порядок выгодно отличался в наше время от петербургского. В то время как в столице ни в садах, ни на улицах не было урн для мусора, в Кронштадте вы могли видеть на улицах мусорные ящики. Мы уже рассказывали, что в столице сады и бульвары были в запущенном состоянии, цветов почти не было, в Кронштадте сады, парки и скверы содержались в идеальном состоянии — масса цветов, цветущих кустарников — сирени, жасмина. Если кирпичные стены и заборы придают унылый вид в столице, то здесь все пустые стены украшены диким виноградом или хмелем. Пьяных можно было встретить крайне редко, скандалов почти совсем не наблюдалось, потому что полиция, военные патрули и дворники немедленно прекращали всякое нарушение порядка. Даже бродячих собак не было — на обязанности пожарных команд лежало вылавливание всяких беспризорных животных.

Ни в одном городе мира не было таких мостовых, как в Кронштадте, правда не на всех улицах. Читатель с трудом поверит, что некоторые улицы были вымощены чугунными пустотелыми торцами, засыпанными щебнем и песком, что применялось в Лондоне и Петербурге в виде опыта, не получившего распространения. Такими же чугунными торцами были замощены заводские дворы и подъезды к складам и мастерским.

Был в Кронштадте трактир под названием «Мыс Доброй Надежды». Тайком заходили туда выпить и матросики. Бывали случаи, что и подерутся там, получают синяк под глазом. На вопрос, где его так раздели, находчивый моряк отвечал: «Потерпел аварию под „Мысом Доброй Надежды“». Название этого трактира длинное, поэтому военные и обыватели называли этот трактир попросту «Мыска».

Главная улица в Кронштадте — Николаевская, ранее называлась Господская. Старое название отвечало характеру улицы: на ней стояли хорошие дома, жили господа, тогда как рабочие жили на какой-нибудь Галкиной (в шутку называемой Галкин-стрит), Песчаной, Гусевой, на Осокиной площади и т. д. На Николаевской улице были лучшие магазины, и в хорошую погоду офицеры и их жены прогуливались по солнечной или так называемой «бархатной» стороне.

По этой стороне нижние чины воздерживались ходить, так как там надо было все время быть начеку и отдавать честь офицерам.

Второй по значимости улицей была Екатерининская, расположенная вдоль канала. На ней были офицерские флигеля и береговая кают-компания, или Морское собрание. Во флигелях проживали семейные моряки (на ней в разные годы жили и Усовы, и Зеленые. — В. У.). Дом, который занимало Морское собрание, ранее был дворцом какого-то великого князя. Архитектура и внутренняя отделка дома подтверждали это. На нижнем этаже помещалась военно-морская библиотека с замечательным собранием книг, среди которых было много уникальных. Из вестибюля на верхний этаж вела великолепная деревянная, действительно дворцовой отделки, лестница, на площадке которой стояли старинные бронзовые пушки с какого-то корвета или клипера. На верхнем этаже находились большой зал со сценой, буфетные ком-

наты, бильярдные и гостиная. В аванзале, посередине, стояла бронзовая скульптура Жанны д'Арк на коне — подарок от французской эскадры. По стенам аванзала и прохода в зрительный зал висели картины кисти Айвазовского, отмечавшие славные эпизоды из истории русского флота. Гостиные были в разных стилях — китайская, индийская и т. д. Многие моряки дарили из своих коллекций разные предметы, вывезенные из заграничных плаваний. Так постепенно обставлялись эти гостиные.

Одно из редких воспоминаний бабушки Иры (Ирины Усовой) — как она открывала бал в этом собрании с адмиралом Виреном. Наверно, не всякий бал, но все же... А Павел Усов после кругосветки пределов Финского залива не покидал («береговая оборона, внутреннее плавание, зимние промеры»), только менялись броненосцы («Красная Горка», «Адмирал Чичагов»).... В апреле 1900 года произведен в капитаны, через пять лет (апрель 1905-го) — в подполковники. Это уже — «морская пехота, береговой состав». Вскоре возглавит топографическую службу... но перед этим надо прежить первую революцию.

1905 год... О нем написано так много, что неудобно повторять. В Москве было живее, напряженнее. В Петербурге потише, тем паче — во Псковской губернии. Но документы, донесения с мест начала лета 1906 года показывают поразительную потерю управляемости страной, особенно на юге, в черноземной полосе. На эту территорию просто не хватало войск, задействованных в центре. А тут еще и забастовка железнодорожников, и невозможность перебросить верные войска даже по Николаевской дороге... Нас, впрочем, интересует Кронштадт, где жили семьи Зеленых и Усовых.

Матросики в Кронштадте бузили дважды. Военная дисциплина дала сбой, в частности, потому, что петербургское военное командование сплавляло в эту ключевую крепость сотни штрафников. К 1905 году их там накопилось 2000 — *заведомо неблагонадежных!* А вести из Петербурга налетали, как циклоны, восторг и морок если не революции, то великих перемен охватывали в первую очередь солдат береговых служб. Лучше других были организованы рабочие Порохового завода, там уже действовали эсеры и социал-демократы (образовательные кружки перерастали в партийные ячейки). В казармах высланных штрафников комфортно чувствовали себя и анархисты. Последней искрой оказался, как ни парадоксально, Всемиловейший манифест 17 октября: власть показала слабину — так это было многими воспринято.

На следующий день, 18 октября, на улицы Кронштадта вылилась демонстрация — солдаты гарнизона и рабочие Порохового. Начальство поначалу восприняло ее как если не ликование, то одобрение манифеста, неловкое изъяснение народной солидарности... Но 23 октября на Соборной площади как бы сам собою организовался митинг, в котором приняли участие матросы. Главное требование — распространить объявленные в Манифесте свободы на военных, уничтожить сословное преимущество дворянства при производстве в офицеры, законодательно отменить сословия и дать солдатам и матросам право участвовать во всеобщих выборах... Наконец (это уже на волне общего восторга) — *да здравствует республика!*

Митинг, то затихая, то распадаясь, шумел два дня. Артиллеристы и пехотинцы гарнизона выдвигали все новые, уже конкретные требования, а 25-го потребовали увеличить жалованье. Тогда и начались аресты.

Арестовали 56 солдат... Некие агитаторы проникли в матросские казармы, воззвали к чувству сословного товарищества: *братья, солдаты и за вас страдают!* Матросы кинулись к гарнизонной гауптвахте (возможно, и к тюрьме, в военной крепости без нее никак) — освободить! Участвовали Четвертый и Пятый флотский экипажи и часть

Учебно-артиллерийского отряда — самые грамотные, с алгеброй-геометрией знакомые... с *литературой* тоже. Охрана оборонялась жестко, один убит, прочие разбежались. Преследовать и наводить порядок направили два батальона крепостной артиллерии, те отказались стрелять в своих. Буза — иначе пока не назовешь — охватывала новые экипажи, по приблизительной оценке, в беспорядках участвовали три тысячи матросов, полторы тысячи солдат при угрюмом нейтралитете остальных... Естественным путем пошли погромы винных магазинов, складов, даже квартир. Можно вообразить, как чувствовали себя семьи офицеров. Усовы вряд ли успели эвакуироваться в Петербург, где у них не было, в отличие от Зеленых, квартиры. Кажется, впрочем, одна из сестер Павла Алексеевича жила в городе, но куда с детьми: к этому времени у Павла и Ирины подрастали сын Николай (пять лет), дочь Надя (едва исполнилось три года) и Александр, готовившийся справить первый год... Ирина осенью 1905-го была опять беременна (будущей Катей). Можно, конечно, под усиленным конвоем сопроводить их в порт и погрузить на вспомогательное судно *зимнего промера*, которым командовал отец, но офицеры как были подняты по боевой тревоге, так и остались на круглосуточном дежурстве. Благо по улицам Екатерининской и Николаевской ходили усиленные патрули, дворники и полиция — тоже в боевой готовности. Но в магазины посылать надо! Уже и *в лавочку напротив* не выскочишь... Кажется, наступала новая эпоха перемен, когда не дай бог жить...

28 октября в порт вошли суда со спецкомандами из Петербурга. У этих солдат с матросиками дружбы не было, возможно, их вообще доставили из Луги или Пскова. Действовали решительно, стреляли на поражение, скольких убили, неизвестно, но мародеры серьезного сопротивления не оказали... К 1 ноября матросов и солдат разоружили, судили военным трибуналом. Но приговоры, учитывая масштаб бузы, были на удивление мягкими: девятерых приговорили к каторге, 67 отправили в тюрьму (и вскоре, вероятно,пустили), 84 — оправданы. Никого к высшей мере. Начальство понадеялось, что вспышка временная, особо злостных постреляли при подавлении, да и не следовало в такое время излишне озлоблять людей. В столице и, особенно, в Москве было тревожно, возможно, готовилось восстание.

Так и случилось. Но полыхнуло в основном в Москве — известное декабрьское восстание. В столице рабочие и, разумеется, студенты ограничились собраниями, публичным обсуждением Манифеста и митингами, на которых все поминалось 9 января, а в настроениях господствовало уклончивое: *поднимется мститель суровый, и будет он нас посылней...* Ленин приехал в Петербург, катался между столицей и Москвой, возникший тогда же Совет рабочих депутатов возглавлял Троцкий — все люди, широко известные в узких кругах. Летняя и осенняя забастовки лишили петербуржцев света и местного железнодорожного сообщения (в *Финляндию на дачи!*), но к ноябрю как будто все наладилось, у всех на слуху — I Дума, новые партии... Прибалтика никак не утихала. Лейтенант Петр Зеленой был послан усмирять!

Из послужного списка: «*Был в походе в Прибалтийский край для подавления беспорядков в должности Командира 3-го Морского охранного батальона с 22 декабря 1905 года по 19 апреля 1906 года*».

Охранный батальон... Каратели? О них писали разное. В Прибалтике, в сельской местности, шла настоящая гражданская война с поджогом и разграблением имений, убийством помещиков, преимущественно немцев, со всеми прелестями русского бунта — даром что чухонцы:

Политическая обстановка в Курляндии начала ухудшаться летом 1905 г. К зиме практически весь край оказался во власти революционных партий всех мастей,

с большой примесью местного национализма. Созданные ими комитеты, опираясь на вооруженные ружьями и револьверами боевые дружины, фактически устранили законные органы власти. А самой этой власти опереться было не на что, поскольку войсковых гарнизонов в Курляндии было немного, к тому же начальники некоторых гарнизонов фактически приняли положение нейтралитета... Во флотских экипажах положение осложнялось большим количеством матросов, участвовавших в Кронштадтском восстании и «внесших свой дух». Агенты полиции, докладывая о настроении в частях гарнизона, подчеркивали, что матросы и солдаты друг против друга не пойдут, но вот против местных «бунтовщиков, латышей и евреев», пойдут не задумываясь. Не замечалось «ничего, из чего можно было бы заключить их солидарность с политическим движением населения». Таким настроениям всячески помогала и «пылкая любовь» местного населения к русскому гарнизону. В ноябре 1905 г. тяжелая обстановка сложилась и в городе и порте Виндава, где новые революционные власти даже вынудили военный гарнизон покинуть город.

Сходная ситуация — потеря контроля и управления, опасность солдатских и матросских выступлений — распространилась на всю Прибалтику. Партии — эсеры, социалисты — не дремали, понимая или догадываясь, что только переход солдат на сторону восставших может обеспечить победу... В начале 1905 года латвийский комитет РСДРП призвал к созданию Рижской военной организации с Военно-боевым бюро. И к середине года его ячейки появились во всех полках пехоты, расквартированных не только в Риге.

Матросское восстание произошло в Либаве. Солдатам приказали стрелять на поражение. Стреляли, куда денешься. С офицеров пока погоны не срывали. До Петербурга не сразу дошло сознание опасности, рижские власти управились сами, восьмерых зачинщиков приговорили к расстрелу... и заменили бессрочной каторгой. В народе толковали: «Начальство испугалось собственного приговора». Вполне возможно, решились *не обострять*.

В столице понимали, что обострять придется, местные власти слишком связаны с населением, частью просто испуганы, не могут положиться на собственные гарнизоны. Из газет:

В связи с нарастанием «революционного движения» в Прибалтийском крае и недостатка обычных воинских частей для наведения порядка в конце ноября 1905 года было принято решение о формировании батальонов из состава флотских экипажей. Всего намечалось сформировать шесть: 1-й — командир капитан 2-ого ранга О. О. Рихтер, 2-й — командир капитан 1-ого ранга барон В. Н. Ферзен (он же — начальник отряда морских охранных батальонов в Эстляндии), с 27 января принял командование капитан 2-ого ранга В. Ф. Пономарев, 3-й (фактически — полубатальон. — В. У.) под командой капитана 2 ранга П. А. Зеленого...» (в связи с серьезной командировкой Петра Александровича повысили в звании. — В. У.). В составе пяти батальонов в Прибалтийском крае действовало 1868 человек. Примечательно, что большей частью они были набраны из добровольцев 14-го флотского экипажа, начальник которого бывший командир КР «Варяг» капитан 1-ого ранга В. Ф. Руднев за месяц до того был уволен в отставку за неумение справиться с ними...

Итак, Петр Александрович впервые взглянул в лицо реальной революции, которой, возможно, тайно, хотя и с опасением ожидал его отец, друг Чернышевского и получатель «Колокола».

Нет оснований полагать, будто он в какой-то мере разделял воззрения отца. Судя по тону семейного рассказа о *спасении государя* с терпящей бедствие яхты, царь был

предметом если не обожания, то глубочайшего почтения и уважения, о конституции не было речи. Тем меньше оснований было у капитана Зеленого сочувствовать восставшим. Если уж молодой Вилькицкий, будущий исследователь Арктики, нечуждый наукам и, значит, известному либерализму, рвался в карательные батальоны, у Петра Александровича были свои основания не любить (говоря мягко) бунтовщиков. Он кое-что увидел в курляндских деревнях.

Его охранный батальон прибыл на место в середине декабря 1905 года. К этому времени весь Прибалтийский край был уже на военном положении. Шла агитация среди солдат, которым в Риге пришлось штурмовать баррикады. Защитники разбежались и отыгрывались на торгашах — грабили магазины. Все это на фоне всеобщей забастовки. В Ревеле шли бои с драгунами, патронов и убитых не считали. Восстание там быстро заглохло, тогда *«ревельские и юрьевские товарищи предложили организовать поход в деревню, на боронские имения»*... За месяц было сожжено, разграблено 250 имений, в лесах было куда труднее бороться с *лесными братьями*, чем на тесных улочках Ревеля. Еще из донесений: лесные братья совершили 211 убийств (помещиков), произвели 500 *экспроприаций*... сколько на самом деле было убито, ограблено и сожжено — бог весть. Все это наблюдал Петр Зеленой, естественно, прикидывая и на себя, свою семью родной Матенец.

Отправке батальонов в Прибалтику предшествовала любопытная переписка генералов с высокими инстанциями, вплоть до царя. Организация была поручена генерал-квартирмейстеру штаба гвардии Петербургского военного округа Г. О. Рауху. Снабжая генерал-губернатора Лифляндии А. А. Орлова войсками, пушками и пулеметами, напутствовал: *«Валяй вовсю и знай, что за излишнюю строгость тебя не осудят свыше, а скорее за недостаток ее. С террором в Лифляндии можно покончить только путем террора»*. Умеренный министр Витте писал на Высочайшее имя, что некий капитан Рихтер не только расстреливает агитаторов, но вешает! Его Величество начертал на полях: *молодец!*

Революции приходят не когда *низы не хотят, верхи не могут*, а когда власть наглядно убеждает диссидентов в бессмысленности мирных, *законных* способов борьбы. На смену им приходит *сила против силы*, на смену индивидуальному (народническому) — массовый террор.

Что думали об этом Усовы и Зеленые, мы не узнаем. Разве что Мария Александровна Зеленая-Вейль высказывала вольные, шокирующие мысли, пикируясь с чиновником-супругом. Все, впрочем, ратовали за просвещение народа, учили и привечали крестьянских деток, надеясь, что уж они-то, воспитанные на добрых книжках, не будут хвататься за топоры. *Какая прекрасная станет жизнь... когда-нибудь, лет через двадцать-пятьдесят!* Только бы навели порядок. Пригретая в Матенце Катя Миленко знала (дети все знают), что порядок где-то там наводит и *дядя Петя* (она его до старости так называла. — В. У.). А дядя Петя мог классовым чутьем догадываться, что те *товарищи*, что агитируют солдат в казармах, в неведомом грядущем расстреляют и его, и сына... Классовое сознание присуще не только пролетариату. Поэтому — *требую разойтись, первый залп поверх голов, второй...* Кого брали с оружием, расстреливали за углом. Так начинался 1906-й, решающий год первой революции.

В апреле Петр Александрович вернулся в Кронштадт. Летом город слегка расслабился, отходил от бузы, была даже надежда, что все устроится, притихнет. Выберут Думу... И Зеленые, и Усовы провели лето в Матенце и Вреве. Дом во Вреве выглядит так же, как наша дача в Лопатине, слегка подремонтированная деревенская изба и такая же холодная... Места хватало: была отдельная спальня девочек, просторная ве-

ранда. Как раз в апреле 1906 года у Павла и Ирины Усовых родилась Екатерина, стало быть, уже четверо... У Зеленых пока один — десятилетний Саша. Еще Катя Миленко, почти как дочь, вскоре Петр Александрович увезет ее в Кронштадт, учиться. Только не летом 1906 года: в Кронштадте новая буза, теперь уже серьезнее.

19 июля *военная организация большевиков и эсеров* возглавила восстание двух флотских дивизий (шесть тысяч матросов) и рабочих с артиллеристами (400 человек). Матросы арестовали офицеров, кинулись к арсеналу, но там, по счастью, уже не было оружия. По всем канонам попытались взять почту и телеграф, но их, по-видимому, крепко охраняли, не удалось. Матросы линкора «Литке» и форта Константин хотели вдарить по городу из главного калибра, но офицеры успели вывести орудия из строя, братки не справились со сложным управлением. Форт окружили части Енисейского и Финляндского лейб-гвардии полков, они же рассеяли толпу у почты. По-видимому, ядром восстания были те две тысячи *неблагонадежных*, переведенных из Петербургского гарнизона штрафников, которых не постреляли осенью.

Теперь три тысячи арестовали, 36 расстреляли, 28 отправили на каторгу, 1032 человека частично оправдали и *отправили в исправительно-трудовые отделения*. На этом революция в Кронштадте завершилась.

Россия еще побушевала. Столыпинские галстуки, столыпинский вагон...

26 апреля 1906 года Столыпин назначен министром внутренних дел при премьер-министре И. Л. Горемыкине. Июль того же года — I Госдума распущена. Горемыкин лишается своего поста, и Столыпин становится премьер-министром. 12 августа 1906 года — покушение на Петра Столыпина, организованное эсерами-максималистами. Во время званого вечера взрывается его дача на Аптекарском острове. В результате погибают 27 человек, среди нескольких десятков раненых сын и дочь Столыпина. 16-летняя Наталья на всю жизнь остается инвалидом.

За все заплатил Петр Аркадьевич — за то, что усмирил страну. И стала она естественным образом развиваться, даже богатеть... Земли, конечно, не хватало, дворяне отдавать не торопились, зато была Сибирь, пошла реальная колонизация, и вообще все, что нужно для *20 лет спокойствия*... Народу хотелось еще чего-то нового, это естественно, и если бы между *Вилли и Никой* сохранился мир, если бы Ника усвоил урок японского позорища, если бы Витте не набрал французских займов, а патриоты не возмечтали о проливах... Но до времени все было тихо, и мало что предвещало катастрофу. Кстати, Петру Александровичу пора было поставить точку в многолетней кампании по утверждению хотя бы сына своего в *дворянском достоинстве*. Дело о его дворянстве так и повисло со смертью отца, несмотря на все усилия Екатерины Акимовны. А Александра пора было определять в Кадетский корпус — он выбрал военную стезю. Последнее усилие увенчалось наконец успехом:

«По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА дано сие из Департамента Геральдии Правительствующего Сената Капитану 2-го ранга *Петру Александровичу Зеленому* в том, что определением Правительствующего Сената *23 декабря 1910 года* он признан в потомственном дворянском достоинстве с правом на внесение в дворянскую родословную книгу *в шестую часть оной*. С-Петербург, мая 26 дня 1911 г.».

По усмирении народа, в чем принимал активное участие Петр Александрович, жизнь Зеленых текла спокойно. В 1908 году родился Владимир. Сестры, как и Ирина, мало-помалу выходили замуж, но лучше процитирую младшую дочь Ирины — Ольгу (Орлову), оставившую подробные воспоминания о детстве и семье.

На долю нашей мамы, Ирины Александровны (Усовой), пришлось 150 десятин у небольшого озера Врево, 50 из них пашни и лугов. Мама сдавала последние

в аренду, мечтая в будущем вообще там поселиться. Арендовал землю крестьянин Гаврила Покровский из очень дальней деревни, оставивший свой небольшой надел двум старшим сыновьям, а с остальной семьей (еще пятеро сыновей и дочь) переехал во Врево, где построил для себя две избышки и хозяйственные постройки и прожил там до конца двадцатых годов, пока его не раскулачили... Ирина Александровна не смотрела на свое имение как на источник дохода. Условия аренды она определила в 100 руб. в год, но по уговору Гаврила должен был обеспечивать летом семью молоком за особую плату. Гаврила отдавал из своего стада двух коров, которых доила прислуга, и брал за это 120 рублей. Семья жила на жалование отца (какой-то странный арендатор, у меня арифметика не сходится. — В. У.).

О жалованье и службе Павла Алексеевича позже, а пока — о тете Душе, Евдокии Александровне:

Младшая мамина сестра была, пожалуй, нашей любимой тетей. Несмотря на странности жизни, живая и веселая, ее приход всегда вносил оживление. Но меня, еще маленькую девочку, всегда огорчало одно: входя в наш дом, она тотчас переходила на французский язык, и я ничего не понимала из разговоров. Тетя Душа обладала строгими, непреклонными взглядами. В молодости учительствовала в сельской школе, и педагогика — свойство ее души... запомнились два воспитательных урока.

Жаркий летний день. «Как пить хочется», — вздыхаю я. «Так попей». — «Да лень идти». Через несколько минут тетя Душа произносит: «Да, пить хочется, принеси мне, пожалуйста, попить». Я охотно встаю и приношу ей кружку воды. Она подает мне кружку и говорит: «В Писании сказано, возлюби ближнего как самого себя. Но не сказано — возлюби ближнего больше, чем себя. А ты вот поленилась сходить за водой для себя, а мне принесла».

Мы идем куда-то далеко по большой дороге. Я все перехожу с одной обочины на другую, схожу на тропинку, возвращаюсь обратно. Тетя Душа подзывает меня: «Когда идешь в дальний путь, надо беречь силы... Если даже дорога извивается, намечай себе прямой путь и старайся идти по нему, сокращая дорогу».

Тетя Душа, всегда бывшая очень религиозной, в двадцатых годах ушла в монастырь...

Александр Зеленой, получив наконец грамоту на дворянство, поступил в Петербургский кадетский корпус, окончил его в 1913 году и поступил в Константиновское артиллерийское училище, которое окончил в 1914-м...

У Павла и Ирины Усовых тоже рождались дети. Первенец Николай — в 1900 году, начало *неведомого века*. Потом — Надежда (1902), Александр (1904), Екатерина (1906) и Ольга (1910), чьими записками еще не раз воспользуюсь. Служил и жил он преимущественно в Кронштадте, там же семья... «В походах и делах против неприятеля не находился» — до войны, плавая по Балтийскому, Белому и Баренцеву морям по делам гидрографической службы. Он изначально был прикомандирован к «Компасной обсерватории», занимался замерами фарватеров, составлением или уточнением лоций (был командиром портового судна «Лоцман», заведовал лоцией Кронштадтского порта, преподавал грамотность в Машинной школе Балтийского флота», в 1913 году зачислен в Корпус гидрографов со званием гидрографа). Перед войной возглавил *Комиссию для принятия инструментов, книг, карт Инструментальной камеры в депо карт в Кронштадте*. В октябре 1913-го назначен командующим новым портовым судном «Рулевой».

В войну в чине полковника оставался заведующим лоцией Кронштадтского порта и командиром «Рулевого». «Получает в год 1700 рублей, столовых — по должности». Других доходов у семьи не было, Врево — копейки...

Жили скромно, без излишеств. Сын (Александр) вспоминал, что в день рождения или ангела именинник получал право выбирать десерт — пирожные, мороженое... в обычные дни обходились компотом или клюквенным муссом. Еще деталь: когда бывали гости, то, по воспоминаниям младшей дочки Оли, «в день папиного рождения и именин всегда было много гостей, собирались многочисленные родственники. Приходили без приглашения, так требовал обычай... устраивалось большое угощение. Но мы, дети, участия в праздновании не принимали, не выходили из детской. От общего угощения нам кое-что перепало на ужин. Запомнились дольки апельсина, большая в те времена редкость и очень дорогой фрукт».

Впрочем, не бедствовали, а квартира, видимо, казенная, главный расход — дрова, в Петербурге зимний запас обходился в 400—500, до 800 рублей. Может быть, и дровами обеспечивала казна, или они входили в «столовые»... Наверно, ездили (на катере ходили) в Петербург, в театры и синемаграф. Но больше развлекались на балах в Офицерском собрании, где Ирина частенько танцевала с адмиралом Виреном, командующим порта, о чем рассказывала внуку (мне). А летом — *папа в плавание, мама и дети — во Врево*.

Там только в 1912 году построили просторный, но холодноватый, неутепленный дом с мансардой в три окошка и застекленной верандой. До этого снимали избушку у арендатора Гаврилы. Дом был достаточно вместительный, чтобы позже в нем разместилась школа. На берегу круглого, метров 300 в поперечнике, Вревского озера, опушенного ивняком и березками, с узким луговым пляжем, стояла скромная банька. Впрочем, лучше опишет Ольга Павловна Орлова, тетя Оля — она жила там до 13 лет.

Дом был построен на возвышенном месте, сухом, песочном, от которого шел довольно крутой спуск к озеру с прозрачно-чистой водой. На западе в него втекал ручеек Студенец, не замерзавший даже в студеные зимы, на востоке вытекала спокойная речка Вревица, заливавшая весной до непроходимости окрестные луга. Обе речушки отмечали границы наших владений, между ними проходила проселочная дорога с мостами через речки. Вокруг дома был разбит сад с разнообразными деревьями и ягодными кустами, всевозможными цветами и грядками. Все это дело маминых рук...

Дом деревянный с высоким мезонином, с большими окнами и высокими потолками. Только одна из шести комнат была темновата — гостиная; окно и дверь из нее выходили на застекленную веранду, служившую и столовой. Там стоял большой раздвижной стол. Окна на веранде раздвижные, в жару раскрывались. Лестница из нее вела прямо в цветник.

Из двух детских двери вели на другую веранду, открытую, с крышей, огороженную барьером примерно метровой высоты, откуда можно было спуститься в наши детские садики. Каждый из нас наделен участочком с грядками клубники, кустиками малины, цветочной клумбой, за которыми нам надлежало ухаживать самим и самим распорядиться урожаем. Собственность блюлась свято — мы угощали друг друга ягодами и никогда без спроса не рвали их с других грядок, так же как и с маминых...

Все-таки экономно жила семья флотского офицера в достаточно больших чинах (полковник!). Детей приучали к труду и бережливости. Что ж, это им пригодилось: немудимо надвигались предвоенные, а там и революционные беды.

Еще немного мирной жизни... «У берега стоял плот, на него вела дощатая дорожка, умеющие плавать могли сразу прыгать в глубокое место. К плоту привязывалась лодка... Наверху сад граничил с огородом, дальше шел огород арендатора Гаврилы и еще

дальше — его постройки. В верхней части склона вырыт колодец с очень чистой и вкусной родниковой водой.

Мы очень любили Врево. Каждый год мы выезжали туда из Кронштадта на лето. Приехав, снимали обувь и все лето бегали босиком в легких платьицах-сарафанчиках... солнце, тепло, свобода».

Пришла война... Балтийский флот мало участвовал в боевых действиях, а Павел Усов и Петр Зеленой все эти годы провели в Кронштадте. Петр Александрович командовал береговой артиллерией, Павел — кронштадтской лоцманской службой. В том числе — проходом между фортами. Повезло. Зато сын Александр Петрович навоевался и понял, чего стоит окопная правда...

По окончании Артиллерийского училища он был направлен на фронт в звании подпоручика. Участвовал в боях... не просто участвовал, за брустверами не отсиживался: Анна с мечами 2-й и 3-й степеней, Станислав 2-й и 3-й степеней с мечами, орден Владимира... От пули Бог берег, молитвы матери и многочисленной родни — из Зеленых и Усовых: он один был на реальном фронте, где убивают.

В марте 1917 года Кронштадт взорвался: в отличие от Петрограда, где убивали в основном городских и выпускали из «Крестов» бандитов, в Кронштадте отыгрались на офицерах.

На фронте солдаты срывали золотые погоны. В городах бунтовал охлос — от женщин в очереди за хлебом, от полуинтеллигентов-образованцев и заблудившихся аристократов до страстных любителей свободы и халявы, все спектры русского растерянного общества. Нет, кому надо, у кого были планы захвата власти, те знали, чего хотели — Советы, Викжель — кровеносная система страны... А обыватели и окопавшиеся в тылу солдатики металась между партиями, Керенского качали... А у матросов враг был рядом, ему легко было припомнить наряды вне очереди, муштру и зуботычины, а главное — *вперед, за родину, за царя и отечество!* Кто виноват? Затеявшие бойню далеко, да главный виноватый уже отрекся, а офицеры — вот они.

В Кронштадте офицеров в марте 1917-го было убито больше, чем в октябре. Первым, конечно, адмирал Вирен. И в тот же день едва не поплатился жизнью за золотой погон полковник Павел Алексеевич Усов.

На удивление быстро, словно давно готовились, в Кронштадте образовался «Штаб революции». Трудно сказать, кто там заправлял. Наверно, кроме выборных с фортов и кораблей, какие-нибудь примазавшиеся эсеры, эсдеки, анархисты... Критерий был один — отношение к матросам. А было оно разным — бескомпромиссно требовательным, с придирами, как у Вирена (он и офицеров *строил, цукал*, а уж матросов пачками отправлял на гауптвахту), до снисходительного, а лучше — просто делового, понятного, что надо, что без порядка крейсер обречен... Матросы это чуяли нутром, хотя хватало и таких, которым дисциплина корабельная поперек горла. По взрывчатому озверению матросской и солдатской *массы*, по способу расправы над Виреном (его носили по Кронштадту на штыках, потом бросили в овраг) и щедрым расстрельным приговорам, сопровождавшимся еще стихийным брожением хмельных ватаг, Кронштадт был репетицией, наглядным пророчеством Октябрьского переворота. Если бы офицеры извлекли урок, создали собственный Совет (подобно тому Союзу офицеров, который запоздало возник после переворота), события в Петрограде могли... не могли: эсеры во главе с Керенским *не могли предать революцию, разогнать Советы, расстрелять Ленина и Керенского*. Хотя один из офицеров, которому было поручено найти Ленина, спросил: вам его по кускам доставить? Им не хватало злой решимости большевиков.

В шесть часов утра в квартиру Усовых явились два солдата и матрос: «Собирайтесь, вы арестованы». Павел Алексеевич собрался молча, жена, естественно, распушила перья: «Куда вы его ведете, на каком основании?» — «В Штаб революции». Когда шли через площадь (он сам рассказывал сыну), загрохотали залпы. Матросы-конвоиры спокойно объяснили: «Офицеров шлепают... да вы не беспокойтесь, там разберутся». Кстати, семья в полном составе жила в Кронштадте, отца забрали в присутствии детей. Только обыска не было... но можно представить, что пережила Ирина Александровна, каково было ждать... (У нас висит небольшой, в ладонь, образ Божьей Матери с младенцем, бабушка Ира подарила мне его; думаю, перед ним она молилась, когда увели мужа. У образа не совсем обычная черная рамка, словно предвещавшая грядущие беды.) Скучать и предаваться страшным предположениям им, впрочем, долго не позволили: в квартиру ввалилась еще одна ватага, уже сильно под хмельком, и стала требовать хозяина. Вот им хотелось сделать обыск, обшмонать квартирку офицера, в которой наверняка заныканы несметные богатства. Но ограничились экскурсией по комнатам, потребовали сдать оружие. За его отсутствием реквизировали нож для разрезания бумаги... Когда убрались, забрели новые революционеры, в основном гарнизонные солдаты...

Павел Алексеевич не рассказывал, как его обсуждали в матросском трибунале. Сверяли какие-то списки, шуршали бумагами. «У нас к вам претензий нет, с матросами отношения неплохие... Свободны!» Наверняка нашлись свидетели с портового судна «Рулевой», грамотные матросы из корпуса гидрографов... отмазали. Он было собрался уходить, но конвоиры не пустили: на улице опасно, и неизвестно, что у вас в доме, мы проводим. В квартире застали полупьяную компанию, готовую вершить экспроприацию и правосудие. Выгнали... «Что было бы, — вспоминает младшая Оля, — если бы папу не увели в шесть утра и эти пьяные застали его дома!»

Как только поутих революционный неуправляемый кураж и появилось хоть и Временное, но правительство с военным министерством, полковник Усов подал в отставку. В связи с этим его вызвали в Петроград, он месяц или два там поработал, перед отставкой, как было принято. Учитывая непрерывную непорочную службу, его повысили в чине до адмирала или вице-адмирала. Могла быть неплохая пенсия, но грянул переворот, керенки и обвальная инфляция, уже не деньги определяли жизнь — пайки... И жить-то негде: в Петрограде жила сестра, тоже не в хоромы, во Врево — летний дом, построенный как дача... Ирина Александровна с детьми выехала туда, сам Павел Алексеевич мотался между Вревом и городом, не представляя, как жить дальше, при новой власти. Судьба уберегла его не только от расправы, но и от службы большевикам. Шурин — Петр Зеленой — был помоложе и после Октября, подумав, остался на посту, командовать береговой артиллерией.

Думая о судьбе этих двух офицеров, я постоянно задавал себе вопрос, в разное время отвечая на него по-разному: почему они не сбежали из России в ее *окаянные дни*? По молодости просто недоумевал — ведь так легко было уехать, как многие уехали, границы были прозрачны еще несколько лет... Да не было границ, люди ездили то на запад, то на юг, а уж из Петрограда, по льду Финского залива... вот я бы непременно... Мало-помалу пришли ответы — простые, как жизнь.

А женщины хотели уезжать? Даже свободные, не связанные семьей, детьми? Мария Вейль, с ее независимым характером, после переворота раньше других разобравшаяся в новой власти (старые связи, круг знакомых, опыт самостоятельной жизни и работы); Евдокия (тетя Душа), на чьих глазах уничтожали церкви, расстреливали священников, разогнали приютивший ее монастырь... Не приходило в голову? Всем приходило... Женщины не сразу осознали зверство большевиков, в России такого еще

просто не бывало. Сработал древний инстинкт: держись гнезда. На родине прокормишься, не звери же вокруг, а кто нас ждет в Германии, такой же разоренной после войны, во Франции?

Вряд ли были семейные советы — уезжать, оставаться? Скорее, ощущение: выбора нет, надо здесь выживать. У Павла Алексеевича уж точно не было выбора: пара месяцев в Петербурге при Керенском, оформление пенсии, июльская демонстрация и попытка большевистского выступления, подавление... Расслабились. В это время одно могло изменить ситуацию к лучшему — переворот генерала Корнилова. Русское 18 брюмера. Мог Корнилов ввести свой полк в Петроград, если бы Керенский не испугался, просто не сглупил? Тогда Советам, большевикам пришлось бы обороняться, а оборона в решающие часы — поражение. И за Корниловым пошли бы все антибольшевистские силы в столице, потом и в Москве... Почему за оружие и там, и там взялись одни юнкера?

Павел Усов уже чувствовал себя не у дел. Какая эмиграция? Жена, пятеро детей, старший подросток... Тем более что поначалу жизнь будто не входила, а со скрипом заваливалась в понятную колею: выборы в Учредительное собрание в крестьянской стране эсеры явно выигрывают, на фронте даже Керенский, истерический демократ, вводит смертную казнь... Вообще во взглядах Усовых и Зеленых была не то что путаница, но — зыбкость, непостоянство. Младшая дочка Оля вспоминала, как мама радовалась отречению царя (к полному непониманию детей, воспитанных совсем в иных традициях), а потом с некоторой тревогой сообщила (по возвращении из Петрограда), что «какой-то Ленин приехал и рабочие идут за ним». (Другой мой дед Ефим, по материнской линии, сообщил о Ленине теми же словами, а на вопрос, за кого голосовать, отвечал: за кого угодно, только не за большевиков.) По крайней мере, в течение лета Морское ведомство продолжало работать, Павел Алексеевич спокойно вышел в отставку в 60 лет, но продолжал служить корректором-картографом. Кронштадт пришлось покинуть вместе с квартирой и даже мебелью... После Февральской жизни надолго не планировали.

Петр Зеленой был помоложе, ему в отставку рано. Он продолжал служить в Кронштадте, там же оставалась семья с Катей Миленко. Осенью ее и подростка Володю ждала гимназия. Главная забота. Прочее — суета, политика... Но осенью политика достала всех, заставив *выбирать пути по бездорожью*.

УСОВЫ

Жизнь во Вреве не походила на прежнюю, дачную. Крестьяне смотрели косо, их главная проблема не решалась, земля принадлежала прежним господам: Усовым, Зеленым, Арбузовым, Калитиным... В четырех километрах от Врева было имение баронессы Клары Эрнестовны фон Прессинг, бывшей жены генерала Куропаткина, — Рокачово. Клара Эрнестовна, женщина боевая, верхом и с карабином у седла объезжала свои земли и громогласно обещала пристрелить всякого, кто покусится... Пока не покушались, но разговоры были разные. Где жить? Павел Алексеевич жил то в деревне, то в Петрограде (служба), у сестры Любы (ее первый муж Решетняк, второй — Правдзик). Свою квартиру в городе не сняли — видимо, дорого. Всего доходов пенсия, но керенки дешевели на глазах... Ирина Александровна решила было зимовать во Вреве.

Дом был неутепленный, рассчитанный на лето — *карикатуру южных зим...* В июле можно во Псковской губернии купаться, но в августе *Илья-пророк в воду льдинку бро-*

сил, и ночи потемнели, похолодало. Стали, как могли, утеплять дом: конопатить стены мхом, засыпать песком чердак, вставлять вторые рамы. Кроме дома неподалеку была построена изба, где жить зимой было теплее. Но пока господа жили в Кронштадте, а дом считался просто дачей, в эту избу вселился безземельный крестьянин Захар с сыновьями. Неподалеку жил еще и арендатор, к которому из армии вернулись сыновья...

Тем временем случился переворот. Осенними ночами помещикам чудился *бессмысленный и беспощадный*, благо вожди-большевики открыто призывали *грабить награбленное*... Клара Эрнестовна предупредила, что, по ее вернейшим сведениям, в ближайшее время мужики начнут жечь дома и убивать помещиков. А сын Александр (ему тогда было 13 лет) позже вспоминал, что опасались скорее не крестьян, а взятия заложников — естественно, дворян. Большевики знали повадки своих недавних союзников-эсеров — те, кстати, грохнули Урицкого... Короче, от греха подальше решили уезжать. Вопрос: куда?

Сам Павел Алексеевич ютился в городской квартире у сестры; ехать туда с детьми невыносимо, голод в Петрограде разрастался, жить просто не на что. На счастье, Зеленые были дружны, друг друга охотно выручали, хотя и спорили сестры до крика по любому поводу... В Торопце жила в собственном доме Екатерина Александровна, в замужестве Арбузова, к тому времени овдовевшая. Из воспоминаний Оли Усовой (Ольги Павловны Орловой):

...оставаться на зиму в неподготовленном летнем доме и без средств к существованию казалось невозможным. Папа не мог нас обеспечивать из Петрограда, там намечалась разруха. А ехать было некуда. В Кронштадт уже не пускали, он стал закрытым городом. И мама приняла решение ехать в Торопец, к сестре — тете Кате Арбузовой.

Тетя Катя... обладала своевольным, непредсказуемым характером. Бескорыстно помогая многим людям, она могла, всплыв, прогнать из своего дома даже близкого человека... После революции ее несколько раз арестовывали то как бывшую помещицу, то как вдову генерала, то как активно верующую, возмущенную гонениями на церковь, то в поисках золотых запасов. Однажды пришли ее арестовывать, когда она, подоткнув подол, босиком мыла полы, и не хотели верить, что это и есть генеральша. Решили, что прислуга ее скрывает.

Вообще-то с мамой они жили в дружбе, но мама знала ее характер, а обстоятельства жизни в тот момент совершенно не представляла. Поэтому, как всегда откровенно, предупредила нас, детей, чтобы мы были готовы к любым неожиданностям и не сердились на возможные вспышки тетиного гнева... Из-за разрушенного моста через какую-то реку пришлось ехать в обход, и мы в темноте заблудились. Пришлось заночевать в чистом поле, потом обходить окрестности в поисках деревни... Было холодно, дождливо и страшновато.

Можно представить состояние Ирины Александровны (бабушки Иры): на темной осенней дороге с пятью детьми, без всяких средств к существованию, муж в Петрограде... О его участии во всех этих передерягах не вспоминают ни Ольга, ни Александр (записки оставили только они)... Но оба хорошо запомнили приезд в Торопец и зиму там. Только и папа, и тетя Оля так и не поняли, на что они все жили. Пока не возвратились во Врево...

Въехали мы в Торопец почти ночью, усталые и промерзшие, не зная, что нас ожидает... но тетя Катя сразу окружила нас такой лаской и заботой, какую трудно было ожидать. Когда в темноте при свете фонаря стали вносить вещи в подвальную

комнату, мама радостно воскликнула: «Как здесь хорошо! Сухо, тепло. Вот здесь мы и устроимся». Но тетя Катя не допустила этого. И уже первую ночь мы, отогреты горячим чаем, спали в комнате с настоящим потолком, правда, еще вповалку.

Тетя Катя отдала нам две комнаты. В остальных кто-то жил. Сама она помещалась в маленькой каморке. Мы — трое младших, Саша, Катя и я, — спали поперек на двух составленных кроватях. Старший, Коля, несмотря на разруху, уехал к папе в Петроград (они жили у тети Любы). Ему надо было закончить последний класс гимназии. Остальные стали учиться в Торопце, все, кроме меня. Мне еще только исполнилось семь лет. Как жили, на что, не знаю. Не очень голодали, но и совсем сыты не бывали. У меня имелись салазки, я играла во дворе, каталась с крыши сарайчика, вросшего в сугробы...

Тетя Катя была очень богомольная, наша мама тоже. Вечером в субботу и утром в воскресенье все ходили в церковь... Мама обучала меня закону Божьему, готовила к первой исповеди.

Вот так: в стране новая власть, гражданская война, разруха, никаких средств к существованию, впереди какой-то черный туман... Какое бегство за кордон! Только бы выжить... На что надеяться? Тетя Катя жарко спорила с сестрой: во Пскове немцы разбили красных, немцы наведут порядок! Ирина, русская патриотка славянофильского толка, возмущалась — немцев не любила. Но что такое большевики? «Появился Ленин, рабочие идут за ним»... А нам, дворянам, дай бог уцелеть.

На Бога и надеялись — все три сестры: Екатерина, Ирина и Евдокия, «тетя Душа». Та просто временами спала в гробу. И в конце зимы не только сама ушла в монастырь, но и Усовых увлекла — пока не пришло время и возможность вернуться во Врево. Надежда на Бога всех их поддерживала. Что происходит в стране («какие-то генералы...») — никто не понимал, и вряд ли следили за продвижением фронтов. Если бы победил Деникин, наверно, радовались. А так — власть есть власть, и все едино непонятно, чего от нее ждать. А веру в Бога бабушка Ира сохранила до старости, меня благословила образком Богородицы с Младенцем. Про сына Александра говорила: с войны вернется (уже Отечественной), уверует. Ошиблась бабушка Ира: ни Соловки, ни фронт не повлияли на какой-то техногенный, рассудочный атеизм Александра Павловича.

Из его очень скупых воспоминаний:

Тетя Катя была фанатичной приверженицей православной церкви, хотя вся ее жизнь шла в полной противоположности с духом христианства. Ее религией были праздники, посты, обряды, строительство церкви, вера в чудеса... У нее были постоянные общения с духовенством, в том числе с игуменьей строящегося монастыря матерью Зинаидой.

Мать Зинаида была из купеческой семьи и незадолго до революции стала строить женский монастырь вблизи Торопца, около 12 км. К началу революции там было уже несколько построек, строилась церковь. Кажется, тетя Катя дала на строительство церкви значительную сумму золотыми рублями. На какие средства жили мы, мне не ясно. В Торопце мы, как все, получали какие-то пайки, но этого было мало. Однако питались мы достаточно, хотя и простой пищей.

Когда пришла весна и кончились занятия в школах, встал вопрос, куда ехать дальше. И было решено сначала ехать в монастырь к матушке Зинаиде. Там нам предоставили комнату или две, и мы поехали, вернее, пошли: у нас была одна подвода для вещей, мы шли пешком да еще помогали лошади в трудных местах. Коля тоже вернулся из Кронштадта к нам. С нами была тетя Душа, которая впоследствии вошла в состав монахинь Сионской горы. Там мы прожили два месяца. В это время

мама съездила во Врево и выяснила, что мы можем вернуться в свой дом. И в начале лета мы приехали туда.

Мы разместились в своем доме. Вблизи находилась пятистенка, куда вселили бедняка Захара с семьей... Таким образом, во Врево оказалось три семьи: мы, арендатора Гаврилы и Захара. Со временем сыновья отделились от родителей и число семей увеличилось. Вся земля (национализированная или поначалу — *муниципализированная*. — В. У.) делилась между нами «по едокам», по принципу «чересполосицы», с ежегодными переделами. (При этом маму, замечает тетя Оля, огорчали эти скандальные переделы до слез!) Мы смогли уже в том году сжать для себя часть ржи и выкопать часть картофеля, посаженного весной Гаврилой и Захаром. А дальше мы должны были сами вести хозяйство. Мы могли это делать только благодаря нашей няне, которая жила у нас много лет и, как крестьянка, знала и умела выполнять все сельхозработы. Мы взяли у Любомировых (промышленника, боявшегося реквизиции. — В. У.) двух коров и постепенно вырастили для себя из телят своих коров...

Подробности — в воспоминаниях младшей дочери Ольги (Ольги Павловны Усовой-Орловой), которой было в тот год семь лет:

Любомиров предложил маме взаимобразно корову с условием, что полученные от нее телята будут делиться пополам... Делалось это тайно, даже коров привели к нам ночью... Их назвали Желанная и Нежданная. Они кормили нас несколько лет. Когда от них выросло потомство, коров отдали обратно хозяину (которого, конечно, вскоре раскулачили и, кажется, сослали куда Макар телят не гонял. — В. У.).

Все время у нас было то две, то три коровы, нетели или маленькие телята. Держали мы нескольких кур и пару овец с ягнятами... Трудней всего дело обстояло с пахотой. Даже в годы, когда мы были с лошадьёю, пахать приходилось кого-нибудь нанимать. Пахать сохой не могла даже няня... Мужчиной в доме оказался один Саша, с 13 лет выполнял взрослую работу. Он пытался и пахать. Но привело это к сильному расстройству здоровья, у него пошли чирьи по всему телу. Мама искала людей, но платить надо было хлебом, которого самим не хватало.

Папа вспоминал, как он пахал сохой, потому что сеяли на *лядинах* — на предварительно сожженном редколесье с обилием корней. Соху над ними можно приподнять, а с плугом это не получалось.

В 1919 году дети — Александр, Катя и Надя — уехали в Холм, сняли там комнату и стали учиться в бывшем реальном училище, а Оля поступила в школу, образованную при доме во Врево... «И все же 18-й год был для меня счастливым — я стала школьницей...» — это ключевая фраза: Усовы постепенно вписывались в новую жизнь, как бы тяжела она ни была. Ирина Александровна преподавала в школе, которой отвели собственные ее полдома во Врево, дети учились. Так выживали до 1924 года, когда всех выгнали куда глаза глядят... Так или иначе, путь Павла Алексеевича Усова завершился в Петрограде — в бессрочной отставке, избавившей его и от выбора дальнейшего пути, и от службы большевикам.

Поселился он в квартире сестры Любы, в замужестве Решетняк. К тому времени у нее уже рос сын Павел, а муж умер. Еще до замужества у нее был роман с Казимиром Ивановичем Правдзиком, но родители воспротивились браку по каким-то словесным причинам, и брак состоялся после смерти первого мужа. Наверно, квартира была достаточно просторной, если после изгнания Усовых из Врева все они поселились в ней. Заодно оберегали от *уплотнений*, вряд ли надолго.

Думаю, Павел Алексеевич воспринял смену власти с тем же сознанием неизбежности, как изменение погоды или климата: *зависит не от нас, но надо жить...* В 60 лет

жизнь не меняют (по тем временам — начало старости), за кордон и на юг не бегут. Не то что силы иссякли, хотя здоровье и пошаливало: морская служба на Балтике, климат... Когда через 20 (!) лет он приехал в город Дзержинск (с. Растяпино) на Оке по-видать новорожденного внука (меня), сил хватало ходить в дальнюю, а не ближнюю парикмахерскую — *зато там такие красивые девочки!* И словно в награду за смирение, власть была благосклонна к нему: сына и дочь не расстреляли, а сослали на Соловки в *вегетарианские времена* (1920–е), и потом не преследовали за происхождение, и после убийства Кирова семью не выслали в Астрахань, как племянницу Катю Миленко, и до новой войны, до блокады, он умер в своей постели.

В Петрограде он, впрочем, выдержал недолго: пенсия Временного правительства после переворота обнулилась (новую выхлопотал в 1925-м), паек... рабочим — $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день, служащим — $\frac{1}{4}$, нетрудовым элементам — $\frac{1}{16}$. Это ему, Павлу Алексеевичу, отставному полковнику, на пенсии — вице-адмиралу. Не рабочий и не служащий. Сестра и муж ее где-то, наверно, служили... Зиновьев, хозяин Петрограда, писал: «Положение рабочих в Петрограде катастрофическое, смертность от голода в больницах 30 %». А на железных дорогах и в пригородах — заградотряды, в деревню, где еда еще есть, не вырвешься. С 1918-го по 1921 год Петроград жил, вымирал в настоящей блокаде, созданной большевиками.

Нет, вырваться было можно, но без возврата, мешочников расстреливали на месте. И Павел Алексеевич вырвался — осенью появился во Вреве.

В холодном доме жена и дети. Выживают. Как — описано выше, но вот странность: в подробных воспоминаниях дочери Ольги и в беглых записках сына Александра не сказано об отце ни слова. Проскользнула одна фраза у тети Оли (лето 1918-го): «Мать Зинаида предложила нам жить у них в монастыре (после зимы в Торопце) и предоставила нам отдельный домик. Туда же по окончании занятий в гимназии приехал из Петрограда Коля, и папа приезжал, вероятно, в отпуск». Павел Алексеевич, видимо, по инерции работал в Картографической комиссии, еще не ликвидированной, но это вскоре кончилось... Долго ли он оставался в Петрограде, неизвестно, но в конечном счете он оттуда выехал. Не позже 1919 года, когда семья окончательно осела во Вреве. То есть по меньшей мере до 1924, до окончательного выселения, он там жил. Чем занимался, как поддерживал скудную жизнь семьи? Жена Ирина продукты добывала в соседних деревнях путем обмена, даже корову умудрилась приобрести путем сложной сделки. Сын Александр пахал («...старший брат Коля, родившийся недоношенным, рос с детства очень слабеньким и совершенно не способным к физическому труду»). Мужчиной в доме оказался один Саша... Домашней хозяйкой стала Надя, мама, оставаясь *хозяйном*, сохранила для себя две обязанности: месить хлеб и стирать большую стирку...» Сыновья утепляли дом, таская из леса мох, мать еще добывала еду, выменивая последние ценности... Чем занимался наверняка уже безработный Павел Алексеевич? Неизвестно.

Так или иначе, выбора у Павла Алексеевича не было. Он оставался у отца и сына Зеленых.

ПУТЬ СЫНА

Дети острее воспринимают и перемены, и принадлежность к определенному словию, и свою избранность — неважно, по какому основанию и признаку. И в Петрограде, и в Москве против большевиков выступили одни кадеты. К этому поколению, но уже с опытом войны принадлежал штабс-капитан Александр Зеленой.

Он служил в артиллерии... В каждой судьбе случаются такие развилки, *точки бифуркации*, когда от выбора зависит вся будущая жизнь. Ну, почти... Таких развилок у Александра было две. Первая — поступление в Кадетский корпус, выбор военной карьеры — по стопам отца. Мог выбрать университет, стать адвокатом или историком, биологом или инженером — в эпоху бурной индустриализации России технари были в почете, неплохо зарабатывали, уж побольше офицеров... Семейная традиция победила? В начале нового века личные предпочтения легко одолевали семейные, сословные традиции, тем более что у Александра была явная склонность к точным наукам, к технике — он был, в отличие от деда, отнюдь не гуманитарием. И вряд ли, опять-таки в отличие от деда, его притягивали либеральные идеи; скорее, как отцу (и теткам), свойственны были известный консерватизм, желание порядка, как в хорошо смазанном механизме. В то время как механизм самодержавия уже скрипел, тревожно постукивал цилиндрами-подшипниками, но звуки эти Зеленые не особенно улавливали, не воспринимали. А что до склонностей, то не зря, окончив корпус, пошел в Артиллерийское училище, верно угадав, кто станет *богом войны*. До авиации и танков.

Вглядываюсь в его портрет, фотографию выпускника училища. Естественно, военная выправка, портупея с туго подтянутым ремнем (слишком туго, гимнастерка заметно морщит), в руке перчатки, из-под манжеты выглядывают часы... прическа — на косой пробор, прямые волосы. Немного сходства с мягким, улыбчивым отцом, и во все не его глаза: слегка прикрыты тяжеловатыми веками и узковатые, что позже придало им псевдомонгольские черты, восточный холодок.

Еще — уверенность в себе, в правильности жизненного выбора. К пятидесяти годам они заметно потускнели за годы поражений... Но на войну с Германией прапорщик Зеленой шел с тем же победоносным воодушевлением, какое ненадолго охватило русское образованное общество и даже большинство необразованного. Думаю, молодые офицеры-артиллеристы чувствовали примерно то же, что и командир 6-й батареи 76-миллиметровых пушек Б. В. Виверт. Из его воспоминаний:

Люди и лошади... В данный момент нет ни людей, ни лошадей: есть личный и конский составы. И я сам тоже не человек: я командир батареи. Я должен отбросить все человеческие чувства, волнующие мой мозг и мою душу. Забыть все, чем я жил, к чему стремился, что меня огорчало и что меня радовало. Надвинулся «Великий вопрос», в котором я — лишь незначительная частица громадного, сложного механизма и, как таковая, жизнь моя должна быть тоже только механической, направленной исключительно к выполнению одной главной цели. И я стараюсь быть тем, чем я должен быть, напрягаю к этому всю свою волю, и тем не менее мне плохо это удается: жизнь реальная, человеческая, прошлая и настоящая, вырывается наружу и разрушает мою работу над собой. Я не могу никак видеть в людях своей батареи лишь фейерверкеров, орудийных номеров и ездовых: сквозь эти официальные звания в каждом из них сквозит человек со всеми своими человеческими чувствами и стремлениями. Свыше двухсот человеческих жизней вручаются мне, в мое личное распоряжение...

Где и как воевал Александр Зеленой, можно только догадываться: фронтов хватало, но в окружение с армией Самсонова он не попал, скорее всего, воевал в Галиции против австрийцев — судя по тому, что не только уцелел, но не был ранен... Галицийский фронт был не самым опасным. Впрочем, ордена: Анна с мечами 2-й и 3-й степеней, Анна 4-й степени, Станислав с мечами, Владимир 4-й степени — говорят сами за себя. Все они выдавались за *боевые заслуги на поле боя*, на кортике гравировалась надпись: *за храбрость*. Наверняка вначале, в чине подпоручика, участвовал в *сопровождении*

пехоты с легкими штурмовыми орудиями, войну закончил командиром артдивизиона. Историки и теоретики войны считают, что в артиллерии потери были заметно меньше, чем в пехоте — это понятно. На фотографии тех лет показаны позиции артиллеристов. Явно не у передовых окопов. Укрытие неважное, в землю не слишком зарывались, грозили им больше дальнобойная артиллерия и, разумеется, внезапная атака или окружение. Бог и молитвы матери и теток спасали Александра... В 1917 ему присвоили чин штабс-капитана. Военная карьера удавалась, если бы... Именно в артиллерии сказались все просчеты, все головотяпство правительства и родичей царя, поставленных на ключевые позиции на фронте и в тылу (не одни они, конечно, сама система одряхла, война с Японией должна была бы остеречь... но очень хотелось сплотить народ вокруг мечтания о проливах). Вот что писали аналитики о родной для Зеленых — отца и сына — артиллерийской сфере:

Потребовались орудия самых разнообразных типов и калибров — и в очень большом количестве. Нужны были и скорострельные пушки, и полевые орудия навесного огня — гаубицы, и дальнобойные пушки, и тяжелые гаубицы осадного типа. Понадобились также и специальные орудия ближнего боя — для траншейной войны, и зенитные орудия — для борьбы с воздушным врагом, а также легкие штурмовые орудия — для непосредственного сопровождения пехоты в бою. Особенно остро ощущалась потребность в тяжелой артиллерии, снаряды которой могли бы разрушать искусственные препятствия и прочные земляные и железобетонные укрытия.

Русские артиллеристы не располагали тем обилием и разнообразием технических средств, какие имелись у их главного противника — германцев. К началу войны русская армия имела всего 7088 орудий, а германская армия — 9388 орудий; к этому числу надо добавить еще 4088 орудий австро-венгерской армии. Орудий тяжелого типа у немцев к началу войны было около 1400, а Россия, так же как и Франция, тяжелой артиллерии фактически не имела. Те 240 тяжелых пушек и гаубиц, которыми располагала русская артиллерия, не могли, конечно, сыграть сколько-нибудь серьезной роли. Совсем не было в распоряжении русских артиллеристов тяжелых орудий осадного типа.

Орудия русской артиллерии по своим боевым качествам нисколько не уступали однотипным орудиям Германии и Австрии, но почти во всех сражениях австро-германская артиллерия численно превосходила русскую. Каждый германский корпус имел 160 орудий, в том числе 35 гаубиц. А в русском корпусе насчитывалось всего 108 орудий, и в том числе 12 гаубиц. Тяжелой артиллерией русские корпуса не располагали вовсе, а в каждом германском корпусе было четыре тяжелых батареи.

Во время неудачного наступления немцев в конце 1914 года на левобережную Польшу они имели во всех боях количественное превосходство в артиллерии. В бою у Влацлавска у русских было 106 орудий, а у немцев — 324; в бою у Кутно у русских 131 орудие, а у немцев — до 400 и т. д. И так почти во всех сражениях на русском фронте. Это огромное несоответствие в насыщенности боевой техникой приходилось восполнять русским артиллеристам искусством своей стрельбы.

Для всех воюющих государств оказался неожиданным тот грандиозный размах, который приняла мировая империалистическая война. Она потребовала применения колоссального количества самых разнообразных технических средств. Расход огневых припасов превзошел в огромной степени все довоенные расчеты и показал ничтожность мобилизационных запасов мирного времени. Стало очевидным, что армии должны быть насыщены боевой техникой в несравненно больших масштабах, чем намечалось накануне войны. При этих условиях работа тыла, промышленности, состояние всей экономики страны, конечно, играли решающую роль. Все государства начали спешно перевооружать свои войска более современной, мощной и богатой техникой. Ясно, что экономически отсталая царская Россия не могла при-

мениться в достаточной степени к новым требованиям войны, не могла состязаться в этом отношении со своими противниками.

Это прежде всего сказалось на производстве снарядов, и недостаток их одно время принял катастрофический характер. Устанавливая размеры запасов артиллерийских снарядов, военное министерство исходило из следующих соображений. За всю войну с Японией русские израсходовали в среднем по 720 выстрелов на каждую 76-миллиметровую пушку. Новая война должна потребовать большего количества снарядов. И военное министерство «щедро» установило для будущей войны повышенную норму — по 1000 выстрелов на пушку в течение года. К тому же генеральный штаб, увлеченный идеями кратковременной войны, собирался воевать не более полугода. Поэтому военное министерство благодушно полагало, что артиллерия обеспечена снарядами на все время войны с большим запасом. Не нарушал этого благодушного настроения и тот факт, что комплект снарядов для легких гаубиц к началу войны был готов далеко не полностью, а для полевых тяжелых орудий имелась только половина положенных запасов. Верхи царской армии не тревожились, убежденные в том, что участь войны решится быстрыми ударами в полевых маневренных сражениях, где главную роль будут играть 76-миллиметровые пушки.

Действительность жестоко разбила все эти расчеты и предположения. Уже в конце первого месяца войны начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил военному министру, что артиллерия действует успешно, но что «положение в отношении снабжения пушечными патронами критическое». А в начале сентября 1914 года главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта срочно телеграфировал Николаю II, что вынужден приостановить боевые операции на всем фронте, пока не будут пополнены запасы 76-миллиметровых пушечных патронов.

К концу 1914 года запас 76-миллиметровых снарядов иссяк. А пополнить его не представлялось возможным, так как мобилизация русских заводов, изготовлявших снаряды, не была заблаговременно подготовлена и производительность они имели крайне низкую. «Сухомлинов выполнял задание немецкой разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок».

В начале 1915 года недостаток 76-миллиметровых снарядов чувствовался настолько остро, что расход их в день боя приходилось ограничивать 5–10 выстрелами на пушку. Под угрозой предания военному суду командиры батарей и артиллерийских дивизионов должны были неукоснительно выполнять это предписание. Разумеется, в таких условиях нельзя было и помышлять о наступлении. Царская армия терпела поражение за поражением. Немецкая артиллерия засыпала царские войска градом снарядов. У царской армии не хватало пушек, не хватало снарядов, не хватало даже винтовок...

К концу войны снаряды вроде бы пошли в войска, промышленники спохватились, но за три года поражений что-то надломилось в патриотическом настрое солдат и даже офицеров. Только солдаты (в том числе в немногих мемуарах) ругали ротных, а офицеры — штабных, командующих армиями и всех, вплоть до царицы и Распутина. Зависело от уровня образования и информации.

На счастье Александра, солдат-артиллеристов учили основательно и подбирали если не самых грамотных, то смекалистых: стрелять из новых пушек без начальных знаний математики нельзя. И в сырых, простреливаемых окопах они месяцами не гнили, не озлоблялись, так что с началом Февральской революции особо не распоясались, с немцами не братались, погоны с офицеров не срывали. Больше того, после Октябрьского переворота часть Александра организованно отправилась в Омск — «для расформирования». Приказ о расформировании отдала новая власть, к февралю 1918-го уже освоившаяся в захваченной стране. И в Омск (далековато, распустить людей по домам могли бы и поближе к развалившемуся фронту) артиллеристы со своими командира-

ми благополучно проехали через центральные губернии, Урал, Челябинск... Гражданская война только разгоралась на юге, а на железной дороге порядок поддерживали застрявшие в России чехи.

Кстати, о чехах: они успешно воевали с немцами-австрийцами на Западном фронте. Когда он развалился, главнокомандующий Масарик (будущий президент Чехословакии) сообразил, что, кроме большевиков, реальной силы не осталось, и объединился с частями зарождавшейся Красной армии, на некоторое время сдержав германское наступление. Но после заключения мира в Брест-Литовске, воспринятого как капитуляция, Масарик объявил, что главной целью чехов является не просто борьба с австрийцами, но и образование (он выразился — воссоздание) собственного государства. Для этой цели корпусу необходимо как можно скорее вернуться на родину (хотя для некоторых чехов родиной давно была Россия). Французский представитель Нуланс предложил оригинальный путь — Транссибирская магистраль: 50 тысяч перебросить до Владивостока — не проблема. Уж с кем он там договорился, с большевиками или Скоропадским, неизвестно, но чехи вскоре оказались на Урале. Троцкий, однако, по-прежнему считал их то ли союзниками, то ли частью Красной армии и продолжал писать для них приказы. Чехи поначалу их игнорировали, а временами ввязывались в бои местного значения то за, то против большевиков, не слишком разбираясь в шальной русской политике. Опьяненный *триумфальным шествием советской власти* по городам и весям, главнокомандующий Троцкий издал приказ об их разоружении, не зная русской сказки про медведя: «Ваня, я медведя поймал! — Так тащи сюда! — А он не пукает!» Приказ определил позицию Чехословацкого корпуса: *большевики — враги!*

К этому времени начались хищные реквизиции по деревням (что чехам, *угнетенным австро-венграми*, казалось диким), расстрелы, были введены новые способы управления в городах, населенных буржуями, под лозунгом «*Грабь награбленное*»... Что-то в их революции пошло не так, решили чехи.

Тем временем в Сибири, на Урале, в бассейне Камы исподволь разгоралась своя гражданская война. В начале нового 1918 года сибиряки сравнительно спокойно наблюдали *триумфальное шествие*: Советы рабочих и солдатских депутатов установились в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске, далее — по географии, точнее — вдоль Сибирской магистрали. Которую одновременно стали контролировать чехи-словаки, готовившие возвращение на родину. Чехов было 38 тысяч, этого хватало для бесперебойного движения составов и поддержания порядка на узловых станциях... В работу и безобразия Советов (те же реквизиции, национализация земли, изгнание фабрикантов, немногочисленные пока расстрелы и посадки) чехи не вмешивались. Наблюдали.

Первые искры возмущения против советской власти затлели в самом культурном городе Сибири — Томске. Два университета — Николаевский и Политехнический, Педагогический институт, Женские курсы, множество училищ и гимназий издавна создавали в городе особенную атмосферу культуры, науки и, по определению, критического отношения ко всякой власти. Ссылные, оседавшие после отсидки, поддерживали социальное напряжение. Февральскую встречу на ура все слои города, Советы — поначалу настороженно, а по мере поступления вестей из Петрограда — возмущенно. Когда успели подготовить альтернативный Общесибирский чрезвычайный областной съезд, трудно сказать, но уже в феврале он отказался признать Совет рабочих и солдатских депутатов. Во главе съезда стоял эсер Потанин. Так же стремительно была избрана Областная дума... Совет ее немедленно распустил, и съезд ушел в подполье.

27 января на конспиративном совещании было избрано Временное правительство во главе с эсером Дербером. Главной задачей признана вооруженная борьба с большевиками. Ее организацию поручили эсеру, подполковнику Краковецкому, и раньше, с проклятых царских времен, возглавлявшему Боевую организацию эсеров...

Кроме эсеров, в Сибири сформировались другие центры силы. В первую очередь — множество офицеров, уволенных из армии и (или) самолично покинувших свои части во избежание солдатских расправ за *золотой погон*. Они объединились в *беспартийную организацию* — Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский военные округа, имевшие конспиративные штабы в 37 пунктах, с Центральным штабом в Новониколаевске. Начальник штаба — Гришин-Алмазов.

И наконец — казаки: военный округ Сибирского казачьего войска располагался в Омске. Совет, естественно, и его загнал в подполье. Были и забайкальские казаки с атаманом Семеновым... Короче, судя по всему, советской власти в Сибири грозил провал.

Но в феврале и марте она еще держалась крепко. Омский совет действовал. В отличие от Томска, Омск был *городом чиновников*, центром Западно-Сибирского губернаторства, Степного края и по традиции по-прежнему держал главные рычаги новой власти: именно здесь весной 1918 года проводилась масштабная демобилизация царской армии, под которую попал Александр Зеленой. Уволенные офицеры, кто не стремился записаться в качестве *спецов* в Красную армию (а ее части здесь так же спешно формировались), на руки получали какое-то пособие и пропуска-мандаты для возвращения к месту призыва или жительства. И деньги, и проездные документы штабс-капитан Зеленой исправно получил.

И поезда под чешским приглядом курсировали исправно... как и почта. Так что он знал, что делается в Петрограде. Да, было трудно, но семья отца, командующего артиллерией всего Кронштадта, не слишком бедствовала. Петр Александрович пошел на службу к большевикам, сына уж как-нибудь пристроил бы... Александр Зеленой остался в Омске.

У офицеров, оказавшихся в Сибири, за годы войны и революций выработался свой ответ на вопрос: *кто виноват и что делать?* И Александр, уже в силу сословного инстинкта и боевого опыта, не мог этого мнения не разделять. С марта по май он просто оставался в Омске, проедая последние деньги, живя на съемной квартире, заселенной (город был переполнен беженцами от большевиков из-за Урала) такими же отставными офицерами. О чем там говорилось, спорилось, на чьи головы сыпались угрозы, нетрудно вообразить. Эсерам тоже доставалось — и за Корнилова, которого главный эсер Керенский объявил вне закона, и за заигрывания с Советами (в июне 1917-го надо было их добивать, не ожидая октября). А теперь тот же Авксентьев, министр бессильного Временного правительства, прибежал в Уфу воевать с большевиками... Путем индивидуального террора? Эти *боевые организации*, способные только исподтишка бомбы кидать, уже поджали хвост: их *левые*, как проститутки, перебежали к социально близким большевикам. Нет, только боевые офицеры способны и должны возглавить эту священную войну.

Вряд ли Александр Зеленой долго колебался, вступая еще не в *колчаковскую армию* (как говорил на допросе), а в готовую боевую организацию — Западно-Сибирский военный округ во главе с генералом Эллертом-Усовым (забавное совпадение), в которой уже насчитывалось 3,5 тысячи штыков.

К этому времени подпольные организации эсеров и офицеров были везде — от Томска до Самары. Не хватало координации, единства и плана действий... Чехи действовали против большевиков открыто: перекрывали сообщение с Центральной

Россией, а от него во многом зависело снабжение продовольствием не столько населения, сколько разрастающейся Красной армии. Из Омска, например, распоряжением Совета в Центр в январе было отправлено 587 пудов хлеба, в феврале — 1867 пудов, в марте — 3309... На этом поставки прекратились: чехи определились с социальной ориентацией.

14 мая 1918 года в Челябинске прошло наконец совещание командования Чехословацкого корпуса и представителей *белых* организаций — по-видимому, преимущественно офицерских. Решение: захватить всю линию вдоль железной дороги от Сызрани до Дальнего Востока. На линию Сызрань—Самара были направлены 5000 бойцов, Уральская группа — 8000, Сибирская — 4000, Дальневосточная — 14 000.

К этому основному ядру 25 мая присоединились *все офицеры* в районе Омска во главе с полковником Ивановым-Риновым (порядка 2000), казаки с атаманом Анненковым и даже Сибирская кооперация социал-демократов. В тот же день Совет рабочих и солдатских депутатов объявил в Омске мобилизацию, передал власть Военно-революционному комитету. Таким образом, основные события разворачивались вокруг Омска, где оказался штаб-капитан Зеленой.

Если у чехов оставались колебания по отношению к Советам, то Омский совет рабочих и солдатских депутатов их окончательно развеял. Из Центра он получил приказ — не пропускать чешские эшелоны на восток. На что надеялся Троцкий? Перетащить их на сторону большевиков или разоружить... 25 мая эшелон с 6-м чехословацким полком подошел к ст. Коломзино и потребовал пропустить его на восток. Исполком Омского совета отказал и, выслав на станцию отряд красногвардейцев, потребовал для начала сдать оружие. Чехи *лицемерно* (выражение советского историка) солгали, будто оружия нет, а потом выбросили из паровоза машиниста, заменив своим, и отошли к Челябинску, на запад. Красные стали их преследовать, при этом на своем паровозе вывесили для понта белый флаг. Тоже мудрое решение... Командиры — комиссары товарищи Успенский, Катаев и компания — ехали на передней площадке *без мер предосторожности*, сокрушается историк. А чехи вдоль дороги вырыли окопчики, устроили засаду. Когда красные приблизились, они с изумлением увидели, что в эшелоне чехов играет музыка, поют песни и даже пляшут... Красноармейцы вылезли из эшелона, вероятно желая принять участие в банкете, и были встречены огнем. Успенский был смертельно ранен, убиты несколько комиссаров, красные вызвали подкрепление. С тремя орудиями и бронемашинной обошли чехов с флангов, те отступили еще на восемь верст. Дальнейшее преследование не удалось: в тылу у красных дружно поднялись казаки.

В Омске объявили *мобилизацию добровольцев* (вот случай Александру Зеленому проявить лояльность советской власти; почему-то не проявил). Всего защитников набралось 2500 человек. На митингах эсеры открыто призывали к сдаче города. А чехи и офицерский корпус (где был Александр?) 5 июня начали обстрел и штурм. В окрестных селах уже хозяйничали казаки, хотя Оперативный штаб Советов призвал *беспоощадно расправляться с мятежниками ради миллионов трудящихся*. Трудящиеся крестьяне не внимали, соображали: Советы реквизировали земли у богатых, по большей части — тех же мужиков, помещиков в Сибири, почитай, не было, земель, кроме крестьян, владели разбогатевшие промышленники; а хлеб большевики гребли активно и отправляли неведомо куда.

7 июня в Омск торжественно вошел сводный чехословацкий и офицерский корпус. Народ приветствовал спокойно. Восстановление равновесия. Привычных отношений в жизни, в экономике, да просто — в безопасности.

Так же стремительно менялась власть. Первоначально существовало несколько центров, в которых не так просто разобраться: иные возникали еще в подполье, другие обнаруживались после падения Советов, в Самаре например. Чехи не ограничивались одной Сибирью, одновременно с Омском они заняли Самару, где сразу возник Комитет членов Учредительного собрания, вовремя убежавших из Петрограда после его разгона, — КОМУЧ. Тогда же была создана Армия КОМУЧа из белых офицеров, уже объединенных в несколько организаций, и штатских-добровольцев, в том числе боевой организации эсеров. Совместно с чехами они освободили от красных Пензу, Сызрань, Томск, Курган... В Сибири действовали больше офицеры Сибирской армии, в Европе — Народная армия КОМУЧа, подразделения исчислялись несколькими тысячами человек, но если взглянуть на карту, станет понятно, насколько «крепка» была советская власть в Сибири...

В Германии большевики были эффективно задавлены, в Англии и Франции остались политическими маргиналами. Но в хронически обозленной, нищей крестьянской России большевики, очухавшись, собрали против этих тысяч миллион.

Но это позже... А пока подполковник Владимир Каппель стремительным ударом (без чехов — только 1-я Добровольческая дружина) захватил Симбирск, затем — Казань со всем золотым запасом, который припрятали здесь большевики (651 миллион золотых рублей и на 110 миллионов кредитных билетов).

В Сибири был свой Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства, вскоре преобразованный во Временное Сибирское правительство во главе с адвокатом П. Вологодским. Все было временным, слабо структурированным, и офицеры не слишком ладили с эсерами, возглавлявшими эти правительства. Однако лето 1918-го прожили с ощущением победы. Думаю, Александр Зеленой его разделял... какой Кронштадт! Бороться с узурпаторами надо здесь — пока не поздно...

15 июня в Омск переехало все объединенное *Временное правительство автономной Сибири*. Сформировалась и Сибирская армия: к 40 тысячам офицеров (тогда в нее и вступил Александр Зеленой, безработный офицер-артиллерист) присоединились мобилизованные *добровольцы*, и армия достигла 200 тысяч человек. Главнокомандующий — генерал Гришин-Алмазов, а Александр Зеленой, как следует из допроса, сохранив чин капитана, сразу был назначен *помощником начальника оперативного штаба стрелкового корпуса*. То есть он с самого начала не сомневался, чем ему заняться, и не оттого пошел в Сибирскую армию, что деньги кончились — байка для следователя-чекиста; он был среди ее организаторов.

Армия разделилась на два фронта. В результате наступления на восток были освобождены от большевиков Красноярск (18 июня), Иркутск (11 июля) и Чита (25 августа), где к армии присоединились забайкальские казаки атамана Семенова. На западном направлении успехи были скромнее, здесь больше занимались реформированием и армии, и правительства — в условиях оборонительных боев с большевиками. Те создали сильный Восточный фронт из пяти армий. Им противостояли Западный фронт под командованием генерала Я. Сырового и Юго-Западный (генерал А. И. Дутов).

Одновременно — 8 сентября — на совещании в Уфе создается новое правительство: *Всероссийское правительство — Директория*, к которому переходят все полномочия прежних временных образований. Столицей выбрали Омск, глава правительства — тот же эсер-министр Авксентьев. 4 ноября создан Совет министров Директории. Его постановлением генерал-лейтенант В. Г. Болдырев назначен *Верховным главнокомандующим всеми сухопутными силами Сибири*. Ему подчинился и Чехословацкий корпус — по крайней мере, часть сил, базировавшихся в Западной Сибири.

А на Западном фронте положение резко ухудшилось. 10 сентября большевики отбили Казань, 12 сентября — Симбирск, 4 октября — Самару. С этим был связан и переезд всего правительства сначала в Уфу, потом в Омск. Всю зиму и начало 1919 года красные продолжали наступать: взяли Уфу, Оренбург, Уральск. Стало понятно, что эсеры — Авксентьев и тот же Болдырев, хотя и генерал — способны так же развалить сопротивление большевикам, как получилось в Петрограде. По крайней мере, офицерам было ясно необходимость диктатуры в условиях войны... Эсеры — как показало не только прошлое, но и будущее — лелеяли мечту о некоей договоренности с большевиками, о создании очередного коалиционного правительства, да мало ли какие конструкции строились в их рассеянном сознании.

13 ноября в Омск прибыл Александр Васильевич Колчак. Что о нем знали? Воевал... а кто не воевал? В Февральскую на требование матросов сдать оружие выбросил кортик в море. К Временному правительству отнесся, вероятно, так же, как Корнилов. Керенский от греха подальше отправил его в Америку с бессмысленным заданием — закупать оружие. Без денег, просто чтобы с глаз долой: призрак бонапартизма пугал удачливого адвоката, дорвавшегося до власти... Октябрьский переворот застал его так далеко от дома, что он не сразу осознал, что происходит в России. Ему предложили перейти в ВМФ Англии, потом — на Месопотамский фронт. Видимо, он был тесно связан с англичанами, прислушивался к советам их представителя на Дальнем Востоке, его вернули с полдороги... Владивосток был оккупирован японцами, он полагал, что это так же временно, как миссии — французская, английская... Врагами считал японцев, с ними не связывался. А англичане ждали, чья возьмет в России, вяло подкидывая белым оружие и деньги — гомеопатическими дозами. Во Владивостоке квартировал один английский батальон. Когда Колчак решил возглавить борьбу против большевиков, именно этот батальон сопровождал его в Омск.

Надежда Колчака была на офицерство, закаленное войной. К эсерам и крестьянам он относился примерно так же, как большевики: стихия, непредсказуемость и неспособность к эффективной власти. Он был культурным человеком, ученым, одним из основателей науки о полярных льдах, но либеральная интеллигенция его раздражала. Без жесткой диктатуры, подобной большевистской, красных не одолеть. Вообще, противоречий в его характере хватало, он сильно изменился с тех пор, как в экспедиции барона Толля исследовал полярный лед и создавал первый в России фундаментальный труд «Льды Карского и Сибирского морей»... Может быть, стоило ему уйти в науку?

Л. А. Кроль писал: «По словам Востротина, адмирал Колчак был далеко не тот, что раньше. Он стал человеком слишком часто меняющим решения, колеблющимся. Очень нервным... Вчера я виделся с адмиралом и нашел, что было бы не вредно дать ему еще трехмесячный отпуск... Определенно указывал на то, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща».

Так думал и возглавлявший Директорию Авксентьев, и командир чехов Р. Гайда на совещании с главой кадетов Пепеляевым выдвигал пару альтернативных кандидатов: генералов Деникина и Алексеева, уже активно воевавших на Южном фронте. Видимо, связь между этими антибольшевистскими центрами была...

Сил было много, не было того единства организации с фронтами, штабом, тылом, какие быстро формировались у большевиков. Еще, конечно, не хватало понимания, насколько они опасны и сильны, в Сибири в настроениях преобладало добродушное сознание *нашей силы*, так что в самые решающие, тревожные дни в том же Омске пышно расцвела коррупция. Поразительно — дом горит, а эти тащат барахло и обесцененные ассигнации. Ничто не демонстрировало слабость Белого движения ярче этой

инерционной привычки: *воруй, Россия, всего не украдешь!* И тут же — *обострение классово-борьбы*: эсеры против офицеров, демонстративная тоска по батюшке-царю. Авксентьев и компания — за *углубление революции*, ни о какой единой идеологии речи нет, разве что — против большевиков... а за что?

Сначала надо победить... В начале 1919 года адмирал Колчак, активно поддержанный высшими офицерами, реорганизовал рыхлую структуру вооруженных сил бывшей Директории. Созданы три армии: Сибирская, Западная и Оренбургская. Начало положила Екатеринбургская группа чехов (50 тысяч человек) под командованием генерала Гайды, захватившая Пермь.

Тем временем 4-я армия красных (17 тысяч) разлагалась на глазах: восстали два полка, перебили комиссаров, вместе с забунтовавшими крестьянами захватили бронепоезд... Командированных из Москвы комиссаров перестреляли. Командующим срочно был назначен Фрунзе, отдельными кавалерийскими частями командовал Чапаев, в феврале захвативший одну казачью станицу. Но большую часть зимы большевики тоже занимались реорганизацией: в Самаре формировали новые полки, в 5-й армии Сталин и Троцкий наводили порядок — преимущественно расстрелами и зажигательными речами, Чапаев готовился к броску на Оренбург против армии Дутова. Фрунзе был отвлечен на Южный фронт, где генерал Деникин с шестьюдесятью тысячами добровольцев сдерживал 200-тысячную армию красных. И кстати, объявил, что признает за Колчаком главенство в Белом движении. Что, впрочем, не подкрепилось объединением вооруженных сил.

Хуже всех были интенданты. Генерал Дидерихс, inspectируя Сибирскую армию, возмущенно писал: у многих даже нижнего белья нет, гимнастерки на голое тело, фуражек к весне не выдали, а тыловики одеты с иголки и рапортуют: снабжение отличное...

Приказом Верховного правителя адмирала А. В. Колчака от 24 декабря 1918 года из войск Екатеринбургской группы Западного фронта была образована Сибирская армия, в которой воевал Александр Зеленой. Должность командующего занял перешедший на русскую службу чешский генерал Р. Гайда. Армия была укомплектована новобранцами 1898–1899 годов рождения, призванными в войска Временным Сибирским правительством осенью 1918 года. В ходе предстоящего наступления требовалось организовать бесперебойное пополнение Сибирской армии личным составом, в связи с чем на территории Тюменского военного округа с санкции адмирала Колчака был проведен ряд мобилизаций.

26 января 1919 года генерал Гайда подписал приказ о мобилизации в армию сроком на шесть месяцев призывников сроков службы 1914–1918 годов, проживавших на территории Пермского, Соликамского, Оханского, Кунгурского, Верхотурского, Красноуфимского и Екатеринбургского уездов. Призывники из Ирбитского, Шадринского и Камышловского уездов ставились на учет у уездных воинских начальников. Первым днем мобилизации объявлялось 1 февраля 1919 года.

Через два дня, 28 января, на всей территории Пермской губернии в армию были призваны на тот же срок мужчины в возрасте от 18 до 25 лет с образованием не менее четырех классов средних учебных заведений. Всем призываемым предлагалось выехать в указанные пункты не позднее 4 февраля 1919 года. Согласно приказам, призываемые должны были иметь при себе валенки, полушубки и по две-три смены белья...

К январю 1919 года Сибирская армия, не считая воткинцев, еще не готовых к бою, имела 33 640 штыков, 2465 сабель, 443 пулемета и 73 орудия. Им противостояли войска 2-й и 3-й армий советского Восточного фронта, силы которых оценивались белыми в 36 000 штыков, 2100 сабель, 800 пулеметов и 138 орудий.

Пользуясь превосходством в силе, в конце декабря 1918-го — начале января 1919 года 2-я Красная армия нанесла удар в направлении на Кунгур с целью охвата левого фланга Сибирской армии. Добившись незначительных успехов, 20 января 1919 года красные вынуждены были перейти к обороне. К этому времени командование Сибирской армией осуществило ранее задуманный контрманевр. Части генерала Вержбицкого были переброшены с северного участка фронта в район Юговского и Бисерского заводов и 22 января предприняли наступление против левого фланга 2-й Красной армии. В ходе проведения Кунгурской операции (22 января — 7 марта 1919 года) генерал Вержбицкий отбросил красных от Кунгура, захватил ряд укрепленных пунктов, включая г. Оса, около 3,5 тысяч пленных, девять орудий и много других трофеев.

В начале марта 1919 года началось общее наступление антибольшевистских вооруженных сил, находившихся под верховным главнокомандованием адмирала А. В. Колчака. Сибирская армия, приступившая к активным наступательным действиям 4 марта, получила задачу взять Глазов, Сарапул, Воткинский и Ижевский заводы и выйти на линию р. Лекма—Лоза—Силич—Ижевский завод—Сарапул—Кама до устья р. Белая, разбив 2-ю и 3-ю Красные армии.

Накануне перехода в наступление, к 1 марта 1919 года, боевой состав Сибирской армии насчитывал 39,3 тысяч штыков, 2,9 тысяч сабель, 86 орудий и 446 пулеметов. 2-я и 3-я Красные армии к этому времени имели 46 тысяч штыков, 4,6 тысяч сабель, 139 орудий и 966 пулеметов.

Главный удар I Средне-Сибирского корпуса генерала Пепеляева был направлен между Осой и Оханском, в стык 2-й и 3-й Красных армий. Части III Степного Сибирского корпуса генерала Вержбицкого атаковали южнее Осы через р. Тулву. Ударная группа корпуса Пепеляева, перейдя в вечерние сумерки по льду р. Камы, разделилась на три части: первая двинулась на Оханск, средняя — прямо на запад, на д. Сосновское, левая — на юг, на Осу. Этот главный удар сопровождался менее значительными ударами: к северу от Оханска, в районе Табарское, и к северу от железной дороги на Лузино.

Пока правый фланг корпуса медленно продвигался по направлению железной дороги, его ударная группа быстро заняла несколько деревень по правому берегу Камы. Корпус генерала Вержбицкого занял 8 марта Богомяковское и Осу, после чего совместно с Воткинской дивизией начал развивать наступление на Воткинск.

Судя по протоколу допроса в МГБ в 1946 году, Александр Зеленой был в Сибирской армии, *«при этом участвовал в боях, — скупно и неохотно признается он, — в 1919 году при наступлении белых от села Николо-Березовки на Каме до города Елабуга»*. Это направление главного удара Сибирской армии. 22 марта Гайда приказал сформировать Отдельный артиллерийский дивизион — Александр Зеленой, вероятнее всего, по специальности воевал или командовал в нем.

Дальше Елабуги эти части не пошли, к устью Камы продвинулись другие. Там одновременно высадила десант Отдельная Речная флотилия. Все эти победоносные сражения произошли в основном в апреле: 8-го белые взяли Воткинск, 13-го — Ижевск. Фронт красных разваливался, один из полков целиком сдался в плен, бойцы переходили на сторону Колчака... Но наступила распутица, весна сыграла на стороне большевиков, а генералы приостановкой наступления вольно или невольно ей подыграли.

Тем временем на фронт прибыли Троцкий, Сталин, за ними — Фрунзе и Чапаев. Во время наступления белых в возникшей у красных неразберихе Троцкий едва не угодил в плен... Но истерическое красноречие взбодрило бойцов, фронт понемногу восстанавливался, а главное — 20-тысячная армия Фрунзе нависла с юга, а Чапаев взял на себя уральских казаков.

24 мая части 2-й Красной армии переправились на левый берег Вятки и, преодолевая сопротивление IV Сводно-Сибирского корпуса, к 30 мая продвинулись на правом фланге на 100 километров, в центре на 30–50 километров, а на левом фланге — на 5–10 километров. В ходе этого наступления красные захватили Елабугу (26 мая). В течение 23–30 мая войска III Степного Сибирского корпуса белых нанесли встречный удар по противнику и потеснили его на запад на 40–50 километров, создав угрозу Глазову.

В середине мая в связи с отступлением частей Западной армии генерала М. В. Ханжина между ее правым флангом и левым флангом Сибирской армии возник разрыв приблизительно в 90 километров. Этот участок фронта вынужден был обеспечивать 32-й Прикамский полк 8-й Камской стрелковой дивизии, против которого действовали две дивизии красных. Дабы воспрепятствовать их прорыву на тыловые коммуникации Сибирской армии, генерал Гайда вынужден был использовать свой последний резерв — Сводный Сибирский ударный корпус. Из Екатеринбурга части корпуса были отправлены в Пермь, а затем на кораблях Камской военной флотилии переброшены к устью р. Белая (левый приток Камы). По свидетельству Гайды, в корпусе насчитывалось 5730 штыков. Кроме того, корпусу были приданы 2-й Казанский стрелковый полк, 1-й и 4-й батальоны Отдельной бригады морских стрелков и батальон 1-го Бессмертного ударного полка.

Переправившись через р. Белая, Сводный ударный корпус начал движение на юг. 28 мая наступавшие части корпуса неожиданно для командования оказались между 27-й и 35-й стрелковыми дивизиями 5-й Красной армии, которые и атаковали белых в оба фланга. После жестокого поражения в районе села Байсарова части корпуса бежали к Бирску, где были окончательно разгромлены.

Удивляться нечему: Сибирская армия Гайды была укомплектована в основном призывниками, не рвавшимися в бой... Приказ — расстреливать дезертиров, укрывателям каторга 10 лет — свидетельствовал скорее о растерянности и редко исполнялся. Не говоря о *десятилетней* каторге...

У Фрунзе был перевес в резервах и — мотивация. Мечта и страх. Сколько людей, особенно крестьян, купились на мечту о рае на Земле, просто — о собственной земле... Ничего этого не было у Колчака в его наспех мобилизованных войсках. Фронт покатился на восток уж как-то очень стремительно, Александр Зеленой упоминает скороговоркой: «Участвовал в боях при обратном отходе от реки Тобол, в боях между реками Ишим и Тобол...»

В армии началось массовое дезертирство, переход на сторону красных, борьба за уходящие вагоны (железную дорогу на восток держали только чехи)... Людей, готовых драться с большевиками до конца, было немного, у Колчака — ничтожно мало по сравнению с Деникиным. Одна лишь часть, около дивизии в 30 тысяч штыков под командованием генерала Каппеля, сохранила единство и боеспособность. К ним и примкнул командир артдивизиона, уже подполковник Александр Зеленой.

С именем генерала Каппеля, самого боевого командира армии Колчака, связано все последующее участие Александра Зеленого в Гражданской войне.

Участник войны, кавалер разных орденов, Каппель после большевистского переворота оказался в Самаре (зимой 1918 года), где в системе Приволжского военного округа стали формироваться части Красной армии. Каппелю предложили должность в штабе, он отказался особой телеграммой. Попробовали шантажировать семьей... тогда или чуть позже жена оформила развод ради детей, взяв девичью фамилию.

Не одного его пытались вербовать, соблазняя неплохим жалованьем и должностью при штабе. В Самаре оказалось много офицеров развалившейся армии, были соблаз-

ны — пойти на службу к новой власти, но исключительно для войны с немцами. Брестский мир разрушил наивные надежды, явившийся в Самару комиссар Подвойский поставил точку: воевать будете с внутренним врагом. Добровольческое движение на юге набирало силу. Все офицеры, попавшие в список самарского комиссара, скрылись.

Долго скрываться не пришлось. Самару захватили чехи, образовалось эсеровское Временное правительство, мало-помалу организовалась Народная армия КОМУЧа — две роты пехоты, эскадрон кавалерии. Все.

Собрался в новом составе Штаб Приволжского округа. Вопрос один — выбор командующего. Очевидец пишет: офицеры молчали, опустив глаза. У каждого был свой резон — отказаться. Поднялся Каппель: «Если нет желающих, разрешите мне вести части против большевиков!» Охотно разрешили.

В Самаре, как и позже, в Сибири, не было согласия между эсеровским правительством и офицерами. Здесь повторилась история Временного правительства, блокировавшего выступление генерала Корнилова, тем самым развязав руки большевикам... В КОМУЧе начались обычные псевдопарламентские разборки, партийные склоки (эсеры левые и правые, кадеты, октябристы, тут же и представители офицерства), словно большевики уже разбиты и осталось поделить портфели. Владимир Оскарович Каппель понимал, что для разгрома красных необходима военная диктатура, единоначалие, но внушать это новым хозяевам Самары было бесполезно. Он, кстати, оставался убежденным монархистом, но признавался близким людям, что этот вопрос даже боится обсуждать... Предстояла война с очень опасным противником.

Чехи взяли Самару практически без боя, главные силы красных сосредоточились на южном направлении, в Поволжье действовали небольшие соединения, вполне сопоставимые с новорожденной Народной армией КОМУЧа. Самое время было — ударить. Это был звездный час — точнее, звездный *месяц* Владимира Оскаровича Каппеля.

Народная армия пополнялась и добровольцами, и осторожной пока мобилизацией окрестных жителей. Крестьяне уже почувствовали железную хватку советской власти (в деревне стали появляться так называемые комбеды). Она делилась на работяг и тунеядцев (и просто неудачников, не приспособленных к тяжелому и непрерывному крестьянскому труду). Это добровольно-принудительно и пополняло войско Каппеля. Первое время именно он руководил военными операциями, пока эсеры в КОМУЧе не сформировали штаб и эфемерные структуры, желающие покомандовать... Каппеля, впрочем, пока не ограничивали, с легкой завистью и опасением (диктатура, 18 брюмера!) наблюдая за его успехами.

3 июня его ударный отряд взял Сызрань. 10 июня стремительным броском к Бугуруслану оттеснил красных к Симбирску, родине вождя всех трудящихся. Вождь забеспокоился, за голову Каппеля была объявлена награда — 50 тысяч рублей (каких? Не царских же?). Неважно — Каппель обиделся: дешево меня ценят! И 4 июля взял Уфу. К началу июля весь левый берег Волги принадлежал белым, путь к Симбирску был открыт. Он и был взят фланговым ударом 27 июля.

Для обеспечения обороны Симбирска Каппелю приказано (уже из штаба КОМУЧа, теперь там вошли во вкус) захватить устье Камы. С 1 августа началось наступление по берегу Волги, направление — Казань—Нижний Новгород—Москва... 7 августа Каппель взял Казань. Со всем золотым запасом, который большевики, захватив Казань, там припрятали.

Казань защищали вяло и неумело, активной всех — латышские стрелки (их было много в Красной армии, в охране Ленина). Захватив в плен защитников Казани, Каппель отпустил русских (пускай расскажут!), а латышей приказал расстрелять.

Теперь красные спохватились, что Каппель — это серьезно. Спешно была заново укомплектована 5-я армия, в Свяжск (со времен Ивана Грозного — опорный пункт для взятия Казани) явился Троцкий. Его и здесь сопровождал отряд латышских стрелков. С их помощью он навел порядок, ему подкидывали новых, большевики, в отличие от самарского правительства, наладили мобилизацию. В том числе бывших офицеров, кого охотой, кого шантажом. Статистика Гражданской войны: за 1918—1920 годы. в Красной армии воевали 48 409 бывших офицеров, 214 717 унтер-офицеров, имевших опыт Большой войны, еще 14 390 белых офицеров, попавших в плен и согласившихся воевать против своих. Свои-чужие... Троцкий гремел речами, умел зажечь, а за оставление позиций — командир расстрел и каждого десятого бойца... Командующим 5-й армией назначен Тухачевский. Ему давали повод проявить себя, благо теперь у красных было четырехкратное преимущество *в живой покуда силе*.

Каппель, мечтая развивать успех, был убежден, что даже удар малыми силами в сторону Москвы поднимет восстания в тылу большевиков. Но под Симбирском осложнилась ситуация, его срочно отозвали из Казани, он только успел переправить в тыл золотой запас. По замыслу командования, в котором теперь тон задавали эсеры (в их партии состоял даже генерал Болдырев, назначенный главнокомандующим), следовало наступательные действия притормозить, *закрепиться на достигнутых рубежах*, а уж потом... Тухачевский овладел Казанью.

В Сибири образовалось свое правительство — Директория в Омске; но КОМУЧу самарскому оно людьми не помогало, имея собственные мутные планы... И там, и там верховодили эсеры, с подозрением относившиеся к офицерам (взаимно), но до конца 1918 года единого антибольшевистского центра на востоке не было.

Александр Зеленой в это время был в Омске, записывался в Сибирскую армию. Каппель тем временем схлестнулся с Тухачевским: 14—16 августа белых отбросили, но без резервов снова отступили... 12 сентября красные заняли Симбирск.

Из воспоминаний участника боев:

Падением Казани началось наше постепенное общее отступление от Волги. Так, 13 сентября к вечеру большевики прорвали наш фронт между Свягой и Волгой, ворвавшись в Симбирск. Полковник Каппель с частями Симбирской группы и 1-м Чешским полком, который был после оставления Казани непосредственно перекинут на Симбирское направление, отходил за железнодорожный мост к станции Часовня, и фронт установился у станции Чардаклы.

По нижнему течению Волги большевики также начинают наступать на Самару. 12 сентября нами оставлен Вольск, а затем и Хвалынский. Затем к 17 сентября полковник Каппель делает попытку наступать. Ведением упорных боев нашим частям удалось к 23 сентября опять выйти к станции Часовня и к железнодорожному мосту, но вскоре наши части вынуждены были под натиском красных постепенно начать отход на Бугульму.

Наконец, 3 октября нами оставлена Сызрань, а 5-го — Самара. Таким образом, весь Волжский фронт отодвинулся на линию Бузулук — Бугуруслан и Бугульма.

Причина поражения — организация регулярной Красной армии с неограниченными ресурсами мобилизации и крепким, без партийных разногласий, голодным, но единым тылом. «В Сибирь, за хлебом!» — был, в частности, один из лозунгов, воодушевлявший армию Троцкого. Для меньшинства пряником была также идея революции, для большинства припасли кнут: «Такой жестокой дисциплины не было и в царской армии», — пишет свидетель. Расстрелы командиров отступившей части, расстрелы каждого десятого... и четырехкратное преимущество в живой силе.

В конечном счете фронт остановился восточнее Уфы, Перми и Оренбурга, а новое правительство — Директория — переселилось в Омск.

Дальнейшее, вплоть до переворота адмирала Колчака и нового полета к Волге, в котором участвовал Александр Зеленой, описано выше. А дальше...

Как все в России, белый фронт разваливался непредсказуемо и лавинообразно. Вдруг появилась масса дезертиров, вчерашние солдаты уходили к партизанам, и партизан стало вдруг неожиданно много... Простые люди чутко реагируют на слабость власти.

Александр Зеленой не рассказывает на допросе, как в ходе всеобщего отступления-бегства примкнул к каппелевцам. Видимо, понял, что они представляли одно из немногих формирований, спаянных непримиримой враждой к большевикам. В то время как в обессиленном, тоже ползущем на восток омском правительстве эсеры заговорили о возможном «компромиссе» — переговорах с красными, у каппелевцев (как и у Александра Зеленого) иллюзий не оставалось. Да их и не было, большевики — зло абсолютное, их можно только уничтожить... Не удержать фронт? Что ж, будем отступать, но боевое единство, непримиримость сохраним.

Сколько их было, непримиримых? Вспоминает один из них — наверняка встречавшийся и с Александром Зеленым:

В условиях плотного преследования упорные арьергардные бои успеха не принесли, попытки контратак быстро выдыхались. Войска начали быстрое отступление за Обь, 11 декабря оставив Барнаул, 13 декабря — Бийск, 14 декабря — Новониколаевск. Исходя из сложившейся ситуации, назначенный 11 декабря Командующим войсками Восточного фронта генерал В. О. Каппель начал отступление на Красноярск, рассчитывая восстановить фронт на реке Енисей и установить связь с Забайкальскими войсками атамана Г. М. Семенова. 16 декабря армия, обходным маневром избежав окружения у станции Тайга, двумя колоннами выступила в поход.

Первая двинулась по Старому Сибирскому тракту вдоль железной дороги, вторая — по проселочной дороге в 50 верстах южнее. 3 января, проделав путь свыше 400 верст, все три армии сосредоточились под Красноярском. На подступах к городу стало известно о предательстве начальника гарнизона генерала А. К. Зиневича и о переходе подчиненных ему частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на сторону партизанских отрядов противника. Вялые попытки штурма оказались безуспешными. 1-я армия распалась и практически прекратила существование, 2-я армия рассеялась на две трети — ее остатки влились в сохранявшую боеспособность 3-ю армию. Из-за угрозы полного окружения на совещании старших командиров каждой части было решено предоставить самостоятельный выбор действий. Как организованная сила, армия на время прекратила свое существование. Отдельные отряды (в том числе Егерский, Уральский, Волжский и Ижевский), образовав во главе с генералом В. О. Каппелем Сводную армейскую группу, сумели сбить неприятельские заслоны и обогнуть Красноярск с севера, имея конечной целью выход к Чите. Оторвавшись на время от преследования внезапным маневром по реке Енисей, главные силы группы затем спустились на реку Кан, начав движение в направлении Канска. 15 января 1920 г., после тяжелейшего 105-верстного перехода по таежному бездорожью, город был взят.

Войска, вновь вырвавшись на Сибирский тракт, устремились на юг и 22 января с ходу овладели Нижнеудинском...

В Красноярск потому не пошли, что был он плотно занят красными и партизанами — благодаря измене, по существу, сдаче города генералом Зданевичем. Пытаясь оправдаться, он пробовал связаться с Каппелем, взывая к прекращению бессмысленной войны, к переговорам с большевиками, в чем его, кстати, поддерживала часть эсе-

ров. Каппель ответил, что с изменниками не разговаривает... На что надеялся Зданевич, вступая в сделку с красными, чей лозунг как раз тогда был: солдаты — по домам, офицеры — по гробам?! Вскоре Зданевич и офицеры его штаба были расстреляны.

Движение по реке Кан стало роковым для генерала Каппеля. В долину выходили источники подземных вод, постоянно оживали наледи, по льду шла вода, и хотя под нею лед был крепок, но жители русской равнины опасались провалов. Местные надюмили:

Двигаться можно: вода поверхностная. Нужно только больше растягиваться. Движение возобновляется, но тревога за благополучный исход не оставляет. Что скажут еще пороги, которых, по описанию, чуть ли не три. Ночь переходит в день почти незаметно — мгlistый, морозный день. Мороз, к какому мы не привыкли, пронизывает сквозь тучу всяких одеяний. Сколько носов уже обмороженных! Целый день движемся то по сухому льду, то с водой сверху, с остановками. На остановках кормят лошадей, разводят костры, размораживают краюхи хлеба, чтобы подкрепиться. Снова ночь. Что впереди, неизвестно. Проводники обещают, что скоро какой-то хутор, но его не видно. Подсчитываем, что в движении с остановками — больше суток, прошли не менее 50 верст: значит, еще далеко...

На каждой остановке трагедия. Сани во время движения по мокрым местам захватывают, загребают снег и обмерзают, становятся тяжелыми. Надо обрубить лед. Если же пришлось остановиться на мокром месте, то сани просто примерзают так, что лошади не могут их взять.

Уже много окончательно выбившихся из сил лошадей. Еле стоят они или ложатся, чтобы больше не вставать. В воздухе крики, брань, разговоры...

Генерал Каппель, жалея своего коня, шел пешком. Обутый в бурочные сапоги, он, случайно утонув в снегу, зачерпнул воды в сапоги, никому об этом не сказав. При длительных остановках мороз делал свое дело. Он и теперь почти не садился в седло, чтобы как-то согреться на ходу. Но тренированный организм спортсмена на вторые сутки стал сдавать. Все же он сел в седло, через некоторое время у него начался сильнейший озноб, и он стал временами терять сознание. Пришлось уложить его в сани. Он требовал везти его вперед. Сани, попадая в мокрую кашу из снега и воды, при остановке моментально вмерзали, и не было никаких сил стронуть их с места. Генерала Каппеля, бывшего без сознания, посадили на коня, и один доброволец (фамилии его не помню), огромный и сильный детина на богатырском коне, почти на своих руках, то есть поддерживая генерала, не приходившего в себя, на третьи сутки довез его до первого жилья, таежной деревни Барги — первого человеческого жилья, находившегося в 90 верстах, которые мы прошли в два с половиной дня.

Бесчувственного генерала Каппеля внесли в дом, раздели, положили в кровать. Ноги его, от колен и ниже, затвердели, как камень. Случайно оказавшийся с нами доктор был без аптеки и инструментов. Осмотрев растираемые снегом ноги больного генерала, он нашел, что у него обморожены пятки и некоторые пальцы на ногах и их нужно срочно ампутировать. И, не найдя ничего нужного в заброшенной деревне, ампутацию доктор произвел простым ножом.

Очнувшись ненадолго, генерал Каппель тихо спросил: «Доктор, почему такая адская боль?»

Скоро после операции Каппелю стало легче. Слегка приподнявшись на кровати, он приступил к организации порядка движения, отдавая необходимые распоряжения.

В деревне Барге у богатого мехопромышленника нашли удобные сани, в которые предполагалось уложить больного генерала для дальнейшего движения. Когда утром доложили ему об этом, он сказал: «Это напрасно, дайте мне коня!» На руках мы вынесли его из избы и посадили в седло. И все двигавшиеся по улице были приятно удивлены, увидев своего начальника на коне, как обычно.

Вставать на ноги и ходить Каппель не мог, так что, приходя на ночлег, мы осторожно снимали его с седла, вносили в избу, клали на кровать, а доктор делал ему очередную перевязку. Так продолжалось несколько дней...

24 января генерал Каппель умер. Командующим стал его заместитель генерал Войцеховский.

Новый Главнокомандующий организовал дальнейшее движение армий тремя колоннами: 1) генерал Сахаров (остатки 3-й армии и Степной корпус) должен был двигаться проселочными дорогами в 20–25 верстах южнее большого тракта; 2) генерал Вержбицкий (южная и Тобольская группы и остатки 1-й армии) — следовать по большому тракту, имея задачей атаковать и уничтожить красный заслон у станции Зима; 3) генерал Бангерский (Уфимская группа) — следовать за колонной генерала Вержбицкого примерно в одном переходе.

На первом переходе от Нижнеудинска я пережил тяжелый моральный удар: с большого привала повернула назад и ушла в Нижнеудинск конно-разведческая команда 30-го Аксинского полка во главе с прапорщиком Н. Сформированная исключительно из добровольцев, команда имела блестящее боевое прошлое, включавшее ряд конных атак на пехоту силою до полка. Трудно было представить себе часть, более стойкую в боевом и моральном отношении, и ее неожиданная сдача никогда не была удовлетворительно объяснена. Впоследствии один из стрелков Аксинского полка, случайно застрявший в Нижнеудинске, догнав свою часть, рассказал, что несчастных обезоруженных разведчиков водили раздетыми до белья по улицам города для общего посмеяния и издевательств...

С выходом к железной дороге штабы генерала Каппеля и Войцеховского получили возможность несколько ориентироваться в общей обстановке путем сведений, собранных у чехов и железнодорожников. Полная темнота, в которой до сего времени шло движение армии, несколько рассеялась, но открывшаяся картина была мало утешительной. Окончательно выяснилась не только полная потеря всего тыла, но и явная его враждебность к армии. Предательский арест Верховного правителя (Колчака, сданного чехами) и образование Политического центра (большевики с примесью эсеров) в Иркутске не оставляли сомнений в том, что ждет армию на ее дальнейшем пути. Положение в самой стране, вне Иркутска, было еще хуже, так как здесь повсюду царили партизаны, склонные признать только настоящую красную власть, без всяких розовых оттенков. Следовало ожидать со дня на день официального водворения советской власти на всем пространстве до Байкала. Вместе с тем отпадала всякая надежда на какое-либо содействие со стороны так называемых союзников и их единственной реальной силы — Чешского корпуса.

Впереди был Иркутск, занятый красными и партизанами. Настроение сибирских партизан вполне определилось — за красных, безо всяких оттенков. Сигнал эсерам, которые его не приняли всерьез, участвовали в новом *представительном органе* Иркутска и, ублажая красных, вынудили чехов отдать им адмирала Колчака. В обмен на свободный пропуск эшелонов, а втихаря прихватив значительную часть золотого запаса, что вывез генерал Каппель из Казани... Есть сведения, что это золото и послужило восстановлению хозяйства Чехии, нового государства, — обеспечило инвестиции в заводы и знаменитую обувную фабрику...

Ладно — чехи: чужая война, чужая страна. И нравы... Но почему сибирские крестьяне выступили за красных? Памяти крепостного права быть не могло, жили справедливо, недолгое правление Советов показало, чего от красных ждать... Поверили в посулы: свобода, земля крестьянам (у них и так земли хватало), путаница в головах? Дед моего приятеля Игоря Крашина (кажется, я писал об этом) отправил одного сына к пар-

тизанам, другого — к белым, а отца Игоря оставил на хозяйстве. Кто победит... крестьянская смекалка. Когда пришли колхозы, куда ссылали сибирских *кулаков*? Разве что на Чукотку и Колыму. Но зимой 1920 года они надеялись на красных. Свои не выдают, а офицеры — белая кость...

Солдат из мобилизованных спросил белого офицера: царя не будет, мы победим — большевиков не будет; а что будет-то? И офицер, с его враждебным отношением к эсерам и бессильной Учредилковке, не смог ответить.

Но надо было защищаться, воевать. Красные наседали, и на востоке была уже их власть. Штурмовать Иркутск? Гарнизон там был слабоват, из города вывезли куда-то все запасы и лошадей, эвакуировали часть населения... Смысл? Эсеры отдали красным Колчака, генерал Войцеховский попробовал поторговаться: отдайте Верховного правителя, мы обойдем Байкал и уйдем на восток. Чехи заявили, что не допустят *жертв среди мирного населения при штурме города*. Двусмысленный вооруженный нейтралитет. Вскоре разведка чехов сообщила, что адмирал Колчак расстрелян. Каппелевцы (так они стали называться), минуя Иркутск, двинулась на восток, где власть еще удерживали казаки атамана Семенова, барон Унгерн, разрозненные части Белой армии, базировавшиеся на Дальнем Востоке, и — японцы.

В чем беда Белого движения в Сибири: чужие — англичане, японцы, чехи — поддерживали их активнее, чем местные крестьяне. Двигаясь на восток, каппелевские войска с боем брали занятые партизанами населенные пункты, отбиваясь от фланговых ударов партизан, как отбивались в свое время на юге деникинские части. Переход через Байкал был сложным и опасным, внезапные разводы, предательские полыньи под снегом... но путь к Чите был тяжелее и опаснее. И если японцы поддерживали белых, одновременно их участие дискредитировало антибольшевистское движение в глазах колеблющихся крестьян и городского населения: интервенты, вчерашние враги...

От мыса Носового на восточном берегу Байкала измученная армия (до 60 тысяч вместе с больными, ранеными, обозными) шла к Чите в сопровождении японцев и казаков атамана Семенова. В Чите красных не было. Там и похоронили — торжественно, с воинскими почестями — генерала Каппеля. В Чите же сформировался боеспособный полк *имени Каппеля* и бронепоезд того же имени. В то время как значительная часть армии прямо оттуда ушла в Маньчжурию, *каппелевцы*, среди которых оказался и Александр Зеленой, двинулись на восток и, судя по всему, остановились в окрестностях Хабаровска, у станции Волочаевка, где им предстояло дать большевикам последний решительный бой.

Какие планы, чтобы не сказать мечтания, остались у людей, добравшихся с арьергардными боями до Хабаровска? Надеялись оставить за собой Дальний Восток? У некоторых руководителей — Дидерихса и др. — был еще замысел сбегать от красных, договорившись с ними, Сибирскую республику. Генерал Пепеляев даже проник в Якутию, стал собирать там из местных (якутов, казаков) *белые* партизанские отряды. НРА — Народно-революционная армия, — усиленная уже многочисленными отрядами партизан, рушила эти планы с каждой верстой уверенного наступления. К тому же и японцы с подачи американцев (те опасались излишнего усиления потенциального противника на Тихом океане) эвакуировались с Дальнего Востока. Как перед этим и чехи, и англичане. Их аналитики и генералы осознали обреченность Белого движения: *вся Россия — большевик*.

Хабаровск казался последним рубежом.

Шел уже февраль 1922 года, в Центральной России Гражданская война затихла, выдохлась, за исключением бунтов прозревших мужиков... Ну, с теми Тухачевский раз-

бирался быстро: палил деревни, расстреливал заложников, травил газами. В той же Тамбовщине много не навоюешь.

Партизаны производили разведку боем то в Волочаевке, то в самом Хабаровске, где даже ввязались в уличные бои. С Хабаровском получилось так: оттесненные в Маньчжурию части внезапно заняли Владивосток и, скорым маршем пройдя 600 верст, ворвались в Хабаровск, выбросив оттуда части несостоявшейся Дальневосточной республики, в которой власть взяли большевики и партизаны — того же настроения. Ядро последней Белой армии — ее остатков — составили каппелевцы. Им противостояли три партизанских соединения, действовавших разрозненно, и части армии ДВР, полностью перешедшие на сторону красных. На этот вялый фронт был прислан Блюхер.

Его вместе со штабом направили на восток приказом из Москвы. За его плечами были Перекоп и несколько побед на Южном фронте. Он объединил всех партизан в бригаду, присоединив их к Особой Амурской, 5-й и 6-й пехотной и 4-й кавалерийской армиям (они уже существовали в системе Дальневосточной республики). Конечно, надо учитывать, что это были полки Гражданской войны: например, 6-й полк после потерь насчитывал всего 400 человек. А партизан Блюхер снабдил особой формой: красными повязками на рукавах и кокардами на шапках.

Западные подступы к Хабаровску белые срочно, по военной науке укрепляли. Узлы обороны — станция Волочаевка на железной дороге (у белых еще осталось два бронепоезда) и несколько поселков и высот на юге.

Сами белые описывали систему обороны Волочаевки, которую готовил полковник Аргунов, так: проволочные заграждения в три ряда, в снегу выкопаны окопы для стрельбы с колена, в некоторых местах сооружены пулеметные блокгаузы из снега и бревен, облитых водой. По меркам недавней мировой войны с железобетонными казематами многометровой толщины и десятками рядов колючей проволоки такая оборона смотрелась, мягко говоря, слабовато.

Белые оценивали свои силы у Волочаевки примерно в три тысячи «усталых добровольцев» при семи орудиях и двух бронепоездах: «Каппелевец» и «Волжанин». Бронепоезда, свободно маневрируя по железной дороге, могли брать любой участок фронта под продольный обстрел.

Блюхер сформировал особую *штурмовую колонну* и первой бросил ее на ледяные укрепления. Тут выяснилось, что ножниц для резки колючей проволоки не хватает. Но наступательный порыв был так неудержим, что на такие мелочи внимания не обращали. Пишет очевидец:

Люди неожиданно поднимаются из снежных окопов и лавой устремляются на ошестившуюся проволоку, рвут ее штыками, прикладами, рубят шашками. Противник открывает такую пальбу, что дрожит земля. Но бойцы лезут вперед, повисают на проволоке, наваливаются один на другого, придавливают проволоку к земле своими телами. Отдельных криков и стонов не слышно; все сливается в какую-то дику музыка:— У-у-а-а-а-ла-ла-ла...

Первый ряд проволоки уничтожен, завален трупами. Остались торчать только голые колья, как черные зубы чудовища. Люди лезут на второй ряд. Но первая наша атака отбита. Бойцы бегут назад, за снеговые окопы. На проволоке остаются висеть тела убитых и раненых.

Атакующие зарылись в снег. Свыше 400 человек вышло из строя. Даже легко раненые стремительно замерзали...

За сутки упорного боя только «Каппелевец» расстрелял 322 снаряда трехдюймовки, 128 снарядов пушки Гочкиса, свыше 25 000 патронов к четырем пулеметам и 6000 винтовочных патронов. Танк «Зоркий» получил прямые попадания в борт и в гусеницу — однако экипаж чудом уцелел и даже смог при отходе подорвать гранатой бензобак.

На следующий день, 11 февраля, «Каппелевец» выпустил 253 снаряда, 6000 пулеметных патронов и 3000... Новый штурм провалился, но красным удалось восстановить мосты и подтянуть два бронепоезда...

Взглянем на карту. Белые создали пять узлов обороны, распределенных по пяти отрядам. Главный — у Волочаевки, остальные южнее, но сплошной линии не получилось, хотя промежутки легко простреливались. С севера наседали партизанские отряды, с запада — Забайкальская группа регулярной — относительно — армии. На Спасскую пытался надавить кавалерийский полк (численностью не больше пары рот), но толку от него было немного. Блюхер приказал усилить артподготовку. 12 февраля в полную силу заговорили орудия двух бронепоездов и полевая артиллерия. От снежных, ледяных окопов остались торосы, слегка усиленные колючей проволокой.

Еще раньше, 10 февраля, Тунгусская группа партизан зашла в тыл белых и заняла село Архангельское. Забайкальская группировка захватила Нижне-Спасское, создав еще одну угрозу — с юга. Бронепоезд «Каппелевец» после поджога моста заблаговременно ушел в Хабаровск... Зато у красных на ходу остались два бронепоезда, направленные на ст. Ольховка (Ольгохта?).

Генерал Молчанов отправил против Забайкальской группы Поволжскую бригаду. 12 февраля она была практически разгромлена, остатки отступили к Амуру, к Хабаровску. Их не преследовали: части красных были тоже истощены, вымотаны трехдневными боями... Блюхер решил наступать вдоль железной дороги, максимально используя бронепоезда, и не ошибся: бронепоезд № 8 (командир Дробышев) по горящему мосту ворвался в расположение белых (стык Первого, Второго и Пятого отрядов), жестким огнем поставив их в безвыходное положение (при одновременной атаке красной пехоты и кавалерии). Генерал Молчанов, оставив незначительный заслон, приказал отступить к Хабаровску.

К этому времени в его группировке осталось несколько сотен штыков при пяти кадровых офицерах. Подполковник Александр Зеленой, командир уже не существующей артбатареи, был среди них.

В Хабаровск красные вошли без боя. А генерал Молчанов приказал скорым маршем двигаться на юг, в пределы еще сохранившейся, частично под защитой японцев, так называемой Дальневосточной республики.

В этом образовании, скорее эфемерном, чем реальном осколке белой Сибири, созданном богачами братьями Меркуловыми, в карикатурном виде сохранялись нравы колчаковских тылов: реальной силой оставались чужеземцы, вместо чехов — японцы, подобно чехам, готовые к эвакуации; а интенданты и иные чиновники больше заботились о своих прибылях, чем о снабжении остатков армии, помалу подворовывая и тоже готовясь сделать ноги по мере приближения красных. У тех, кстати, Блюхера заменил Уборевич, а в сибирские партизанские тылы явился сам Дзержинский, наставляя *продовольственные отряды*, как надо жестко выбивать крестьянский хлеб: в Сибирь явилась продразверстка.

Но она уже ничего не изменила в сознании крестьян, клетка захлопнулась... А в Дальневосточной республике сохранялись свободы: печати, искусства, передвижения, то есть — открытые границы с Китаем и Японией. Как бы в насмешку, после потери Ха-

баровска прошли какие-то необязательные выборы — всеобщее голосование, на которое не явились одни «капеллевы». Тем, видимо, исход этой войны был уже ясен, но надо держать фасон, хотя бы огрызаться... Командовал ими тот же генерал Молчанов, а войсковое объединение официально называлось Ижевско-Воткинской бригадой — последняя боеспособная единица. Понятно, почему главнокомандующий Дальневосточной республики генерал Дидерихс (официальный титул — *Воевода!*) с удовольствием фотографировался с ними...

На лето белые получили передышку: японцы объявили Уборевичу, сменившему Блюхера, что, если красные продолжат преследование, они задержат эвакуацию, и тогда... Командование Народно-революционной армии приняло ультиматум: с японцами им было не совладать. 16 марта Уборевич захватил ст. Иман и закрепился на берегу р. Иман, на все лето прекратив боевые действия.

Реорганизация НРА привела к тому, что численность красных достигла 35 тысяч человек. При 101 орудии, восьми бронепоездах и двух авиаотрядах.

В сентябре генерал Молчанов по приказу Дидерихса предпринял наступление на север. Оно закончилось безрезультатно: 4 октября Уборевич сформировал ударную группу, 6 октября отряд Молчанова был отброшен к Спасску и попытался закрепиться там: он в обороне надеялся ослабить большевиков, после чего снова перейти в наступление.

Спасск действительно представлял из себя хорошо укрепленную позицию. Спасский укрепрайон, способный принять в своих стенах целую дивизию, был сооружен японцами в 1921 году. Подступы к городу прикрывали семь фортов с блиндажами, соединенные окопами и огражденные колючей проволокой в три-пять рядов. Рассчитаны были эти укрепления примерно на дивизию. Так что Молчанов вполне мог бы там обороняться, если бы не одна пренеприятная вещь: передав русским орудия, японцы вывезли все боеприпасы.

Итак, девять орудий с небольшим запасом снарядов на семь фортов. Плюс две тысячи пехотинцев, годных только для рукопашной — стрелять им нечем. Правда, у белых были два бронепоезда, которые они могли использовать в качестве подвижных батарей. Противостояло этим силам пять тысяч красноармейцев из числа Народно-революционной армии при 22 орудиях и 26 пулеметах. Красные также располагали в районе Спасска двумя бронепоездами. Причем, в отличие от белых, и патронов, и снарядов у них было в избытке. Обороняющиеся таким образом не имели абсолютно никаких преимуществ, кроме того, что могли сидеть в укреплениях.

7 октября войска большевиков вышли к Спасску. По плану, составленному Уборевичем, правая их колонна под командованием Я. З. Покуса силами пехотного полка при двух артиллерийских батареях и одном бронепоезде должна была атаковать город с севера. Основной удар наносила левая колонна под командованием С. С. Вострцова, атаковавшая с востока силами двух пехотных полков при одном бронепоезде. В обход Спасска была послана кавалерийская бригада, получившая приказ перехватить в тылу белогвардейцев железную дорогу и обеспечить окружение Спасска. Кроме того, в тылу у белых орудовали партизанские отряды, также получившие приказ активизироваться. Казалось, в этих условиях войска Молчанова были обречены.

8 октября красные атаковали на всех направлениях. Несмотря на отчаянное положение, поначалу успех сопутствовал белым. Войскам Покуса удалось было ворваться на северную окраину Спасска, но здесь они попали под огонь форта № 1. Наступление красных было остановлено. Напомню, что у белых при семи фортах было всего девять орудий, то есть огонь по группировке Покуса вело не более двух пушек! В рай-

оне железной дороги все попытки красных наступать отражались белыми бронепоездами. Конница же красных, которая должна была зайти белым в тыл и перерезать железную дорогу, подверглась разгрому, причем два эскадрона из состава большевистской кавбригады были полностью истреблены. Окружение Спасска у красных не получилось. Партизаны красным кавалеристам ничем помочь не смогли.

Однако вечером, в темноте, Вострецов, сосредоточив против форта № 3 огонь двадцати пушек, под прикрытием этого огня бросил в атаку оба своих пехотных полка. Потеряв 250 человек убитыми, красные заняли форт. Контратака белым не удалась, поскольку, в отличие от своих противников, произвести артподготовку им было нечем. За ночь красные стянули в форт № 3 дополнительные резервы, включая артиллерию. Молчанов, видя, что остановить новое наступление противника ему нечем, донос об этом Дидерихсу.

Михаил Константинович Дидерихс был толковым военным специалистом. Он сразу понял, что дальнейшая оборона Спасска в таких условиях означает неминуемый разгром Молчанова. Чтобы сохранить силы Поволжской Рати, он отдал приказ оставить Спасск и отходить к югу. Сдерживая противника огнем своей немногочисленной артиллерии и арьегардными боями, Молчанов на рассвете 9 октября 1922 года начал вытягивать свои силы из Спасска. К шести часам вечера город был полностью оставлен, его заняли части НРА. Поволжская Рать Молчанова отступила в порядке. Красным удалось вытеснить ее из укреплений, но окружить и уничтожить не удалось. Генерал Смолин с Сибирской Ратью оперативно выдвинулся и прикрыл отступление Молчанова.

Кажется, именно генерал Смолин командовал частями *капелелевцев*, в составе которых была и артиллерийская часть Александра Петровича Зеленого...

Последние арьегардные схватки, последние снаряды... Часть Рати — оптимисты — двинулась к Владивостоку, семь тысяч — реалисты — к Посьету, портовому городку на узком полуострове в Японском море. Последнему клочку Русской земли, не занятому большевиками. Александр Зеленой понимал: на родине ему места нет, к коммунистам отношение было определенным, непримиримым... Среди уходивших были семьи, наверно, даже дети — так бегут от чумы или цунами. 20 октября погрузились на японские транспортные суда и поплыли в Китай — кто в Шанхай, кто в Харбин. Александр Зеленой — в Харбин.

Его жизненный путь не завершился, но — рассеялся в степных просторах Маньчжурии, запутался в переулках Харбина, потерял цель: горизонт событий — сегодняшний вечер. Ситуационное бытие. Выживание. Но об этом — в послесловии. А пока — вернемся в Петроград.

ПУТЬ ОТЦА

После переворота и отъезда правительства в Москву Петроград едва выживал. Пайки были такие: рабочим вредных производств — 2 фунта в день (800 г); рабочим *ударных предприятий* — 1,5 фунта; неработающим группы А — 1 фунт, а группе Б — 0,5 фунта. Специальным постановлением от 10 февраля 1921 года и эти пайки *временно* были сокращены в три раза, то есть: выдавать те же нормы раз в три дня.

Холодный город не только голодал, но и замерзал. К февралю топлива в город доставили 25 % от необходимого. К этому времени заборы все разобрали, власть организовала бригады для разбора деревянных домов. Какая-то работа для ненужных — *бывших*. От опасных бывших хозяин города интеллигент Зиновьев избавился заранее: несколько сотен офицеров, зарегистрировавшихся в соответствии с его приказом, бы-

ли расстреляны. Кто не сообразил бежать на юг или в *Северо-Западную белую армию*, действовавшую (довольно вяло) в союзе с Эстонской и Латвийской добровольческими армиями. У тех была одна забота — отгородиться от красной заразы, а уж как русские между собою разберутся — их проблемы.

С 19 по 23 января закрылись все заводы Петрограда. 11 февраля Петросовет на заседании, проводившемся в темноте, при свечках, постановил совсем закрыть 91 предприятие. И в то же время прекраснодушный мечтатель Зиновьев затеял строить ГЭС в Уткиной заводи — проект активно разрабатывался.

В феврале начались забастовки (на тех заводах, что еще работали), в городе появились листовки запрещенных партий эсеров, меньшевиков (известный меньшевик Дан оставался в городе). По Васильевскому острову прошли демонстрации, о чем аккуратно доносил в Москву Петроградский губком: «Мы стоим перед моментом, когда могут быть демонстрации!» А они уже переходили в столкновение с бойцами Красной гвардии, прикормленными, в отличие от рабочих, усиленными пайками.

Ленин — Зиновьеву: «Т. Зиновьев! Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора, особенно в Питере, пример коего решает. Привет».

В Кронштадте было легче. Он был закрытым городом, отсюда и в отпуск было не выехать, матросам разрешили отпуска только в 1921-м. В отличие от Февраля, матросы не кидались на офицеров, усвоив, с подачи новой власти, что без командного состава форты и броненосцы бесполезны. От греха подальше был распущен Центробалт, игравший ключевую роль в перевороте. 18 февраля 1918 года Совнарком утвердил главного комиссара Балтийского флота, в управление флотом вступил тщательно подобранный Совет комиссаров. Им было не до *массовидности террора*: предстояло заново не просто восстановить должность начальника морских сил и Штаб Балтфлота, но укомплектовать его не братками, а грамотными офицерами. А тем был путь открыт — хоть на запад к своим, хоть к Юденичу на север, хоть на юг к Корнилову... А к Пскову подходили немцы, и против них стояла (скорее качалась, словно пьяная) поубивавшая своих офицеров молодая Красная армия. Что делать офицеру Императорского флота?

Нет больше ни императора, ни Временного правительства. Есть новая и, кажется, устойчивая власть, владеющая государством, то есть тем, чему привык служить офицер. Насколько постоянная, никто не знал, но при сравнении матросского разгула в феврале 1917 года и быстрым наведением порядка в крепости большевиками-комиссарами был наглядный контраст. В отличие от развалившегося фронта, кронштадтский гарнизон был готов к обороне, а враг оставался: немцы. А кроме них — армия новорожденной Эстонии, колеблющийся Маннергейм, но это тоже чужие, считай, враги *единой-неделимой*... Рядом с этими явными угрозами *Белое движение* было как бы вынесено за скобки. Сначала нужно защитить страну, кто бы в ней ни правил.

Еще была семья: жена, мальчишка-сын, племянница Катюша, почти дочка. И множество родных — сестры, у кого-то тоже дети (Усовы)... Гнездо, свитое в России. Не сапожок, с ноги не сбросишь.

Племянница Катюша (Катя Миленко) вспоминает: «Еще до Революции дядя Петя, приехав в отпуск в Матенец и созвав крестьян двух ближайших деревень, решил при землемере отрезать в их пользу огромный заливной дуг, врезавшийся в их земли. Крестьяне даже не сразу поверили — не хитрит ли барин? А дядя говорил соседям: я все отдал, но у меня два сына, не имею права». Разберись, что было в головах родовитых дворян к началу катастрофы...

Как разбирался сам с собою капитан первого ранга Петр Зеленой, принимая решение — остаться на военной службе у большевиков, не можем ни гадать, ни тем более —

судить. Сын Александр рассуждал иначе. По существу, они оказались по разные линии фронта, непримиримо поделившего Россию. Повторим: число офицеров старой армии, служивших в Красной, превышало число офицеров-добровольцев у Деникина и Колчака. И каждый объяснялся с собой и Богом на свой лад.

А вот еще соблазн: весной 1919 года Эстонская и Латвийская армии вместе с Северным корпусом русских добровольцев начали наступление на Петроград с северо-запада, по-видимому, по северному берегу залива. Северные форты оказались в прифронтной полосе. С запада подошла эскадра английских легких крейсеров (закончилась война с Германией). В 7-ю армию красных, слабо укомплектованную, плохо снабжаемую, входили 1-й и 2-й Кронштадтские и 105-й стрелковый полки. Именно они обороняли подступы к Красной Горке и Серой Лошади. 12 июня они дружно перешли к белым. Главную роль играли эсеры, руководил командир сводного отряда эсер Л. К. Grimm, *активный участник Октябрьского переворота!* Были, конечно, и офицеры, входившие в подпольные ячейки: начальник форта поручик Н. Неклюдов, начальник артиллерии Кронштадтской крепости полковник Будкевич... Именно они первыми провозгласили лозунг: «Советы без коммунистов!» Матросы арестовали комиссаров, нейтрализовали (уговорили?) часть, присланную из Петрограда. 13 июня Неклюдов дал радиogramму на финскую базу: «Форт перешел на сторону белых и отдает себя в распоряжение финского командования». Одновременно был послан ультиматум самой Кронштадтской крепости: перейти на сторону восставших, иначе — обстрел города... Ответа не было. Форт вяло пострелял, линкор «Андрей Первозванный» двинулся было к городу, но «Петропавловск» остановил его.

Вот, кажется, возможность выбора для капитана Зеленого... Сын в сходной ситуации выбрал Колчака. Петр Александрович отмолчался вместе с Кронштадтом. Восстания матросов не поддержали ни англичане, ни даже офицеры-добровольцы в Северо-Западной армии. Историки считают, что они припомнили матросикам февральские расстрелы. Все были против всех, чем пользовались большевики. Уже 16 июня восстание было подавлено, 90 человек расстреляно, тысяча выслана в центральные губернии, возможно — штрафниками в армию. Как раз в то время рождался новый лозунг: «Все на борьбу с Колчаком!»

История этого первого малоизвестного Кронштадтского восстания проливает некоторый свет и на решение Петра Александровича остаться на военной службе большевикам. К этому времени матросы *приоткрыли личико*, обнаружив множество несогласий с новой властью. Эсеры — ладно, а сколько среди них было анархистов, с восторгом порезвившихся во дни переворота, как полезла на поверхность одичалая природа *бунта*, и одновременно стала проявляться твердость новой власти. Петр Александрович был *государственником*, при том, что в системе взглядов Зеленых клубилось столько противоречий: сестра Ирина радовалась отречению вчера еще обожаемого царя, другая сестрица надеялась на немцев (наведут порядок), чему капитан Зеленой сочувствовать никак не мог, он привык считать Кронштадт *крепостью* не только в прямом, фортификационном смысле. Россию надо оборонять! В тот момент логичнее было остаться на посту, чем по льду перебираться в сомнительную Западную армию, да еще к каким-то чухонцам... Остаться на посту было и самым разумным, то есть выгодным (в том числе для семьи) делом, а уж услужливый рассудок снимал сомнения и провокации насчет побега к Деникину или Колчаку.

Большевикам самим стало не по себе от той стихии *русского бунта*, которую они разбудили. Нам трудно представить, на какие куски вражды, беспредела разваливалась тогда страна. Не просто белые-красные, а еще и анархисты, и эсеры, и зеленые... и нем-

цы, и англичане, и две эстонские армии на пороге. А главное: легко было взывать — *грабь награбленное!* — а как разгулялся тот самый грабеж, как вылезли Ленка Пантелеев и Бенья Крик... Несомненно, через год после переворота у большей части офицерства настроение было одно: надо усмирять страну! А к идеологии, марксизму-ленинизму, отношение большинства было легкомысленным: наиграются... Тем более что Белое движение только провозглашало *единую-неделимую*, а сил управиться с разбухшей стихией не хватало, едва хватало только на временные успехи на фронтах.

Пусть и со смутным настроением, в сомнениях, но новый 1921 год капитан Зеленой встретил в должности *начальника берегового отдела Кронштадтского порта*: такую должность и доверие надо заслужить. Чем? А знали ли чекисты Петрограда, что сын начальника берегового отдела главной морской крепости командует артиллерийским дивизионом у Колчака? Вряд ли... Что сам Петр Александрович знал, можно почти не сомневаться: сын его говорит о постоянной переписке с Петроградом, *где очень все плохо...* почта работала, да и okazji хватало.

Уезжать, не уезжать... как относиться к новой власти? Какие-то генералы ТАМ, на юге... немцы... Сестры Зеленые спорили страстно, до временного (на неделю) разрыва отношений, но общее настроение, жизненный план, *горизонт событий* был общий и сомнению не подлежал: живи, где живешь. Правительства менялись, будущее в полном тумане, сам Ленин маскировал свой страх шутивым: как думаете, если белые возьмут Москву, нас повесят? В таких условиях решалась одна проблема — выжить, пережить и никуда не дергаться. Именно это настроение подвигло капитана Зеленого принять высокий пост в Кронштадте, и все гнездо Зеленых — Усовых приняло, не вдаваясь в идеологию, решение: живи, где тебя застала катастрофа. Все пройдет... И как-то все вроде уравнилось к 1920 году. Вот фрагмент из воспоминаний Катюши Миленко, окончательно вошедшей в семью Петра Александровича, и *Танточки*, как называла Катя его жену Надежду.

Война, как таковая, от нас отделилась, шла в Польше и с Врангелем на Украине. У дяди с тетей появилась возможность снять дачу (лето 1920-го. — В. У.). Напротив Кронштадта была расположена Кронштадтская колония (когда-то немцы-колонисты...). Дача была двухэтажная. Во втором этаже был чудесный крытый балкон, на нем хорошо было спать. В праздничные дни на дачу наезжала молодежь, забирали провизию, самовар и отправлялись в лес... Как-то удалось весной достать картофель для посадки и, приезжая на дачу, мы следили и радовались, как он прорастает, а осенью собрали урожай... Мы были, несмотря на двадцатилетний возраст, совсем подростки, и как нам было весело и радостно!

Потом подошла зима 1920 года. Вове (Зеленому) было 12 лет, ему попала книжка Фламариона «Популярная астрономия», он ложился в снег и в бинокль рассматривал звезды, за что получил прозвище Звездный мальчик...

Мирная жизнь. Где-то Врангель в *белой черкеске*... Бегство из Крыма, расстрел Колчака... А Кронштадт — как остров: отпуска отменены, матросы из крестьян почти не знают о продразверстке и восстаниях, хотя поблизости стараются что-то добыть к военному пайку. Не забывая офицеров. Катя Миленко вспоминает:

1919 год был голодноватым. Морьякам давали участки земли за городом, на которых сажали картофель и овощи. И наши шикарные морьяки-кавалеры, с которыми мы так недавно танцевали на вечерах, вооружившись лопатами и тяпками, с большим рвением занимались огородничеством. Конечно, в те дни, когда они находились на берегу.

Совсем переменялся быт. Исчез наш повар Лука и горничные в наколках, все стали делать «сами»... Когда стало голодно, я с большой бутылкой отправлялась зимой через море (семь километров) в Ораниенбаум, а оттуда в деревни за молоком и картошкой.

Так жили за спиной *дяди Пети* Танточка, сын Володя и Катя Миленко. Она в последнем классе стала подрабатывать, деньги приносила все Танточке, а когда устроилась воспитательницей в детский сад (1920 год), «там за умеренную плату еще и кормили... было очень голодно, в основном ели пшено, пшено, пшено».

Похоже, семьи офицеров (не расстрелянных в Февральскую) так и остались в Кронштадте, а офицерам ничего не оставалось, как по инерции служить большевикам. Никакого *сочувствия* новой власти они испытывать, конечно, не могли; лояльность проявляли поневоле. И главное, будущее было так темно, что предпринимать что-то решительное, *за идею*, душа не лежала. Служили верно, не саботировали и ждали, куда эта взбесившаяся мать-история поворотит завтра... И дождались.

Причин для Кронштадтского (уже второго) восстания хватало, об этом тома написаны... Главное, Петроград был неспокоен, туда заехал представитель «Петропавловска» и убедил своих, что стоит только подняться военной, неприступной крепости, изголодавшиеся рабочие поддержат. А это уже смычка железная, эта братва в союзе с Красной гвардией привели к власти большевиков. Как привели, так и... Он, правда, не заметил, не обратил внимания на целый состав с хлебом, сахаром, даже колбасой, который прибыл в Петроград для раздачи рабочим. Первый залп по Кронштадту, возможно, и решающий. Матросы знали теперь, после отпусков, как возмущены обобранные крестьяне. Рабочим Петрограда и солдатам Красной гвардии, щедро (хотя и ненадолго) прикормленным, до продрозверстки и заградотрядов было мало дела. Как раз в начале февраля 1921 года притих рабочий Петроград.

Кронштадт, напротив, забурлил. Лозунги: Советы без коммунистов, вообще без партий, свободно избранные; свобода торговли, проезда без заградотрядов; отмена продрозверстки, крестьянам тоже разрешить торговлю... Grimасы истории: как раз в те дни в Москве работал X съезд РКП(б), принявший резолюцию о энпе. Вот только *Советы без коммунистов* — это слишком. Большевики вцепились во власть и отдавать ее без моря крови не собирались. Кто-то еще следом за Троцким вещал о мировой революции, но она — за синими морями, а Москва, Кремль и все накопленные богатства великой страны — здесь и наши.

28 февраля командование кораблей, где быстро возникли революционные ячейки-комитеты, провозгласило всем уже понятные требования к правительству. Так же стремительно был избран общий Революционный комитет и председатель — старший писарь «Петропавловска» С. М. Петриченко. Почему он? По положению он — свой, *социально близкий*, и грамотный, подкованный, бывалый: зимой 1917-го организовал бузу на о. Нарги в Эстонии, с приходом немцев подался в Кронштадт. По взглядам — анархо-синдикалист, но к 1919 году, сообразив, что верх берут большевики, вступил в РКП(б). Правда, поездка в отпуск на родину, в Полтавчину, знакомство с боевой практикой и теориями Махно разбредили романтические упования на *общенародное и беспартийное правление*. Вернувшись на линкор, он хоть и расхваливал Махно, но с чистыми анархистами (их хватало среди матросов) не соглашался. Короче — грамотность, апломб, умение убеждать... его и выбрали сперва — на родном линкоре, потом признали в крепости.

Из дневника Кати Миленко:

1 марта 1921 г. Состоялся митинг, сперва в Морском манеже, а потом на Якорной площади у Морского собора, на котором присутствовали, как говорили, 15 тысяч человек. Была принята резолюция о перевыборе Советов, о свободной торговле, о свободе слова и разрешении левых партий... На митинге присутствовал Калинин, который указывал на контрреволюционный характер резолюции.

2 марта — собрание представителей всех частей и предприятий города. Был выбран Временный революционный комитет (5 человек): Петриченко, Яковенко (матрос), Орешкин (учитель истории)... арестованы комиссары.

3 марта начала выходить газета «Известия Временного Революционного комитета».

5 — 7 марта с самолетов сбрасывались листовки с призывом успокоиться.

8 марта — первый штурм Кронштадта, который был успешно отбит. Взяты пленные (вели по улицам).

16 марта — сильный обстрел города вечером из орудий. Утром похороны убитых на Якорной площади. Играли похоронный марш Шопена и Интернационал.

Дневник не сохранился, здесь мы имеем дело с воспоминаниями, подправленными историческими данными. Ясно одно: и Катя, и *Танточка*, и сын Володя были в те дни в Кронштадте, что, может быть, и объясняет странное поведение Петра Александровича. Он не мог не понимать, как и многие офицеры, обреченность этого сугубо местного восстания, не разделял восторженной надежды матросов на помощь Петрограда. По существу, все они — матросы и рабочие — были ему чужими, *социально неблизкими*. Нельзя *перековаться* в пятьдесят лет. Другой вопрос: что делать?

Комиссар Новиков приказал вывезти из Кронштадта курсантов Высшей партийной школы. И вывезли, с курсантами шутки плохи. Сам Новиков ускакал по льду на лошади. Крепость сумели покинуть 400 человек. 3 марта новый Ревком ввел комендантский час. Военное положение вслед за Петроградом объявили в крепости. Комендант форта Тотлебен Лангемак отказался подчиниться распоряжениям Ревкома, его арестовали и приговорили к расстрелу... но до нового штурма привести приговор в исполнение не успели. Можно представить, как поступили бы с офицерами, пытавшимися бежать подобно комиссару Новикову. С семьей не побежишь, семья — в заложниках... А ты — начальник берегового отдела крепости. Отказаться служить и встать к стенке рядом с Лангемаком? Семье ведь тоже не поздоровится *в случае чего*.

Но дело не только в этом. Не мог Петр Александрович не сочувствовать лозунгам восставших. Многие офицеры рассуждали: а если победят? В конце концов, всегда можно уйти в Финляндию в неразберихе поражения... В нем многие почти не сомневались, и, судя по признанию на допросе, Зеленой был в их числе. Точнее — в состоянии мучительного сомнения.

Но если не ушел и не отказался подчиняться, служи и исполняй приказы. Пример — командующий артиллерией Козловский, составивший план операции — атаковать красных с флангов, захватив форт Красная Горка, и разбить снарядами с линкоров лед в заливе. Ревком плана не принял, сил мало, и, вообще, безопаснее отсидеться в крепости, вдруг Петроград поднимется или... Тот еще стратег был писарь Петриченко.

Впрочем, он смотрел далеко: разобьешь лед, путь в Финляндию отрезан. У него был опыт — опыт поражения и бегства с эстонского острова. Офицеров вообще уже не слушали, за исключением вопросов конкретной обороны: расстановки сил, распределения орудий и пулеметов, да и то: у капитана Зеленого потребовали выдать пулеметы в распоряжение форта, он было отказался, пригрозили арестовать, что в условиях военного положения означало расстрел. Впрочем, ситуацию и собственное поло-

жение в период между штурмами — до 17 марта — конкретно и с максимально возможной для допроса основательностью (откровенностью?) описал сам Петр Александрович.

Протокол его допроса — документ уникальный. Тем более необходимо перевести его с тленной (уже желтеющей) бумаги с бледной машинописью в цифру.

ПРОТОКОЛ

допроса, произведенного в Особом Отделе Охраны Финляндской границы Республики

1—2. ЗЕЛЕНЬ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

3. Возраст: 51 год

4. Происхождение: Псковской губ., Холмского уезда, Наговской волости, села Матенец

5. Местожительство: Кронштадт, Советская ул., 1-й флигель, кв. 7

6. Род занятий: Капитан 1-го ранга Балтийского флота при старом режиме, Начальник Берегового Отдела Кронштадтского порта

7. Семейное положение: женат

8. Имущественное положение: кроме жалования, других средств существования не имею

9. Партийность: беспартийный

10. Политические убеждения: сторонник существующей Советской власти и противник всяких выступлений против нее

11. Образование: Морское училище, ныне Морской корпус

12. Чем занимался и где служил

а) до войны 1914 года — в Военном флоте в штабе Кронштадтского порта

б) до февральской революции 1917 года — заведовал мобилизационной частью Кронштадтского порта

в) до октябрьской революции 1917 года — заведовал мобилизационным отделом Кронштадтского Военно-Морского Комитета

г) с октябрьской революции до ареста: с 1918 года был начальником Найма и учета моряков; с 15 февраля 1919 года до ареста состоял Начальником Берегового Отдела Кронштадтского порта.

13. Сведения о судимости — под судом не был.

Показания по существу дела

По вопросу о восстании Кронштадтского гарнизона против Советского правительства могу показать все, что мне известно, а именно следующее:

В ведении Берегового Отдела, Начальником коего я состою, Береговые команды Кронштадтского порта: Рабоче-Крестьянский Отряд, Отряд пароходных команд и Сводный Отряд судовых команд. Каждый из них представляет отдельную часть под командой Начальника Отряда...

Все береговые команды, как и судовые, приказом по флоту объединились под общим начальством коменданта крепости, являвшегося начальником гарнизона. В моем непосредственном подчинении состояла команда писарей, команды двух морских бань и комендатура здания бывшего Морского Инженерного училища, общей численностью около 150 человек.

Занятый разработкой присланного проекта реорганизации управления Кронпорта, я в последние дни, до 1 марта, мало следил за происходящим. На митингах не был и очень поверхностно знал, что происходят какие-то собрания и митинги с прибывшими из Петрограда представителями власти. В Отделе об этом мало говорили, а коллектив и комиссар руководили политической жизнью самостоятельно. Я же, как начальник, в таковую не вмешивался, исполняя исключительно техническую работу.

2 марта в «Кронштадтских известиях» появилось объявление Кронштадтского исполкома о том, что во всех частях должны быть избраны делегаты, которые приглашаются на собрание в здание бывш. Инженерного училища. Комиссар отдела Ти-

ханов немедленно созвал общее собрание команлы, на котором были выбраны делегаты, в тот же час отправившиеся на собрание согласно объявлению Исполкома.

Вскоре из Рабоче-Конвойного отряда мне сообщили, что с «Петропавловска» пришла команда, требующая именем Революционного комитета выдать им хранящиеся в отряде пулеметы. Возвратившиеся с собрания делегаты сообщили мне, что на собрании постановлено отстранить комиссаров и принять печать... Тем не менее я сообщил в Рабоче-Конвойный отряд, чтобы они пулеметов не отдавали, а в том, как далее поступать, необходимо сноситься с Начальником гарнизона, то есть с Комендантом. Затем по телефону я вызвал кабинет Коменданта крепости. Коменданта Кознолега в кабинете не оказалось, а к телефону подошел комиссар, которому я сообщил, что «Петропавловск» требует пулеметы и что я запретил их отправлять. На это комиссар крепости ответил: «Вы поступили правильно, благодарю вас, дорогой товарищ».

Часа через два меня вызвали к телефону, и кто-то, назвавшийся членом Революционного комитета, в резкой форме заявил мне, что пулеметы «Петропавловск» возьмет, а если я еще буду сопротивляться, то со мною будет поступлено по законам военного времени. Обратясь затем в Штаб крепости, я узнал, что и там уже нет ни коменданта, ни комиссара. Делегаты моей команды подтвердили, что власть перешла в избранный из их состава Революционный комитет...

Прервемся на этом ключевом моменте: вот — новые обстоятельства, считай — переворот и — ЧТО ДЕЛАТЬ? Братва покушается на власть, которой ты решил служить! Или — неокончательно решил? Стоял ли перед ним и офицерами вопрос: примкнуть к восставшим, затаиться или бежать, как комиссар Новиков, на лошади по льду? Дело-то пахло керосином — Кронштадт объявлен вне закона, с большевиками — война? Петр Александрович, пятидесятилетний капитан, не понимал, что уже с первых митингов он оказался среди мятежников? Он отдал пулеметы на «Петропавловск», в распоряжение восставших. Вывод?

Понятно, легко давать советы, если бы мы не знали, как по-разному повели себя другие. 400 человек сбежали по льду на материк, комиссар на лошади ускакал, целая школа красных курсантов ушла благополучно, и никакое военное положение их не остановило. Да, семья... Жена, сын, Катюша все еще жили в своей квартире и даже под охраной пары матросов. У Петра Александровича возникло еще с 1917 года обманчивое чувство защищенности и некоторого родства, почти классовой дружбы с братками... и, разумеется, армейская привычка — не покидать свой пост. Чувство долга? А перед кем? Продолжим...

В это время всех начальников частей, в том числе и меня, потребовали на «Петропавловск», где заседал Революционный комитет, предложивший нам затем собраться в Штабе крепости.

Около 7 часов вечера в Штабе крепости собрались: Начальник штаба Соловьянов, Начальник оперативной части Арканников, Начальник артиллерии Козловский и еще несколько человек сухопутного командного состава... Начальник Воздухообороны, Начальник связи и командиры артиллерийских дивизионов, также два человека строительства крепости. Из моряков командного состава, кроме меня, были: Начальник бригады линейных кораблей Дмитриев и командир порта Ермаков... А из состава Революционного Совета были Петриченко и Яковенко и еще один, фамилию которого я забываю. Всех я их видел в первый раз...

Собрались все начальники частей, и Соловьянов с Арканниковым потребовали сведения о числе команд у каждого из них и начали распределять их по боевым участкам и фортам. Насколько я понял из происходившего, Штаб крепости, сосредоточив в себе оперативную часть, составил план ее, заключающийся в том, чтобы по всей

береговой линии острова Котлина расположить войска пехотные и моряков, кроме команд «Петропавловска» и «Севастополя».

Итак, период незнания, непонимания ситуации (работа, технические проблемы) закончился? Так я спросил бы на месте следователя. Да он и спросил наверняка. Уж очень целенаправленно действовали высшие командиры крупнейшей, ключевой морской крепости, чтобы не понимать: это — война! Война с новой властью, с государством. Что на такое решились братки с «Петропавловска», так им не впервой, они еще с 1917-го отмороженные. А офицеры, мучительно одолев сословные понятия, признавшие эту власть и решившие ей служить? Ведь понимали, что остров Котлин в этом море жесточайшего террора и новой силы — одиноко... Решились на жертву? К первому-то восстанию не примкнули, хватило соображения. Пытаюсь понять ход их мыслей и... не могу.

Одно это совещание подводило их всех под расстрельную статью. Ладно — штабные и прочие начальники, не отличавшиеся вообще политическим чутьем и воображением, но сам Петр Александрович с его трезвым математическим умом (артиллерист, получивший добротное образование) понимал, чем кончится противостояние острова Котлин и Москвы?.. А воевать взялись всерьез:

На участке у Петровских ворот в районе Гаваней должен был располагаться 560-й полк, остальные линии берега разделились на 3 участка: по Южному берегу Рабоче-Конвойный отряд, командир Перстнев, а по Северному берегу Отряд Главного минера порта, к-р Егоров, и сводный отряд Судовых команд, к-р Вознесенский. Остальные береговые команды: Учебно-минный отряд, команда Минной школы, школа гальванеров, отряд Переходящих команд и роты военмор-специалистов небольшими группами были распределены по разным фортам для усиления их гарнизонов. Общая численность морских команд и 560-го полка, назначенных на участки Береговой линии, достигала 3000 человек, а на форты морских команд было послано 2000 человек. Цифры эти я могу назвать только приблизительно, поскольку мне не изменяет память.

Затем комсостав крепости под руководством Соловьянова обсуждал вопросы об организации стрельбы с батарей и судов и, наконец, проект наступления на Северный берег с целью занять Лисий нос и Сестрорецк. Этот проект предполагалось осуществить отрядом в 2000 человек из 560 полка и Рабоче-конвойного отряда, однако впоследствии проект был отвергнут, так как, если выделить такой отряд для наступления, крепость осталась бы со слишком малым числом людей для обороны берега и острова.

На следующий день я в Штабе не был, т. к. меня туда не вызывали, а я ходил только тогда, когда меня требовали.

Он служил спокойно, равнодушно приняв новую власть, точнее — новое начальство? Как будто отбывал урок... заданный кем? Братками, к которым вряд ли испытывал теплые чувства. Боялся за семью? Катя Миленко вспоминала, что возле их дома всегда маячил матросский караул. Они были как заложники?

4 марта меня снова вызвали в Штаб крепости, и я из разговоров узнал, что накануне было какое-то (!) совещание, на котором вырабатывался текст обращения к Петроградскому Совету с просьбой прислать делегатов от воинских частей и рабочих организаций, что срок ответа был ... час вечера следующего дня, то есть к тому времени, как мы собрались, срок этот уже истек.

По предложению членов Ревкома было принято решение не начинать активных действий, пока с берега не последует первый выстрел. С этого дня почти ежедневно

в Штабе собирались члены Ревкома и комсостава... Соловьянов, назначенный начальником обороны, сообщал о всем происшедшем в течение суток в оперативном отношении, а Петриченко сообщал политические новости и о настроениях в командах. Затем сухопутные спецы обсуждали вопросы оперативного характера, сводившиеся главным образом к организации стрельбы, о связях артиллерийского огня с действиями пехоты... в общем, сводившиеся к обороне.

С этого времени восстание было обречено. Азбука революции — переход к обороне обрекает восстание на поражение. Ответа от Петросовета нет, да Петриченко его и не ожидал. Зато Кронштадт, объявленный вне закона, уже плотно блокировали превосходящие силы Тухачевского. Он-то не колебался — даже перед применением газов и авиации. Несколько самолетов навели шороху, но роли особой не сыграли, а от газовой атаки командарма отговорили: балтийский переменчивый ветер мог отнести облако в Финляндию, и тогда неизбежен международный скандал... тут не Тамбовская земля, когда враги — восставшие крестьяне. Ничего, сил хватало, благо освободились части, воевавшие на юге, и делегаты очередного съезда РКП(б) рвались на новую войну — показать вчерашним союзникам-браткам, кто теперь в доме хозяин.

Ну ладно Петриченко, с его бандитскими замашками, имевший опыт вовремя смыться после поражения... но военспецы, офицеры, чьих боевых товарищей совсем недавно расстреливали в овраге, и только новая власть не допустила того же беспредела осенью 1917-го... Очень похоже на бессознательное желание *пострадать* во искупление согласия служить этой враждебной, классово ненавистной власти. Есть в русском менталитете это мечтание — пострадать назло врагу, тем самым показав, чья Правда: мученик по определению прав, его же есть Царство небесное...

В один из следующих дней Петриченко заявил, что команды, особенно сухоходные нажимают на него, чтобы предпринять наступление или какие-то вообще активные предприятия. На это Соловьянов сообщил ему, что с теми силами, которыми располагает крепость, активных действий предпринимать нельзя, и потому надо внушить командам, что они должны спокойно и терпеливо выжидать и переносить неизбежные лишения осады. Петриченко обещал провести в командах соответствующую агитацию. Вскоре с боевых участков и фортвов в штаб крепости стали поступать заявления с просьбой о смене их на позициях. Назначенный начальником Штаба обороны Арканников просил меня найти людей для смены, но я сказал ему, что, кроме тех команд, которые Штаб крепости взял в первый же день, у меня в распоряжении людей больше нет. В моем распоряжении оставалось еще около 150 человек: команды писарей, бань и прачечных, были еще люди в переходящей команде и в Учебном отряде, но о них я умолчал. Свою команду я вообще решил всеми мерами не выпускать к активным действиям, т. к. вообще считал выступление Кронштадта безумием, возможным только под руководством таких молодых и сумасшедших голов, как члены Ревкома. Мне до сих пор непонятно, как пошли на это солидные военспецы крепости. Насколько я мог понять, они были убеждены Ревкомом, что к Кронштадту примкнет Петроград, а кроме того, из их суждений я вывел заключение, что военная обороноспособность крепости чрезвычайно велика и что если будет продовольствие, то крепость сможет продержаться очень долгое время. А в это время, как уверяли члены Ревкома, их агенты-агитаторы сумеют добыть нам помощь из Петрограда и даже из других внутренних местностей Республики. Не будучи военным специалистом по сухопутным делам, я, однако, не разделял такого оптимизма. И, как мне казалось, Начальник бригады линейных кораблей Дмитриев тоже смотрел на дело скептически. Но мы не могли высказать нашего взгляда, да нас никто и не спрашивал.

Сухопутные же специалисты смотрели на дело с большей бодростью, в особенности молодые — Начальник Дивизиона, Начальник Воздухообороны и Начальник Связи.

У Соловьянова и Козловского настроение последние дни было несколько подавленным. Когда прибыл из Финляндии Вилькен, настроение поднялось, но ненадолго. Я... от него узнал, что от правительства Финляндии имеется разрешение на провоз в Кронштадт только медикаментов, но на продукты разрешения не дано. На мой вопрос об отношении правительства Финляндии к событиям в Кронштадте, Вилькен уклонился от обстоятельного ответа, но сказал, что Финляндия, зная силу Советской России, едва ли рискнет выступить активно. За день или два до взятия Кронштадта я слышал разговор Соловьянова, Петриченко и Начальника Связи о восстановлении телеграфной связи по имевшемуся на форте Ино кабелю с тем, чтобы далее протянуть линию до Териок.

Общая картина управления крепостью мне рисуется в следующем виде. Власть высшая была сосредоточена в Революционном комитете, всецело ведавшем политической частью. Что касается оперативной части, то таковая сосредотачивалась в Штабе обороны в составе Начальника Обороны Соловьянова и Начальника его Штаба Арканникова. От этого штаба исходили все распоряжения о действиях пехотных частей и об открытии и прекращении огня, как крепости, так и с кораблей. Управление же огнем и корректирование стрельбы производилось в Управлении артиллерии Начальником артиллерии Козловским и его помощником Бурксером. Они же управляли огнем артиллерии «Севастополя» и «Петропавловска».

В тех случаях, когда вопросы оперативные зависели от политических или имели с ними связь, Начальник обороны совещался с Председателем Ревкома, причем Председатель Ревкома обыкновенно подчинялся Председателю обороны и против его оперативных методов не возражал. Начальник обороны Соловьянов и Начальник его Штаба Арканников вообще действовали самостоятельно, настолько, что однажды у них вышло столкновение с Козловским, которого они без его ведома приказом устранили от управления огнем. Сделали они это по донесениям Начальников Дивизионов, которые находили, что Козловский слишком вяло и нерешительно действует. На следующий день этот приказ был, однако, отменен по настоянию Петриченко.

Как видим, и командиры, и матросы, и рядовые береговых команд взялись за дело всерьез, с полной убежденностью в необходимости этого дела — обороны Кронштадта, центра будущего, отчаянно мечтая о присоединении к ним Петрограда и о вторичном революционном подъеме по всей России. О настроениях в деревнях матросы были информированы и справедливо полагали, что крестьяне их поддержат. Надеялись они и на некоторых агитаторов, работавших в Петрограде. Все было бы прекрасно, если бы не одно обстоятельство: советской власти, уже одолевавшей последних белых на Дальнем Востоке, противостояли разрозненные очаги сопротивления. Не говоря о том, что между белым офицерством и последней революционной партией эсеров везде — на юге, на востоке, в Петрограде, лишенном статуса столицы, существовали разногласия, если не враждебность. Думаю, обреченность осознавали многие офицеры и матросы, потому и требовали переноса военных действий на материк. Осознавал ее и капитан Зеленой, но... завершение допра:

Все вышеизложенное я сообщаю по личным впечатлениям, вынесенным мною за немногие часы пребывания в штабе крепости, когда меня туда вызывали. Приходил я туда только по требованию и немедленно уходил, как только меня отпускали, ни с кем не вступал в излишние разговоры. Лично я и моя команда никакого участия в операциях не принимали, и, как только Советские войска вошли в Кронштадт,

я немедленно явился в распоряжение коменданта крепости Дыбенко и коменданта города и по их приказанию приступил к исполнению своих обязанностей начальника Отдела, более суток приводил в порядок расстроенные береговые команды моряков и за этой работой у себя в Отделе 19 марта был арестован.

Подпись: Начальник Берегового Отдела П. Зеленой

26 марта 1921 года.

Итак, главный вопрос, стоявший перед следователем, а перед Петром Александровичем — главная задача: насколько активным и (или) добровольным было его участие в восстании. О чем он думал, как реально относился к новой власти — ведает один Бог. В условиях террора слова значения не имеют. После переворота многие офицеры пошли служить большевикам, убедив себя, что их власть — надолго, и если кто наведет порядок, то именно они, а не сторонники дискредитированного Временного правительства. Такое было настроение... даже среди денкинских добровольцев. Но вот забрезжила надежда на что-то вроде «большевизма с человеческим лицом»...

Так что же инкриминировать капитану Зеленому: невольное или активное участие в восстании? В этом опасном равновесном состоянии он решается почти на невозможное: убедить следователя, будто не только поневоле командовал береговыми батареями, участвовал в разработке плана обороны, но и саботировал, как мог, приказы Ревкома и собственных начальников.

Через три дня Петр Александрович карандашом пишет заявление с просьбой дать дополнительные показания.

Арестованного 6-е отделение 8-й камеры Петра Зеленова

Заявление

Желая дать дополнительные показания по моему делу, прошу допустить меня к опрашивавшему меня следователю. 29 марта 1921. П. Зеленой.

Рукопись карандашом:

Дополнительные показания

Начальника Берегового отдела Кронштадта Петра Зеленого

В дополнение к данному мною 26-го сего марта показанию имею еще показать следующее.

Дня за два до занятия Кронштадта правительственными войсками Начальник Обороны Соловьянов, сообщив собранным в штаб крепости начальникам частей о ходе событий, закончил свое выступление заключением, что крепость не в состоянии будет выдержать осаду если не получит поддержки извне. Так как надеяться на присоединение к Кронштадту Петроградского гарнизона нельзя, то единственно, откуда возможно было бы получить помощь, это со стороны иностранных государств, в частности Финляндии. Обратясь затем к председательствовавшему здесь же Петриченко, Соловьянов сказал, что положение наше понуждает нас принять помощь, откуда бы она ни исходила, а потому он просит его выяснить, каков взгляд на это дело со стороны Революционного комитета. Петриченко на это ответил, что Комитет против этого ничего не имеет, а что касается команд, то с их стороны следует ожидать полного согласия на получение такой помощи и что с этой целью он будет действовать в разговорах с представителями команд. Затем Соловьянов сказал, что это надо поторопить и что Революционному комитету необходимо немедленно принять меры к тому, чтобы войти в сношение с Финляндией. Каким порядком это сделать, каковыми будут условия этого соглашения и выразится ли помощь официальным вмешательством правительства или посылкой добровольцев, — это все уже дела Революционного Комитета.

Петриченко на это ответил, что с его стороны все будет сделано в самом срочном порядке. При этом разговоре присутствовало человек 5–7 комсостава, преимущественно крепостной артиллерии, из которых некоторые высказались вслух, что действительно необходимо принять помощь, откуда бы она ни исходила.

Это уже похоже на панику. Первоначальные надежды на Петроградский гарнизон и городских агитаторов, как и на возмущение Центральной, крестьянской России (белые генералы свое отыграли, в Крыму уже всю шла резня, расстрелы и утопление на баржах офицеров по приказам Землячки и Белы Куна, а на востоке каппелевцы с боями сдавали Волочаевку, Хабаровск, Спасск), эти прекрасные надежды рухнули. И отчаявшиеся защитники Кронштадта незаметно впали в тот же смертный грех, в котором еще недавно обвиняли большевиков, — сговор с иностранцами.

Не последнюю роль играли смутные, а потому особенно тревожные представления о силах, готовых обрушиться на Кронштадт. Была надежда, что значительная часть этих сил оттянута на Восточный фронт, на подавление крестьянских мятежей (с деревней у матросов были связи), но сколько сосредоточено войск на северном и южных берегах?

Сведения и расположение войск и артиллерии как на Северном, так и на Южном берегу получались штабом крепости хотя и с опозданием, но очень подробные. Сведения эти не могли быть получены разведкою, высылаемой из крепости, так как разведчики обыкновенно не доходили до берега, а доставлялись эти сведения каким-то очень хорошо поставленным агентством из Финляндии. Соловьянов однажды даже попросил Петриченко постараться использовать этот аппарат для распространения издаваемых в Кронштадте газет и воззваний.

А теперь главное — представить собственное участие в восстании наиболее выгодным образом. Можно поверить в мучительные сомнения, которые испытывал не один Петр Александрович, но за оборону берега отвечал он и в разработках военных планов участвовал активно. Артиллеристы, кстати, предлагали разрушить лед в заливе — по воде красные могли пустить разве что легкие катера... Петриченко страстно против этого возражал, и позже стало понятно почему: только по льду в случае поражения можно уйти в Финляндию. Надежды на успех и у него особо не было.

А вот и главное, чему служили «дополнительные показания»:

По вопросу о личном моем участии по должности Начальника Берегового Отдела я считаю необходимым пояснить, что, как я уже изложил в первом своем показании, я не желал принимать участия в этой безумной аванюре. Хорошо обставленный в служебном и материальном отношении на службе Советской Власти, сочувствуя идеям коммунизма, что может подтвердить мой комиссар, с которым на эти темы мы вели беседы, я не только хотел отстраниться в Кронштадтском мятеже, но даже сразу оказал ему активное противодействие, рискуя собою, в деле о выдате пулеметов, как это изложено в моем первом показании. Получив, однако, вполне определенную угрозу расстрела за всякое дальнейшее сопротивление, я принужден был сделать вид подчинившегося и с того времени выполнял приказание Штаба Крепости, не упуская, однако, случая парализовать их значение. В таких случаях, где я мог проявить свою инициативу, я проявлял ее в обратном направлении, не в пользу мятежа, а, наоборот, как, например, в вопросе о числе команд, которых я очень много скрыл от Штаба крепости.

(Это как? Кроме него, никто из офицеров и матросов Ревкома об этих командах, каким-то образом затаившихся на берегу, считай — дезертиров, не знал, не подозревал? То есть одни отстреливались, а другие прятались в пакгаузах, на хатах? Вижу ухмылку следователя, знакомого со всеми уловками подозреваемых.)

В первый день Штаб собрал все сведения о числе команд непосредственно от Начальников частей, и, не зная всех частей, особенно мелких, он не все их собрал. И я не только не указал Штабу на его ошибку, но и в последующее время, даже в решительный момент последней атаки, когда Штаб потребовал от меня все имеющиеся резервы, я указал, что в распоряжении Берегового Отдела людей нет, хотя в самом Отделе можно было набрать человек сто, да и в прочих частях человек 200 или 300. Таким образом, Береговой Отдел был только передаточной инстанцией по распоряжениям Штаба Крепости, и притом только по таким распоряжениям, которые писались для морских команд, известных Штабу Крепости. Так что если бы я уклонился от исполнения распоряжений, Штаб выполнил бы их помимо меня и, вероятно, нашел бы на мое место человека, который стал бы исполнять его распоряжения не под угрозой, а по убеждениям.

Когда Штаб Крепости потребовал от меня представить списки людей, избранных Начальниками частей в команду охотников, я три дня не приступал к запросу Начальников частей и только после вторичного настойчивого приказа послал эти запросы, а затем собирал эти списки в Отделе, не торопя и не понуждая те части, которые их задерживали. Списки были представлены в Штаб Крепости настолько с опозданием, что никто из избранных людей уже не мог быть назначен в разведку, с каковой целью эти списки составлялись.

Я не излагаю много другого, сделанного мною с целью по возможности устраниваться в боевых действиях, так как такое изложение заняло бы много места. Но в случае надобности я готов дать объяснение на каждое такое распоряжение, которое может быть по первому взгляду поставлено мне в вину, так как с внешней стороны в своих распоряжениях, конечно, должен был соблюдать форму, придающую им вид добросовестного исполнения своих обязанностей. Мне приходилось вести очень тяжелую двойную игру, но я считаю, что свое намерение устраниваться самому и устранить свои команды от участия в мятеже я выполнил вполне, в той мере, в какой обстоятельства допускали возможность пассивного сопротивления.

Что касается настроения в среде командного состава, то я уже упоминал в первом своем показании: среди встреченных мною в Штабе Крепости моряков я заметил отношение к мятежу несочувственное и состояние духа подавленное. Что ж касается сухопутного состава, то среди них замечалась большая активность. Никого из них я раньше не знал, а потому и не могу сказать вполне определенно — каковы их взгляды и в чем выражались их намерения. Но как видно из вышеизложенного, в этой среде возникла и проводилась мысль поддержать восставший Кронштадт всеми средствами, не исключая и посторонней помощи, откуда бы она ни исходила.

После получения воззвания т. Троцкого о том, что добровольно сдавшиеся будут помилованы, я только и ждал случая, когда можно будет выйти из этой захватившей меня авантюры и перейти вновь на службу Советскому Правительству, что я и сделал при первом же появлении Советских войск в городе, явившись сам и представив свои команды в распоряжение Советских властей, в то время как завладевшие властью и державшие нас под угрозой руководители мятежа отступили к границам Финляндии.

Подпись: П. Зеленой

5-го апреля 1921 года. Дом Предварительного заключения.

Подозреваемый и следователь преследуют, понятно, разные цели. Конечно, против фактов не попрешь, но их истолкование направлено: у следователя — на доказатель-

ство вины, у допрашиваемого — на самооправдание: да, делал все, что мне приказывали, но не только против воли, но саботируя эти распоряжения, как мог. Чуть ли не агент большевиков в стане восставших... Говорить об искренности Петра Александровича (как делает его внучатый племянник Виктор Орлов, кому мы обязаны собранием ценнейших документов о Зеленых и Усовых, отысканных в архивах КГБ) — значит не понимать простого правила, известного любому уголовнику и политическому: следак — твой враг, и обмануть его, запудрить мозги — святое дело! А если прижмут фактами, старайся всеми силами смягчить статью. Этим и руководствовался капитан Зеленой, возможно, этому научили его, пока сидел в ДОПре...

Его оправдания выглядели не слишком убедительно, чтобы не сказать — наивно. У следователей хватало других свидетелей боевой службы начальника берегового отдела — таких, которым они охотнее поверили. Один из них — «Командир отряда Главного Минера Кронштадта». Его рапорт тем интереснее, что показывает, так ли уж сильно рисковал капитан Зеленой в случае отказа подчиняться распоряжениям мятежного начальства.

В отличие от прочих командиров и начальников команд, руководитель всей минерной службы крепости не только не поверил в успех восстания, но выступил открыто против Кронштадтского ревкома. Он ли один? С ним вместе был арестован комиссар флота Кузмин и несколько других, как он выразился, «коммунаров». То есть расклад в офицерском корпусе Кронштадта был сложнее, чем представляется на первый взгляд: в нем были и сомневающиеся в успехе, и откровенные противники, не сумевшие (не успевшие?) покинуть крепость в начале заварухи, пока путь по льду на материк был практически свободен. Теперь трудно разобраться в побуждениях людей того времени, да у каждого был свой резон — бежать, остаться, протестовать или служить. Имени начальника отряда минеров казенные бумаги не сохранили — «подпись неразборчива», но, судя по пометке на рапорте, это Максимов, — да нам это неважно. Важно, что ни его, ни комиссара Кузмина не только не расстреляли, но вызвали под конвоем на ключевое совещание командиров крепости — по разработке плана обороны. Потом его вернули в следственную тюрьму, где он, комиссар Кузмин и, вероятно, не они одни благополучно дождались конца восстания. Вот одно из свидетельств очевидца:

«Первые сутки по возникновении Революционного комитета, — отмечал генерал А. Н. Козловский, — последний в полном составе занимался рассмотрением различных вопросов об арестах, допусках и пропусках». Уже к утру 3 марта под стражей оказалось около 150 коммунистов. Вскоре для руководства обысками и арестами учреждается особая «следственная часть» (во главе с членом ВРК Павловым). Ее стараниями в тюрьму попало еще 170 коммунистов. Кроме того, была открыта отдельная тюрьма для беспартийных, где к концу восстания находилось несколько десятков человек.

Там же мог оказаться капитан Зеленой... не оказался.

Из рапорта начальника отряда минеров, направленного 21 марта 1921 года в ЧК:

Довожу до вашего сведения, что 2-го числа марта месяца я был арестован. 4-го марта была получена телефонограмма за № 152 из Берегового Отдела Кронштадта за подписью Начальника Берегового Отдела Зеленова и члена Комитета Смирнова. Немедленно явиться в Штаб крепости и взять с собой сведения о наличии команды и также какое имеется вооружение в Отряде. По моему прибытию в штаб крепости с конвоирами Председателя Ревтройки Нестерова был собран командный состав из таких лиц: Начальник артиллерии Козловский, Начальник Штаба Соловьянов, Начальник Берегового Отдела Зеленой... начали обсуждать и вырабатывать план обороны Кронштадта и фортов. Председатель Революционного комитета еще не был

в штабе, но самое горячее участие принимал при выработке этого плана Начальник Берегового отдела Зеленой, Начальник Рабоче-Конвойного отдела, Начальник артиллерии Козловский и Начальник Штаба крепости Соловьянов. Когда прибыл Председатель Временного Революционного Комитета Петриченко с какими-то товарищами, уже все было сделано, ему дали только на подпись, когда он подписал все планы действия, тогда началось назначение Начальников боевых участков... Потом Перстнев подошел к Петроченко и говорит: что вы делаете, здесь среди нас находится коммунист, который теперь знает наш план обороны Кронштадта, и указал на меня. Тут Петроченко подходит ко мне, взял меня за плечо и увел в караульное помещение, называя мерзавцем, и сейчас же взял из караула трех вооруженных часовых и написал какую-то записку и препроводил меня на линкор «Петропавловск», после чего не знаю, что там было. На второй день вместе с остальными коммунистами препроводили нас в следственную тюрьму во главе с комиссаром Балтийского флота Кузминым.

К заявлению были приложены телефонограмма П. А. Зеленова, из которой явствовало, что Петр Александрович принимал активное участие в разработке плана обороны Кронштадта. Как и остальные командиры основных боевых подразделений флота и суши.

С такой трактовкой его участия в восстании Петр Александрович, естественно, не согласился. Но новых аргументов не привел, свидетелей его *пассивного сопротивления и саботажа* не нашлось, да кто бы их послушал. Все было предрешиено, стреляли и за менее значительные грехи против советской власти. В рапорте *коммунара, командира минного отряда*, то есть по рангу близкого к Зеленому, интересно другое: повстанцы никого из арестованных, отказавшихся участвовать в восстании, не расстреляли, а просто изолировали в следственной тюрьме. Рисуем предположить, что капитану Зеленому в случае полного отказа от участия в обороне крепости грозила та же участь. Понимал он это или предполагал худшее... А может быть, все-таки сочувствовал восстанию? И как иные офицеры, чья искренняя любовь к большевикам очень сомнительна, был бы рад его успеху? Никогда не узнаем.

Катя Миленко, племянница, ей уже 19, долго ходила в комендатуру, пыталась выяснить, что с дядей. Виктор Орлов, считавший, что двоюродный дед искренне принял советскую власть, пишет: «...когда его девятнадцатилетняя племянница, жившая в его семье в Кронштадте, бросилась искать его в конце марта по тюрьмам в Петрограде, Петр Александрович был еще жив».

Мог ли он избежать расстрела?

Свидетелей того, как капитан Зеленой вел себя во время штурма, следовательно, наверно, искал, но не нашел. А это было бы решающим при вынесении приговора. Петр Александрович сказал, что сразу после занятия Кронштадта явился к новому коменданту и предложил свои услуги по наведению порядка в береговом отделе. Но штурмов было два. Во время первого артиллеристы покروшили сотни красных, многие утонули в полыньях, пробитых крупнокалиберными снарядами линкоров, — именно это предлагали офицеры хитрому Петриченко... Он, кстати, вместе с другими руководителями восстания сбежал в Финляндию, запасной план был выработан заранее. Лед сберегли для бегущих, последних оказалось несколько тысяч. По некоторым воспоминаниям, в Кронштадте был оставлен отряд заграждения, арьергард, прикрывший бегство. Считай, смертники... Так вот: без грамотного командования артиллеристов, в том числе берегового отдела, и первый штурм удался бы. Рукопашная завязалась уже только на улицах Кронштадта. Так как командовал береговыми батареями капитан Зеленой? Об этом протокол молчит, как и сам Петр Александрович.

ПРОТОКОЛ

Заседания Президиума Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности
от 20 апреля 1921 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т. т. ЗОЛИН, СЕМЕНОВ, ПОДГАНСКИЙ... (всего 20 чел.)

Слушали Постановили

Дело № 1027 о КРОНШТАДТСКОМ ВОССТАНИИ

ОБВИНЯЕМЫЕ:

КРОНШТАДТСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ (отсутствует, бежали в Финляндию).

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ МЯТЕЖНИКОВ:

ДМИТРИЕВ С. Н., командир группы линкоров... есть...

ЗЕЛЕНОЙ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ, капитан 1-го ранга, начальник Берегового Отдела Кронштадтского порта, беспартийный, женат. Принимал активное участие в Кронштадтском мятеже, принимал самое горячее участие при выработке плана обороны Кронштадта и фортов. В момент, когда бежал РЕВКОМ, к Береговому Отделу перешла вся власть РЕВКОМА и подчинение всех мятежных частей.

ЗЕЛЕНОЙ есть. Расстрелять (подпись неразборчива)

В этом странном приговоре не только перед Ревкомом, но перед именами немногих офицеров (начальник артиллерии генерал Козловский) стояло спасительное — «нет». Сразу было расстреляно 13 человек, всего — 2103. В Финляндию ушли 8000.

Много лет спустя почти девяностолетняя Катя Миленко — *бабушка Катюша* — печально вспоминала, как кто-то из знакомых или даже родственников «*ушел по льду в Финляндию, а дядя Петя не ушел*»... А я не догадался спросить: почему? Теперь уже не спросишь. Вернее всего, не захотел оставить в заложниках семью, большевики активно использовали *институт заложничества*. Семью не тронули, только выселили из Кронштадта. Вспоминает Катя Миленко (Е. А. Алексина):

Мне было 20 лет, на руках у меня были Танточка (жена Петра Алексеевича), бабушка (ее мать Ольга Алексеевна, сестра Павла Алексеевича Усова. — В. У.) и Володя 13 лет. Я переправила их к родным в Петроград, а сама, еще работая, осталась ликвидировать шестикомнатную квартиру в Кронштадте. В то время отбывал в Кронштадте военную службу мой троюродный брат Коля К. (*таинственный персонаж — как уцелел? Или прибыл с красными?* — В. У.) и мы с ним с рассветом, до работы, ставили на ручную тележку диван или пианино, или кресла и везли через весь город на пристань и грузили на пароход, а в Петрограде родные встречали эти вещи. Нужны были какие-то разрешения на вывоз мебели — я их доставала (*тут явно не обошлось без Коли К.* — В. У.).

Кстати, о Коле К. Это был Николай Евгеньевич Козелкин, действительно дальний родственник сестер Зеленых, сыгравший роковую роль в судьбе детей — сына и дочери Павла Усова и младшего сына Петра Зеленого. В Красную армию поступил добровольцем, за его плечами — служба в Стрелковой артиллерийской бригаде (разведчик), затем — Всеобуч Холмского уезда, где было имение его отца-генерала; в Кронштадте он — делопроизводитель строительной части в Артиллерийском управлении. Решили, что в мятеже он не замешан, — просто по причине малой должности, в которой его, по-видимому, и оставили... Так что с оформлением бумаг на вывоз мебели он помог Кате не только с тележкой...

Ликвидировав квартиру в Кронштадте, я тоже уехала в Петроград. Дядя Женя, брат Танточки и отец Оли (Прохоров), устроил меня на работу в окружное Артил-

лерийское Управление, и началась моя «канцелярщина». Она давала мне в военном доме три комнаты в квартире (дом Военного ведомства) и паек. Мы жили там вчетвером. Моя мама в это время работала в интернате для школьников и жила там, имея питание и комнату, приходила к нам и приносила (конечно, сама недоеда) немного провизии, точнее, свой обед... Началась моя жизнь в Петрограде.

ДЕТИ (ЭПИЛОГ)

И началась жизнь Усовых и Зеленых в этом холодном городе. Их выселили из Кронштадта, из Матенца и Врева, на них была печать *бывших*, людей второго сорта, им только с помощью уловок удавалось поступить в высшие учебные заведения, а когда Сашу Усова разоблачили, ему пришлось оставить Институт гражданских инженеров и с помощью другой уловки зацепиться за Педагогический: там относились к происхождению полегче, желающих учить было немного. Но ненадолго: образование пришлось заканчивать на Соловках.

Но это позже, в 1926 году. Два года он проучился, встретил свою будущую жену, Милицу Сухареву, дочь бывшего следователя по убийным делам, ради детей устроившегося рабочим в типографию: иначе дочерей не приняли бы в институты. Как обошел свое происхождение Володя Зеленой, младший сын расстрелянного Петра Александровича, неизвестно. Ушел из армии и Коля Козелкин, разочаровавшись в идеях и методах большевизма (после кронштадтских расстрелов, после выселения родных и близких из домов, служивших им единственным пристанищем, и продразверсток, не миновавших и псковских мужиков); он поступил в Технологический институт как бывший красноармеец.

Казалось, жизнь младшего поколения не то чтобы налаживалась, но приобрела перспективу: учитель, конечно, не инженер, но место под солнцем обеспечено. А оно светит всем одинаково, молодым обещая счастливое будущее. Студенты того времени, и не только они, ностальгически вспоминали, как в голоде, тесноте и скудости весело проводили время, как никогда после... Особенно те, кто не слишком задумывался *о судьбах России*.

Коля Козелкин, студент Техноложки, задумывался. Писал статьи, которых не печатали в силу их сомнительной направленности, но более по философской части, рассматривая будущее России с позиций *евразийства* (понятие сложное, противоречивое, но заведомо небольшевистское). Был в некотором роде учеником Вернадского, не одобрявшего излишней политизированности в философических построениях, а Коля не захотел участвовать в его работах, не признавая «чистой науки». В поисках «дела» он прибил к студенческой «группе РСДРП», недобитых меньшевиков, связанных с организацией «Трест», созданной чекистами для провокаций в эмигрантской среде, вылавливания агентов, в том числе самого Савинкова... Работа этой конторы описана в литературе, но дело не в этом. Колю арестовали на квартире вместе с другими членами кружка, однако быстро отпустили, убедившись в его *непричастности*. Тем более красноармеец... Случилось это в 1924 году, все наши герои только начали учиться.

Усовы поселились в квартире сестры Павла Алексеевича, Любы Правдзик. Опустим романтическую историю ее второго замужества, она описана в воспоминаниях Ольги Павловны Усовой-Орловой. Кто мог, подрабатывал: папа (Александр Павлович Усов) вспоминал, что, получив деньги на какой-нибудь разгрузке или иной халтуре, быстро нес их в сберкассе. Вклады индексировались в соответствии с галопирующей инфляцией, а наличные быстро дешевели... Павел Алексеевич, вышедший в отставку в чине контр-адмирала при Керенском, никакой пенсии не получал. Вообще

непонятно, на что они жили, но — жили! У Кати Миленко были две комнаты в доме военного ведомства, в которых и произошли роковые события. Она работала в Артиллерийском управлении — там, видимо, были неплохие пайки или — позже — деньги... Короче, так бы и жить в ожидании лучших времен.

Николая Козелкина первый арест не вразумил. Из близких знакомых, студентов Техноложки и, разумеется, знакомых по имениям он организовал кружок, своего рода семинар для обсуждения вопросов не столько политических, сколько глобальных, но имевших отношение к современности, так сказать, от общего к частному, в последнем поневоле угадывалась все та же злободневная политика. В кружок вошли Саша и Надя Усовы, Володя Зеленой... Собрания проходили в квартире Кати Миленко, в доме военного ведомства. Очень удобно — хата чистая, кто заподозрит, да и темы вполне академические, люди при всякой власти имеют право обсуждать... Екатерина Александровна Миленко-Алексина вспоминала простодушно, что «окно было открыто, кто-то подслушал и донес». Как будто мало было стукачей в студенческой среде, как будто Николай Козелкин после ареста не был взят на заметку. Но это позже они стали умными, обученными советской властью (никто из детей не знал о *контрреволюционной деятельности* родителей, пока при поступлении в институты те не открылись им, рассказывая, как надо похитрее заполнять анкеты). Папа (Александр Усов) рассказал, что в день ареста он шел на сходку с предложением — разойтись, пока не поздно. Было поздно. Не вдаваясь в подробности: Володя Зеленой, Саша и Надя Усовы отправились на Соловки, а Николай Козелкин был расстрелян. Катю Миленко из Ленинграда выслали в тридцатых, после убийства Кирова.

Однажды, уже в послевоенные годы, в дверь Кати Миленко (Екатерины Михайловны Алексинной) постучался незнакомый человек. В приоткрытую на цепочке дверь (он, надо полагать, имел болезненный вид) незнакомец ошарашил тетю Катю восточкой с иного света: он будто бы сидел в тех лагерях, где чалился и Александр Петрович Зеленой, умерший незадолго до очередной (не бериевской ли?) амнистии. Ни время, ни содержания разговора тетя Катя не сообщила ни дочери Ирине, ни мне, своему зятю, любителю истории. Известно через третьи руки... Так вот: воспитанная жизнью, Катя Миленко, хотя и сохранила молодую живость и интерес к жизни, не воскликнула: ах, проходите, расскажите, расскажите же мне о нем! Так поступила бы юная Катя, обивавшая пороги следственных изоляторов в попытках что-то узнать *о дяде Пете... Екатерина Михайловна закрыла дверь. Возможно, из вежливости пояснила, что ничего об этом знать не хочет.*

Этот человек как будто заходил и к Зеленым — Владимиру Петровичу и сыну Кириллу, самым прямым родным Александра, и будто что-то рассказывал о его жизни и смерти в лагере... но и этих людей уже не спросишь. Из разных источников, в том числе из протокола допроса Александра Петровича, пунктиром жизнь его после ухода в Маньчжурию представляется в виде попыток не закрепиться, а как-то выжить на чужбине. Тут и участие в разных объединениях военных людей, организовывавших даже скаутские лагеря для детей, и — неожиданно и настораживающе — участие в работе японской контрразведки в качестве переводчика при допросе советских пленных. А это уже предвоенные озеро Хасан и Халхин-Гол... поездка в Японию с не совсем понятной миссией... Эти его признания в 1946 году вполне тянули на расстрел. Но видимо, кроме записанного в протоколе, Александр Петрович сообщил что-то еще очень ценное о японских делах, назвал имена... Что гадать? Интересно другое: он там, в Маньчжурии, женился, у него родился сын, и пред самым приходом советских войск он отправил семью в Америку. Так что где-то на чужбине живут, возможно, послед-

ние потомки Петра Александровича или дети его... Почему Александр сам не уехал с этим последним пароходом — еще одна психологическая загадка Зеленых.

А старший сын Павла Алексеевича Усова выбрал самую мирную специальность — учить детей. Помыкавшись на родине, уехал в Среднюю Азию, стал с увлечением, даже со страстью работать, душу вкладывал в чужих детей. Казалось, его-то минует опасное внимание советской власти... Увлеченность его и сгубила: в конце двадцатых Россию — и мир — захватила идея международного языка *эсперанто!* Ну как же, сближение народов, интернационализм, что-то такое светлое, доброе: *все люди братья...* И язык простой до примитива. И дернуло скромного учителя Николая Павловича Усова завести безобидную переписку с зарубежными *братьями*. Дальше — арест, обвинение в *связях*, лагерь, откуда он живым уже не вышел.

ПРИМЕЧАНИЯ (персоналии)

УСОВЫ:

Павел Алексеевич — полковник, в отставке вице-адмирал

Его дети: Николай, Александр, Надежда, Екатерина, Ольга

Его братья: Александр, Виктор; сестры: Ольга, Любовь

(Любовь вышла замуж за Прохорова, их дочь Надежда первая породнилась с Зелеными.)

ЗЕЛЕННЫЕ:

Петр Александрович — капитан 1-го ранга

Его мать — Екатерина Акимовна, урожденная Войно-Куринская

Его отец — Александр Сергеевич, лейтенант в отставке, владелец Матенца

Их дочери: Мария, Екатерина, Наталья, Александра, Ирина, Евдокия

Сыновья Петра Александровича: Александр, Владимир

Екатерина Михайловна Миленко, дочь Александры Зеленой

БРАЧНЫЕ УЗЫ:

Петр Александрович Зеленой женится на Надежде Прохоровой, племяннице Павла Алексеевича Усова.

Павел Алексеевич женится на Ирине Александровне Зеленой.

ОСТАЛИСЬ ВОСПОМИНАНИЯ:

Ольги Павловны Орловой, урожденной Усовой;

Екатерины Михайловны Алексиной, урожденной Миленко;

Усова Александра Павловича (заметки);

Кирилла Владимировича Зеленого, внука Петра Александровича.

Усилиями Виктора Орлова, сына Ольги Павловны, обретенны:

протоколы допросов Петра Александровича и Александра Петровича Зеленых; Александра Павловича Усова — по делу группы Николая Козелкина;

дневник Николая Павловича Усова о работе в Средней Азии и казенная информация о его деле и приговоре.

ТАК КОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?

Вообще говоря, «конец истории» как прекращение привычного течения жизни человеческого общества с присущими ему конфликтами, войнами, социальной несправедливостью, страданиями остается на протяжении вот уже двух тысяч лет стержневой идеей европейской культуры. С христианской точки зрения всех нас ждет Страшный суд, после которого каждый из появившихся на свет со времен сотворения Мира получит свое воздание. Фактически речь идет о такой исторической перспективе, в которой Божье творение будет окончательно избавлено от греха.

К своей «окончателности» ведут и другие прогрессистские модели развития (напомню, что первой была именно христианская, получившая свое освещение еще в трудах Блаженного Августина). Так просветители видели конечную задачу общественного прогресса в овладении полнотой знания о Мироздании и удовлетворении всех потребностей человека. Марксисты уповали на построение бесклассового общества и прекращение классовой борьбы — движущей силы истории. Идеологи Третьего рейха надеялись на мировую гегемонию представителей высшей расы, вод властью которых все социальные и межэтнические противоречия окажутся преодолены (неважно, что путем устранения расово неполноценных).

В 1989 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма опубликовал в журнале «The National Interest» эссе «Конец истории?», ставшее основой для позже изданной им книги «Конец истории и последний человек». В ней высказывалось предположение, что либеральная демократия является кульминацией исторического развития человечества, а глобализация и распространение западных ценностей на весь земной шар сделает дальнейшее сосуществование людей бесконфликтным. В своем эссе Фукуяма писал: «Этот триумф Запада, триумф западной идеи проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму. <...> Наблюдаемое ныне — это, возможно, не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода всемирной истории, но конец истории как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе»¹.

По сути дела, эта чисто посмодернистская идея, видящая в любой идеологии (кроме, разумеется, своей собственной²) угрозу авторитаризма и социальной конфликтно-

Алексей Геннадьевич Машевский родился в 1960 году. Поэт, автор девяти книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

² Нужно ли пояснять, что воззрение, согласно которому любая идеология вредна и опасна, само является идеологией, впрочем, весьма специфической, подрывающей собственные основания!

сти, явилась прямым продолжением еще просветительской установки. Вольтер и его соратники держали под подозрением не только религию, но и саму культуру за их склонность апеллировать к Истине, следовательно, подчинять жизнь человека высшим ценностям, которые в рамках другой культурной или конфессиональной парадигмы оказывались иными³. Животные не воюют между собой (что не мешает им, однако, встраиваясь в соответствующие пищевые цепочки, поедать друг друга), потому что у них нет ни религии⁴, ни идеологии, ни культуры в антропологическом ее понимании. Волк охотится на зайца не потому, что у них разные системы ценностей, а потому, что для того, чтобы выжить, хищнику необходимо добыть свежего мяса. Но он никак не заинтересован в полном уничтожении заячьей популяции и, конечно, не станет устраивать поголовную резню длинноухих подобно тому, как это проделали с гугенотами католики в ночь святого Варфоломея (или нацисты с лицами соответствующей национальности, приняв концепцию «окончательного решения» еврейского вопроса).

Следовательно, выход из исторической реальности (предполагающей катаклизмы войн, революций, идейных переворотов, социокультурных потрясений) видится в деконструкции любых человеческих ценностных вертикалей. А это, по сути дела, означает переход к существованию общества в режиме биоценоза, в котором нет смысловых иерархий, зато есть биофизиологические⁵. Я сейчас не буду даже задаваться вопросом, к каким последствиям должна привести деградация культурной матрицы, без которой невозможно воспроизводство антропологического феномена. Собственно, ответ понятен: к прекращению его воспроизводства, то есть к расчеловечиванию. Меня интересует, насколько вообще достижимы подобные цели? Здесь же наблюдается полная аналогия с любой физической или биологической системой, которая остается живой лишь до тех пор, пока в ней имеет место разнообразие, проявляющееся через структурную и энергетическую неоднородность, определенную разность потенциалов, обеспечивающую протекание процессов обмена, понижающую энтропию. Стремление к внутренней безконфликтности системы равноценно переводу ее в режим «тепловой смерти». Что, собственно, и должно произойти с человечеством в случае тотальной глобализации, уравнивающей (а точнее, растворяющей) в потребительской унификации все прежние локальные культуры, религии, системы идеологических ориентаций.

Во многом этот результат и был достигнут экспансией Запада в конце XX — начале XXI века, когда после крушения социалистического лагеря на планете остался один гегемон, распространяющий свою либерально-постмодернистскую (при этом забавно, что еще и «плюралистическую») идеологию повсеместно. «Конец истории печален, — пишет Владимир Бибахин. — Нет ни искусства, ни философии, повсюду только с утомительным напряжением охраняемый музей культуры. Среди предупре-

³ Европейским просветителям в XVIII веке удалось нанести смертельную рану христианству, к XXI веку в своих конфессиональных формах (но не в евангельском Откровении, конечно!) основательно деградировавшему. Однако в XIX столетии иерархии смыслов возродились в квазирелигиозной форме конкурирующих идеологий. Их столкновение оказалось не менее катастрофичным, чем войны за истинную веру XVI—XVII веков. По этой причине во второй половине XX века постмодерн и принялся «добывать» идеологии. Точнее, сводить (через идею конвергенции, ризомы и пр.) их разнообразие к одной: либерально-демократической, глобалистской.

⁴ Во всяком случае в первом приближении.

⁵ И тогда не надо спрашивать, почему крупный хищник, вроде США имеет возможность через выпуск резервной валюты экспортировать свою инфляцию по всему миру. То есть почему так называемый «золотой миллиард» в буквальном смысле пожирает ресурсы остальных 90 % человечества. В деиерархизированном в смысловом отношении обществе и индивид, и отдельные сообщества оказываются всего лишь элементами пищевой цепочки.

дительного, избыточного благополучия человек в самом центре сегодняшней цивилизации витрины и экрана томится ностальгией по прошлому, когда, по воспоминаниям, задавали тон готовность рисковать жизнью ради чистой цели, отвага, воображение, идеализм»⁶. Даже сам Фрэнсис Фукуяма отчасти удручен подобной перспективой. В своей знаменитой статье идеолог «конца истории» неожиданно проговаривается: «Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?»⁷

В общем-то, история только такими «новыми стартами» и полнится. Наступают они обычно после того, как достигающая пика своего развития, выработавшая «самую гуманистическую» систему ценностей, распространившаяся на значительную территорию цивилизация впадает в гомеостаз. Тогда-то как раз и приходят «варвары», не желающие считаться с, казалось бы, навсегда установленными и разделяемыми всеми прогрессивно мыслящими людьми правилами. И историческая функция этих «варваров» состоит в том, чтобы не допустить «тепловой смерти» системы, снова актуализировать внутреннюю конфликтность существования человечества как *живого единства разнобразного*. Собственно, и слово «варвары»⁸ я здесь заковычиваю по той причине, что таковыми они считаются лишь теми, кто кровно заинтересован в сохранении *правил* (как бы красиво они идеологически ни оформлялись), при которых проживающие в странах ядра мир-системы Модерна (или, по выражению одного из руководителей Евросоюза, *цветущего сада*) получали экономические и политические преимущества по сравнению с теми, кто имеет несчастье относиться к ее периферии.

То, что история никак не желает заканчиваться, продемонстрировали многочисленные конфликты, которыми полнится наступившая после 1945 года *Эра мирного сосуществования*, которая (что вполне иронично) также была названа *холодной войной*. Корея и Вьетнам, несколько арабо-израильских конфликтов, Великая африканская война (1998–2002), унесшая жизни пяти миллионов человек и тлеющая на территории Конго до сих пор, бесконечный конфликт в Афганистане, расчленение Югославии, ирано-иракская война, вторжение западной коалиции в Ирак, спровоцированные цветными революциями боевые действия в Ливии и Сирии... И это только самые заметные индикаторы того, что история с ее агрессивностью никуда не делась. Другое дело, что в рамках принятой либеральным обществом политкорректности данный факт запрещено признавать. Что по понятным причинам вполне вписывается в идеологию «цветущего сада», вытесняющую все эксцессы, противоречащие генеральной глоба-

⁶ Бибихин В. В. Новый Ренессанс // Собрание сочинений. Т. 3. <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/бибихин-vladimir-veniaminovich/sobranie-sochinenij-tom-iii-novij-renessans/2?ysclid=lu0003agif835997299>.

⁷ Фукуяма Ф. Там же.

⁸ Само понятие «варвар» связано с древнегреческим шовинизмом, получившим обоснование в столь значимых для западного менталитета трудах Аристотеля. Стагирит полагал, что собственно человеком может считаться лишь тот, кто принадлежит к эллинской культуре. Те же, кто находится вне нее — варвары, ибо, будучи людьми по своему облику, в поведении воспроизводят закономерности, свойственные, скорее, природе. Аристотелю было невдомек, что у скифов, персов или индийцев имеется *своя культура*. Удивительно, что современные либеральные демократы вроде бы должны быть осведомлены о данном обстоятельстве. Однако это не мешает им вслед за древнегреческим философом претендовать на единственно правильное толкование таких понятий, как «свобода индивида», «права человека», «демократические выборы», и настаивать на соблюдении всеми, в том числе «не вполне цивилизованными», странами так называемых *правил*.

листской повестке в так называемые «джунгли»⁹. К тому же слово «война» в тех конфликтах, которые развязывал Запад, было табуировано и заменялось разного рода эвфемизмами. Так агрессия англо-американской коалиции против Ирака в 2003 году получила наименование «военной операции» под красивой вывеской «Иракская свобода». К слову сказать, обретение оной стоило местному населению за все годы оккупации, по разным оценкам, от ста тысяч до миллиона погибших.

Однако слом представлений о «конце истории» произошел в западном сознании только в феврале 2022 года после начала активных боевых действий на Украине¹⁰. Трагизм происходящего, болезненный для каждого нормального человека, тем не менее служит индикатором того, что исторический процесс со всеми его опасностями, смертельными ловушками, напряжениями, сменой лидеров и идеологических парадигм продолжается. А это одновременно означает, что «тепловая смерть» человечеству пока не грозит. Другое дело, что теперь ему вполне угрожает термоядерное уничтожение.

Происходящее заставило ряд интеллектуалов заговорить о возвращении к «исторической нормальности», в частности о необходимости легитимизации войны. Собственно, еще Гераклит говорил о том, что война — отец всех вещей, имея в виду, конечно, не смакование кровавых ее особенностей, а тот очень хорошо известный каждому эллину факт, что жизнь — это по большому счету агон: противостояние и противоборство.

Нет сомнений, что любое историческое развитие, вовлекающее в сложную систему соперничества субъектов международных отношений, каждый из которых имеет свои интересы, потенциально конфликтно. Эта конфликтность в зависимости от конкретных политических, экономических, социокультурных условий может разрастаться до масштаба мировых войн. Что, конечно, весьма прискорбно, но при всем нашем желании не может отменить того факта, что вся мировая история, какой мы ее знаем, по крайней мере со времен мезолита, представляла собой практически непрерывную цепь военных столкновений. Как утверждает в книге Ефима Лихтенштейна «Слово о науке», за последние пять тысяч лет существования человечества, доступных нашему анализу, только 292 года можно считать мирными¹¹.

Автор приводит также такие данные: в более чем 15 тысячах военных конфликтов погибло 3 миллиарда 640 миллионов человек. Жуткая цифра. Но как ни странно, это не так много, поскольку, по подсчетам специалистов, за всю историю человечества на Земле народилось на свет около 107 миллиардов людей. Следовательно, войны унесли жизни не более 3,4 % населения. Эпидемии значительно больше¹².

⁹ Досадным нарушением правил стали в 1999 году бомбардировки силами НАТО расположенной в самом центре Европы Югославии. Разумеется, и эта акция неприкрытой агрессии получила благородное название «гуманитарной интервенции».

¹⁰ Их тоже назвали «специальной военной операцией». И это закономерно. Во-первых, на официальном уровне приходится говорить на том языке, на котором предпочитают обозначать свои действия все остальные. И во-вторых, разворачивающийся на Украине конфликт действительно обладает ярко выраженной спецификой: в частности, потери в нем мирного населения значительно меньше потерь непосредственных участников боевых столкновений. Насколько я помню, во всех войнах предыдущего периода соотношение было прямо противоположным.

¹¹ Лихтенштейн Е. Слово о науке. М., 1976.

¹² Так, например, только вирус черной оспы и в одном только XX веке убил от 300 до 500 миллионов человек, туберкулез в XIX веке стоил Европе четверти ее взрослого населения, а в XX столетии от него погибло, по меньшей мере, 100 миллионов (<https://news.rambler.ru/other/40968698-smertelnye-bolezni-kotorye-izmenili-mir/>). На самом деле это та цена, которую платит человечество за приобретение коллективного иммунитета против патогенов, что помогает выживать популяции в целом. В принципе, и жертвы войны можно рассматривать как цену, которую платит человечество за иммунитет к деградации в «стоячих водах» остановившейся истории. Почему наше сознание мирится

Поэтому если рассматривать конфликтность истории как залог развития человечества с сугубо практической (и циничной) точки зрения, придется признать, что оплачивается прогресс «по тарифу» в целом для устойчивого существования популяции приемлемому. Другое дело, что он неприемлем для тех, кого история обрекает на гибель. И это извечный вопрос, который с впечатляющей глубиной был поставлен Пушкиным в «Медном всаднике»: как бы мы ни хотели, но, по-видимому, никогда не удастся соблюсти баланс между правом индивида на свое маленькое человеческое счастье и правом человеческой общности завоевывать пространство и стремиться к коллективному бессмертию (каким бы иллюзорным оно ни казалось).

Попытка построить бесконфликтный мир утопична и опасна, просто потому, что итогом своим имеет прекращение социального и политического развития человечества, следовательно, его деградацию¹³. Политик, демонстративно игнорирующий данное обстоятельство, с неизбежностью обрекает себя либо на лицемерие, либо на поражение в столкновении с реальностью. Собственно, по этой причине некоторые и предлагают легитимизировать войну, признать ее неизбежность как трагической, но неотменимой составляющей человеческой истории. Вполне логично. Но, как мне представляется, опрометчиво.

Проблема в том, что научно-техническое развитие человечества привело нас сейчас в ту точку, в которой традиционная история с ее агрессивным способом установ-

с неизбежностью пандемий, но восстает против войны как имманентного компонента разрешения геополитических противоречий? Потому что в первом случае мы, как нам представляется, имеем дело с внешними факторами природного генезиса, тогда как во втором — с проявлением человеческой активности, носящей античеловеческий характер. Это, конечно, так. Беда лишь в том, что человеческая деятельность на уровне социальных общностей подчиняется совсем нечеловеческим (то есть не этическим обоснованным) закономерностям. Это еще в XVI веке понял Макиавелли. К сожалению, данную реальность невозможно отменить, но ее весьма важно учитывать, например, выстраивая политику отношений со своими соседями. Потому что, только исходя из реальности, конфликт можно предотвратить либо же число его жертв минимизировать.

¹³ Эта попытка и была осуществлена в процессе запущенной еще в XVIII веке глобализации. Предполагалось, что в мире, охваченном рыночной экономикой и исповедующем единые либерально-демократические принципы, останется один гегемон, который и будет гарантом подавления любых разгорающихся где-либо конфликтов. После распада СССР и мировой социалистической системы в начале 1990-х годов роль такого общемирового «смотрящего» присвоили себе США. Однако они с ней явно не справились. По ряду причин. Во-первых, оказалось, что западная элита не желает ни с кем делиться своим привилегированным положением и обретенное господство использует не столько для поддержания справедливого равновесия, сколько для перераспределения мировых ресурсов в своих интересах (вообще говоря, согласно Иммануилу Валлерстайну, элита ядра капиталистической мир-системы и не может поступать иным образом). Во-вторых, сами диспропорции развития такого глобализованного мира (потому что его экономика может функционировать лишь благодаря перераспределению ресурсов от периферии к центру) со временем приводят к возникновению других полюсов экономической и политической силы, которые бросают вызов гегемону. Если бы США действительно были заинтересованы в сохранении мировой стабильности, они просто должны были уступить свою роль новому лидеру, каковым многие считают Китай. Но проблема в том, что, во-первых, КНР, скорее всего, не сможет справиться с такой ролью. И во-вторых, Соединенные Штаты любыми путями желают сохранить свое лидирующее положение. Тем самым из гаранта бесконфликтного развития цивилизации превращаются в наибольшую угрозу ее мирному существованию.

Но характерно, что за прошедшие 30 лет квазиглобализма и господства одного мирового центра принятия решений произошло эпохальное падение уровня образования, причем как раз в тех странах, которые оказались близки к чаемому идеалу либерально-демократической бесконфликтности. Невооруженным глазом заметна деградация правящих элит и обслуживающих их экспертных сообществ. Экономика оказалась на грани коллапса.

ления политических реалий оказывается слишком опасной. Война как метод выяснения отношений, опирающийся на право сильного, когда стороны во взаимной борьбе идут до конца, в ядерную эпоху становится нерелевантной. В итоге применения оружия массового поражения определяется не победитель, а степень деградации оставшегося в живых населения. Если понимать *войну* как систему действий против врага, предполагающую достижение победы любой ценой, а в силу этого не имеющую запретов и ограничений, то сейчас таковая невозможна. Во всяком случае, она перестает быть инструментом исторической балансировки сил, делаясь орудием прямого самоуничтожения.

Если же предположить, что из уравнения межгосударственных конфликтов убирается «ядерная составляющая» (хотя кто может поручиться за это!), то речь идет уже не о войне, а о неких формах конвенциональной борьбы, предполагающей запрет на пересечение «красных линий» (после которых сторона, обладающая оружием массового поражения, выкладывает на стол свой «последний аргумент» с почти мгновенными катастрофическими последствиями для всех обитателей земного шара). Таким образом, геополитическая борьба переводится в режим своеобразного «спортивного состязания» с достаточно четко установленными граничными правилами. Принципиально, что противники в этом случае в некотором роде признают правомочность действий друг друга, сохраняя взаимоуважение¹⁴. Тогда как демонизация врага, нагнетание ненависти и патриотической истерии — признаки войн постпросветительского времени (как раз когда война усилиями прогрессивно настроенных людей доброй воли стала считаться аномалией): войн тотальных, бескомпромиссных, не брезгующих никакими средствами.

Здесь очень важен культурологический анализ ментальных оснований действий соответствующих геополитических акторов. Хочу обратить внимание, что особенно опасным становится недоучет иррациональных побудительных мотивов поведения носителей тех или иных культурных традиций. Так русское сознание, с его запросом на достижение справедливости любой ценой, склонно воспроизводить «комплекс Медеи»: когда ради обличения неправды, царящей в мире, вполне допустимо спалить этот мир дотла (вместе со всем тем, что лично для тебя было драгоценно и дорого). С другой стороны, не стоит и преувеличивать прагматизм западного мышления, якобы всегда исходящего из рациональных оснований (чего-чего, а рационализма в большинстве политических решений лидеров атлантического альянса сейчас не просматривается). Скрытым стержнем всей их либерально-демократической системы является унаследованная еще с античности и многократно усиленная кальвинизмом убежденность в собственной исключительности, богоизбранности, неизменным свидетельством которой выступает историческая успешность. С этой точки зрения проиграть для Запада означает отказаться от собственной культурной идентичности. И вот что они предпочтут: пренебречь ею или умереть?

Хочу заметить, что стороне, которая способна пойти на самоубийственные решения, вообще можно особенно не заботиться о развитии разнообразных средств обороны. Достаточно обзавестись достаточным ядерным потенциалом для гарантированного уничтожения планеты, а после шантажировать своих соперников угрозой применения «последнего аргумента». Правда, если на подобные радикальные действия готовы пойти и другие участники конфликта, мы попадаем в самый настоящий гео-

¹⁴ Тем самым происходит возвращение к средневековым формам ритуализированной рыцарской войны. Впрочем, в исторической перспективе не стоит преувеличивать ее рыцарственность. Распространялась она, как мы знаем, лишь на представителей высшего сословия.

политический тупик по типу Карибского кризиса. Вероятно, это как раз и есть будущее мировой политической системы: балансировка на острие ножа. Понятно, однако, что не соскользнуть в пропасть в таких условиях можно лишь при высочайшей квалификации правящих элит. А вот с этим как раз сейчас большие проблемы.

Мы приходим к противоречию. С одной стороны человечество должно развиваться как единство разнообразия, что предполагает внутреннюю конфликтность, исторически реализуемую через войны. С другой — война в ее прежних неконтролируемых формах становится для планеты смертельно опасной. Эта ситуация, с моей точки зрения, означает, во-первых, необходимость легитимизации конфликтности, введения ее в поле рефлексии, глубокого культурологического анализа, выявления опасений и стремлений всех субъектов мировой политики¹⁵ и, во-вторых, переход к неким паллиативным способам разрешения противоречий, так сказать, к контролируемой агональности. Последняя должна, в частности, предполагать, что у геополитических игроков нет задачи *уничтожения* своих противников. Более того, эти противники абсолютно необходимы для сохранения собственной «спортивной формы». Значит, речь идет о достижении таких успехов, которые могут быть приняты противоборствующей стороной без риска потерять лицо, тем более без угрозы вовсе исчезнуть с исторической сцены.

К сожалению, представители сегодняшних элит не демонстрируют необходимой способности к подобному самоконтролю и широкому аналитическому мышлению, преследующему не только узкие национальные интересы, но и задачи, связанные с выживанием человечества в целом. Прежде всего необходим переход от черно-белого биполярного сознания, работающего по принципу *мы или они*, к комплементарному, понимающему, что за каждой из конфликтующих сторон стоит своя правда. И сражение идет не между истиной и ложью, но между двумя сторонами одной Истины (или же, что опять-таки верно, между их и нашей неправдой, которой становится правота, испепелившая реальность в своей претензии на единственность). Но кто же сейчас готов к такому ментальному переходу?!

¹⁵ Сегодня требуется качественно иной уровень дипломатии, оснащенной всеми ресурсами культурологического, научного и философского знания.

Константин ФРУМКИН

ПРОСТРАНСТВО—ВРЕМЯ— СМЕРТЬ:

Метафизика Иосифа Бродского

Мировоззрение Иосифа Бродского величественно и мрачно, как и его поэзия. Во взгляде великого поэта на мир присутствуют оттенки снобизма, мизантропии, меланхолии, равнодушия, стоицизма и безнадежности истинного пессимизма. Ирония в этом коктейле успешно заменяет жизнерадостность.

Люди в поэтическом космосе Бродского встречаются довольно редко. Как пейзажист Бродский нуждается в воздухе, лесе, дожде, домах, памятниках, но вполне обходится без людей. В мире Бродского письма к друзьям обычно пишутся на их смерть, письма к женщинам возникают по следам расставания навсегда. Люди казались Бродскому слишком незначительными и эфемерными сущностями, сквозь них, а также среду их обитания взгляду поэта являлись истинные обитатели земли. Что бы ни происходило в непрочной человеческой юдоли — это происходит на фоне пространства и времени.

Пространство и время — вот единственно, что настоящее и не бренное в этом мире, и они становятся главными героями поэта. Впрочем, это не только герои. Пространство и Время — это два гневных божества, изнуряющих и убивающих человека в конечном итоге, и достаточно неодобительно глядящих на него, пока он жив.

Пустота как суть вещей

В сфере гносеологии позицию Бродского можно определить как в некотором смысле зеркально обратную кантианству, можно даже сказать, что Бродский — это Кант навыворот. Кант, как известно, считал пространство и время единственно доступными человеку формами представления вещей, за «спиной» которых скрывается непознаваемая вещь-в-себе — истинная реальность, о природе которой метафизик может лишь строить догадки. У Бродского же все разнообразие вещей — это те первично данные человеку представления, за «спинами» которых пронизательный и метафизически ориентированный человек должен увидеть истинные реалии — лишенные разнообразия Пространство и Время. Вся коллизия пьесы Бродского «Мрамор» — пьесы гениальной, беспрецедентной по насыщенности мыслью и еще не до конца оцененной — в противостоянии Обычного человека, который ошибочно думает, что в жизни есть разнообразие, развлечения и разные вещи, и мрачного философа, получившего от автора прозорливое знание о том, что «пирожное равно отсутствию пирожного» и что все —

Константин Григорьевич Фрумкин — российский журналист, философ, культуролог. Автор книг и статей философской и культурологической тематики, в том числе на темы философии сознания, теории фантастики, теории и истории драмы, а также социальной футурологии. Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов.

лишь Пространство и Время. Вообще, монологи Туллия из «Мрамора» несомненно являются наиболее концентрированной формой выражения всей метафизики Иосифа Бродского, в рассеянном виде существующей в стихах и чуть более конденсированно — в эссе и записках.

В понимании пространства и времени Бродский, конечно, ближе к классической механике, к Ньютону, поэт вполне поддерживает ньютоновские представления о пространстве и времени как о вмещающих в себя вещи и системы координат пустые среды. Впрочем, было бы ошибкой говорить, что Бродский «разделяет» мнения старой ньютоновской физики. Бродский ничего не «разделяет», суть в том, что он открыл эти обладающие могуществом божеств пустые среды и был так поражен этим открытием, что оно стало едва ли не важнейшей темой всего его творчества. Пустота, открытая Бродским, — пустота совсем иного свойства, это пустота, известная экзистенциализму и ассоциирующаяся прежде всего с одиночеством. Бродский — это мост между экзистенциализмом и Ньютоном.

Пустота пространства — истинная сущность вещей. Разнообразие мира, наличие в нем разных вещей — лишь иллюзия, мудрый видит в подоснове вещей монотонное и лишенное деталей пространство.

Ибо не человек пространство завоевывает, а оно его эксплуатирует. Поскольку оно неизбежно. За угол завернешь — думаешь, другая улица, а она та же самая: ибо она — в пространстве. То-то они фасады и украшают — лепнина всякая — номера навешивают, названиями балуются. Чтоб о горизонтальной этой тавтологии не думать. Потому что все — помещения: пол, потолок, четыре стенки. Юг и Север, Восток и Запад. Все — метры квадратные. Или если хочешь, кубические. А помещение есть тупик (*Мрамор*).

В стихотворении «Пень без музыки» указывается, что символ пространства — чистая бумага. Но даже если в пространстве и есть вещи, то ему адекватны лишь те из них, что однообразны:

И только те
Вещи чтимы пространством, чьи черты повторимы: розы.

(*Колыбельная трескового мыса*)

Вера Бродского в то, что все на свете в конечном счете одинаково как часть пространства, доходит порою до курьезов. В своих заметках о поездке в Бразилию «Посвящается позвоночнику» поэту даже переходит извиняться — видимо, перед самим собой, — когда он записывает некое наблюдение, отличающее Бразилию от других стран. Да, — извиняется великий Антиконт, он понимает, что «любая страна — всего лишь продолжение пространства», и все же есть в этих странах третьего мира что-то особенное.

Если верить автобиографическим заметкам Бродского (эссе «Меньше, чем единица»), то можно сделать вывод, что понятие чистого, подавляющего различия и детали пространства пришло к нему благодаря весьма естественной для сноба тяги к индивидуальному — и соответствующему ей умению игнорировать навязчивое, массовое и пошлое. Умение это поэт натренировал на портретах Ленина, окружавших его со всех сторон во времена советского детства. Бродский пишет: «Я думаю, что научиться игнорировать эти картинки и было моим первым уроком в давании деру, моей первой попыткой отчуждения. Дальше больше; собственно говоря, вся моя дальнейшая жизнь может рассматриваться как избегание наиболее назойливых ее аспектов. Должен сказать, я довольно далеко зашел в этом направлении: может быть, слишком

далеко. Все, что намекало на вторичность, оказывалось скомпрометированным и подлежало устранению. Включая фразы, деревья, определенный тип людей, иногда даже физическую боль; это отразилось на многих моих связях. В некотором роде я признателен Ленину. Все, что наличествовало в изобилии, я немедленно воспринимал как разновидность пропаганды. Это отношение, я полагаю, ответственно за чудовищное ускорение сквозь гущу событий (с соответствующей поверхностью).

Итак, повторяющиеся вещи для взгляда поэта исчезают. Но ведь в мире все сходно, любая вещь — так или иначе повторима, а значит, в конце концов вырабатывается взгляд поверх вещей, взгляд в никуда. Чистое, лишённое подробностей пространство начинаешь видеть, когда разнообразные вещи мира игнорируются как «разновидность пропаганды».

Пространство по своей природе пусто, и поэтому его можно считать ближайшей родственницей небытия.

То, чего нету — умножь на два:
В сумме получишь идею места.
(Кольбельная трескового мыса)

Пространство как вытеснение человека

Но пустота понимается Бродским не нейтрально, а экзистенциально — как отсутствие человека. В пустоте его нет, и хотя пока человек находится в пространстве, но пространство по природе своей пустое, а значит, человека в нем рано или поздно обязательно не будет, и пустоту пространства следует понимать как смертность и уязвимость находящихся в нем вещей. Пространство — это поле действия смерти, это обитель преходящего.

Ибо, смерти помимо,
Все, что имеет дело,
С пространством — все заменимо.
И особенно тело.
(Мексиканский дивертисмент)

В «Римских элегиях» отношение тела с пространством формулируется уже с математической ясностью: Тело обратно пространству, как ни крути педали. Ну а из «Мрамора» мы узнаем о главном недостатке пространства: «Это и есть недостаток пространства, Публий, это и есть...Главный, я бы сказал...Что в нем существует место, в котором нас не станет... Потому, видать, ему столько внимания и уделяют».

Итак, хотя пространство и пусто, но оно отнюдь не индифферентно и не лишено действительности, скорее пространство можно сравнить с некоей весьма активной средой, с водой (а ниже мы укажем на то, что Время в мире космоса Бродского близко к воздуху). Пространство — среда, оно «оперирует» с попавшими в нее вещами.

Пространство, точно изморозь — пчелу,
вещь, пользоваться коей перестал
Владелец, превращает ввечеру
(пусть временно) в коричневый кристалл.
(Посвящается стулу)

Хотя, как можно догадаться, наиболее частое и естественное действие пространства по отношению к вещам, а также вещей по отношению к пространству — вытеснение. В этом — родство пространства и воды, но, как мы уже сказали выше, вытеснение вещей простекает прежде всего из его пустоты. Так или иначе, но

Вещь, помещенной будучи как в Аш-
Два-О, в пространство, презирая риск,
Пространство жаждет вытеснить...

(Посвящается стулу)

Новейший Архимед
Прибавить мог бы к старому закону,
Что тело, помещенное в пространство,
Пространством вытесняется...

(Открытки из города К.)

И у пространства есть еще одно примечательное качество — оно мстительно. Оно мстит тем, кто пытается его завоевать, но особенно тем, кто пытается его игнорировать, отгородиться от него. Солдаты империи пытались завоевать пространство, но теперь погибают от бессмысленности: «Это — месть пространства косой сажени» (*Письмо к генералу Z.*).

Лирический герой Бродского пытался отгородиться от пространства в уединении с женщиной — пространство ревнует и втискивается между ним и возлюбленной, мстя разлукой:

Всему свой срок,
поскольку теснота, незрячесть
Объятия — сама залог
Незримости в разлуке — прячась
Друг в друге, мы скрывались от
Пространства, положив границей
Ему свои лопатки, — вот
Оно и воздает сторицей
Предательству...

(Пень без музыки)

Наконец, иногда пространство даже поднимается до мести самому времени, позволяя человеку если не обессмертить себя — это, невозможно даже пространству, — но, по крайней мере, обессмертить свое имя, в чем Бродский убедился на примере литовского поэта Томаса Венцлова:

Место, времени мстя
за свое постоянство жильцом, постояльцем,
жизнью в нем, отпирает засов, — и, эпоху спустя,
я тебя застаю в замусоленной пальцем
сверхдержаве лесов
и равнин.

(Литовский ноктюрн. Томасу Венцлову)

Превосходство времени

Смысловая нагруженность пространства у Бродского не идет ни в какое сравнение с аналогичным параметром времени. Пространство Бродский пишет, как правило, с маленькой буквы, но Время, примерно с начала 70-х годов — почти всегда с заглавной. Бродский был просто загипнотизирован могуществом феномена Времени, недаром минское двухтомное издание сочинений Бродского озаглавлено «Формы времени».

Иногда Бродский разрабатывает мысль о том, что время — сама сущность человека, что человек, а возможно, и все бытие — лишь формы времени. Об этом — в «Кольбельной трескового мыса»:

Жизнь — форма времени.
Карп и лещ —
Сгустки его. И товар похлеще —
Сгустки. Включая волну и твердь
Суши. Включая смерть.

Впрочем, если также человек — это и не само время, то он создан им:

Я, иначе — никто, всечеловек, один,
из, подсохший мазок в одной из живых картин,
которые пишет время, макая кисть
за неимением лучшей палитры в жисть.

(В кафе)

Таким образом Бродский вполне согласен с Ги Дебором, написавшим в книге «Общество спектакля», с намеком на гегельянское определение времени: «Человек, негативность, сущее лишь через снятие Бытия, тождествен времени». Тут замечательна отсылка к негативности и снятию бытия — то есть человек родственен по своей природе времени именно ввиду своей смертности. Однако тождество человека и Времени для Бродского явно неравновесно, время вечно и властно, человек пассивен и смертен, поэтому скорее уж Бродский согласится с Марксом, написавшим в «Нищете философии»: «Время есть все, человек — ничто, он всего-навсего остов времени».

Сравнивая время с пространством или с имеющими отношение к пространству вещами, Бродский всегда отдает предпочтение времени как чему-то более важному, могущественному и грандиозному. Мысль эта повторяется Бродским на разные лады. В стихотворении «Памяти Т. Б.» время предпочитается как единственное непреходящее:

Время повсюду едино. Годы
Жизни повсюду важней, чем воды,
Рельсы, петля или вскрытие вены;
Все эти вещи почти мгновенны...

В «Горбунове и Горчакове» та же идея выражается одним восторженным восклицанием: «А время грандиознее, чем стрелки». В стихотворении «С видом на море» время оказывается более неподкупным:

Пусть Время взяток не берет,
Пространство, друг, сребролюбиво.

В «Пьяцца Маттеи» утверждается, что Пространство глупее времени, и выражается сомнение, что время когда-либо так поглупеет. В «Путешествии в Стамбул» Бродский подробно и не без философии разъясняет, «что пространство для меня и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно — вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительнее последнее». В «Колыбельной трескового мыса» — поэме, где философия времени дана наверно в наиболее развернутом после «Мрамора» виде — то же самое повторяется ритмически:

Время больше пространства.
Пространство — вещь,
Время же, в сущности, мысль о вещи.

Время как умирание

Но несмотря на свою важность и предпочтительность по сравнению с пространством, время сходно в пространстве по своим эпистимиологическим функциям. Время — это монотонная пустота, которую следует увидеть за разнообразием вещей и событий. Об этом говорится опять же в «Мраморе», и говорится столь четко и ясно, что к набору цитат из пьесы уже не требуется никаких комментариев:

Ту л и й . Предложи тебе сейчас гетеру харить или на койке гнить — ты бы что выбрал?

П у б л и й . Гетеру, понятно.

Ту л л и й . Ага, вот видишь! Для тебя тут есть разница. А разницы нет. Дни идут! Все дело в том, что дни идут. Чем бы ты не занимался, ты стоишь на месте, а дни идут. Главное -это Время.

.....

Ту л л и й . Истинный римлянин не ищет разнообразия. Истинному римлянину — все равно. Истинный римлянин единства жаждет. Так что, меню разное — это даже лажа. Меню должно быть одинаковое. Как и дни. Как и само время...

.....

П у б л и й . Но преступление вне контекста — не преступление. Потому что только мотив — или наказание — и делают его преступлением.

Ту л л и й . Его — кого?

П у б л и й . Ну, это... поступок. Действие. Потому что все на свете определяется тем, что до, и тем, что после. Без до и после событие не событие...

Ту л л и й . <...> Варвар; тупой и бессмысленный варвар. Потому что событие без до и после есть время. В чистом виде. Отрезок времени. Часть — но Времени. То, что лишено причины и следствия.

.....

Ту л л и й . Сюжет всегда возникает независимо от автора. Больше того — независимо от действующих лиц. От актера. От публики. Потому что подлинная аудитория — не они. Не партер и не галерка. Они тоже действующие лица. Верней. Бездействующие. У нас один зритель — Время. Так что — пофехтуем.

П у б л и й . Ну, от этого зрителя аплодисментов хрен дождешься. Даже если выиграешь. Даже если проиграешь. Гарде.

Ту л л и й . Потому что выигрыш — мелодрама и проигрыш — мелодрама. Побег-мелодрама, самоубийство — тоже. Время, Публий, большой стилист...

П у б л и й . Что же не мелодрама?

Ту л л и й . А вот -фехтование. Вот это движение — взад-вперед по сцене. Наподобие маятника. Все, что тона не повышает. <...> Это и есть искусство... Все, что не жиз-

ни подражает, а тик-так делает... Все, что монотонно... и петухом не кричит... Чем монотонней, тем больше на правду похоже.

В «Развивая Платона» Бродский подчеркивает монотонность времени еще и гидравлическим образом — в отличие от воды, Время течет горизонтально. Время не знает ярких красок, время серого цвета. Главный герой «Мрамора», выбирая тогу, разъясняет: «Серая лучше. Больше на Время похоже. Оно же, Публий, серого цвета... как небо на Севере...или, там, волны...»

Но как и пространство, Время — пустота не нейтральная, а убивающая, и эта ее функция выражена у Времени куда явственнее, чем у пространства. В этом пункте тождественность человека и Времени многое объясняет. Чистое время, то, что можно достичь лишь вне человеческой жизни, — это истинная природа человека, и то, что при жизни ощущается как течение времени, есть, во-первых, то же самое как умирание, а во-вторых — не что иное, как возврат в исходное состояние, соскальзывание к чистому времени, если угодно, даже тяга к нему. Ощущение человеком течения времени — это также и ощущение им своей тяги к смерти, ощущение тяги всякой вещи и всякого тела утратить форму и стать частью Времени — Доначальной и Послеко-нечной среды-без-свойств.

Из всех функций и качеств времени наиболее понятна и очевидна для Бродского была функция уничтожения. О времени как убийце и разрушителе поэт написал много, со вкусом и знанием дела. В «Fin de siècle» об этом говорится ностальгически, в аспекте смены культурно-бытовых эпох:

Мир больше не тот, что был
прежде, когда в нем царили страх, абажур, фокстрот,
кушетка и комбинация, соль острот.
Кто думал, что их сотрет,
как резинкой с бумаги усилья карандаша
время? Никто, ни одна душа.
Однако время, шуруша,
сделало именно это.

Стихотворение «Строфы» повторяют тот же ход мысли почти дословно, но с добавлением антропологических мотивов, здесь уже в фокус попадает судьба человека, его психологические черты и воспоминания:

Все, что мы звали личным,
Что копили греша,
Время, считая лишним,
Как прибой с гольша,
Стачивает то лаской,
То посредством резца —
Чтобы кончить цикладской
Вещью без черт лица.

Философское «Сидя в тени» фиксируют ту же мысль с помощью философской терминологии:

В этом и есть, видать,
роль материи во

времени — передать
все во власть ничего...

«Конец прекрасной эпохи» провозглашает лаконичную формулу в одном трехсловном предложении: Время создано смертью. «1972 год» развертывает перед нами энтомологическую метафору, подчеркивающую антагонизм времени и памяти:

Жужжащее как насекомое время,
наконец, нашло искомое
Лакомство в твердом моем затылке.

Зато «Эклога 4-я (зимняя)» дает нам целое семейство метафор метеорологических, в которых время оказывается сестрой холода:

Там, где роятся сны, за пределами зренья,
Время, упавшее сильно ниже
нуля, обжигает ваш мозг, как пальчик
шалуна из русского стихотворения...

Жизнь моя затянулась. Холод похож на холод,
Время — на время. Единственная преграда —
теплое тело...

В феврале, чем позднее, тем меньше ртути.
Т. е. чем больше времени, тем холоднее.

Наконец, сатирическое «Представление» выражается резко и чуть ли не с блатными интонациями:

Это — время тихой сапой
убивает маму с папой.

Конечно, пространство также убивает, «вытесняя» тела и вещи, но действие время отличается своей безотказностью, а также — своим демократизмом. В «Римских элегиях» перед тем, как указать, что тело обратно пространству, Бродский указывает на то, что сама грандиозность пространства по сравнению с человеком внушает некоторые надежды.

Оттого мы и счастливы, что мы ничтожны. Дали
выси и проч. брезгают гладью кожи.

Время этой брезгливостью не обладает.

Но времени себя не жалко
на нас растрчивать. Скажи спасибо,
что — не спесиво...

(Муха)

Время как посмертье

Но время не просто убивает и разрушает. Время есть истинная природа посмертного существования: умерев, человек сливается с чистым временем, но Время — и есть причина смерти, время убивает, а значит — делаем логический вывод из двух посылок: после смерти продолжается что-то убийственное. Потому на поэта иногда и нападает сомнение — не умер ли он уже — что смерть вовсе не обязана избавлять от страданий. Ожидающая после смерти пустота, о чем будет сказано ниже, хуже ада, и соответственно:

...сильная боль, на этом убив, на том
продолжается свете.

(Квинтет)

Соответственно, самое точное описание мира при жизни человека можно сделать — как сказано в «Послании к стихам» — «сжимая пространство до образа мест, / где я пресмыкался от боли».

Для Бродского Время было вовсе не просто «формой существования», но, скорее, его подосновой, его средой и демиургом, но — что парадоксально — средой и демиургом, существованию враждебными. Тут момент несогласия поэта с биологией, утверждающей, что живые организмы существуют только в приспособленной для их жизни среде. Что противостоит враждебности среды — так это память, сила, обратная Времени по вектору, хотя и уступающая ему по мощи. Поэтому — вот квинт-эссенция нового дарвинизма:

Эволюция не приспособление вида к незнакомой среде,
а победа воспоминаний
над действительностью.

(Элегия)

Итак, человек существует во враждебной среде, в среде, его убивающей, и по сравнению с враждебностью времени никакие иные неблагоприятные обстоятельства значения не имеют. Правда, заметим нюанс: если доступные наивному взгляду причины смерти несут в себе момент агрессии, поражения плоти, то Время убивает именно своим равнодушием. Время — подоснова мира, но оно не нуждается в человеке, в его сердцевине нет следов человеческой жизни, и поскольку все в конечном итоге сводится к времени, то, значит, все сводится к состоянию, где нет человека, а человек «сводится» ходом времени к небытию. И это — единственная истинная причина смерти. Из «4-й эклоги»:

Вас убивает на внеземной орбите
отнюдь не отсутствие кислорода,
но избыток Времени в чистом, то есть
без примеси вашей жизни виде.

В скобках заметим: так же враждебно к человеческому существованию и чистое пространство:

Да и что, вообще, есть пространство, если
не отсутствие в каждой точки тела?

(К Урании)

Пространство вытесняет вещи и тела, время же вытесняет самого человека вместе с его личностью и — что особенно важно — памятью.

Все опасности человеческой жизни — лишь формы, через которые проявляется убивающее действие времени, это, если так можно выразиться, «обстоятельства времени». Поэтому так бессмысленно убийство: человек пытается совершить работу времени, которое последнее совершит в любом случае и которую, с другой стороны, он не мог бы совершить, если бы время — одновременно — не убивало тоже — то есть, разумеется, не тоже, а по преимуществу.

Убийство — наивная форма смерти
тавтология, ария попугая.

(Стихи о зимней кампании 1980-го года)

Неизбежность всеобщего перехода в небытие оправдывает жестокости тиранов и обесмысливает подвиги тираноборцев. Именно так — логически и пессимистически — Бродский истолковывает миф о Тесее и самую драматическую часть этого мифа — об утрате Тесеем своей невесты Ариадны после убийства Минотавра. Утраченная награда должна была показать бессмысленность и тавтологичность подвига-убийства.

Долг смертных — ополчаться на чудовищ.
Но кто сказал, что чудовища бессмертны?
И, дабы не могли мы возомнить
Себя отличными от побежденных,
Бог отнимает всякую награду,
Тайком от глаз ликующей толпы,
И нам велит молчать. И мы уходим.

(К Ликомену, на Скирос)

Разумеется, убийство несколько передвигает дату смерти — убийство ускоряет время, о чем читаем в стихотворении «Бюст Тиберия» — стихотворении, призванном как раз оправдать жестокости императора или, во всяком случае, провозгласить их неподсудность суду потомков, что для в целом склонного к тираноборству поэта несколько нехарактерно. Но секрет в том, что жестокий убийца — лишь подмастерье Времени.

Вообще — не есть ли
жестокость только ускоренье общей
судьбы вещей? Свободного паденья
простого тела в вакууме? В нем
всегда оказываешься в момент паденья.

Замечателен этот «вакуум». Согласно учебникам физики, в момент падения тела оказываются вовсе не в вакууме, а в состоянии невесомости. И невесомость, и вакуум — словечки из мира космических полетов, они легко ассоциируются друг с другом, поскольку «там», в космосе, «на взлетающих орбитах» (где убивает «избыток Времени») — там есть и невесомость, там и вакуум. Лукавая замена двух ассоциирующихся слов произведена именно для того, чтобы ввести опять тень Хроноса. Разумеется вакуум здесь — лишь очередной псевдоним божества с косой, и псевдоним, опять же, несчастный, ведь вакуум — пустота, а пустота — единственное определенное свойство вре-

мени. Впрочем, здесь, как и в случае с пространством, пустота имеет не физический, а экзистенциальный смысл — пустота — значит, там нет и не может быть человека.

И еще о метафорах, связанных с физикой. Смерть, по Бродскому, выявляет эйнштейнскую связь времени и пространства. По Эйнштейну, вещь сокращает свою пространственную протяженность и увеличивает протяженность временную при скоростях, близких к световой, — и недаром в «Бюсте Тиберия» поэт объясняет, что жестокость лишь ускоряет всеобщую судьбу вещей. Но в отличие от оптимиста-Эйнштейна Бродский не считал, что это такое уж сильное ускорение.

А дело все было в тюремном опыте поэта. Как вспоминал он потом в «Меньше, чем единица», тогда в результате советских репрессий он понял великую формулу тюрьмы: недостаток пространства, уравновешенный избытком времени. Весь «Мрамор» посвящен изучению этой формулы. В «Мраморе» герой говорит о башне-тюрьме: «Она помещение до минимума сводит. То есть как бы тебя во Время выталкивает. В чистое время, километрами не засранное; в хронос... Ибо отсутствие пространства есть присутствие времени. Для тебя это — камера, узилище: потому что ты — варвар. Варвару всегда Лебенсраум подай... мослами чтоб шевелить... пыль подымать... А для римлянина это — орудие познания Времени».

В конечном итоге выясняется что башня-тюрьма — метафора человеческого удела, человек заперт в пространстве и во времени, единственное, что он может — это избавиться от пространства и перетечь, оставить себе лишь одну координату, но зато слиться с ней радикально. То есть хотя тюрьма и оказывается не тюрьмой, но от этого она не становится менее печальной.

Не через Эйнштейна, а через опыт тюрьмы и через опыт ожидания и предчувствия смерти поэт открыл неевклидову геометрию и нелклассическую физику. Главный постулат новой физики прост: по мере того, как человек или вещь умирают, по мере того, как истаивает их физическое присутствие в пространстве, они переходят в чистое время. «...Не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос» («Я всегда твердил, что судьба — игра»). Развертывание этой геометрической (или, вернее, топологической) теоремы находим в «Колыбельной трескового мыса»:

Местность, где я нахожусь, есть пик
Как бы горы. Дальше — воздух, Хронос.
Сохрани эту речь; ибо рай — тупик.
Мыс, вдающийся в море. Конус
Нос железного корабля.
Но не крикнуть «Земля».

Ниже в этой же поэме наконец откровенно уточняется, что мыс и конус, который переходит в Хронос, как в море, — это сам человек с его обреченностью: «Человек есть конец самого себя и вдается во время». Ну а самую краткую и точную формулировку этого узла обретаем опять же из «Мрамора»: «Где пространство кончается, и сам Временем становишься».

Время как религия

Если с Эйнштейном Бродский отчасти сходен по взглядам, то с Платином и неоплатонизмом поэт не согласен категорически. Плотин учил, что Единое, «нисходя» и «эманируя», порождает ум, который уже обладает сознанием, но еще не знает Времени, находится выше Времени, в вечности. Для Бродского превосходство ума над Временем — абсурд, все мысли и сам ум остаются рано или поздно в прошлом. Завер-

шающий афоризм «Мрамора»: «Человек одинок, как мысль, которая забывается». Даже и та самая вечность — она лишь момент времени, эссе «Об одном стихотворении» устанавливает недвусмысленную метафизическую иерархию: вечность является «лишь толикой времени, а не — как это принято думать — наоборот».

Христианская философия заимствовала из неоплатонизма учение о вечности и провозгласила, что Бог находится вне времени, в Вечности. Можно ли сказать, что для Бродского Время выше Бога? Практически — да, во всяком случае, поэт был слишком занят действительно могущественными божествами, чтобы придавать излишне большое значение Богу христианства и иудаизма. Здесь позиция поэта имеет структурное сходство с некоторыми версиями буддизма, который часто признает богов, доставшихся ему от языческих религий, но ставит выше их свои собственные реалии: нирвану, Будду, Путь, которые призваны вывести человека из этого мира вместе с его ложными богами (но боги эти не более ложны, чем сам мир). То есть Боги — это не более и не менее как властные инстанции этого иллюзорного мира. Так же и древние греки ставили судьбу выше олимпийских богов. Во всяком случае, из «Стихов на смерть Элиота» можно понять, что когда человек умирает, он попадает из-под Власти Бога под власть только времени:

Уже не бог, а только Время, Время
Зовет его...

Во многих своих произведениях Бродский подчеркивает свое христианство, однако его отношения с Богом в его творчестве почти не разработаны, а вот отношения со временем описаны подробно и исключительно минорно. В раннем стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу...» поэт пытается до него докричаться:

Да. Времени о собственной судьбе
Кричу все громче голосом печальным.
Да, говорю о времени себе,
Но время мне отвечает молчаньем.
(«Бессмертия у смерти не прошу»)

Это очень знакомая и явно заимствованная из религиозной сферы ситуация — когда человек пытается докричаться до некой высшей силы, но та в ответ лишь молчит. Время здесь явно встало на место Бога, и религию Бродского можно назвать хронолатрией. Главное, однако, в том, что это молчание высшей силы связано с человеческой смертностью (и с неизвестностью посмертной судьбы, безответностью вопроса о смерти), а следующий ход мысли — что это молчание высших сил и само по себе убивает, приводит к смерти.

Пусть время обо мне молчит.
Пусть легко рыдает ветер резкий
И над моей могилой еврейской
Младая жизнь настойчиво кричит.

Так в стране двоеверия — Японии — почитающий национальные божества синтоизм обслуживает жизнь человека, а верящий в нирвану-небытие-буддизм — его смерть.

Хотя, конечно, Бог, стоящий неизмеримо выше человека, имеет некое особо интимное отношение к мировым пустотам, и поэтому причастность к пустоте равносильна богопознанию:

И по комнате, будто шаман, кружа,
Я наматываю, как клубок,
На себя пустоту ее, чтоб душа
Знала что-то, что знает Бог.

(«Как давно я топчу, видно по каблuku...»)

В рождественских стихах 1971 года этот сорт богопознания достигает почти церковной торжественности. Радостное событие, преддверие Рождества даже удаляет из тона нотки обычной печали, и поэт провозглашает как некий визионер:

Пустота. Но при мысли о ней
Видишь как бы свет ниоткуда.

Но каково место Бога (не Христа, а демиурга, небесного Царя) в метафизике Бродского? В ранних стихах Бог еще играет роль устроителя и организатора судьбы, и в этом своем качестве он постоянно напоминает человеку о бренности и скорбности его юдоли. В этой ипостаси Бог имеет связь с божествами античности.

И дабы не могли мы возомнить
Себя отличными от побежденных,
Бог отнимает всякую награду,
Тайком от глаз ликующей толпы,
И нам велит молчать. И мы уходим.

(К Ликомеду, на Скирос)

Позже, по мере того, как философия Времени приобрела в мировоззрении Бродского все более отчетливые черты, Бог упоминается все реже. Собственно Бог — это тот, кто выживает, несмотря на Время, поэтому его время — вечность, и то, что для Бога вечность, для человека — умирание.

Ибо вечность — богам,
Бренность — удел быков,
Богово станет нам
Сумерками Богов.

(Стихи под эпитафией)

Время и звук

Время (в отличие от всего остального) существует и до и после смерти, но после его состояние более естественно и близко изначальной сути. В чем разница между состоянием времени до и после? Вероятно, важнейшее отличие — отсутствие слова и звука. Единственными достойными внимания реалиями при жизни поэт считал язык и словесность, поэтому неудивительно, что в важнейший для него аспект смерти оказывается их смолкание. Об этой стороне смерти написано в «Сретенье», где кончина святого Симеона отражена с добросовестностью исследователя, допрашивавшего побывавших в состоянии клинической смерти:

Он шел умирать.
 И не в уличный гул
 Он, дверь отворивши руками, шагнул,
 Но в глухонемые владения смерти.
 Он шел по пространству, лишенному тверди,
 Он слышал, что время утратило звук.

Звук для времени «до» — это то же самое, что твердь для живого пространства, то есть для пространства, еще не ставшего чистым пространством, а раздробленного на тела и вещи. Дело все в том, что Время есть мясо немой вселенной (*Эклога 4-я (зимняя)*).

Но заметим — не всякой вселенной, но немой, для нас, в прижизненной суете. Мир наполнен звуками, но в этой вселенной есть истинная — немая, и время — ее мясо. В «Сретенье» владения смерти противопоставляются не традиционному солнечному свету, а уличному гулу, их отличительная черта — глухонмота. Однако это глухонмота времени, а не умирающего, ведь Симеон слышал, что время утратило звук! Чем ближе к смерти — тем более ощущаешь дыхание великого молчания, это не глухота, а особая способность услышать немоту сквозь уличный гул. «...Старение есть отрастание органа / слуха, рассчитанного на молчание» (1972 год). В соответствии с этим звуки есть естественнейшая ширма, с помощью которой можно временно загородиться от надвигающегося. Поскольку после черты время утрачивает звук, то

Время жизни, стремясь отделиться от времени смерти,
 Обращается к звуку.

(*Bagatelle*)

Да и у пространства тоже часто можно заметить такое свойство, как глуховатость, о чем сказано в «Зимней почте»:

И голос мой, на тысячной версте
 Столкнувшийся с твоим непостоянством,
 Весьма приобретает в глухоте
 По форме, совпадающей с пространством.

Впрочем, удивляться здесь нечему, у мировых пустот нет никаких отличительных свойств и подробностей, а значит, в них нет и звука. Поэтому вполне логично выглядит мотив антагонизма времени и голоса:

Голос
 представляет собой борьбу глагола с
 наставшим временем.

(*В Англии. Сохо*)

Впрочем, дело еще в том, что до смерти время хоть и молчит, но оно не совсем беззвучно — оно жужжит, тикает. В стихотворении «1972 год» время называется «жужжащим, как насекомое», а одно очень интересное стихотворение, посвященное умиранию и предсмертному состоянию, называется «Муха», и в нем навязчиво повторяется тема мушиного жужжания. Наконец, в «Колыбельной трескового мыса» ход минут сравнивается с некими фантастическими рыбами тресками, которые ночью идут по дороге одна за одной и все по очереди стучатся в дверь:

И всю ночь идут они косяком,
Но живущий около океана знает, как спать,
приглушив в ушах
мерный тресковый шаг.

(А вынесенный в заголовок тресковый мыс — это человек, который, как мыс, вдается во время.)

И еще отличие. Время не только слышно, но и видно. Ход времени ассоциируется с оседающей пылью. В «Торсе» пыль называется «загаром эпох», а в «Натюрморте» поэт выражается еще радикальнее и онтологичнее: пыль — это плоть и кровь времени. В одном явно сновидческом стихотворении пыль сравнивается с «жиром пустоты», и, глядя на покрывающий вещи слой пыли, поэт пророчит:

И мне нравилось это лучше, чем отчий дом,
потому что так будет везде потом.
(«В этой комнате пахло тряпьем и сырой водой...»)

Время и вещи

Однако и для времени есть недоступные регионы. От вещей остаются их твердые остовы, и сегодня мы можем любоваться даже скелетами динозавров. Поэтому в одном стихотворении («Теперь, зная многое о моей жизни...») поэт бросает, что годы пожирают «наше мясо», но шадят кость. Кость, твердые материалы — это чуть ли не поражение времени.

Только мышь понимает прелести пустыря —
Ражавого рельса, выдернутого штыря —
Проводов, не способных взять выше сиплого до-диеза,
Поражения времени перед лицом железа.
(В Англии. Северный Кенсингтон)

Но человек, хоть он, по Марксу, и «остов времени», к этим твердым вещам не относится.

В «Римских элегиях» Бродский роняет загадочную фразу: «Время варварским взглядом обводит форум». Что это за варварский взгляд? Ответ очевиден, расшифровка кроется, наверное, в самом знаменитом из «римских» стихотворений Бродского. В «Письме к римскому другу» «старый раб» бросает: «Мы, оглядываясь, видим лишь руины». Поэт комментирует эту фразу голосом Плиния: «Взгляд, конечно, очень варварский, но верный». Становится ясно: варварский взгляд верный — это значит «время, оглядываясь, видит лишь руины». Опыт кочевников во времени — что все проходит. Подобно опустошительному завоеванию, тем же монгольским кочевникам время оставляет после себя лишь развалины. Римский форум теперь — исторические руины. Что такое развалины?

Развалины есть праздник кислорода
И времени...

(Открытки из города К.)

С точки зрения разрушения время родственно кислороду. Развалины отличаются от прочих вещей тем, что наглядно показывают на себе работу их обоих.

Тем не менее развалины и вообще вещи переживают человека. И некоторое спасение от времени видится в превращении тела в вещь. Не то чтобы вещи казались бессмертными, но ведь суть в смерти в отношении к ней, а у вещей этого отношения нет. У них нет ни страха смерти, ни особого отношения ко Времени.

Вот оно — то, о чем глаголаю:
о превращении тела в голую
вещь! Ни горе не гляжу, ни долу я,
но в пустоту — чем ее ни осветли.
Это и к лучшему. Чувство ужаса
Вещи не свойственно. Так что лужица
Подле вещи не обнаружится,
Даже если вещица при смерти.

(1972 год)

У вещи также нет внятного человеку антагонизма к пространству, поскольку мир вещи ограничен ею самой, вещь — сама себе пространство.

Вещь не стоит и не
Двигается. Это — бред.
Вещь есть пространство, вне
Коего вещи нет.

(Натюрморт)

Наконец, у вещи нет индивидуальности. А это замечательное качество позволяет вещам обрести бессмертие через механизм замены старых вещей на новые; сочинив длинную строфу о бессмертии стула, Бродский завершает ее так:

Расшатав, он заменится другим,
и разницы не обнаружит глаз.
Затем, что — голос вещь, а не зловец —
материя конечна. Но не вещь.

Все эти высказывания Бродского о свойствах вещей замечательно резонируют с одним пассажем из книги Сьюзен Лангер «Философия в новом ключе»: «Одно из моих самых ранних воспоминаний заключается в том, что стулья и столы всегда имеют один и тот же вид, но не таким образом, как люди, и что одинаковость их внешнего вида внушала мне определенный страх. Они символизировали определенное настроение; даже маленьким ребенком я не думала, чтобы они испытывали его (если бы кто-нибудь задал такой глупый вопрос). Там был просто определенный вид достоинства, безразличия или угрозы. Они продолжали передавать такое молчаливое послание независимо от того, что вы с ними делали». В этом и заключается задача по достижению бессмертия — продолжать передавать послание независимо от того, что с тобой делает время.

Глаз, который не заметит подмену стула, — это, разумеется, взгляд внешнего наблюдателя, а не самого стула. Стул внутри себя индифферентен к своему существованию, и в этом его сила. Однако чтобы существовать, ему все же нужен наблюдатель:

Пространство, которому кажется, ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.

(Назидание)

Но наблюдатель, в отличие от наблюдаемых вещей и наблюдаемого пространства, смертен. Ибо у смерти всегда свидетель — он же и жертва (*Памяти Т. Б.*).

Так или иначе, если, согласно нашим житейским представлениям, что осмысленны лишь те дела и занятия, которые имеют хотя бы какую-то надежду на успех, то в этой жизни все бессмысленно, поскольку все кончается смертью. Поэтому, как отмечается в «Натюрморте», говорить надо

О вещах, а не о
людях. Они умрут.
Все. Я тоже умру.
Это бесплодный труд.
Как писать на ветру.

Но как смертному человеку стать бессмертной вещью? Основной, известный Бродскому рецепт этого — превращение в памятник, в статую. О запечатлевании во мраморе с некоторой долей мечты говорится в стихотворениях «Торс», а в бронзе — в стихотворении «Подсвечник». Заголовок пьесы «Мрамор» говорит сам за себя, и в пьесе этой содержится настоящий гимн мрамору как материалу, превосходящему время — и доступному лишь поэтам-классикам. Здесь тема превращения в вещи смыкается с другим, истинным рецептом бессмертия — бессмертия через сказанное слово, которое единственное не подвластно времени:

Вычитая из меньшего — большего,
Из человека — Время,
Получаешь в остатке слова.

Если Шопенгауэр видел спасение от мирового ужаса в созерцании, то Бродский в языке, в словах. И всех своих предшественников-поэтов Бродский видит соучастниками этой философии. Вот Цветаева в стихотворении «Новогоднее» пишет о постижении того, что нет ни жизни, ни смерти, а есть нечто «третье, новое». Бродский, разбирая это стихотворение, утверждает, что это «третье» — тождество Языка и Времени. Здесь за спиной великого поэта возникает тень Бертрана Рассела, ехидно цитирующего свою «Философию»: «Наша уверенность в языке происходит из-за того, что он имеет такую же структуру, как и физический мир, следовательно, может выражать эту структуру. Но если взять мир, который не является физическим или не находится в пространстве-времени, он сможет обладать такой структурой, которую мы никогда не сможем выразить или познать...» Но Бродский полагает себя неуязвимым для такой критики — для него язык тождествен пространству-времени, а такая малость, как мир, находится где-то внутри, в рамках этих пустотелых божеств.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

К 50-летию Бориса Рыжего

Дмитрий КОЛЕСНИКОВ

ЖИВЫЕ СТИХИ БОРИСА РЫЖЕГО

8 сентября исполняется 50 лет со дня рождения поэта Бориса Рыжего. Бориса невозможно представить себе в этом возрасте, солидным, умудренным опытом. Слишком стремительно, ярким всполохом пронесли его жизнь и судьба. «Я в мир пришел, чтоб навсегда проститься», — заявил о себе Борис в стихотворении, датированном 1996 годом. Эти строки оказались пророческими и часто невольно приходят на ум при размышлении о поэтической судьбе Бориса. «Он изначально заряжен на мгновенность, вспышечность, метеоритность судьбы»¹, — справедливо утверждает биограф Рыжего Илья Фаликов. В памяти и сердцах Борис навсегда останется юным, с молодым и задорным блеском в глазах, с лукавым прищуром и знаменитым шрамом во всю левую щеку, о котором он любил сочинять романтические истории и легенды.

Пожалуй, наиболее характерное и притягательное свойство поэзии Бориса Рыжего очень точно подметил Александр Кушнер в своем письме к нему: «Вот главная особенность Ваших стихов — они живые. Это редкое качество, и, может быть, единственное, делающее стихи стихами»². Далее маститый поэт поясняет свою мысль: «Ведь так часто приходится читать стихи, в которых есть все: ум, аллюзии, все модное слововорчение и т. д., а душа к ним не лежит, — они мертвые»³. Действительно, Борис не писал мертвых, холодных, филологически правильных, выверенных стихов: его стихотворения необходимо не осмысливать, а слушать душой и сердцем.

Поэзия Рыжего, подобно поэзии многих представителей Серебряного века, вся пронизана музыкой, которую трудно описать: слишком разнообразны ее мелодия, интонации и оттенки. Музыкальную сущность своей поэзии признавал и сам уральский стихотворец, пришедший в одном из своих стихотворений к неоспоримому заключению: «Есть только музыка одна».

¹ Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий Камень. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 245.

² Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 517.

³ Там же.

Музыка жила во мне,
никогда не умолкала... —

так начинает поэт другое свое стихотворение... Но какая же она, музыка его стихов?

Безусловно то, что это музыка «тихая, незлая», под которую «не ходят строем»⁴, но ее звучание невозможно уяснить однозначно. Его стихи нередко наполнены блатной музыкой Вторчермета — жилого заводского района Екатеринбурга, где Борис провел детство и юность, музыкой фабричных кварталов и городских окраин:

Приобретут всеевропейкий лоск
слова трансазиатского поэта,
я позабуду сказочный Свердловск
и школьный двор в районе Вторчермета.
Не в плане не лишенной красоты,
но вычурной и артистичной позы,
а потому что там мои кенты,
их профили на мраморе и розы.
На купоросных голубых снегах,
закончившие ШРМ на тройки,
они запнулись с медью в черепках
как первые солдаты перестройки...

Наряду с блатной музыкой многие стихи Бориса Рыжего проникнуты и тихой ретромузыкой, музыкой памяти, в которой воскресает далекий, счастливый и безвозвратно утраченный мир детства и юности поэта, окрашенный типичной атмосферой советских семидесятых-восьмидесятых:

Где обрывается память, начинается старая фильма,
играет старая музыка какую-то дребедень.
Дождь прошел в парке отдыха, и не передать, как сильно
благоухает сирень в этот весенний день.
Сесть на трамвай 10-й, выйти, пройти под аркой
сталинской: все как было, было давным-давно.
Здесь меня брали за руку, тут поднимали на руки,
в открытом кинотеатре показывали кино.
<...>
Все в черно-белом цвете, ходят с мамами дети,
плохой репродуктор что-то победоносно поет.
Как долго я жил на свете, как переносил все эти
сердцебиенья, слезы, и даже наоборот.

Стихотворения Рыжего ретроспективны по своей композиции: они как будто плавно уведят читателей по невидимой лестнице вниз, в уже легендарное прошлое. Сам Борис порой представляется таким опытным киномехаником, который старательно крутит назад черно-белую пленку, перематывая кадр за кадром свою жизнь:

Отмотай-ка жизнь мою назад
и еще назад:

⁴ Обе цитаты заимствованы из стихотворения Бориса Рыжего «Музыка».

вот иду я пьяный через сад,
 осень, листопад.
 Вот иду я: девушка с веслом
 слева, а с ядром —
 справа, время встало и стоит,
 а листва летит.
 Все аттракционы на замке,
 никого вокруг,
 только слышен где-то вдалеке
 репродуктор, друг...

Однако наиболее отчетливо в стихах уральского поэта звучит не вызывающая блатная музыка и не полая ретромузыка памяти, а тревожная и пронзительная музыка смерти, «похоронная музыка на холодном ветру», по выражению самого Бориса. Тема смерти появляется уже в его ранних стихах: например, в стихотворении «Завещание», написанном им в 19 лет, в том возрасте, когда, кажется, только бы наслаждаться беспечной юностью да радоваться жизни. В этом стихотворении поэт мрачно договаривается с кем-то невидимым об установке креста на своей могиле:

Договоримся так: когда умру,
 ты крест поставишь над моей могилой.
 Пусть внешне будет он как все кресты,
 но мы, дружище, будем знать с тобою,
 что это — просто роспись. Как в бумаге
 безграмотный свой оставляет след,
 хочу я крест оставить в этом мире...

С той поры музыка, траурная музыка смерти все шире и полноправнее входит в поэзию Рыжего, и сам поэт как будто мечется вместе со своим лирическим героем: уйти ему или подождать еще? В стихотворении «Кусок элегии» он словно невзначай признается:

Дай руку мне — мне скоро двадцать три —
 и верь словам, я дольше продержался
 меж двух огней — заката и зари.
 Хотел уйти, но выпил и остался...

Изнуряющие метания между жизнью и смертью продолжают и в зрелом поэтическом творчестве Бориса, предвещающем его трагическую гибель:

С антресолей достану «ТТ»,
 покручу-поверчу —
 я еще поживу и т. д.,
 а пока не хочу
 этот свет покидать, этот свет,
 этот город и дом.
 Хорошо, если есть пистолет,
 остальное — потом...

Но не только разнообразная по своему звучанию музыка наполняет живостью поэзию Бориса Рыжего, но и другое важное, органически присущее ей качество — пронзи-

тельная исповедальность. Сергей Гандлевский в предисловии к посмертно изданному стихотворному сборнику Бориса «На холодном ветру» абсолютно верно утверждает, что его стихи «имеют прямое отношение к замечательной, предельно исповедальной поэтической традиции, образцовый представитель которой, конечно же, Есенин»⁵. В лучших своих стихах «трансазиатский поэт» надрывно исповедален и космически одинок сродни Лермонтову:

И все казалось, будто чем сложнее,
тем ближе к жизни, к смерти, к человеку, —
так продолжалось много-много дней,
но, юность, ты растаяла со снегом,
и оказалось, мир до боли прост,
но что-то навсегда во мне сломалось,
осталось что-то, пусть пустырь, погост,
но что-то навсегда во мне осталось.
<...>

И с представленьем этим навсегда
я должен жить не мучась, не страдая
и слушая, как булькает вода
в бессонных батареях, засыпая,
склоняться к белоснежному листу
в безлюдное, в ночное время суток —
весь этот мрак, всю эту пустоту
вместив в себя, не потеряв рассудок.

В иных стихах в своем ощущении одиночества Борис исступленно доходит до самоотрицания, самоотречения и отказа от всех возможных благ:

Ничего не надо, даже счастья
быть любимым, не
надо даже теплого участия,
яблони в окне.
<...>

Ничего действительно не надо,
что ни назови:
ни чужого яблоневого сада,
ни чужой любви,
что тебя поддерживает нежно,
уронить боясь.
Лучше страшно, лучше безнадежно,
лучше рылом в грязь.

Охваченный отчаянием одиночества, испытывая неизбывное чувство вины, поэт винит себя во всем сущем и обращается к Богу, с вызовом восклицая:

...бери и жги, глаза мои сухи,
мне ничего, господь, не надо.

⁵ Гандлевский С. Памяти Бориса Рыжего // Рыжий Б. На холодном ветру. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 5.

Лирический герой Бориса Рыжего предельно напоминает персонажа картины Мунка «Крик»: его лицо как будто искажено криком ужаса, боли и отчаяния, происходящим от мучительного осознания своего одиночества в окружающем мире, которое невозможно преодолеть. Только фон картины с изображением лирического героя поэта представляется не кроваво-красным, а белым, а сам герой — черным, под стать излюбленной цветовой гамме стихов Бориса:

Черный ангел на белом снегу —
 мрачным магом уменьшенный в сто...

Поразительно, что несмотря на то, что Борис писал такие яркие, живые, проникнутые острыми эмоциями стихотворения, внешне он жил вполне успешной и благополучной, можно сказать, счастливой жизнью. Он родился в интеллигентной семье геофизика, доктора наук, директора Института геофизики Уральского отделения Академии наук СССР. Как пишет Илья Фаликов, «отец готовил ему геофизическое будущее, но совершил огромную — для своих планов — педагогическую ошибку: внушил младенцу поэтический образ мира, состоящий из русских стихов, высоких идеалов, великих надежд. Колыбельной Бориса была русская поэзия»⁶. Рос Борис в семье в атмосфере всеобщей любви и нежности, о которой он ностальгически вспоминал в одном из своих автобиографических стихотворений:

Потому что все меня любили,
 деревья молчали до утра.
 «Девочки медведя подарили», —
 перед сном читала мне сестра...

В профессиональном плане Борис пошел по стопам отца: по окончании Горного института он поступил и окончил аспирантуру Института геофизики, стал младшим научным сотрудником этого института и опубликовал ряд работ по строению земной коры и сейсмичности. Его поэтическая судьба тоже складывалась как нельзя успешнее: когда Борису было 23, небольшая подборка его стихов была впервые опубликована на страницах престижного литературного издания — журнала «Звезда», а в 1999 году, два года спустя, состоялась первая, уже обширная публикация в журнале «Знамя», постоянным автором которого он стал. За год до смерти он побывал в Роттердаме на Всемирном фестивале поэзии и описал впоследствии свои впечатления в «Роттердамском дневнике». Борис рано наладил свою личную жизнь: уже в 17 лет женился на школьной подруге Ирине Князевой, а через два года у него родился сын Артем, по воле рока трагически погибший в возрасте отца. Именно ему посвящены самые нежные и трогательные стихотворения поэта. Например:

Кто тебе приснился? Ежик?!
 Ну-ка, ну-ка, расскажи.
 Редко в сны заходят все же
 к нам приятели-ежи.
 <...>
 Ежик — это милость рая,
 говорю тебе всерьез,
 к жаркой ручке припадая
 и растроганный до слез.

⁶ Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий Камень. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 98.

И вдруг в эту безмятежную идиллическую атмосферу благополучной жизни пугающим диссонансом врываются другие, леденящие душу строки:

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
не живут такие в миру.
Станет сын чужим и чужой жена,
отвернутся друзья-враги...

Размышляя о причине трагического и безвременного ухода Бориса, Евгений Евтушенко, с которым юный поэт однажды встретился при жизни, высказался так: «Уже в двадцать один год Борис Рыжий предсказал свою смерть. И хотя он говорил о другом человеке, но слишком лично это звучало. Он, к несчастью, не встретил на своем пути Бориса Пастернака, который мог бы ему посоветовать, как мне в 1960 году, ни в коем случае не предсказывать в стихах свою трагическую гибель, ибо сила слова такова, что необратимо толкает поэтов на пулю или в петлю»⁷. Однако мне думается, причина гибели Бориса Рыжего кроется не в фатальном исходе его судьбы, а в том, что поэт в итоге не выдержал того космического одиночества, с которым на протяжении всей своей жизни он безуспешно пытался научиться мирно сосуществовать. Оно все-таки оказалось сильнее и коварнее.

Завершая эссе, мне хотелось бы вспомнить слова Евгения Рейна, который по праву назвал Бориса Рыжего «самым талантливым поэтом своего поколения»⁸. Его живые стихи, как живые розы, пережили смерть их автора.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Блокада глазами очевидцев: Дневники и воспоминания: Книга одиннадцатая / Сост. С. Е. Глезеров. СПб.: Остров, 2024. — 228 с.: ил.

Сборники воспоминаний и дневников «Блокада глазами очевидцев» выходят с 2012 года. Сегодня, когда блокада постепенно переходит из живой памяти в историю, появление каждого нового свидетельства о ней добавляет новые штрихи к облику жителей осажденного, но непокоренного города, помогает осмыслить подвиг и трагедию ленинградцев, блокаду Ленинграда, память о которой живет в подсознании потомков и подспудно передается из поколения в поколение. В одиннадцатую книгу серии вошли дневники, письма, воспоминания тех, кто мог рассчитывать только на себя и своих родных: блокада глазами простых людей. Большинство из опубликованных материалов долгие годы хранились в семейных архивах и не были знакомы широкой публике. А открывает книгу интервью, которое составитель сборника С. Глезеров взял у легендарной теннисистки Натальи Ветошниковой, мастера спорта СССР, отмечавшей в сентябре 2021 года свой столетний юбилей. В блокаду умерли ее отец, брат и две сестры матери, бабушка. Из большой семьи остались она сама, ее мама и сестра. По ее словам, ей пережить блокаду помогли мечта выиграть первенство Союза и спортивная

⁷ Евтушенко Е. Беззащитно бескожий // Новые известия. 2008. 5 сентября.

⁸ Рейн Е. Вся жизнь и еще «Уан бук». Беседа с Татьяной Бек // Вопросы литературы. 2002. № 5.

подготовка. Первый блок книги — это непосредственные свидетельства блокадного времени: дневники и письма. В. Беспалов еще школьником в самом начале войны добровольцем вступил в Красную армию и почти сразу же был серьезно ранен — рука утратила подвижность. В октябре 1941 года, когда его выписали из госпиталя, начал вести записи. Его записки не столько «дневниковая хроника», сколько размышления о жизни и анализ сложившейся ситуации и поведения окружающих людей. Порой его записи предельно критичны и нелицеприятны: «Война наложила свой отпечаток на все. Голод, пришедший с войной, сделал людей крайними эгоистами, и было бы смешно порицать их за это. Никакой мягкотелости проявлять сейчас нельзя, не позаботишься о себе — сдохнешь, как собака. Люди теперь жестоки: действует инстинкт самосохранения. Каждая семья питается тайком, в народе скулят о голоде. Ничего съестного никому не показывают». С юношеской категоричностью и максимализмом оценивал он сложившуюся ситуацию, направляя свой гнев в первую очередь на «паразитов ленинградского населения»: снабженцев, начальство, блюстителей порядка — всех, кто имел отношение к продовольствию. Его мать работала в райкоме партии Октябрьского района, а он позволял себе резкие, «идеологически опасные» высказывания. «Я верил в наше руководство, теперь я убедился, что здесь в Ленинграде засели бездушные скоты, для которых люди — всего лишь экономическая статья. Я верю нашему делу, верю в его правоту и победу, но голод вызывает даже идеологические колебания: ведь, если ты видишь, что на фоне страшного голода живут и благоденствуют „чины“ — обжираются, как свиньи, невольно возникает вопрос: где же наши принципы?» У него немало метких и даже актуальных и для нашего времени высказываний. Так, рассуждая о немецких листовках, сброшенных на город, он пишет: «Вообще, резкий контраст между словами и обещаниями у гитлеровцев и их дела в Ленинграде привел к резкому озлоблению населения к немцам. <...> Речи о том, что война идет с немецким фашизмом, а не с народом, теперь отпали. Шла речь о тотальной войне со всем немецким. Ненависть к немцам — вот чего добились идиоты из Берлина, пренебрегая советами Бисмарка». Он вернулся после ранения в школу, в выпускной класс и в деталях живописал в дневнике школьные будни, где главной радостью были скудные обеды. Усиленно занимался, много читал, тяжело переносил голод, постоянно беспокоился за мать и младшего брата. И старался выжить. «Урок, который я вынес из этой передраги, состоит в том, что ни при каких обстоятельствах не надо терять надежды, вешать нос и впадать в пессимизм. Это верный путь к гибели. Надо бороться, драться за свою жизнь, а не лежать на печи и скулить о трудностях». Клавдия Зуевой, чей дневник тоже опубликован на страницах сборника, было 25 лет, когда началась война. Она работала на заводе «Штамп-Метиз», 5 августа 1941 года как комсомолка была отправлена на строительство противотанковых сооружений под Кингисепп. С этого дня начинаются ее подробнейшие дневниковые записи. Оборонные работы, тяжелая контузия, возвращение в Ленинград, увольнение контуженной девушки за «прогулы», голод, холод, обстрелы, поиски работы. Страшнейшее переживание — смерть матери. Клавдия скрупулезно описывает свой блокадный рацион и всевозможные «блокадные рецепты». В мае 1942 года ее зачислили красноармейцем в саперную роту 345-го отдельного городского батальона МВПО. 9 мая 1942 года она записывает: «Мне было очень радостно на душе. Я получила повестку в военкомат на комиссию для прохождения службы защиты родины». Демобилизована из армии 19 августа 1945 года: «Вот так я закончила службу. Я осталась жива и здорова, но нет около меня дорогой любимой мамы, и никогда она не придет ко мне и не приласкает, не приголубит». А дальше идут письма. Е. Другова предоставила для публикации письма своей бабушки (1926—2008) на фронт ее отцу и его письма дочери в Ленинград. Опубликовано

вана семейная переписка Лобановых военных лет, в том числе письма жительницы Большой Ижоры Е. Лобановой сестрам в Ленинград и на Большую землю с Ораниенбаумского пятачка. Второй блок сборника — воспоминания. Фронтовик, защитник Ленинграда Н. Елисеев озаглавил свои заметки 1986 года так — «Самый счастливый человек на планете Земля». «Прошел три войны. 1939–1940 с белофиннами, 1941–1945 г. с фашистами, 1945 г. — японскими самураями. И остался жив. Разве это не счастье, пройдя пять лет фронтовых дорог, остаться живым?» Б. Нериновский пережил блокаду ребенком: когда началась война, ему было шесть лет. Л. Амирханов рассказывает историю своей семьи и отца, воевавшего на Ленинградском фронте. «Зачем вообще публиковать дневники и материалы, связанные с блокадой? Кому это интересно, кроме исследователей, специально, занимающихся вопросами блокады и битвы за Ленинград? Что для нас, современных людей XXI века, значит блокада Ленинграда, со времени окончания которой прошло уже больше восьми десятков лет! — вопрошает С. Глезеров, и сам отвечает: — Наверное, это прежде всего уроки — моральные, нравственные, этические».

Кронштадт в блокаде. 1941–1944 годы. Летопись подвига в воспоминаниях и документах. СПб.: Остров, 2024. — 194 с.: ил.

Военно-морская крепость Кронштадт, основанная Петром I на острове Котлин, надежно защищала Петербурга с моря. За три столетия ни одна вражеская попытка прорваться по этому пути к Северной столице так и не удалась. Не случайно Кронштадт — единственный из малых городов СССР, упомянутый в плане «Барбаросса». Перед мощнейшей группировкой немецких войск «Север» ставилась главная задача: «...уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград и Кронштадт, Только после захвата этих объектов наступление должно быть направлено на Москву...» И с первых же дней войны вражеская авиация и артиллерия нацелились на остров Котлин. Уже в начале четвертого утра 22 июня 1941 года Кронштадт атаковали двенадцать «юнкерсов» — и в 3 часа 15 минут зенитчики крепости и флота открыли огонь по вражеским самолетам. Были сбиты два первых самолета противника. Но это была только разведка. Уничтожить Кронштадт и его основные корабельные силы немецкое командование попыталось в сентябре 1941 года. Особенно тяжелые бомбардировки пришлось на 21, 22 и 23 сентября. Как и ленинградцы, жители Кронштадта испытывали все тяготы и лишения того времени: артобстрелы, бомбежки, голод и холод, гибель родных и близких, друзей и боевых товарищей. С первых дней войны начались оборонительные работы: строились доты, дзоты, блиндированные пулеметные точки, заграждения. Пять тысяч кронштадтцев ушло в народное ополчение, в книге перечислены имена многих из тех, кто пошел добровольцем в отряды, среди первых ополченцев были комсомольцы Морского завода. Места ушедших на фронт мужчин у станков занимали женщины и подростки. Под бомбами и снарядами кронштадтцы готовили к навигациям корабли флота, кронштадтские торпедные катера ставили мины на коммуникациях противника, атаковали вражеские корабли. Разведывательно-диверсионные группы регулярно проникали в тыл немцев и финнов на обоих берегах залива, вели разведку, производили диверсии, часто корректировали огонь артиллерии. Зимой переходили в тыл противника по льду, летом — на моторных баркасах. В сборник вошли воспоминания, фотографии, документы из фондов Музея истории Кронштадта, а также материалы из книг о блокаде, ставших библиографическими редкостями. Материалы в сборнике размещены по хронологии с сохранением орфографии оригиналов. Фактически в сборнике представлена подробная хроника военной

и гражданской жизни блокадного Кронштадта. Уже 18 июля 1941 года в Кронштадте была введена карточная система, и до 25 декабря 1941 года хлебный паек сокращался пять раз и достиг 250 грамм рабочим и до 125 грамм служащим, иждивенцам и детям. 31 августа вражеские корабли вошли в зону досягаемости орудий Кронштадтской крепости, и артиллерия Кронштадта помогла частям 23-й армии остановить войска противника на рубеже старой границы с Финляндией. К концу осени 1941 года кончилось топливо, из-за повреждений остановилась единственная в городе электростанция. В книге представлены малоизвестные факты. Это и судьба петергофского десанта, высаженного в ночь на 5 октября 1941 года на берег в районе Нового Петергофа. И история Малой дороги жизни — сети дорог, связавших в блокаду Кронштадт, Лисий Нос, Ораниенбаум, острова в Финском заливе. Зимой передвигались по льду, а после таяния льда — по воде. Название «Малая дорога жизни» появилось только после войны по аналогии с названием ладожской трассы. Во время войны использовались различные формальные названия, в том числе «ледовая дорога». Среди малоизвестных фактов и круглосуточная работа наблюдательного поста, расположенного под куполом Морского собора, ставшего естественной целью для фашистов. Большой осколок одного из разорвавшихся под куполом, предположительно 210-миллиметрового, снаряда упал вниз, оставив выбоину в полу. При реставрации собора выбоину оставили как напоминание о прошлом. Кронштадт сыграл огромнейшую роль и в обороне Ленинграда, и в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом. Враг так и не решился вывести войска на лед, чтобы попытаться захватить остров Котлин и форты или нанести фланговый удар по Ораниенбаумскому плацдарму. Орудия Кронштадта и кораблей флота обеспечили снятие блокады Ленинграда в январе 1944 года и наступление советских войск на Карельском перешейке в июне. После полного снятия блокады Кронштадт оставался базой для основных сил Краснознаменного Балтийского флота, ведших бои в 1944 году в Выборгском и Нарвском заливах, стал основой воссоздания системы базирования флота в Прибалтике и на побережье Южной Балтики. Сухую хронику событий дополняют подробные воспоминания участников событий. Среди тех, кто оставил яркие и горестные воспоминания, рабочая Морского завода А. Михайлова, секретарь Кронштадтского райкома партии И. Снетков, заместитель начальника артиллерии крепости Кронштадт майор Н. Скородумов, медсестра Е. Басс, командир зенитной батареи линкора «Март» капитан I ранга Г. Посталатий, летчик-истребитель Н. Губанов, водитель-механик Н. Арбузов, радиотехник Ю. Перкон. У каждого из них свой опыт, свой взгляд на пережитое. Рабочий Морского завода А. Пронин в своем дневнике подробно фиксировал, сколько и чего он съедал в день. Медсестра Т. Корзинкина вспоминала, как ходили с девушками по квартирам, искали мертвых и живых и как удалось вернуть к жизни женщину лет сорока. С воспоминаниями Т. Корзинкиной перекликаются воспоминания Г. Вишневской, ставшей великой оперной певицей, для которой самым страшным в памяти остались многочисленные трупы на улицах города в зиму 1941–1942 годов. «Но вот пришла весна 1942 года, и стали ходить по квартирам искать уже тех, кто остался в живых. Такая комиссия из трех человек пришла и ко мне. — Эй, кто живой? — Слышу в коридоре кричат, а я дремлю, и отвечать неохота. — Смотри, девчонка здесь! Ты живая? — Открыла глаза — три женщины возле дивана моего. — Живая... — А с кем ты здесь? — Одна... — Одна?! Что же ты здесь делаешь? — Живу... Если бы они тогда не пришли — был бы мне конец». В книге так же широко представлены выдержки из газеты «Рабочий Кронштадт». В ней регулярно печатали сообщения о наказаниях за хищение продуктов питания, освещали актуальные для города вопросы: улучшение работы парикмахерских, открытие пра-

чечной, улучшение питания в школьных столовых, диетическое питание для детей, бесплатные киносеансы для детей, проведение общегородского воскресника, месячника по заготовке дров. Обращение к самым разным сферам жизни дает панорамную картину того, как воевали, защищая Кронштадт и Ленинград, как выживали в блокадных условиях, как спасали жизни раненых жители Кронштадта. Военные, гражданские, женщины, дети. В тылу и на фронте.

Ольга Родштейн. Дневник прилавка. 1940–1941. Блокада. 1941–1943.
СПб.: Аврора, 2023. — 160 с.: ил. — (Серия «Общая тетрадь»).

Записки продавщицы ленинградского Дома книги охватывают период с ноября 1940-го по май 1943 года. Об авторе известно немного. Ольга Николаевна Родштейн родилась в 1905 году. Из текста следует, что ее муж был расстрелян в 1938 году, брат в 1934-м, тетки и бабки находились за границей. Ей, родственнице репрессированных, переводчице с немецкого и английского языков, найти соответствующее ее квалификации место было непросто, а на руках оставались дочь-школьница и мать. Работа в отделе иностранной литературы большого книжного магазина являлась вполне приемлемой. Текст поделен на две части. Первая — «Дневник прилавка» — зарисовки о Доме книги начала 1940-х годов. Забавные сценки, курьезные вопросы: кому-то нужна «Илладская гомера», кому-то «Манеры Турции» (вместо «Монеты Турции»), кто-то ищет книгу белорусского писателя Бокача «Демерон». «Кудашев выпустил книгу „Куликово поле“. Публика схватилась за нее. — Про Дмитрия Донского? Ах, колхоз! Не надо». В первые недели войны, пока работал еще книжный магазин, повысился спрос на словари: немецкий, финский, турецкий: «Вот придется воевать, так надо знать язык». О. Родштейн создает внушительную галерею ярких портретов постоянных посетителей Дома книги: нищая библиотечарша с тонким и злым лицом, что на свои деньги покупала редкие книги для библиотеки художественной школы; импозантный 75-летний старец, бывший солист Императорских театров; высокомерный красавец актер Тенин; две страстные балетоманки, выяснявшие размеры премии Улановой; пронырливая и веселая прекрасная гречанка — ответственный редактор Партиздата. Галерея портретов тех, кто прошел через экономические потрясения 1918, 1922, 1936–1940 годов и сгинул в блокадном кольце. «Чтецы, артисты, литераторы, критики... Непрерывная толпа образованных, отмеченных талантом людей...» О. Родштейн пишет о военных буднях начала войны, о несмолкаемых канонадах, обрушившихся домах, грудах мусора. Рассказывает о новых правилах жизни: «...заколотите окна досками. Сожгите электричества только на пять рублей в день... Получите пол-литра керосина на десять дней...», называет характерные приметы времени, среди которых и раскопки обрушившихся зданий — «весьма доходное дело: на что туловищу с оторванной головой отрез на пальто или золотые часы на руку, которая неизвестно где?» Среди примет времени и спекуляция, и шпиономания. «Какой-то гражданин спрятал ложку в карман. Его схватили. Почему? Да потому, что диверсант. Зачем советскому человеку, прописанному на жилплощади, простая алюминиевая ложка?.. И вдруг... Старушку, древнюю, хромую, взяли под руки, чтобы помочь перейти улицу. Бока старушки оказались жесткими и выпуклыми: под пальто у нее были гранаты и бомбы, а вместо старушки выпрямился юноша 20 лет...» А Дом книги, дом с глобусом, готовился к закрытию, и книги сносили в специальные герметические подвалы. «Свет потолочных люстр не играет на отполированных прилавках: они завалены связками книг. Люди идут и идут с рюкзаками, с тюками.. Война, крушение библиотек. Сбывают все... На прилав-

как валяются редчайшие издания». Редкостные картинки: Дом с глобусом — живой и умирающий. Родштейн предложено уволиться «по собственному», и ей пришлось пуститься в длительные и трудные поиски другого места работы, чтобы получать заветную рабочую карточку вместо иждивенческой. Вторая часть дневника (1941—1943) продолжается записями, объединенными под заголовком «Блокада». Страшная история выживания. Дома две старухи — мать и перебравшаяся к ним свекровь. Дочь О. Родштейн смогла за взятку — лучшую вазу баккара — пристроить работать в хлебную лавку. За золото и ковры удается выменивать редкие продукты у татарина-шофера: килограмм арабского шоколада, банку сгущенного молока, килограмм пшена, а потом за пшено он попросил ее дочь, — обмен был сразу прекращен. Несмотря на все попытки, спасти мать и свекровь не удалось — обе умерли почти одновременно. «Мне совсем не тяжело. Я только очень высохла, ссохлась. Но я двигаюсь и думаю, слушаю, гляжу. Еще я вспоминаю. Но память удерживает лишь то, что находится перед глазами». А перед глазами дорога в морг и труп матери на куске фанеры; люди в ватниках с крючьями, что растаскивают смерзшиеся тела, а те ломаются, как спички; улыбающиеся трупы; блокадная баня. И работа на санпосту, когда приходилось вытаскивать из-под развалин пострадавших, а в минуты затишья читать вслух Чехова или Евангелие. Многоговорящие рассказы серий «картинок жизни»: «Джунгли», «Муки человеческие», «Невыносимое одиночество», немыслимые истории из серии «Гротеск». Тут и человек в милицмейской форме, переодетый мародер, попытавшийся отнять у Ольги кусок хлеба. И встреча с завмагом, который ищет, кого бы подкормить. И забредший в квартиру псковский партизан, отпущенный на неделю в Ленинград навещать родных и нашедший только обгоревшую печную трубу в родном доме в Парголово. Она все время работала: массажистом в лазарете, помбухом на консервном складе; репортером в Радиокomitee, где готовили передачи, спали, умирали от голода. И где по коридорам ходила в красной пижаме О. Берггольц. «Всю жизнь ненавидела пафос. Вдруг кого-то и в самом деле поддержат речи Вишневецкого, стихи Берггольц, Веры Инбер? Даже если шумит смертный водопад в ушах, и ты обнял фонарный столб и ползешь вниз к земле, чтобы уже более не встать и сдаться, даже и тогда хорошо услышать: „Дорогие ленинградцы! Братья и сестры...“» В мае 1943 года О. Родштейн перешла работать в Публичную библиотеку: ездила по вымороченным квартирам за оставшимися там книгами. Заключительная фраза в мемуарах: «Глядим вперед, ждем победы. Да здравствует жизнь!» Что дальше случилось с автором, неизвестно, но отправить в эвакуацию дочку ей удалось. У. О. Родштейн емкий и образный литературный язык, что и неудивительно для человека, который любил поэзию, в оригинале читал Шекспира и Верлена. Изначальная последовательность текстов утрачена, и в книге они сгруппированы примерно по описываемому в них времени. В итоге получился несколько сбивчивый, перемежающийся вставками воспоминаний и рассуждений текст, интересный деталями и качественный художественно. Эти записки попали к Д. Гранину, когда он работал над «Блокадной книгой», и ныне рукопись хранится в ЦГАЛИ СПб в личном фонде писателя. Полностью публикуются впервые. Текст еще ждет своего исследователя, грамотных комментариев, ведь даже настоящие имена в нем заменены — требование того времени.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 16

ХАРБИН. НОВОЕ КЛАДБИЩЕ. СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В 1902 году в черте города под новые захоронения было выделено место, сразу же получившее название Нового кладбища, называвшееся впоследствии Успенским, в честь воздвигнутого на нем храма Успения Пресвятой Богородицы.

В 1905 году, накануне занятия японскими войсками железнодорожных станций Гунжулин и Ляоян, престолы, антиминсы и имущество храмов, с наступающего момента более не использовавшихся, передали на хранение в Харбин и тем самым уберегли от осквернения. Позднее деньги из этих церквей употребили на начало строительства в Харбине кладбищенской Успенской церкви¹.

Воинские захоронения на этом кладбище именовались «Братской могилой погибших воинов, павших за Царя и Отечество в русско-японской войне 1904–1905», и возле них до 1959 года служила Вселенская панихида на Радоницу, в весенние яркие, солнечные дни, когда весь православный Харбин справлял светлую Пасху².

Закладка каменного храма состоялась 29 июня 1907 года. Церковь строилась частью на пожертвования русских харбинцев, а частью на средства КВЖД и харбинского Свято-Николаевского собора. Автором этого храма в русском стиле был гражданский инженер Н. А. Казы-Гирей³ — один из участников строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбина.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898–1956 / Под ред. О. В. Косик. ПСТГУ, 2019. С. 49.

² Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 207.

³ Николай Александрович Казы-Гирей (1866, Россия — 1917, Харбин) — гражданский инженер, архитектор. В 1887 году поступил в Петербургский институт гражданских инженеров, который окончил в 1892 году со званием гражданского инженера по первому разряду. Упоминается среди первых строителей КВЖД и Харбина, работал над сооружением южной линии дороги. Во время Боксерского восстания с группой сотрудников подвергся нападению. Скончался 18 декабря 1917 года. Похоронен на Покровском (Старом) кладбище в Харбине.

22 ноября 1908 года кладбищенская Успенская церковь была освящена. Освящение совершил прибывший из Владивостока архиепископ Владивостокский и Приморский Евсевий (Никольский), по словам которого, этот храм, созданный на чужбине и осеняющий могилы русских православных людей, умерших вдали от Родины, должен иметь для жителей Харбина особое значение⁴.

Сам храм был небольшой, но богато отделан внутри. Стены были окрашены в белый цвет, иконостас выполнен из мореного дуба с художественно написанными иконами⁵.

«Стильна и художественна маленькая церковь Нового кладбища, как будто сошедшая со страниц Грабаря, с иллюстрации древнерусского зодчества»⁶, — отмечалось в тогдашней печати. До 1920 года храм не имел своего причта и был приписан к Свято-Никольскому собору. В 1923 году был произведен внутренний капитальный ремонт храма, выполнены настенные росписи и живописные работы в куполе.

С 1920-го по 1922 год настоятелем Свято-Успенской церкви был *архимандрит Ювеналий (Килин)*.

Архимандрит Ювеналий (Килин) (в миру — Килин Иоанн Кельсиевич) родился в 1875 году в Вятской губернии. В 1900 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1902 году возведен в сан иеромонаха, в 1912 году — в сан игумена. С 1914 года — архимандрит. С 1915 года благочинный всех монастырей Пермской епархии. В конце Гражданской войны эмигрировал в Китай. Служил в Успенской церкви Харбина в 1920—1922 годах. Первый смотритель Успенского кладбища. Строитель и настоятель Харбинского мужского монастыря в честь Казанской иконы Божией Матери с 1922-го по 1935 год (с перерывом в 1923 году, когда он был в Югославии). Хиротонисан во епископа Синцзянского (1935). С 1940 года епископ Цицикарский, второй викарий Харбинской епархии. В 1945 году принят в общение Московской патриархией. В 1946 году назначен на Шанхайскую кафедру, но вскоре вернулся на Родину. Епископ Челябинский (1947—1948). В 1948 году возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. В 1949 году — архиепископ Омский. С 1952 года архиепископ Ижевский и Удмуртский. Скончался 28 декабря 1958 года в Ижевске. Перед смертью принял схиму. Похоронен в Ижевском кафедральном соборе⁷.

Архимандрита Ювеналия сменил *о. Геннадий Красов (1922—1929)*.

Протоиерей Геннадий Адрианович Красов служил в церкви Механических мастерских Харбина (1921—1922), в Свято-Николаевском соборе в 1922—1929 годах, на ст. Имяньпо КВЖД (1934—1937). С 1937-го по 1941 год настоятель Свято-Николаевской церкви в Затоне, с 1941-го по 1945 год — настоятель Иоанно-Предтеченской церкви в Московских казармах в Харбине. Служил в Пекинской духовной миссии. В 1950 году направлен начальником миссии архиепископом Виктором (Святым) в Урумчи. В 1951 году, в ночь с 9 на 10 января, погиб во время пожара в своей квартире⁸.

При храме состояли штатные священники: *о. Иннокентий Виноградов (1920—1926)*⁹ и *о. Михаил Андреев (1926—1934)*¹⁰. В число сверхштатных священников входили: *о. Ге-*

⁴ Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 16—17.

⁵ Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 48.

⁶ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 136.

⁷ Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009. С. 42—43.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Иерей Иннокентий Васильевич Виноградов служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1920—1924 годах и на Успенском кладбище (Харбинский синодик... С. 154).

¹⁰ Протоиерей Михаил Петрович Андреев родился в 1882 году в семье священника. Окончил Челябинское духовное училище (1899). С 1913 года — священник при церкви того же училища. В конце Гражданской войны эвакуировался в Китай. Служил в Покровской церкви на Старом кладбище, был

оргий Силинский (1920–1923)¹¹, о. Георгий Яковлев (1923–1925)¹², о. Николай Михайлов (1926–1942)¹³ и о. Иоанн Ромашкин (1928–1934). С 1918–1934 годов при храме состояли диакон Евмений Ин¹⁴ и сверхштатный диакон Всеволод Петров (1923–1929)¹⁵.

В 1920-е годы сторожем на Новом кладбище Харбина был будущий схимонах Иоанн (в миру — Солодков).

Бывший донской казак, ординарец великого князя Николая Николаевича-старшего, он принял монашеский постриг в Казанско-Богородицком мужском монастыре Харбина с именем Харитон; позднее принял схиму с именем Иоанн. Скончался 4 сентября 1927 года в монастыре в возрасте свыше 90 лет.

Г. В. Мелихов (1920-е годы): «Новое, или Успенское, кладбище располагалось в конце Большого проспекта, на краю новгородней возвышенности. Это кладбище было самым большим и имело строгую планировку. От его решетчатых ворот, над которыми входящих встречала церковно-славянская вязь изречения из Священного Писания — „Веруяй в Мя, аще и умрет, оживет“, вела широкая уходящая вглубь главная аллея, обрамленная с обеих сторон высокими тенистыми деревьями, с аркой-колокольней на ней, за которой далее стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы. Отходящие от главной под прямым углом боковые аллеи тоже утопали в зелени. Новое кладбище было похоже на громадный сад»¹⁶.

По части известности захороненных на нем людей Новое кладбище гармонично дополняло Старое. Священник о. Иоанн Сторожев, в последний раз причащавший семью государя императора Николая II, в 1927 году нашел свой последний приют именно на нем¹⁷. В том же 1927 году Харбинская епархия потеряла сразу несколько наиболее известных деятелей из среды русской эмиграции. Реакция православных жителей Харбина на эти и другие события также свидетельствует о том, как тесно была связана жизнь белоэмигрантов с Церковью.

настоятелем Успенской церкви на Новом кладбище Харбина. С 1947-го по 1952 год настоятель Свято-Покровской церкви на Старом кладбище Харбина, духовник Харбинской епархии. В 1956–1959 годах служил в Петропавловской церкви Сунгарийского городка Харбина. В 1959 году эмигрировал в Австралию, где служил при Архиерейской церкви в Сиднее. Скончался 1 июля 1964 года (Харбинский синодик... С. 118).

¹¹ Протоиерей Георгий Евгеньевич Силинский родился в 1886 году в Забайкалье. Окончил в Чите миссионерскую школу. В первое время учительствовал в церковноприходской школе. В 1912 году рукоположен в сан диакона, а позднее — в сан иерея. Служил в районе г. Нерчинска. В конце Гражданской войны перебрался в Маньчжурию. Служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1920–1923 годах, в Хайларе в 1924–1926 годах, на ст. Якеши КВЖД в 1927–1929 годах, на ст. Шитоухэцзы в 1929–1933 годах. Последнее место служения — ст. Пограничная в 1932–1937 годах. Учился на богословском факультете Института Св. Владимира. Скончался 30 декабря 1937 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище (Харбинский синодик... С. 99–100).

¹² Протоиерей Георгий Васильевич Яковлев служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1923–1925 годах, в Софийской церкви в 1926–1940 годах (Харбинский синодик... С. 101).

¹³ Протоиерей Николай Афанасьевич Михайлов служил в Свято-Николаевском соборе Харбина (1923–1925) и в Успенской кладбищенской церкви (1926–1942). Умер в Харбине (Харбинский синодик... С. 125).

¹⁴ Диакон Евмений Александрович Ин служил в Успенской кладбищенской церкви Харбина (1918–1934) (Харбинский синодик... С. 176).

¹⁵ Диакон Всеволод Михайлович Петров во время Гражданской войны входил в состав духовенства дальневосточной армии белых. Эмигрировал в Харбин в 1920 году. Служил в Корпусном городке в 1920 году, в церкви Механических мастерских в 1922 году, Успенской церкви Харбина, а также на ст. Мулин КВЖД в 1930–1932 годах. Скончался в 1940 году на ст. Куанченцы КВЖД (Харбинский синодик... С. 176).

¹⁶ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 334–335.

¹⁷ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 202.

5 июня 1927 года Харбин провожал в последний путь генерала от кавалерии Михаила Михайловича Плешкова. Литургию в храме на Новом кладбище совершал епископ Нестор в сослужении многочисленного духовенства. Храм не мог вместить всех молящихся, и многие стояли на улице. На кладбище беспрестанно прибывали новые лица, среди которых были генералы и офицеры, представители различных общественных организаций, воспитанники «Русского дома». Перед отпеванием приехали китайские чины — начальник административного управления главноначальствующего генерал Лин и начальник дипломатического отдела генерал Ван Тоусян. Выразив соболезнования близким родственникам почившего, они прошли в храм и поклонились праху покойного. Из-за многолюдства отпевание было совершено прямо на улице, и перед его началом епископ Нестор как духовник генерала рассказал о последних днях его жизни. Описав несколько характерных случаев из биографии М. М. Плешкова, архиерей отметил, что он служил примером для других не только в своем звании военного, но также был добрым семьянином, горячо любившим свою недавно почившую супругу Марию Антоновну. Ее уход и подточил его жизненные силы, а «о военных заслугах этого рыцаря долга без страха и упрека пусть судят другие, — сказал епископ Нестор, — они всем общеизвестны, и лавры славы его неувядаемы»¹⁸.

Г. В. Мелихов. Белый Харбин. Середина 20-х

Из традиций, характеризующих фирму «Чурин», отмечу день 27 сентября — праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, когда ежегодно весь штат служащих отправлялся на кладбище навестить могилы сослуживцев. И происходило это отнюдь не буднично.

В 9 часов утра из помещения Главной конторы знаменосец при двух ассистентах выносил желто-синее знамя фирмы. Оркестр (свой, чуринский) играл марш. Строй выравнивался; происходил прием парада, и со знаменем и оркестром, под музыку и барабанную дробь начинался торжественный марш чуринцев по Большому проспекту на Новое кладбище. Шли стройными рядами, четко отбивая шаг, в строго определенном порядке: впереди — одетые в сине-серую форму с синими же фуражками — пенсионеры и старшие служащие; за ними другие — тоже в форменной одежде. За этими — в красочном разнообразии платьев «женский батальон». Вслед за ним завершали колонну группа мальчиков и врачебно-санитарный персонал фирмы.

На кладбище все располагались в строю на поляне. Оркестр исполнял «Коль славы». При пении чуринского хора служилась панихида по всем усопшим сотрудникам фирмы. Отслуживались литии и освящались памятники, которые фирма поставила на могилах своих сотрудников, скончавшихся в минувшем году.

Одновременно с православной панихидой, которую, как правило, служил сам настоятель Свято-Николаевского собора, заупокойные богослужения совершались и на католическом, лютеранском и мусульманском кладбищах, где покоились почившие чуринцы. Они совершались ксендзом, пастором и муллой.

Примерно 1 тысяча рабочих и служащих фирмы работали в Харбине и 6 тысяч — во всей Маньчжурии. По национальному составу 90 % составляли русские, а остальные 10% — пятнадцать других национальностей; директорами в разные периоды до 1945 г. были и русский, и японец, и немец¹⁹.

<...> Кладбище — Новое, или Успенское, — располагалось в конце Большого проспекта, на краю новгородней возвышенности. Это кладбище было самым большим и имело строгую планировку. От его решетчатых ворот, над которыми входящих встречала церковно-славянская вязь изречения из Священного Писания — «Веруяй

¹⁸ Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 годах. На материалах Харбинской епархии. М.: Изд. ПСТГУ, 2014. С. 177–178.

¹⁹ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 148.

в Мя, аще и умрет, оживет», вела широкая уходящая вглубь главная аллея, обрамленная с обеих сторон высокими тенистыми деревьями, с аркой-колокольней на ней, за которой далее стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы. Отходящие от главной под прямым углом боковые аллеи тоже утопали в зелени. Новое кладбище было похоже на громадный сад.

Православная Церковь поминает усопших шесть раз в год. Но наиболее значимый и торжественный день поминовения — это, конечно, Радоница. Проходит Пасхальная неделя, и первый вторник после нее — как раз этот день.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что самой оживленной и многолюдной была Радоница на Новом кладбище. В этот день сюда со всего города стекались тысячи православных харбинцев, чтобы навестить родные могилки, помянуть как положено по-русски своих дорогих умерших.

Трудно написать о том, как проходила здесь Радоница, лучше, чем это сделала Ольга Чемодакова в своей статье в «Политехнике» № 10. С. 146—147.

Действительно, все было именно так. В этот день весь Харбин был у родных могил. «Весь транспорт, который только существовал в городе, был широко использован от раннего утра и до наступающих сумерек... Из переполненных трамваев виднелись целые семьи людей; ребятишки выглядывали из окон; сидячие и стоячие пассажиры ехали с корзинками со всякой снедью, с узелочками и узелками. А в них — и цветочки, и освященные вербочки, и куличи, и крашеные яйца — покрошить на могилках и раздать нищим „на помин души“. И всякая снедь для себя — ведь едут-то надолго, — посадить, отдохнуть на скамеечках у могил и просто на траве, закусить и даже выпить.

Ряды китайцев-торговцев на подходах к кладбищу шумно предлагают цветы: искусственные, живые — срезанные и в горшочках, веночки, напитки и сладости.

Священники, служащие панихиды на могилках; несущиеся со всех сторон их возгласы: „Христос Воскресе из мертвых“, „Смертию смерть поправ“, „Вечная память...“, ветер приносит дымок ладана... Пряный запах черемухи и какой-то остро пахнущей травы перемешивается с дымом ладана, а возгласы детей и окрики взрослых — с пением пасхальных молитв на могилах». Наполненное этими звуками и запахами, кладбище как будто оживает...

А там, за противоположной от входа его стороной, через улицу, располагались такие же тенистые и ухоженные католическое, лютеранское, мусульманское и еврейское кладбища. Но там сегодня — обычная тишина и покой. К вечеру на большой поляне служилась Вселенская панихида.

Еще большее оживление царило здесь в те годы, когда православная Радоница совпадала с китайским праздником поминовения усопших в соседнем с Новым кладбищем китайском монастыре Цзилэсы²⁰.

В этот день сюда отправляются, — писала газета «Время», — десятки тысяч китайцев. Возле храма сооружаются многочисленные цинопочные балаганы, цирки, киоски и рестораны, представляющие собой отделения харбинских и фуцзяньских ресторанов; все это открывается около храма только на время торжественного празднования и поминовения духов усопших родственников и предков. Оживление наступает задолго до торжественного часа. Принимаются решительные меры по регулировке движения, которое осложняется телегами крестьян, прибывающих на праздник из окрестных деревень. Вокруг храма вырастает огромный базар и целая улочка этих походных ресторанов, пользующихся огромной популярностью. Цинопочные стены всех заведений оказываются в конце празднества почти сплошь обклеенными квадратиками ритуальной желтой бумаги, с соответствующими изречениями, которую поминающие специально покупают для своих целей. Картина этого праздника, которую я видел всего один раз, была колоритнейшая и запомнилась на всю жизнь...²¹

²⁰ Буддийский монастырь Цзилэсы (Тилосы) был построен в 1923 году.

²¹ Мелихов Г. В. Белый Харбин... С. 334—336.

В 1924 году на Успенском кладбище нашел свое упокоение духовный наставник будущего святителя Филарета и настоятель прихода в церкви в Госпитальном городке *протоиерей Константин Коронин*²².

Георгий Витальевич Хатковский (1920-е годы): «В конце Большого проспекта находилось Новое Успенское кладбище с более поздними захоронениями. Там нашли упокоение десятки тысяч харбинцев, в том числе и мои родители. От ворот начиналась аллея, шедшая до церкви с колокольной. Пять священников по очереди ежедневно совершали панихиды на могилах кладбища. Здесь можно было найти могилы от самых бедных холмиков с деревянными крестами до фамильных склепов, часовен с красивыми витыми железными решетками, надгробиями в виде ангелов и других изваяний. Вдоль ухоженных аллей были посажены кусты сирени и черемухи, цветущие как раз на Радоницу и наполнявшие своим ароматом свежий воздух.

Кладбище в день Радоницы превращалось в место, где вместе с разносившимися песнопениями на могилах создавалась какая-то спокойно-торжественная обстановка, никто громко не разговаривал, как будто боясь нарушить тишину, в которой покоились умершие. А торжественность заключалась в том, что на могилах расстилались белые скатерти с угощением для каждого, кто подойдет и помянет усопшего, но от спиртного отказывались. Тропинки между могилами были заполнены людьми, шагающими от одной могилки к другой, родными приглашались священники для совершения панихиды, было много батюшек из всех церквей города с певчими, чтобы не отказывать никому. Кругом разносилось пение: „Со святыми упокой, Господи...“, а у людей были приветливые, вежливые улыбки, ощущалась радость встречи давно не встречавшихся людей. В конце дня паломничество начиналось в обратном направлении, с чувством удовлетворения от исполненного долга»²³.

Начало 1930-х годов

Храм Успения был возведен в форме корабля, словно бы плывущего по волнам небытия, к которым метафорически можно причислить обширный некрополь, где в разное время нашли свое упокоение десятки тысяч харбинцев. На территории этого некрополя были разбиты несколько аллей, включая главную, ведущую от входных чугунных ворот, над которыми была вылита знаменитая надпись: «Веруй в Мя, аще и умрет — оживет», до арки, над которой помещалась колокольня. Путь от нее и до самого храма по обеим сторонам был украшен высокими деревьями. Справа от главной аллеи стоял известный среди харбинцев памятник священнику о. Евгению Панормову²⁴ работы харбинского скульптора Володченко²⁵, впоследствии безжалостно уничтоженный китайской администрацией при сносе кладбища.

²² Протоиерей Константин Иоаннович Коронин родился в Перми. Окончил Казанскую и Санкт-Петербургскую духовные академии. Служил в сане священника в Перми и Варшаве. С началом Первой мировой войны переехал из Варшавы в Читу. В 1922 году эмигрировал в Китай. Служил в церкви Госпитального городка Харбина в 1923–1924 годах. Скончался от тяжелой болезни в 1924 году. Похоронен на Успенском кладбище Харбина (Харбинский синодик... С. 113).

²³ Хатковский Г. В. Юность моя — Харбин // Сибирская православная газета. 2003. № 5.

²⁴ Прот. Панормов Евгений Николаевич родился ок. 1871 года. Во время Гражданской войны работал в омском правительстве, затем священник в Белой армии, благочинный Отдельной казачьей бригады, Сводной казачьей дивизии и Второго стрелкового корпуса Дальневосточной армии. После эвакуации в Маньчжурию служил в харбинской Алексеевской церкви в Модрягоу (1923–1930). Скончался 13 ноября 1930 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище. На могиле был его скульптурный памятник во весь рост в священническом облачении.

²⁵ Володченко Симеон Иоаннович (р. 1881, Козелец, Черниговская губ. — ?). Из семьи священника. С 1901 года жил в Одессе, где окончил Одесское художественное училище (1905). В 1911–1912 годах

За аллеями в свое время были сооружены два сквера с симметрично расположенными цветочными клумбами и фонтаном, а в правом приделе кладбища находилась богатая оранжерея, в которой при участии церковного клира выращивались красивейшие цветы, которыми украшался храм в дни праздников. Служители оранжереи помимо своих прямых обязанностей несли и некую общественную — ежедневно возжигали лампы и следили за состоянием могил. Почти рядом с главной аллеей кладбища располагался сад, в котором ежегодно цвели вишни, яблони, произрастали густые кусты черной смородины и крыжовника, а чуть поодаль — пасека. По воспоминаниям современников, Успенское кладбище в летний период буквально утопало в зелени. За сквером располагался одноэтажный дом настоятеля, а чуть поодаль — небольшая двухэтажная постройка, на втором этаже которой располагался зал для собраний. Слева от колокольни располагались квартиры служащих кладбища и церкви — регента хора и многолетнего бессменного смотрителя — *Луки Петровича Попова*²⁶.

По воспоминаниям бывавших на кладбище, в архитектуре надгробий преобладали традиции итальянских, чуть реже русских мастеров-каменотесов. Мраморные обелиски, склепы, статуи и памятники с барельефами и горельефами, а также орнаментальными украшениями, изображавшими гирлянды, цветы, листья и венки, были там довольно распространенным явлением. Обыкновенным для состоятельных харбинских семей было выписывать из Италии дорогостоящие мраморные композиции или фрагменты для украшения склепов и памятников. Начало этой традиции положила семья камергера Николая Львовича Гондатти²⁷, заказавшая мраморного ангела, венчавшего постамент памятника умершей в возрасте 23 лет дочери Ольги, племянницы знаменитого русского композитора Игоря Федоровича Стравинского, а продолжили семьи удачно практиковавших харбинских докторов: Жуковского, Александры Георгиевны Ярцевой, Ивана Георгиевича Урзова и Тамары Семеновны Масленниковой-Урзовой. Как правило, для изготовления памятников использовался корейский (розовый) или

вылепил и отлил из бронзы фигуру и барельефы памятника А. В. Суворову, установленного в Румынии, на месте Рымникского боя. Еще один памятник Суворову, выполненный Володченко в 1913—1914 годах, установлен в Измаиле. В 1921 году в составе группы художников выехал с выставкой картин в Сахалин (Хэйхе, Маньчжурия), а оттуда в Харбин. Выполнял в Харбине целый ряд декоративных работ (зал Железнодорожного собрания и др.), живописных, а также чисто скульптурных из бетона, мрамора и бронзы. Занимался выполнением частных заказов на художественно-декоративные и скульптурные работы. В 1940 году выполнял наружные лепные работы на Благовещенской церкви в Харбине.

²⁶ Попов Лука Петрович (р. 1899, с. Евсеево, Иркутская губ. в семье диакона. Окончил четыре класса Иркутской духовной семинарии (1907—1908). В 1918 году мобилизован в армию Колчака, при отступлении от Омска до Иркутска заболел тифом, был оставлен у родственников. 10 мая 1921 года — нелегальный переход границы в районе ст. Маньчжурия. 15 мая 1921 года определен на службу при харбинском Успенском русском кладбище, на каковой состоял по 7 июня 1955 года в должности заведующего (34 года). В 1954 году епископом Никандром рукоположен в сан диакона. В 1955 году выехал в СССР, с 1956 года — диакон в Уфе. Позднее переведен в Архангельскую епархию. Скончался в г. Каргополе в 1965 году (Харбинский синодик... С. 158).

²⁷ Гондатти Николай Львович родился в 1860 году в Москве. Отец итальянец, мать русская, из дворянского рода. Окончил Московский университет. Провел этнографическую экспедицию в северную часть бассейна р. Оби. Для накопления опыта в шелководстве путешествовал в Туркестан, Китай, Японию, Цейлон, Южную Америку, Новую Зеландию. Начальник Анадырского округа Приамурского генерал-губернаторства (1894—1897). Вице-губернатор Приамурской области. Тобольский, Томский губернатор. Генерал-губернатор Приамурского края (1911—1917). В начале 1920-х годов эмигрировал в Харбин. Начальник земельного отдела КВЖД. Активно участвовал в образовании Харбинской епархии и ее жизни. Член епархиального совета от КВЖД. Скончался в Харбине 5 апреля 1946 года. Похоронен на Новом кладбище.

итальянский (белый) мрамор. В усложненных композициях надгробий, как, например, в случае с захоронением знаменитого доктора В. А. Казем-Бека, использовали комбинацию белого мрамора, железобетона и металла. Часто для изготовления памятников находилось применение и местному камню — черному и серому граниту²⁸.

Об истории памятника доктору В. А. Казем-Беку рассказывает Сергей Еремин на страницах газеты русской общины Австралии «Единение»:

Похоронили Владимира Алексеевича Казем-Бека на Новом кладбище, рядом с алтарной частью Успенского храма. Харбинцы долго спорили — какой памятник поставить. Провели конкурс проектов, определили победителей, даже премии им успели выдать, да одумались вовремя. Доктор никогда бы не одобрил такие бессмысленные траты. Наконец-то, было принято единственно правильное решение — собрать пожертвования и создать за счет них бесплатную больницу имени Казем-Бека! Такая клиника вскоре была открыта при Казанско-Богородицком мужском монастыре. Памятник же поставили весьма скромный, с большим крестом и с белой (как халат врача) мраморной могильной плитой.

Этот памятник я увидел впервые в 2010 году, когда Русский клуб стал составлять план захоронений на русском участке кладбища Хуаншань²⁹. Без портрета, плита могильная и сиденья у двух лавочек утрачены. Большинство металлических частей оградки — сданы в металлолом. Но, что мы могли сделать тогда? Записали номер захоронения — 2.6.10, даты жизни 14.11.1892—04.08.1931 годы, сфотографировали.

Но в 2011 году китайские власти разрешили привести в порядок 4 могилы священников и два обелиска времен Русско-Японской войны. Весной 2012 года в Харбин приехал с рабочим визитом президент Харбинско-Китайского Исторического общества (ХКИО) Игорь Казимирович Савицкий. Был составлен план работ и согласован с православной общиной Покровского храма — главным пунктом стал капитальный ремонт памятника доктору Казем-Беку.

Предварительно мы с «генеральным заказчиком» — Игорем К. Савицким посмотрели все материалы о памятнике Казем-Беку. Вариант, который находится на Хуаншань весьма серьезно отличается от первого памятника, который был на Успенском кладбище. Описания «первичного» памятника нам найти не удалось. Долго мы не могли найти фотографии доктора хорошего качества. Но помог случай... Летом приехали из Казани, из музея Баратынского, три симпатичные молодые дамы. Семья Казем-Беков и Баратынских были давними друзьями — это общеизвестный факт. Они даже породнились. Я, узнав через Интернет о приезде работников музея, стал просить у них привезти фотографию Казем-Бека. Именно эта фотография, полученная с помощью земляков героя нашего рассказа, украшает сегодня отреставрированный нами памятник³⁰.

С 1930-го по 1933 год настоятелем Успенской церкви был о. *Иоанн Черемухин*³¹.

²⁸ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 209—210.

²⁹ По распоряжению китайских властей для захоронения был предложен участок земли в районе Санкешу, приблизительно в 25 километрах от центра Харбина. Выделенный участок стал называться кладбищем Хуан Шан.

³⁰ <https://www.unification.com.au/articles/2746>. Дата посещения 5 июня 2022 года.

³¹ Протоиерей Иоанн Петрович Черемухин родился в 1887 году. Окончил Пермскую духовную семинарию. Священник с 1914 года. В 1915 году благочинный Ирбитского округа Екатеринбургской епархии. Во время Гражданской войны военный священник в Белой армии. Участник Сибирского ледового похода в рядах каппелевцев. Эмигрировал в Китай в 1920 году. Настоятель церкви и законоучитель при училище «Русский дом» в Харбине (1924—1927). С 1925 года служил в церкви Госпитального городка, затем в Успенской церкви (1930—1933). Умер от туберкулеза 19 июня 1933 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище.

Короткое время в Успенской церкви служил *протоиерей Александр Яковлевич Лукин*.

По некоторым воспоминаниям, он был полковым священником в Белой армии, в конце Гражданской войны эмигрировал в Китай. Служил в Иверской церкви Харбина (1925—1930), в Успенской церкви на кладбище (1930) и в Затоне (1930—1937), на ст. Имяньпо Восточной линии КВЖД. Последнее место служения в Китае — г. Дальний. Его дочь была замужем за князем Кекуатовым. После освобождения Маньчжурии от японцев князь с женой были арестованы и отправлены в СССР. В середине 1950-х годов о. Александр вернулся в Россию. Нашел свою дочь в г. Пласте Челябинской области. Остался здесь служить в местной церкви. Скончался в Пласте.

В 1931—1940 годах в Успенской церкви служил *протоиерей Виктор Александрович Марсов*. (Ранее о. Виктор служил на ст. Аньда КВЖД (1925—1930). В 1940-х годах он был уже за штатом и жил в районе Модягоу.)

В числе сверхштатных диаконов в эти годы состоял о. *Сергий Голов (1930—1935)*³².

Одним из старейших церковнослужителей Харбина был *Иоанн Ильич Ромашкин*. Он служил псаломщиком в Успенской церкви Харбина (с 1928 года). Ранее он подвизался в Свято-Николаевской церкви охранной стражи в Старом Харбине (с 1900 года), на ст. Имяньпо КВЖД (1924—1927). Скончался 25 января 1935 года, похоронен на Новом кладбище.

В причте Успенской церкви также состоял псаломщик *Михаил Петрович Тиунов*. (Годы служения не установлены.)

В 1930 году возле главного входа на Новое (Успенское) кладбище по проекту архитектора Е. А. Уласовца была возведена отдельно стоящая надвратная колокольня, которая использовалась также как водонапорная башня для обеспечения водой территории кладбища. Она была сооружена на пожертвования *Георгия Георгиевича Урзова*. Он родился в 1877 году в Смоленской губернии. При Успенском кладбище Харбина имел мастерскую по изготовлению памятников. Составил план кладбища и участвовал в строительстве Успенской церкви. Скончался в 1960 году, похоронен на кладбище Хуаншань.

Японская оккупация. Маньчжоу-Го (1932—1945)

Своего рода «новым этапом» в истории Харбина явилась японская оккупация Маньчжурии. Началась она еще с конца 1931 года, а после падения Мукдена утром 6 февраля 1932 года части японской пехоты и бронетехники двигались по улицам Харбина. Первоначальное отношение русской диаспоры города к появившимся на его улицах японцам, по свидетельству очевидцев, было восторженным. Вдоль тротуаров по какой-то неписаной традиции откуда ни возьмись появились восторженные русские девушки с цветами в руках.

Радость при появлении оккупантов можно было бы сравнить со вздохом облегчения, вырвавшимся из уст русского населения после многих лет произвола китайского чиновничества в Харбине, повального взяточничества и лихоимства. Именно тогда у многих русских харбинцев появилась некоторая надежда на то, что именно японские военные власти принесут с собой идеальный порядок, мир, законность и процветание всем народам, населявшим этот город³³ (см. приложение 17).

³² Протоиерей Сергей Иванович Голов. Служил в Хайларе (1914) и Харбине, на ст. Бухэду (1938). Попал в автокатастрофу, после которой почти потерял слух, но продолжал служить со слуховым аппаратом. Протоиерей Алексеевской церкви на Зеленом базаре Харбина (Харбинский синодик... С. 172).

³³ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 172—174.

Менее чем через месяц после захвата в Мукдене было объявлено о создании нового государства Маньчжоу-Ди-Го. Через неделю после обнародования японцами этой декларации на пост пожизненного владыки был поставлен последний китайский император из династии Дай Цинов — Пу И.

Одна из русских мемуаристок отмечает, что появление японских частей в Харбине было тихим, поначалу даже мало ощутимым мирным населением города. Лишь через несколько лет, особенно после вынужденной продажи советской стороной своих прав на КВЖД, японское давление на русских стало настолько усиливаться, что привело в результате к их массовому оттоку из Маньчжурии на юг Китая, в города Шанхай и Тяньцзинь³⁴.

С 1933-го по 1940 год настоятелем Успенской церкви был *о. Павел Любимов*.

Протоиерей Павел Петрович Любимов. До эмиграции священник в селе Красная Горка Казанской епархии. Служил в Харбине в Госпитальном городке, при приютучилище «Русский дом» (1923—1924), в Цицикаре (1924—1928), на ст. Ханьдаохецзы КВЖД (1928—1932). Затем служил вновь в Харбине в женском монастыре (1932), настоятель Успенской церкви на Новом кладбище с 1933 года. Окончил богословский факультет института Св. Владимира в 1939 году. Преподаватель Харбинской духовной семинарии. Скончался в Харбине в 1940 году³⁵.

Сверхштатным священником Успенской церкви был *о. Леонид Знаменский (1934)*³⁶, а сверхштатным диаконом — *о. Нестор Сошников (1935—1938)*³⁷.

Известным захоронением Успенского кладбища была могила атамана Забайкальского казачьего войска генерал-майора Ивана Федоровича Шильникова. Служивший одно время начальником штаба Особого Маньчжурского отряда атамана Г. М. Семенова, генерал продолжил руководство вооруженной борьбой с Советами и будучи в эмиграции. Когда в 1934 году Иван Федорович скончался в своем харбинском доме, то похоронен был по казачьим традициям. Отпевали его в Свято-Алексеевской церкви, а когда траурная процессия отправилась на Успенское кладбище, за катафалком вели оседланного коня, а на крышке гроба были привинчены шашка и казачья офицерская фуражка. На подушечках несли награды генерала. В отпевании генерала принимал участие один из священников Свято-Алексеевской церкви, отец Василий Герасимов, сам в прошлом участник борьбы с большевиками, совершивший в январе 1920 года Великий Сибирский поход под началом главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля³⁸.

С 1935-го по 1938 год диаконом Успенской церкви был *о. Алексей Горелкин*³⁹. Там же ему была предоставлена квартира в доме для причта, и о. Алексей указывает в анкете

³⁴ Там же. С. 177—178.

³⁵ Харбинский синодик... С. 130—131.

³⁶ Протоиерей Леонид Ильич Знаменский. Служил в Иверской церкви (1925—1931), в Успенской церкви Харбина (1934) (Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009. С. 114).

³⁷ Диакон Нестор Михайлович Сошников родился во Владикавказе. Псаломщик церкви Корпусного городка Харбина. Через некоторое время рукоположен во диакона к Свято-Сергиевской церкви на ст. Имяньпо КВЖД. По болезни ушел за штат. Вероятно, был приписан к Успенской церкви Харбина с 1926 года. Скончался 8 февраля 1938 года. Похоронен на Успенском кладбище Харбина (Харбинский синодик... С. 178).

³⁸ Там же. С. 207—208.

³⁹ Протоиерей Горелкин Алексей Яковлевич. Родом из Тульской губернии. Окончил учительскую семинарию в 1915 году. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Офицер Белой армии. Имел пять ранений. Эвакуировался в Китай в 1922 году. Служил в Старом Харбине в 1925 году псаломщиком, с 1926-го по 1935 год — диаконом, далее в Успенской церкви на кладбище (1935—1938) и за-

свой точный адрес, так знакомый жителям Харбина: Православное кладбище, Большой проспект, № 1. На тот период у о. Алексея на иждивении была семья: жена Клавдия Николаевна, дочь Любовь 7,5 лет и сын Борис 6 лет. Зарботок о. Алексея составлял около 7 гоби в неделю. Харбинское духовенство жило очень скромно. Хорошо еще, что при храмах им предоставлялись казенные квартиры⁴⁰.

Русская писательница и журналистка Наталия Иосифовна Ильина (1914—1994) с 1920-го по 1936 год жила в Харбине. Наиболее известна ее художественно-мемуарная проза, отразившая личный опыт пребывания в эмиграции в Китае («Возвращение», кн. 1—2, 1957—1965). Во второй половине первой книги романа «Возвращения» часть событий происходит в *кладбищенской* церкви Нового города в Харбине. Вероятнее всего, Наталья Ильина описывает Успенскую церковь (церковь Успения Пресвятой Богородицы).

О панихиде в кладбищенской церкви думает один из персонажей романа — Калитин — на девятый день после смерти своей жены Марьи Константиновы и замечает, что после обедни и благословения священника в церкви еще остается много женщин. Пожалуй, во второй части десятой главы романа содержится самое распространенное описание церкви: ее местоположения («церковь находилась километрах в двух от окраины Нового города»⁴¹) и нового состояния («церкви на окраинах были переполнены»⁴² во время пребывания в Харбине японцев).

Общее состояние неизвестности в жизни Калитина и других эмигрантов подчеркивается и холодом, стоявшим в церкви в первый день Рождества: «В церкви было не топлено, у священника с редкой седой бородой изо рта шел пар...»⁴³ Но при всем этом и кладбищенская церковь воспринимается как место, в котором можно обрести душевное равновесие: «Церковь с ее иконами, лампадами, золотыми ризами и прекрасными песнопениями, — убежище, в котором можно на время укрыться, на время забыть о страшном государстве „Маньчжоу-Го“»⁴⁴.

Примечательно, что вопреки канонической традиции на Успенском кладбище нашли свое упокоение и два молодых поэта-самоубийцы — Георгий Гранин и Сергей Сергин, застрелившиеся в ночь на 5 декабря 1934 года в харбинской гостинице «Нанкин». Оба были участниками харбинского литературного кружка «Молодая Чураевка», членов которого объединял их старший наставник — поэт Алексей Ачаир⁴⁵.

В 1945 году Алексей Ачаир был арестован органами Смерш и этапирован в СССР для отбытия данного ему десятилетнего срока. В стихотворении, посвященном своей жене перед разлукой, поэт писал:

тем в Сунгарийском городке Харбина в 1939—1943 годах. Переведен в Алексеевскую церковь в Модягоу, где в 1946 году рукоположен в сан священника. Член Харбинского епархиального совета. Окончил богословский факультет Института Св. Владимира в 1939 году. Преподаватель Харбинской духовной семинарии. В 1955 году вернулся в СССР и был направлен в Алма-Ату, затем в Новосибирск (1956—1958). По следующему назначению служил в соборе Рождества Богородицы Челябинска до закрытия храма в 1960 году. С 1961 года служил в Астрахани. Скончался после тяжелой операции 3 июня 1964 года, похоронен в Астрахани (Харбинский синодик... С. 81—82).

⁴⁰ Бутенко И.С. Священнослужитель Святой Православной Церкви о. Алексей Горелкин (1897—1964) // Русская Атлантида. 2003. № 9. С. 9.

⁴¹ Ильина Наталья. Возвращение. Роман. Книга первая. М.: Советский писатель, 1969. С. 317.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 205—206.

Что мы с тобой не собственность друг друга,
 Что разных воль таинственный союз —
 Пусть гром гремит, пусть негодует вьюга.
 Я за тебя, прощаясь, не боюсь.

Его жена, Галина Аполлоновна Ачаир-Добротворская, бывшая известной оперной певицей в Харбине, после ареста мужа эмигрировала в Австралию, где и умерла в Квинсленде в 1997 году. После выхода поэта из лагеря им не суждено было больше увидеть друг друга. Поэт остался в России и умер в Новосибирске в 1960 году. Литературный кружок, которому одно время покровительствовал мэтр, просуществовал в Харбине около полутора десятка лет, дав возможность сформироваться и развиваться целой группе молодых литературных дарований⁴⁶.

В 1937 году на Успенском кладбище соорудили памятник чехословацким легионерам, похороненным здесь (скульптор Винклер). Несмотря на то, что управление КВЖД 23 марта 1935 года возглавили новые лица, ежегодно новые власти посещали могилы первостроителей КВЖД. Обычно же русские люди приходили на кладбище в послепасхальные дни — на Радоницу. «На кладбище, на всем его протяжении, в местах погребения и бедных, и богатых, наблюдалась одна и та же картина. Могилы были убраны, почти на всех лежали кусочки кулича. Везде толпился народ, все время разносились в воздухе молитвенные возгласы и песнопения, на могилах служились панихиды»⁴⁷. Таковую же картину можно было наблюдать на католическом и лютеранском кладбищах. Русские эмигранты бережно сохраняли могилы соотечественников на кладбищах Харбина⁴⁸.

С 1934-го по 1941 год одним из штатных священников Успенской церкви был о. Сimeон Новосильцев, а с 1941-го по 1944 год — ее настоятелем.

Священник Сimeон Евграфович Новосильцев служил на ст. Имяньпо КВЖД (1923—1929), в Алексеевской церкви в Модягоу (1945—1955). Член епархиального совета. Вернулся в СССР в 1955 году в Ставропольскую епархию, где служил в кафедральном соборе и преподавал в местной семинарии. Принял монашество с именем Елевферий и возведен в сан архимандрита. Был кандидатом на епископскую кафедру, но власти воспрепятствовали его хиротонии. Последнее время служил в Душанбе. Скончался в 1965 году во время отпуска в Ставрополе, здесь и похоронен.

В 1940-х годах в Успенской кладбищенской церкви служил *иерей Георгий Павлович Козлов*.

Ранее о. Георгий служил на ст. Барим (1937), в пос. Драгоценка Трехречья (1937—1938), на ст. Чжалантунь и Бухэду КВЖД (1938—1939), на ст. Барим (1940). В 1950-х годах — в Михайло-Архангельской церкви г. Дальнего. Вернулся в СССР и вскоре скончался.

В 1933—1943 годах псаломщиком Успенской церкви был *Сергей Андреевич Перов*.

Он родился в 1901 году в г. Стерлитамаке Уфимской губернии. Эмигрировал в Китай; жил в Харбине, работал на КВЖД до 1933 года. С 1943-го по 1948 год был псаломщиком Покровской кладбищенской церкви. В 1948—1955 годах вновь работал на железной дороге и одновременно пел в хоре при церкви Саманного городка. В 1955 году вернулся в СССР. Псаломщик Свято-Николаевской церкви села Луговое — пригород Новосибирска. Скончался в 1959 году.

⁴⁶ Там же. С. 206—207.

⁴⁷ Иогель И. Радоница в Харбине: Русский быт крепко живет в эмиграции // Рубеж. 1940. № 21 (18 мая).

⁴⁸ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 144.

Псаломщиком при Успенской церкви на Новом кладбище в 1936—1942 годах был также *Стефан Сергеевич Литвинцев*. Ранее он служил псаломщиком в церкви Госпитального городка (1930—1936).

Шитухина Г. П. (1942): «Я люблю деда, и его смерть для меня — первая потеря в жизни, мне — четырнадцать лет (март „9-го года Кан-Дэ“ — 1942 год). Все воскресенья я у могилы деда. Для того, чтобы попасть на новое русское кладбище, расположенное на краю Нового города, надо миновать старое русское кладбище, затем китайский храм Ти-лэ-сы, и через двадцать минут я дохожу до могилы деда. В общей же сложности дорога от нашего дома в Модягоу занимает не менее часа. Добираемся мы до кладбища обычно на извозчике, т. к. автобусы переполнены. Извозчики нас уже знают и потому заранее зазывают, обещая нам быструю дорогу...

В один из весенних дней на кладбище к деду едет почти вся наша семья: бабушка, три ее сына, три невестки и нас пять внуков — старшему шестнадцать лет. Рассаживаемся по извозчикам, едем. Горечь утраты приутихла, дед долго болел. Молодость берет свое, настроение бодрое, молодое, весеннее. Мы с сестрой в белых шляпках и в белых перчатках. Каждый занят своими мыслями. У сестры где-то в аллее назначено свидание; старший двоюродный брат (Александр Шитухин) — студент медицинского института — поглощен своими занятиями, которые ведутся на японском, китайском и английском языках. Мы с моим двоюродным братом-погодкой (Мишей Шитухиным) договорились обойти знакомые могилки, навестить нашего школьного учителя географии, на уроках которого я так много шалила...

Вдруг извозчики останавливаются — впереди стоят люди, полицейские. Какая-то непонятная тишина. Прислушиваюсь. Извозчик осторожно продвигается к полицейскому заслону. Я слышу шарканье множества ног и глухое постукивание; сердце мое замирает, и я вдруг привстаю и вижу: мимо нас со стороны Фудзядяна идут люди. Они идут по пять человек в ряд: грязные, нищие, молодые, мужчины, женщины, дети. У каждого в руке или прикрепленная к поясу жестянка или миска. Извозчик объясняет: сегодня в храме Ти-лэ-сы поминовение усопших, и монахи раздадут горячую пищу. Оказывается, вне моего дома, вне моего маленького мирка, наполненного маминой лаской и теплом, книгами и музыкой, существует другой мир! И я вхожу в этот мир... каким он будет для меня?»⁴⁹

Вспоминает священник Николай Падерин⁵⁰ (1940-е годы): «Кладбище располагало большой территорией, и там нашли для себя место упокоения десятки тысяч русских людей <...> Все кладбище утопало в зелени. Среди деревьев во множестве были плодовые: черемуха, боярка, различные сорта ранеток.

В день храмового праздника Успения Божией Матери, после архиерейского служения Божественной литургии, по кладбищу совершался крестный ход, с непременно пением праздничного тропаря и ирмосов канона. На братских могилах воинов, павших в войну 1904—1905 годов, совершалась краткая лития. Весь день на кладбище шла масса народу для служения панихид на могилах своих близких»⁵¹.

Очевидец праздничных богослужений вспоминал: «Много народу бывало на кладбище в день Св. Пасхи. Многие любили встречать пасхальную ночь в кладбищен-

⁴⁹ Шитухина Г. П. (Галина Петровна). «Свете тихий» // Русская Атлантида. 2004. № 12. С. 39.

⁵⁰ Епископ Никандр (в миру Николай Петрович Падерин; 1927, Харбин, Китай — 1987, США) — епископ Русской православной церкви за границей, епископ Сан-Паульский и Бразильский.

⁵¹ Падерин Н., священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. Изд. Московского ун-та, 1998. С. 31.

ском храме. В Великую субботу, часов с десяти вечера, нарушалась обычная тишина ночи на кладбище. Множество машин из города приходило к кладбищенским воротам, доставляя православных богомольцев к светлой заутрене. Перед самым началом богослужения вдоль главной аллеи зажигались цветные фонари на деревьях, а в промежутке между ними горели площадки, создавая изумительную картину ночного торжества. Крестный ход и светлая заутреня совершались при большом стечении богомольцев. По окончании заутрени многие возвращались в свои дома, а другие, после Божественной литургии, отправлялись на родные могилки, чтобы принести первое приветствие своим близким с этим торжеством победы жизни над смертью и при мерцании лампад ожидали там утреннего рассвета. Утром расторопные рикши начинали развоз возвращающихся русских во всех направлениях: от ближайшей остановки трамвая до самого дома»⁵².

В 1940 году Успенское кладбище было переустроено с учетом его быстрого роста и для расширения доступности для посетителей в дни поминовений и праздников. На пожертвования прихожан были реставрированы и установлены ворота, обновлен внешний вид колокольни⁵³.

Приложение 17. Сегеда Андрей. «Японский Шиндлер» Тиуне Цугахире

Благодаря Стивену Спилбергу и его фильму «Список Шиндлера» во всем мире хорошо известен немецкий фабрикант Оскар Шиндлер, в годы холокоста спасший от уничтожения 1200 немецких евреев. Тиуне Цугахире не так известен и его часто называют «японским Шиндлером», хотя спас он гораздо больше людей — по разным оценкам, 6000—10 000 человек.

Тиуне Цугахире (в другом прочтении Сугихара) родился в 1900 году. Он был вторым сыном в семье врача из японского городка Яоцу Есимидзу Цугахире и его жены Яцу. В семье, кроме Тиуне было еще четверо мальчишек и младшая дочка.

Семья была небогатой, и отец Тиуне мечтал об успешной карьере для своих детей, поэтому отправил своего второго сына, отлично учившегося в школе, в медицинский колледж.

Однако Тиуне не хотел становиться врачом и специально завалил вступительные экзамены. Это на некоторое время поссорило его с отцом, но позволило поступить в избранный им университет Васада на отделение английской литературы. Там он учится год, одновременно работая, чтобы оплачивать обучение. Однако нагрузки для него становятся слишком велики, и тогда он переводится в только что открывшийся Русско-японский лицей в Харбине, где платят стипендию, потому что правительству Японии остро нужны русскоговорящие дипломаты.

В Харбине Тиуне знакомится с Православием, и оно настолько поражает его своими духовными сокровищами, что он принимает крещение с именем Павел (по другим сведениям, Павлом звали священника, который его крестил, а Тиуне получил крещальное имя Сергей).

Лицей Цугахире покидает одним из лучших учеников, овладев русским, английским и немецким языками. По окончании лицея, Цугахире служит в армии и, после этого, вновь получает распределение в Харбин от МИДа Японии. Там молодой дипломат деятельно проявляет свои христианские убеждения, создавая детские дома

⁵² Падерин Н., священник. О церковной жизни Харбина // Церковное слово. 1998. № 4 / Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 210—212.

⁵³ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 212.

для китайских детей, которые остались без родителей после японского вторжения в Китай.

В 1936 Тиуне (вторым браком) женился на японке Юкико Кикуги, также принявшей православие, и в счастливом долголетнем браке с ней стал отцом четверых детей. В марте 1939 Сугихара был назначен вице-консулом в Каунасе, который тогда был столицей советской Литвы. Он стал первым японским дипломатом в этой республике СССР.

Когда в 1939 году нацистская Германия напала на Польшу и в результате операции «Вайс», оккупировала большую часть этой страны, там началась охота за остатками деморализованной польской армии. Брать в плен польских жолнежей⁵⁴ в планы нацистов не входило и их старались уничтожить физически. Зная об этом, Цугахире, хотя и представлял страну-союзницу нацистской Германии, помог нескольким польским подразделениям сохранить жизнь, организовав их переправку в Швецию.

В 1940 году в Польше начались еще бóльшие ужасы — массовое истребление нацистами еврейского населения этой страны, в результате которого, по некоторым оценкам, погибло около 1 000 000 человек. Спасаясь от смерти, еврейские семьи бежали в Советский Союз. «На площади у здания консульства стояли сотни людей — мужчин, женщин и детей. Я помню их глаза — уставшие и отчаянные. Женщины плакали. Маленькая девочка сидела в луже, измученная и испуганная», — вспоминала позже Юкио, жена дипломата.

Но по тогдашним законам и соглашениям с Германией, беженцев обязаны были вскоре депортировать обратно. Их могли спасти дипломаты, выдав транзитные визы через СССР от своих правительств. Однако, «цивилизованные» европейцы и американцы предпочли пойти на тайный сговор и виз никому не давать, лишь бы СССР выглядел плохо в глазах мировой общественности. Аналогичный приказ своему консулу передало и правительство Японии.

Но Тиуне Цугахире был христианином и поступил вопреки подобному распоряжению. Он говорил близким и коллегам: «Если я повернусь спиной к тем, кто нуждается в моей помощи, я предаю свои убеждения, как христианин».

Хотя решение нарушить приказ начальства далось человеку, воспитанному в традициях жесткой иерархии, очень нелегко, он стал выписывать сотни и тысячи транзитных виз для еврейских семей.

Весь август 1940 года Сугихара провел за письменным столом. Официальные бланки виз быстро закончились, и он был вынужден чертить их от руки, что только увеличивало нагрузку. Авторучки ломались в пальцах. Чтобы выполнить норму в 300 виз в день, консулу приходилось работать с восьми утра до поздней ночи. Когда консульство закрыли, он продолжил выписывать транзитные документы в своем гостиничном номере. А когда дипломату предписали уезжать из Литвы, последние чистые листы с печатями он бросал уже из окна поезда, на котором уезжал из Литвы. Всего Цугахире успел выписать 2139 виз.

Из Каунаса строптивый дипломат был отправлен в Прагу, потом в Кенигсберг, а в конце концов оказался в Бухаресте, где его арестовало советское командование.

Полтора года бывший консул и его семья провели в лагере для дипломатических работников в Румынии. На родину Тиунэ попадал лишь в 1947-м. Капитулировавшей Японией в это время управляли власти США. Стране было запрещено иметь собственную армию, и дипломатические представители ей были больше не нужны. В итоге Цугахире был уволен «по сокращению штатов».

⁵⁴ Жолнеры или жалонеры (польск. żołnierz «солдат») — нижние чины, носящие жалонерные (жолнерные) значки (маленькие флаги) и высылаемые заранее для обозначения места своим частям в линии построения войск; в дореволюционной русской армии жолнерные значки полагались в каждом батальоне (черно-оранжево-белые с номером батальона) и роте (разных цветов).

В конце жизни он перебивался случайными подработками репетитора и переводчика, работал торговцем электрическими лампочками вразнос, потом в представительстве частной торговой компании в Москве, где представлял японские швейные машинки, нейлон и болоньевые плащи. Тиунэ Цугихаре умер 31 июля 1986 года у себя дома в Фудзисаве. Соседи очень удивились, когда на похороны незаметного старика внезапно прибыл израильский посол в Японии и множество людей, пожелавших почтить его память.

Ныне Тиунэ Цугихаре удостоен государственных наград Литвы и Польши, а также звания «праведник народов мира» в Израиле. В Литве, США, в кампусе японского университета Васада, а с недавних пор и в России — в Калининграде и в московской гостинице «Украина» ему посвящены памятники. О нем сняты несколько документальных и художественных фильмов, ему посвящены клипы и песни.

Юкио Цугахире вспоминает случай, произошедшей с нею уже после смерти ее мужа: «Недавно я была в Израиле, и ко мне подошел мальчик лет пяти или шести. Он сказал, что его не было бы на свете, если бы не мой муж, спасший от смерти его деда».

Сегодня около 50 000 человек — каунасских беженцев и их потомков — обязаны своей жизнью Цугихаре, в течение месяца выдававшему пропуски в жизнь своими чернилами и печатью.

Тиунэ Цугихаре входит в десятку самых известных японцев в мире и, по некоторым неподтвержденным сведениям, почитается как местночтимый святой в Японской Православной Церкви, в лике праведных⁵⁵.

⁵⁵ https://dzen.ru/media/andrey_segeda/portetnaia-galereia-iaponskii-shindler-tiune-cugahire-5e845e11b6ea591e73e4edc9. Дата посещения 7 апреля 2020 года.

Contents

Non-Capital Russia

Dmitry Birman. Poems • 3

Prose and Poetry

Kira Grosnaya. Road Tape. *Novel* • 9

Emilian Lashin. Poems • 128

Andrey Makarov. Namaste. Hush, Hush... *Stories from the Series „Golden Squama“* • 132

Maxim Valyukh. Poems • 139

Year of the Family

Vyacheslav Usov. Seven Off-Road Paths. *Family Chronicle* • 143

Journalistic Writings

Alexey Mashevsky. So Is the History Over? • 204

Criticism and Essays

Konstantin Frumkin. Space—Time—Death: Metaphysics of Joseph Brodsky • 211

St. Petersburg Bookman

Territory of Memory. *To the 50th Anniversary of Boris Ryzhy. Dmitry Kolesnikov.*
The living poems by Boris Ryzhy. **Book Island.** *E. Zinovieva's Publication* • 228

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Harbin — „Russian Kitez“ *. Part 16* • 239

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-72-50
E-mail: nevaredaction@mail.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>
Сайт «Невы»: <http://nevajournal.ru>, <https://neva-journal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте
издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>, <https://neva-journal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 25.06.2023. Подписано в печать 23.07.2024.
Выход в свет 06.08.2024. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 42

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Тел. (812) 207-58-43